

Н.А. НЕКРАСОВ

СОЧИНЕНИЯ

14

КНИГА I

Ник. Некрасов

Н. А. НЕКРАСОВ.
Фотография. 1861 г. ИРЛИ.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Н. А. НЕКРАСОВ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ

В ПЯТНАДЦАТИ ТОМАХ

—*—

КРИТИКА
ПУБЛИЦИСТИКА
ПИСЬМА

ТОМА 11—15

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ — «НАУКА»

1998

Н. А. НЕКРАСОВ

ТОМ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

КНИГА ПЕРВАЯ

ПИСЬМА
1840—1855

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ — «НАУКА»

1998

УДК 82/89; 882
ББК 84 PI
Н 48

Исследование проведено при финансовой поддержке Российского гуманитарного фонда (РГНФ) проект 96-04-06172

Подписное

ISBN 5-02-028390-8 (т. 14, кн. 1)
ISBN 5-02-027944-7

ЭПИСТОЛЯРНАЯ ПРОЗА НЕКРАСОВА

1

Практика подготовки академического полного собрания сочинений писателя-классика предполагает включение свода всех сохранившихся его писем, обычно завершающего издание. При этом эпистолярные документы располагаются в хронологической последовательности (в ряде случаев предположительной), когда в одном ряду оказываются весьма разнородные тексты: письма, тематически и стилистически приближающиеся к художественным произведениям, предваряющие их или соотносящиеся с ними; письма, адресованные избранному кругу лиц, предполагающие перечитывание, обсуждение, становящиеся фактом литературной жизни, хотя и не предназначенные для печати;[1] письма, в которых говорится об отношениях с близкими людьми, тех или иных событиях личной жизни, содержащие интимные признания; наконец, письменные распоряжения, просьбы бытового характера — вплоть до визитных карточек с приписками-приглашениями.

Документы личного характера могут оказаться полезными для биографов писателя и историков

[1] О русской эпистолярной культуре и приближении писательского письма к литературному творчеству см., в частности: *Тынянов Ю. Н.* Литературный факт. — В кн.: Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977, с. 265—266; *Степанов Н. Л.* Дружеское письмо начала XIX века. — В кн.: Степанов Н. Л. Поэты и прозаики. М., 1966, с. 66—90; *Тодд III. У. М.* Дружеское письмо как литературный жанр в пушкинскую эпоху. СПб., 1994; *Алексеев М. П.* Письма И. С. Тургенева. — В кн.: Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти т. Письма в 18-ти т. 2-е изд., испр. и доп. Т. I. М., 1982, с. 9—14.

культуры, однако особую ценность представляют, естественно, те письма, где речь идет об эстетических и общественных позициях, творческих и мировоззренческих исканиях. Возможность появления писем с высокой концентрацией мысли и чувства зависит прежде всего от адресатов, на понимание и сочувствие которых вправе рассчитывать пишущий.

Среди дошедших до нас писем Некрасова относительно невелико количество тех, в которых он, обычно сдержанный и немногословный, позволял себе говорить о собственном душевном состоянии, о том, что было дорого и ценно для него, творческих проблемах, сомнениях и колебаниях. Писем Некрасова — редактора, журналиста, издателя, организатора значительно больше, чем писем Некрасова-поэта. Многое безвозвратно утрачено, в сохранившихся документах духовная эволюция автора нашла лишь частичное, фрагментарное отражение.

Самое раннее из известных писем Некрасова — письмо от 9 ноября 1840 г. (п. 1) — стоит особняком: во-первых, это единственное сохранившееся письмо старшей сестре Елизавете, духовно близкому человеку, о ранней смерти которой (в 1842 г.) Некрасов писал как о событии, «чуть не убившем» его (см. п. 10); во-вторых, это единственное письмо Некрасова — юного поэта-романтика, страдающего от одиночества, упрекающего себя в увлечении «пустою суетностью», — письмо-исповедь, в котором риторика приглушает живое чувство, а проза перемежается стихами.

Затем, по мере того как литературная работа становится профессией и основным источником средств существования, литературность формы становится неприемлемой в письмах к близким: риторичность представляется уже несовместимой с искренностью, доверительностью. Из немногих сохранившихся писем начала 1840-х годов только в письмах к сестре Анне Некрасов позволяет себе писать о личном — тяготах повседневного труда («несмотря на болезнь, я принуждаю себя к работе» — п. 10), неприязненном отношении к отцу, которого он обвиняет в эгоистическом равнодушии к детям (п. 10, 15), отвечает с некоторым вызовом на упреки тех, кто готов его осудить за отказ от чиновничьей карьеры («Отечество наше

велико и обильно, и чиновников в нем без меня очень много. Скажут, что я до сей поры *безумствую*, потому что у меня нет никакого чина, — да что кому до этого за дело?..» — п. 15).

С начала 1840-х годов, когда началась работа под руководством Ф. А. Кони в «Литературной газете» и «Пантеоне русского и всех европейских театров», в письмах Некрасова все большее место занимают литературно-организационные вопросы: составление очередных номеров газеты, журнала, альманаха, отношения с авторами и издателями. Письма 1841 г. к Ф. А. Кони — это отчеты о выполненной работе (компоновка очередных номеров, чтение корректур, написание обзоров новостей и т. п.), просьбы о присылке денег («мне ужасно нужны деньги» — п. 3), оправдания в ответ на высказанные упреки (п. 4).

С 1845 г., когда Некрасов становится издателем нескольких имевших успех литературных альманахов («Физиология Петербурга», «Первое апреля», «Петербургский сборник»), а затем (с конца 1846 г.) руководителем «Современника», его письма, адресованные деловым партнерам, сотрудникам, приглашаемым участникам, обычно сдержанны, конкретны: это письма организатора, несущего ответственность за свое предприятие, сознающего его общественную значимость, преодолевающего многочисленные препятствия на пути реализации замысла (материальные и цензурные), настаивающего на исполнении другими взятых ими на себя обязательств (в частности, соблюдении сроков исполнения работы) и т. д. В такого рода переписке часто не оставалось времени для чего бы то ни было, не имеющего непосредственного отношения к делу. Так, оправдываясь перед Тургеневым (находившимся в Париже) за продолжительное молчание, Некрасов писал ему 9 января 1850 г.: «...честью Вас уверяю, что я, чтоб составить 1-ю книжку, прочел до 800 писаных листов разных статей, прочел 60-т корректурных листов (из коих пошло в дело только 35-ть), два раза переделывал один роман (не мой), раз в рукописи и другой раз уже в наборе, переделывал еще несколько статей в корректурах, наконец, написал полсотни писем, был каждый день, кроме лихорадки, болен еще злостью, разлитием желчи и проч.» (п. 110).

2

Лишь иногда и по отношению к немногим духовно близким людям Некрасов решался быть вполне откровенным, говоря о себе. Это прежде всего Тургенев и В. П. Боткин. Обращения на «ты» появляются у Некрасова в письмах Тургеневу с 1852 г., Боткину — с 1853 г. Потрясенный известием о смерти Т. Н. Грановского, Некрасов писал Боткину 8 октября 1855 г.: «В деятельности писателя не последнюю роль играет так называемое духовное сродство, которое существует между людьми, служащими одному делу, одним убеждениям. Иногда у изнемогающего духом писателя, в минуты сомнения, борьбы с соблазном, в самых муках творчества встает в душе вопрос: да стоит ли мне истязать себя? Если и добьюсь чего-нибудь путного, кто оценит мой труд? Кто поймет, чего мне это стоило? Кто будет ему сочувствовать?

Так, по крайней мере, бывало со мной. Смешно приводить в пример себя, но я пишу, чтоб проверить мое чувство чувством другого. И в эти минуты к кому с любовью, с верой обращалась мысль моя? К тебе, к Тургеневу, к Грановскому» (п. 232).

О том же писал и Боткин Некрасову: «...в наших душах лежит одинаковое чувство искусства, — помимо всяких дружеских отношений и взаимных влияний личности. А это случается редко ⟨...⟩ Чувство искусства глубоко связано со всеми нашими самыми существенными чувствами; это эссенция всех наших задушевных инстинктов, верований и понятий, это цвет и запах всей натуры человека. Вот почему я так рад одинаковости моего впечатления с твоим» (19 сентября 1855 г.); «Житье с тобою избаловало меня. Этот постоянный обмен всего, что проходит по душе, эта угадка всякой, еще не сформировавшейся мысли, всякого чувства, не находящего себе выражения, — ах, какое это счастье!» (27 ноября 1855 г).[2] Годом позже, 25 ноября (7 декабря) 1856 г., Некрасов писал Тургеневу о Боткине: «Никто не умеет быть так неумолимо умен, как он, когда захочет, т. е. когда найдет на него охота говорить правду» (п. 275).

---

[2] Переписка Н. А. Некрасова: В 2-х т. Т. 1. М., 1987, с. 197, 211.

«Духовное сродство» для Некрасова означало не столько мировоззренческую, идейную близость, сколько способность и готовность понимания личности другого человека, его индивидуального склада, в котором могут оказаться взаимообусловленными самые противоречивые черты. «Узнав тебя, я так полюбил, что в моем сердце ничего, кроме самого нежного чувства, не может никогда быть к тебе, — обращался Некрасов к Боткину. — Ты и Тургенев еще и тем мне милы и дороги, что только вы знаете меня и умели понять, что во мне было всегда два человека — один официальный, вечно бьющийся с жизнью и ее темными силами, а другой такой, каким создала меня природа. Этого-то второго человека, я убежден, ты любишь во мне и ценишь, и за то тебе спасибо» (п. 268). Предполагая послать Тургеневу на отзыв свое новое произведение (поэму «Несчастные»), Некрасов писал ему 25 ноября (7 декабря) 1856 г.: «Я — ты не откажешь мне в этом — дошел в отношении к тебе до той высоты любви и веры, что говаривал тебе самую задушевную мою правду о тебе. Заплати мне тем же. Пусть не стоит перед тобой призраком моя нетерпимость и раздражительность, которую я иногда обнаруживал при твоих замечаниях. Правда, я не легко отказываюсь от того, что признавал истинным и хорошим, но это не от слепоты самолюбия — дельное слово гвоздем забивается в мою голову, — но мне надо убедиться, чтоб отказаться от своего» (п. 275). И позднее: «Милый Тургенев, право, я тебя очень люблю — в счастливые мои минуты особенно убеждаюсь в этом» (п. 288). Только Тургеневу можно было писать о собственных мучительных сомнениях и попытках обрести душевное равновесие: «Жить для себя не всякий день хочется и стоит (с какой-то ноги встанешь с постели) — тогда приходит вопрос: зачем же жить? Поживем для того, чтоб хоть когда-нибудь кому-нибудь было полегче жить, — отвечает какой-то голос, очень самолюбивый голос! Но когда он молчит, когда нет этой веры, тогда плюешь на все, начиная с самого себя. Ах, милый мой Тургенев, как мне понравились твои слова: „Наше последнее слово еще не сказано" — не за веру, которая в них заключается и которая может обмануть, а за готовность жить для других. С этой готовностью, конечно, сделаешь что-нибудь» (п. 274).

Однако откровенность, даже в обращении к самым близким людям, давалась Некрасову нелегко, и особенно в тех случаях, когда хотелось высказать в полной мере свое восхищение талантом. Так, Некрасов признавался Тургеневу: «Для меня лучшее доказательство, что я тебя люблю, заключается в том, что я почти вовсе лишен способности хвалить тебе в глаза твои сочинения и очень наклонен умалять перед тобой их цену в надежде поджечь тебя на что-нибудь лучшее. Это так. Всякий любит по-своему» (п. 213); «Русский характер, или мой лично, странно устроен, — когда твоя всегда милая для меня личность со всем своим влиянием на идущее сменить нас поколение стоит передо мной (а это часто бывает), кажется, сказал бы тебе много, а станешь говорить или писать — того гляди, слетит с языка злостная закорючка, а доброе слово мрет на языке или зачеркивается» (п. 276). Оказывалось, что откровенность в большей степени возможна в стихах и критических статьях, чем в личном общении: «...ты поэт более, чем все русские писатели после Пушкина, взятые вместе, — вдруг, словно спохватившись, пишет Некрасов Тургеневу во втором постскриптуме к письму от 26 марта (27 апреля) 1856 г. — И ты один из новых владеешь формой — другие дают читателю сырой материал, где надо уметь брать поэзию. Написал бы тебе об этом больше, но опять проклятая мысль — не принял бы ты этого за пустую любезность! ⟨...⟩ Нет, просто мне надо написать статью о твоих повестях, — тогда я буду свободнее — я буду писать не для тебя, а для публики, и, может быть, скажу что-нибудь, что тебе раскроет самого себя как писателя: это самое важное дело критики, да где мастер на него?» (п. 292).

3

Третьим человеком, в переписке с которым Некрасов мог высказывать сокровеннейшие свои мысли, оказался Л. Н. Толстой, отношения с которым складывались нелегко. Молодой писатель восхищает его своим талантом и в то же время возмущает эпатирующей односторонностью суждений, резкостью и нетерпимостью. «Что это за милый человек, а уж какой

умница! ⟨...⟩ Милый, энергический, благородный юноша — сокол!.. а может быть, и — орел. Он показался мне выше своих писаний, а уж и они хороши. ⟨...⟩ Мне он очень полюбился» (п. 236); «...какую ⟨...⟩ чушь нес он у меня вчера за обедом! Черт знает, что у него в голове! Он говорит много тупоумного и даже гадкого. Жаль, если эти следы барского и офицерского влияния не переменятся в нем. Пропадет отличный талант!» (п. 243); «Милый Толстой! Как журналист, я ему обязан в последнее время самыми приятными минутами, да и человек он хороший, а блажь уходится» (п. 252); «Что сказать о Толстом, право не знаю. Прежде всего он самолюбив и неспособен иметь убеждение — упрямство не замена самостоятельности; потом ему еще хочется играть роль повыше своей ⟨...⟩ Какого *нового* направления он хочет? Есть ли другое — живое и честное, кроме обличения и протеста?» (п. 278). В отношениях с Толстым Некрасов чувствует себя старшим, более опытным, более зрелым, способным поддержать и направить. Борясь за Толстого как за сотрудника «Современника», художника и личность, он стремится во что бы то ни стало преодолеть барьер отчуждения и решается отбросить дипломатическую осторожность суждений. Некрасов говорит Толстому о своем восхищении им и вере в него, но и предостерегает его об опасностях: «Я не знаю писателя теперь, который бы так заставлял любить себя и так горячо себе сочувствовать, как тот, к которому пишу, и боюсь одного, чтобы время и гадость действительности, глухота и немота окружающего не сделали с Вами того, что с большою частью из нас: не убили в Вас энергии, без которой нет писателя, по крайней мере такого, какие теперь нужны России ⟨...⟩ Вы начинаете так, что заставляете самых осмотрительных людей заноситься в надеждах очень далеко» (п. 222); «На мои глаза, в Вас происходит та душевная ломка, которую в свою очередь пережил всякий сильный человек, и Вы отличаетесь только — к выгоде или невыгоде — отсутствием скрытности и пугливости. Признаюсь, я лично люблю такие характеры, и для меня самая дикая крайность, самое безобразное упорство (в данную минуту) лучше апатического „как угодно" или трусливого „сам не знаю" ⟨...⟩ Я не шутил и не лгал, когда говорил

когда-то, что люблю Вас, а второе: я люблю еще в Вас великую надежду русской литературы, для которой Вы уже многое сделали и для которой еще более сделаете, когда поймете, что в нашем отечестве роль писателя — есть прежде всего роль учителя и, по возможности, заступника за безгласных и приниженных» (п. 269).

Не боясь быть непонятым, заподозренным в фальши, Некрасов отвечает Толстому 31 марта (1 апреля) 1857 г. на полученное с опозданием в полгода письмо и развивает перед ним намеченную ранее в письме Тургеневу (п. 274) важнейшую для себя самого мысль о спасительном обретении смысла жизни в сближении с людьми, деятельной любви — может быть, чувствуя, что эта нравственная позиция органически близка Толстому: «...прежде всего выговариваю себе право, может быть, иногда на рутинный и даже фальшивый звук, на фразу, то есть буду говорить без оглядки, как только и возможно говорить искренно. Не напишешь, ни за что не напишешь правды, как только начнешь взвешивать слова: советую и Вам давать себе эту свободу, когда Вам вздумается показать свою правду другому. Что за нужда, что другой ее поймает — то есть фразу, — лишь бы она сказалась искренно — этим-то путем и скажется ему та доля правды, которую мы щепетильно припрятываем и без которой остальное является в другом свете ⟨...⟩ перехожу прямо к Вашему желанию, высказанному в письме, „чтоб наша переписка сделала нас серьезно друзьями". И я этого хочу всем сердцем ⟨...⟩ Для меня человек, о котором я думаю, что он меня любит, — теперь всё в нем моя радость и моя нравственная поддержка. Мысль, что заболит другое сердце, может меня остановить от безумного или жестокого поступка — я это говорю по опыту; мысль, что есть другая душа, которая поскорбит или порадуется за меня, наполняет мое сердце тихой отрадой, — может быть, от равнодушия к жизни, но, верите ли? я чувствую, что для такой души я не в состоянии пожалеть своей, и одна мысль о возможности этого подвига наполняет меня таким наслаждением, какого ничто в жизни уже мне не может дать». И здесь, поднявшись до почти немыслимой для себя степени искренности, Некрасов прерывает письмо, не без ко-

лебаний решается перечесть его на следующий день, сухо резюмирует: «Результат предыдущего тот, что дружба, как всякое счастие, дается нелегко. Однако позволительно и должно искать этого, как всякого другого законного счастья. Теперь я совсем в другом настроении — продолжать начатого не могу», — и с горечью замечает: «Рутина лицемерия и рутина иронии губят в нас простоту и искренность. Вам, верно, случалось, говоря или пиша, беспрестанно думать: не смеется ли слушатель? Так что ж? Надо давать пинка этой мысли каждый раз, как она явится. Всё это мелочное самолюбие. Ну, если и посмеются, если даже заподозрят в лицемерии, в фразе — экая беда! Мы создаем себе какой-то призрак — страшилище, который безотчетно мешает нам быть самими собою, убивает нашу моральную свободу» (п. 293). Получив ответное письмо и убедившись во внимании и сочувствии Толстого, Некрасов продолжает начатое месяцем раньше, почти исповедуясь перед ним: «Хандра и грусть у человека в Вашем положении, мне кажется, может быть только, когда у него нет цели в жизни. Ближайшая цель, труд, у Вас есть, но цель труда? Хорошо ли, искренно ли, сердечно ли (а не умозрительно только, не головою) убеждены Вы, что цель и смысл жизни — любовь? (в широком смысле). Без нее нет ключа ни к собственному существованию, ни к сущ⟨ествованию⟩ других, и ею только объясняется, что самоубийства не сделались ежедневным явлением. По мере того как живешь — умнеешь, светлеешь и охлаждаешься, мысль о бесцельности жизни начинает томить, тут делаешь посылку к другим — и они, вероятно (т. е. люди в настоящем смысле), чувствуют то же — жаль становится их — и вот является любовь. Человек брошен в жизнь загадкой для самого себя, каждый день его приближает к уничтожению — страшного и обидного в этом много! На этом одном можно с ума сойти. Но вот Вы замечаете, что другому (или другим) нужны Вы — и жизнь вдруг получает смысл, и человек уже не чувствует той сиротливости, обидной своей ненужности, и так круговая порука ⟨...⟩ Человек создан быть опорой другому, потому что ему самому нужна опора. Рассматривайте себя как единицу — и Вы придете в отчаяние. Вот основание хандры в порядочном человеке — думайте, что и с

другими происходит то же самое, и спешите им на помощь». Высказанное было прежде всего исповедью, а не поучением или советом, потому что далее Некрасов писал о мучительности собственного душевного состояния: «Гоню дурные мысли и попеременно чувствую себя то хорошим человеком, то очень дрянным. В первом состоянии мне легко — я стою выше тех обид жизни, тех кровных уязвлений, которым подверглось мое самолюбие, охотно и искренно прощаю, кротко мирюсь с мыслью о невозможности личного счастья; во втором я мученик, и мученик, недостойный сожаления, начиная с моего собственного; от мелкой раздражительности до готовности воткнуть нож в свое или другое чье-нибудь горло — я всё переживаю. Легко сказать — зачем же это? Хуже всего человеку, когда у него нет сил ни подняться, ни совершенно упасть! Я, кажется, в этом положении, но злость приходит все реже, реже — если в ней нет законности, она уляжется, но — но мне надо сделаться очень, очень хорошим человеком, чтоб многое в прошедшем меня не замучило или не привело к чему-нибудь дикому. Делать ничего не могу, нет спокойствия и душевной свободы» (п. 295). Чрезвычайно личные, доверительные письма Некрасова Боткину, Тургеневу и Толстому середины 1850-х гг. (особенно написанные в период относительной свободы и досуга заграничного путешествия 1856—1857 гг.) временами поднимались до уровня психологической художественной прозы. Однако в конце 1850-х годов вместе с усложнением и напряжением личных отношений эта насыщенная мыслями и чувствами переписка начинает постепенно ослабевать, и к 1861 г. окончательно прерывается. Идейные разногласия приводят к разрыву личных отношений.

4

Некрасовым был избран последовательно демократический курс «Современника», выразителями позиции журнала (и общественной, и эстетической) становятся Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов, что означало разрыв с ближайшими друзьями — крупнейшими русскими писателями. В письме Тургеневу

от 15 января 1861 г., оказавшемся прощальным, Некрасов подтверждал бесповоротность своего выбора: «...поставь себя на мое место, ты увидишь, что с такими людьми, как Черн⟨ышевский⟩ и Добр⟨олюбов⟩ (людьми честными и самостоятельными, что бы ты ни думал и как бы сами они иногда ни промахивались), — сам бы ты так же действовал, т. е. давал бы им свободу высказываться на их собственный страх». И все же в этом письме присутствует смутная надежда на то, что дружба может оказаться сильнее разногласий и обид: «Я никогда ничего не имел против тебя, не имею и не могу иметь, разве припомнить то, что некогда любовь моя к тебе доходила до того, что я злился и был с тобою груб. Это было очень давно, и ты, кажется, понял это. Не могу думать, чтоб ты сердился *на меня* за то, что в „Современ⟨нике⟩" появлялись вещи, которые могли тебе не нравиться ⟨...⟩ уверен, что тебя не развели бы с „Соврем⟨енником⟩" и вещи более резкие *о тебе собственно* ⟨...⟩ ты мог рассердиться за приятелей и, может быть, иногда за принцип ⟨...⟩ я хочу некоторого света относительно самого себя ⟨...⟩ это письмо вынуждено неотступностью мысли о тебе. Это тебя насмешит, но ты мне в последнее время несколько ночей снился во сне» (п. 386).

Сохранившиеся письма Некрасова к Добролюбову свидетельствуют о том, что между ними существовали отношения не только тесного делового сотрудничества и идейной близости, но и личной доверительности (см., например, письма от 18 июля 1860 г. и 1 января 1861 г., написанные Некрасовым в период заграничной поездки Добролюбова, — п. 398 и 412). Вскоре, однако, и эти отношения обрываются: в ноябре 1861 г. Добролюбов умирает. В июле 1862 г. арестован Чернышевский. Утраченные связи оказываются невосполнимыми. Тоска одиночества и боль утраты отразились в стихах (среди них, в частности, «...одинокий, потерянный...» (1860), «Скоро стану добычею тленья..» (1876)). Продолжающаяся со множеством лиц переписка носит по преимуществу деловой и бытовой характер.

Из всех адресатов Некрасова одно из первых мест по количеству сохранившихся эпистолярных единиц (около двух сотен) занимают записки и письма к

В. М. Лазаревскому — влиятельному чиновнику, члену Совета Главного управления по делам печати. Писались они на протяжении шести лет (с осени 1868 г. по осень 1874 г.) и были в основной массе бережно сохранены адресатом. Некрасова и Лазаревского сближала прежде всего страсть к охоте, хотя у Некрасова-журналиста было несомненно немало оснований дорожить этим полезным для дела знакомством. Наиболее близкими эти отношения были, по-видимому, в 1869 г., когда Некрасов обращался к Лазаревскому: «многолюбимый друг», «глубокочтимый и любимый друг», «многочтимый и крепко любимый», — неизменно, впрочем, обращаясь «на Вы». В сущности это не дружба, а приятельство, неоднократно омрачавшееся то бытовыми конфликтами (споры из-за совместного использования охотничьих угодий), то, по-видимому, идейными разногласиями (август—сентябрь 1871 г., январь 1874 г. и, наконец, сентябрь 1874 г., когда разрыв стал неизбежным). Но тем не менее именно в письме Лазаревскому от 29 июля (10 августа) 1869 г. из Дьепа у Некрасова, обрадованного улучшением здоровья после отдыха на море, вырвалось признание: «...я о себе был всегда такого мнения, что всё могу выдержать. Из сего можете усмотреть, как мало было у человека самолюбия, но надо быть самоуверенным до тупости, иначе ничего на этом свете не сделаешь. Я это сознаю теперь, когда начинаю терять это милое качество. Жаль, что нет у меня детей, я бы их так воспитал, что не испугались бы никакой стихии! Гордость и самоуверенность даже при глупости ничего, а при уме это прибавка трех четвертей силы. Русские люди до нищеты бедны этими качествами». Восстановление физических и душевных сил, по-видимому, способствовало откровенности, потому что через две недели, 13 (25) августа 1869 г., Некрасов писал о себе и сестре Анне: «Человеку не легче, что он иногда сам себе создает беду и сознает свою глупость, — я отчасти находился в таком положении, а теперь, кажется, отошло или понемногу отходит. Я привык заставлять себя поступать по разуму, очень люблю свободу — всякую и в том числе сердечную, да горе в том, что по натуре я злосчастный *Сердечкин*. Прежде всё сходило с рук (и с сердца) как-то легче, а теперь трудновато приходит-

ся иной раз. Пора иная, старость подходит, надо брать предосторожности даже против самого себя, а то, пожалуй, так завязнешь, что не выскочишь».

В последнее десятилетие жизни самыми близкими для Некрасова людьми (состоявшими с ним в переписке) оставались сестра А. А. Буткевич и ее гражданский муж А. Н. Ераков. К Еракову Некрасов обращался (в письме от 10 августа 1874 г.) так: «Милый мой и единственный друг Александр Николаевич». Удрученный неприязнью сестры к Ф. А. Викторовой (Зине), он писал А. А. Буткевич 30 октября 1874 г.: «Моя усталая и больная голова привыкла на тебе, на тебе единственно во всем мире, останавливаться с мыслью о бескорыстном участии, и я желаю сохранить это за собой на остаток жизни».

5

Собственно поэзия в известных нам письмах Некрасова — одного из крупнейших русских поэтов — занимает относительно небольшое место. Редки высказывания о собственных произведениях. Чаще всего это краткие сообщения, как например в письме Боткину от 26 марта 1856 г.: «В последнее время я написал еще несколько стихотворений — и много отрывков из поэмы (самая поэма еще не написана). Всё это, кажется, недурно» (п. 247). Значительно реже — осторожная предварительная оценка в надежде на откровенный отзыв близкого человека. Таково, в частности, упоминание о работе над новой поэмой («Несчастные») в письмах Тургеневу от 25 ноября (7 декабря) и 6 (18) декабря 1856 г.: «Скажи мне, пожалуйста, правду. Это для меня важно 〈...〉 хочу знать, надо ли и стоит ли продолжать?»; «Не знаю, буду ли в состоянии кончить работу, в которую думал вылить всю мою душу 〈...〉 Признаюсь, она (поэма. — *Ред.*) мне нравится» (п. 275, 277). Иногда это попутные пояснения собственного замысла, данные в связи с возникшими цензурными препятствиями, как например суждения о героях поэм «Несчастные» и «Дедушка» в письме В. М. Лазаревскому от 9—10 апреля 1872 г.

Стихотворные включения в текстах писем также нечасты. Это сообщение новых стихотворений, пред-

полагаемых к печати (см. п. 167, 212, 257, 263, 311), в том числе завершенные произведения, звучащие в письме как личное обращение к конкретному адресату («Возвращение» («И здесь душа унынием объята...») в письме В. А. Панаеву в середине августа 1864 г.; «Не рыдай так безумно над ним...» в письме М. А. Маркович от 7 августа 1868 г.), поэтические послания, являющиеся завершенными произведениями («М. Е. С⟨алтыкову⟩ (*При отъезде его за границу*)» в письме П. В. Анненкову от 27 апреля 1875 г.), не предназначенные для печати экспромты узколичного характера (стихи на отъезд Е. О. Лихачевой в Швейцарию «Уезжая в страну равноправную...» в письме А. Н. Еракову от 25 июня (7 июля) 1873 г.) или по своей экспрессии выходящие за пределы возможного в печати («Наконец из Кенигсберга...» в письме к М. Н. Лонгинову от 1 июля 1857 г., стихотворная брань в адрес цензора В. Я. Фукса в письме В. М. Лазаревскому от 5—6 (17—18) июля 1875 г.). Наконец, изредка появляются стихи, тесно связанные с текстом данного письма.

После раннего «романтического» послания сестре Елизавете 9 ноября 1840 г. стихотворное выражение собственных чувств в письмах Некрасова встречается очень редко: вероятно, в «литературности» ему виделась опасность фальши, в которой мог бы заподозрить его адресат. Но иногда все же оказывалось, что в письме близкому человеку чувство могло быть выражено точнее всего именно стихом. Так, в конце письма Тургеневу от 6 октября 1854 г. Некрасов иронически замечает о риторических штампах: «Что еще сказать тебе? За этою фразою обыкновенно в письмах следует что-нибудь более или менее нежное — интимное — и я не отстану», — затем рассказывает о приключившемся с ним анекдотическом происшествии интимного свойства, и лишь затем следует горькое признание, переходящее в стихи: «Добрый годик вышел мне нынче, как бы черт его скорее взял! Боюсь, что он меня дорежет, а впрочем, всё вздор:

> Ничего! гони во все лопатки,
> Труден путь, да легок конь,
> Дожигай последние остатки
> Жизни, брошенной в огонь!»

(п. 195). Или появляются вдруг в письме Тургеневу от 9 (21)—17(29) октября 1856 г. отдельные стихотворные строки — не то цитаты из незавершенного произведения, не то отдельные стихи, вокруг которых могла бы начаться кристаллизация поэтического замысла: «Рим мне тем больше нравится, чем более живу в нем — и я твержу про себя припев к несуществующей песенке:

Зачем я не попал сюда
Здоровей и моложе?

⟨...⟩ Зачем я сюда приехал?

Чтоб больше жизни стало жаль...

По наклонности к хандре и романтизму иногда раздражаюсь здесь от бесчисленных памятников человеческого безумия, которые вижу на каждом шагу. Тысячи тысяч раз поруганная, распятая добродетель (или найди лучшее слово) и тысячи тысяч раз увенчанное зло — плохая порука, чтоб человек поумнел в будущем» (п. 274).

И значительно позднее в письме к брату Федору от 26 февраля 1873 г. замечает: «...дела идут недурно, и кабы лет десяток с костей долой, так я, пожалуй, сказал бы, что доволен. Да ничего не поделаешь! человек, живя, изнашивается, как платье; каждый день то по шву прореха, то пуговица потеряется.

И не много уже остается
Что возможно еще потерять...

А там и ноги протягивай, и к этой мысли надлежит приучать себя заблаговременно. Эх! с ноября пошло мне на шестой десяток!»

6

Значительный интерес представляют содержащиеся в письмах Некрасова суждения о литературном творчестве, оценки тех или иных авторов и их произведений, замечания о реакции публики на литературные новинки и цензурных препятствиях. Емкие и точные характеристики присутствуют прежде всего в

письмах к духовно близким людям, единомышленникам. Например, в письме Тургеневу от 30 июня— 1 июля 1855 г: «Перечел всего Жуковского ⟨...⟩ нельзя не заметить, что многие послания и некоторые Лицейские Годовщины Пушкина вышли прямо из посланий Жуковского; Пушкин брал у него — иную мысль, мотив и даже иногда выражение!» (п. 212). Тургеневу о Гоголе: «Больно подумать, что частные уродливости этого характера для многих служат помехою оценить этого человека, который писал не то, что могло бы более нравиться, и даже не то, что было легче для его таланта, а добивался писать то, что считал полезнейшим для своего отечества. И погиб в этой борьбе, и талант, положим, свой во многом изнасиловал, но каково самоотвержение! ⟨...⟩ это благородная и в русском мире самая гуманная личность — надо желать, чтоб по стопам его шли молодые писатели в России. А молодые-то наши писатели более наклонны идти по стопам Авдеева. Грустно!» (п. 217). Боткину о Тургеневе в связи с его работой над романом «Рудин»: «...это человек, способный дать нам идеалы, насколько они возможны в русской жизни» (п. 236).

В отношении одного и того же литератора позитивные оценки могут чередоваться с негативными, что вызвано не переменчивостью Некрасова, а непрерывным развитием и углублением мысли. Несомненно хорошее в одном отношении может оказаться недостаточным в другом. Так, Некрасов высоко оценивает статьи А. В. Дружинина о Пушкине, опубликованные в «Библиотеке для чтения», и пишет ему 6 августа 1855 г.: «Они достойны человека, о котором писаны ⟨...⟩ В них виден не только знаток и мастер дела, но и благородно мыслящий человек — качество столь редкое в теперешних авторах, т. е. в их писаниях» (п. 216). И месяцем позднее, 16 сентября 1855 г., пишет Боткину в связи с негативной оценкой Дружининым «молодого литературного направления», следующего за Гоголем: «...Друж⟨инин⟩ просто врет и врет безнадежно ⟨...⟩ Дарования всегда разделялись и будут разделяться на два рода: одни колоссы, рисующие человека так, что рисунок делается понятен и удивителен каждому без отношения к месту и времени (таковы Шекспир, пожалуй, отчасти наш Пушкин

и т⟨ому⟩ под⟨обные⟩), другие: которые не могут иначе понять и изображать человека, как в данной обстановке и т. д. — и как рыба может жить только в воде, так эти другие, то есть их таланты, могут проявлять жизнь, давать плод только под условиями известных качеств воздуха, которым дышат они. ⟨...⟩ Мне кажется, в этом деле верна одна только теория: люби истину бескорыстно и страстно, больше всего и, между прочим, больше самого себя, и служи ей, тогда все выйдет ладно: станешь ли служить искусству — послужишь и обществу, и наоборот, станешь служить обществу — послужишь и искусству... Эту теорию оправдали многие великие мира сего...» (п. 225). Еще более резко отзывается Некрасов о «дружининском направлении», способном «отогнать от журнала все живое в нарождающемся поколении», в письме Тургеневу от 18 (30) декабря 1856 г. (п. 278). И вместе с тем высоко оценивается редакционная работа Дружинина: «Вы молодецки повели дело ⟨...⟩ Вы можете *везти* продолжительно, ровно и притом красиво» (п. 287). Некрасов жалуется Тургеневу 27 июля 1857 г. на принципиальное невнимание Чернышевского к массовой печатной продукции: «Чернышевский малый дельный и полезный, но крайне односторонний, — что-то вроде если не ненависти, то презрения питает он к легкой литературе и успел в течение года наложить на журнал печать однообразия и односторонности. Бездна выходит книг, книжонок, новых журналов, спекулирующих на публику, — обо всем этом не говорится в журнале ни слова! Не думаю, чтоб это было хорошо. Ведь публика едва ли много поумнела со времен Бел⟨инского⟩, который умел ее учить и вразумлять по поводу пустой брошюры» (п. 311). А через несколько лет, в письме Добролюбову от 3 апреля 1861 г., Некрасов замечает о Чернышевском: «Нельзя его не любить; и вот что: репутация его растет не по дням а по часам — ход ее напоминает Белинского, только в больших размерах» (п. 418).

Представляют значительный интерес нечасто встречающиеся в письмах Некрасова суждения о литературном труде, эстетической и идейной позиции писателя. Например, 22 июля 1856 г. он пишет Толстому: «Вы говорите, что отношения к действительнос-

ти должны быть здоровые, но забываете, что здоровые отношения могут быть только к здоровой действительности. Гнусно притворяться злым, но я стал бы на колени перед человеком, который лопнул бы от искренней злости — у нас ли мало к ней поводов? И когда мы начнем больше злиться, тогда будем лучше, — т. е. больше будем любить — любить не себя, а свою родину» (п. 261). В другом письме Толстому от 5 (17) мая 1857 г. читаем: «Бывало, я был к себе неумолим и просиживал ночи за пятью строками. Из того времени я вынес убеждение, что нет такой мысли, которую человек не мог бы себя заставить выразить ясно и убедительно для другого, и всегда досадую, когда встречаю фразу „нет слов выразить" и т. п. Вздор! Слово всегда есть, да ум наш ленив, да еще вот что: надо иметь веры в ум и проницательность другого по крайней мере столько же, сколько в собственные. Недостаток этой веры иногда бессознательно мешает писателю высказываться и заставляет откидывать вещи очень глубокие, чему лень, разумеется, потворствует» (п. 295).

Некоторые из некрасовских писем представляют собой оправдательные документы. Таковы, в частности, мучительно тяжелые для Некрасова объяснения с Герценом в 1857 г. относительно задержки уплаты долга, в то время когда неприязнь Герцена к Некрасову, вызванная обстоятельствами «огаревского дела», достигала апогея (п. 301, 306, 309). Это и вызывающий ряд сомнений в своей подлинности, однако включенный в раздел «Dubia» отрывок письма к А. Я. Панаевой, в котором вновь идет речь об «ужасном деле по продаже имения Огарева» (п. 319а), и, наконец, четыре (!) наброска письма к М. Е. Салтыкову конца апреля—начала мая 1869 г., где Некрасов вновь и вновь возвращался к событиям 1846—1847 гг., уязвленный утверждением Тургенева в «Воспоминаниях о Белинском» (опубликованных в «Вестнике Европы»), что тот «был постепенно и очень искусно устранен от журнала, который был создан собственно для него». Вероятно, это письмо так и не было отправлено адресату, а потребность в исповеди осталась неудовлетворенной. Лишь незадолго до смерти, понимая, что написать воспоминания он уже не успеет, слабеющий Некрасов пытался то урывками

записывать, то понемногу диктовать рассказы о своей молодости; коснулся он и совместной работы с Белинским, но до положения критика в обновленном «Современнике» так и не дошел — возможно, хранившиеся у него наброски письма Салтыкову восполняли пробел и могли рассматриваться как уже существующий мемуарный, исповедальный текст.

Одиночество Некрасова, в котором он оказывается с начала 1860-х годов (не исключавшее, разумеется, родственных и приятельских отношений), было вызвано рядом обстоятельств: идейными разногласиями с прежними друзьями, утратами, двойственностью своего общественного положения (с одной стороны, состоятельный человек, обладавший обширными связями в верхах общества, с другой — журналист-демократ), наконец, особенностями душевного склада. 21 февраля 1874 г. поэт писал В. Р. Зотову: «...в последнее время, кроме грубых (и безапелляционных) ругательств в печати, ничего не слышу! Да и во все 34 года не много слышал я добрых слов; люди, у которых, может быть, и нашлось бы для меня доброе слово, большею частию были моими товарищами по журнальной работе, и это обрекало их на молчание обо мне...»

Однако одиночество вело не к опустошению, а к духовному сосредоточению. Самой важной формой общения оказывалась связь поэта с читателями. Правда, обратная связь могла казаться ослабленной, малоощутимой. И только в январе 1877 г., после публикации «Последних песен» в «Отечественных записках», начинается нарастающее движение писем и телеграмм от читателей со словами сочувствия и благодарности.

Незадолго до смерти, в апреле 1877 г., Некрасов обратил вдруг внимание на залежавшееся почти год и оставленное без ответа письмо сельской учительницы А. Т. Малоземовой от 19 мая 1876 г., в котором она писала о себе как о «вполне счастливом человеке», потому что отдала свою жизнь воспитанию в учениках «сознания человеческого достоинства». «Я чувствую себя нравственной силой, — писала она. — 〈...〉 Я уже стара и очень некрасива, но очень счастлива. 〈...〉 В прошлом моем много горя, но я считаю его благом — счастьем, оно выучило меня жить, и без

него я не знала бы наслаждения в жизни».[3] Поэту писала героиня его незавершенной поэмы о народном счастье. И подобно тому как двумя десятками лет ранее, весной 1857 г., получив задержавшееся в пути на полгода письмо Толстого, он поспешил ответить ему, чтобы состоялось наконец желанное духовное сближение, теперь, изнуренный болезнью, он ответил этой незнакомой, уверенной в своем счастье женщине коротким сдержанным письмом 2 апреля 1877 г. Он не умилялся рассказанным ею, не восхищался ее жизненным подвигом — он сообщал ей, что ее «счастие» «составило бы предмет продолжения» его поэмы, которой «не суждено окончиться»; он поблагодарил ее за «прелестное письмо» и пожелал, чтобы ее и учеников «миновала и далее судьба, как это, по-видимому, шло пока». И проза его вновь по концентрации мысли и чувства приблизилась к поэзии. В немногих словах было сказано очень многое. В центре внимания умирающего поэта опять оказались важнейшие для его творчества темы: выбор жизненного пути, судьба и счастье.

Странники-правдоискатели некрасовской эпопеи «Кому на Руси жить хорошо» отправляются в путь, чтобы узнать, «кому живется счастливо, вольготно на Руси», и почти сразу же, начиная с собственной округи, они начинают искать «счастливых», уделяя основное внимание своей, крестьянской среде (при этом их мало интересуют самодовольные, стремящиеся лишь к собственному благополучию люди). Однако встречаются им не те, кто достиг довольства, удовлетворенные, успокоенные, а в лучшем случае такие «счастливцы», к кому судьба однажды оказалась благосклонной, кого она в какой-то опасный (может быть, даже грозящий гибелью) момент пощадила, но чье «счастье» тем не менее может оказаться непрочным, переменчивым.[4]

---

[3] *Евгеньев В.* Николай Алексеевич Некрасов. Сборник статей и материалов. М., 1914, с. 187—189.

[4] Ср. основанное на народной речи и фольклоре толкование слова «счастье» (сближенного прежде всего со словами «рок», «судьба», «участь», «доля») в словаре В. И. Даля: во-первых, «случайность, желанная неожиданность, талант, удача, успех, спорина в деле, не по расчету» и, лишь во-вторых, «благоденствие, благополучие, земное блаженство, желанная насущная жизнь, без горя, смут, тревоги; покой и довольство» (*Даль Владимир.* Толковый словарь живого великорусского языка, т. IV. М., 1980, с. 371).

Из всех героев поэмы самый счастливый миг выпадает на долю юного Гриши Добросклонова (путь этого образа к читателю был уже прегражден цензурой), который «лет пятнадцати»

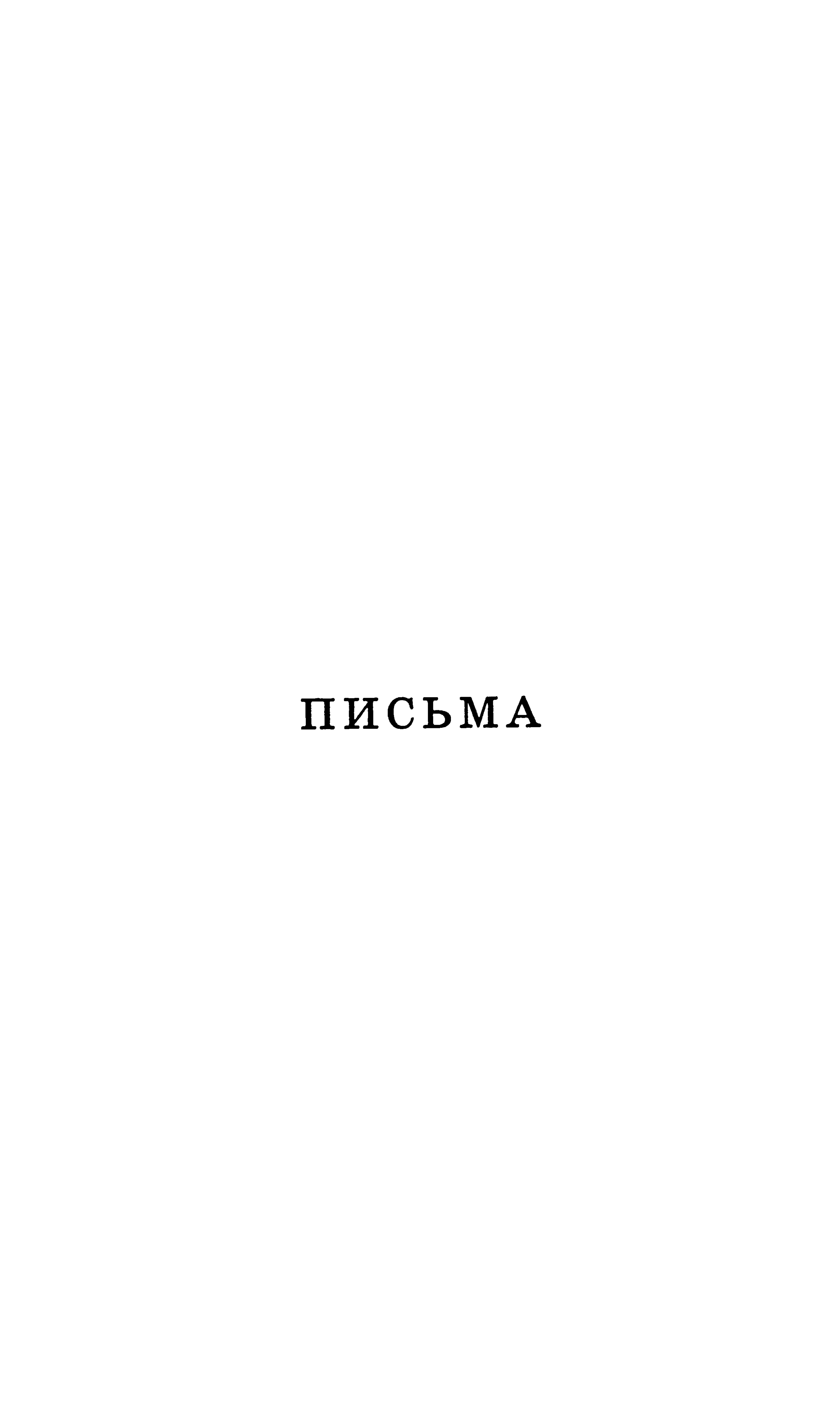
> ⟨...⟩ твердо знал уже,
> Кому отдаст всю жизнь свою
> и за кого умрет, —

и который избрал путь служения народу, пробуждения в нем «сознания человеческого достоинства», обрекавший его самого на страдания и раннюю смерть. Некрасов желал в письме «счастья-удачи» человеку, идущему тернистым и небезопасным путем, сознавая, что «счастья», понимаемого как «покой и довольство», на этом пути обрести невозможно. Но он и сам выбрал путь деятельной любви, о которой писал Толстому, — путь, наиболее полно отразившийся в его поэзии и отчасти в письмах.[5]

А. М. Березкин.

---

[5] О переписке Некрасова см. также: *Евгеньев-Максимов В. Е.* 1) Н. А. Некрасов в его переписке. — В кн.: Некрасов. Собрание сочинений в 5-ти т. Т. V. М.—Л., 1930, с. 7—37; 2) Эпистолярное наследие Н. А. Некрасова. — Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. Серия филолог. наук, вып. 4, 1939, с. 221—247; *Краснов Г.* Переписка Н. А. Некрасова. — В кн.: Переписка Н. А. Некрасова: В 2-х т. Т. 1. М., 1987, с. 5—21.

ПИСЬМА

1840

1. Е. А. НЕКРАСОВОЙ

9 ноября 1840. Петербург

9 ноября 1840 г.

Вчера целый день мне было скучно. Вечером скука усилилась... Какая-то безотчетная грусть мучила меня. Я сам не понимал, что со мною делалось. Все занятия мои мне опротивели, все предположения показались мне жалкими. Я не мог ни за что приняться и со злостью изорвал начало одной срочной статьи. Мне было не до того... я чуть не плакал... И, право, заплакал бы, если б не стыдился самого себя. Вдруг приносят письмо от тебя...[1] я с жадностью схватил его, прочел, но и оно не успокоило меня; однако ж оно изумило меня: как будто ты подслушала меня, как будто оно было писано под влиянием тех самых идей, которые преследовали меня в этот вечер. Я сожалел, досадовал, что так сильно увлекся пустою суетностию; я писал:

Грустно... совсем в суете утонул я,
Бедному сердцу простора я не дал...
Тяжко... за что сам себя обманул я...
Сам себя мрачным терзаниям предал?

Я думал тогда: отчего такая пустота в моей душе? Отчего меня не всегда и не так сильно радует то, что радует и делает счастливыми других... Отчего я так холодно встречаю и успех и неуспех того, что другого или закинуло бы на седьмое небо, или бросило в озноб злости и отчаяния? Оттого, отвечаю я сам себе, что все это мне кажется мелким, ничтожным... А стремясь за ним, я вмешался в пеструю толпу людей, у которых не моя цель, я увлекся общим потоком и не отстаю от других, хлопочу, торгуюсь на рынке света...

А дни летят... Слой пыли гуще, шире
День ото дня на позабытой лире...
Порой возьму, — по струнам пробегу,

Но уж ни петь, ни плакать не могу,
Ни забывать душевной тяжкой муки;
Твердят укор разорванные звуки,
И я от лиры прочь бегу!
Бегу... Куда? В торг суетности шумной,
Чтоб заглушить тоску души безумной...
Бегу туда, где плачет нищета,
Где светел лик богатого шута...
Бегу затем, чтоб дать душе уроки
Пренебрегать правдивые упреки,
Когда желает быть сыта!..

Да, дни летят... летят и месяцы... летят самые годы... А грустно... все так же грустно. Когда же мне будет весело? — спрашиваю я сам себя. Видно, еще пора не пришла, может быть, и не будет ее. Что это за странная, за беспокойная жизнь человеческая, которая сама не знает, чего ищет, чего ждет. Пройдут годы — нет и в помине прежних чувств, прежних желаний, все они кажутся уже глупыми, не стоившими ни труда, ни борьбы с препятствиями. Настанут новые желания, стремления — и вот ты снова хлопочешь, суетишься, перемогаешь самого себя. И что же? И они, в свой черед, кажутся смешными, глупыми... и так далее до самой кончины... Грустно! Лучше не расшевеливать души, не бросать искры в порох, а жить так однообразно и инстинктивно, как живут многие, как многим жить суждено и как многим жить нравится. Не в том ли и состоит искусство жить, чтоб уметь самого себя заставить признаться, что не стоит жить; что ты не живешь, а состоишь на службе, которой отставка — смерть? Тяжела борьба души с телом, тяжела борьба человека с самим собою. Нет, не буду больше думать об этом, пойду опять брошусь в общий поток... Несите меня, несите, волны суетности, к вашей глупой цели... я опять ваш... опять

Я день и ночь тружусь для суеты,
И ни часа для мысли, для мечты...
Зачем? На что? Без цели, без охоты!..
Лишь боль в костях от суетной работы,
Да в сердце бездна пустоты!

Но что нужды! Зато я не буду иметь право жаловаться на жизнь, не буду глупцом в глазах других.

Иногда, как теперь, я оглянусь назад, загляну в тайник души и, верно, ужаснусь, заплачу... Мне будет стыдно самого себя, но что делать...

Что делаешь ты, милая сестра? Что думаешь ты? Я знаю твою глубокую душу... твой взгляд на всё... а потому думаю, что тебе грустно, очень грустно в минуты немых бесед с собою... Я бы понял тебя, ты бы поняла меня, если бы мы были вместе... а мертвые слова — безжизненные звуки... мне не высказать, не обрисовать чувства... они только хорошо умеют передавать людям обычную заученную прозу жизни. Грусть одиночества начинает чаще мучить меня. Я бы охотно приехал к вам, охотно бы отдохнул с вами...

Если не помешают мне обстоятельства, то в декабре я непременно приеду к вам,[2] милая сестра; тогда увидимся, тогда перескажем друг другу всё... оплачем наши прошедшие мечтательные радости, погорюем над настоящим, заглянем в будущее. Может быть, что́ и улыбнется нам... Прощай, милая сестра. Сто раз целую тебя... я люблю тебя, как сестру, как друга, который один только понимает меня, пред которым только я высказываю мою душу; люби же и ты меня так... не сердись за мелочные мои ошибки и частое невнимание к тебе, которое происходит не от эгоизма, а от моего рассеянного, беспокойного характера, а ныне частью и от множества занятий.[3] Прощай... И брат и друг твой

Н. Некрасов.

После этого письма ты найдешь безжизненные строки, набросанные мною вчера поутру, более по обязанности;[4] я прочел после их и увидел, что они какой-то формуляр, но уже изорвать его не хотелось. Саблина стихи[5] очень глупы... Это глупый, сумасшедший н-й, которого я вам не советую пускать к себе в дом, потому что по бессознательной глупости своей он может, пожалуй, наделать каких-нибудь мерзостей.

Н. А. Некрасов.

1841

2. Ф. А. КОНИ

10—13 июля 1841. Петербург

Почтеннейший
Федор Алексеевич!

Меж тем как Вы ежеминутно пьете наслаждения радости, счастья, любви, дружбы — я... тяжело болит сердце мое и угрожает мне еще тягостнейшими болями; грудь моя едва дышит под бременем ленивого бездействия, из-под влияния которого я только что на днях начал несколько выходить. Пишу к Вам потому, что, желая нетерпеливо бежать из Петербурга, хочу знать, скоро ли Вы воротитесь.[1] Уведомьте меня наверное; мне долго еще оставаться здесь нельзя. Разные семейные дела призывают меня в Ярославль.[2] Что касается до «Пантеона», то уведомляю Вас, что первые и третьи корректуры я читаю со всевозможной аккуратностию. 4-го июля все первые корректуры 4 № «Пантеона» были мною кончены и отосланы в типографию, в чем Вы можете сами удостовериться по приезде. Однако ж, несмотря на это, 4 № «Пантеона» еще не вышел и выйдет только в понедельник, т. е. 14 июля.[3] Это уж не моя вина. Вы хотели прислать корректуру «Уголино»:[4] она теперь нужна. «17 и 50 лет»[5] печатаются. Все прочие статьи для 5 № мною заготовлены. Прощайте, командир, желаю Вам веселиться и радоваться как можно более. Пожалуйста, не забудьте увидеть моего брата[6] и дайте ему рублей сорок.

Остаюсь Ваш настоящий, прошедший и будущий

Н. Некрасов.

P. S. Собака Ваша здорова. Межевич по-прежнему делает пакости.[7]

3. Ф. А. КОНИ

18 июля 1841. Петербург

Почтеннейший
Федор Алексеевич!

Вот я опять пишу к Вам и опять-таки прошу Вас уведомить меня, когда Вы сюда приедете, — уведо-

мить решительно. Понадеясь на Ваше обещание быть сюда не позже 15 июля, я написал домой, что к 25-му числу буду в Ярославль, где меня и ожидают к свадьбе сестры моей.[1] Все это для Вас вещи неважные, но для меня они очень важны. Я бы уехал, признаться, и без Вас, если б имел деньги, но дело в том, что вся моя надежда касательно поездки домой основывается на Вас, т. е. на деньгах, которые я у Вас заработал. Если Вы не думаете быть здесь хотя к 25 числу июля, то бога ради пришлите мне следующие мне деньги, а если у Вас нет денег, то пришлите хоть записку на Жернакова или на контору (если там есть деньги). Если же и того нельзя, то пришлите мне хоть на проезд отсюда в Москву: я там с Вами увижусь, и дело мы как-нибудь уладим. Вот Вам счет:

За четвертую книжку «Пантеона» следует	166—66[2]
За пятую*	136—
За два фельет⟨она⟩ в «Л⟨итературную⟩ г⟨азету⟩»[4]	35—
За 1 1/2 листа для «Л⟨итературной⟩ г⟨азеты⟩»**	112 р.—50
Итого	440—6

По последнему нашему счету за Вами оставалось 170 рублей, а я получил с Жернакова (14 июля) 200 руб⟨лей⟩, следовательно, 30 нужно вычесть, и останется за Вами — 410 руб⟨лей⟩.

Мне ужасно нужны деньги. К отъезду домой надо сделать себе платье, — Вы, верно, с этим согласны, надо купить, по российскому обычаю, подарок сестре, надобно доехать на что-нибудь, надо туда привезти что-нибудь, потому что с родителя моего взятки гладки. А потому, командир, как бы Вы меня

* Оригинал для пятой книжки мною подобран и приготовлен. Сверх того, в нем пойдет моя повесть, которая будет более печатного листа, и летопись.[3] За корректуру, которую я не успею дочитать, я оставляю 30 руб.

** Библиогр⟨афия⟩ («Сто лит⟨ераторов⟩» и пр.) и фельет⟨он⟩ (о Иматре).[5] Эти статьи давно уже набраны, но по распоряжению Вашего доверенного г. Вельсберга[6] до сей поры не вошли в газету, а набивается она переводами вышеупомянутого Вашего доверенного. Однако ж, наконец, они, кажется, пойдут на следующей неделе.

обязали, когда бы сверх вышеписанных 410 рублей прислали мне еще рублей полтораста. — Уж как бы я Вам был благодарен. Я бы Вам за это отдал две мои пиесы в «Пантеон», именно «Петербургского актера»,[7] который у меня уже давно написан, и другую, которую я теперь переделываю из французской пиесы «Тиридат»,[8] для Самойлова[9] за сто рублей; кроме того, я бы служил Вашей «Л⟨итературной⟩ г⟨азете⟩» повестями и статьями сколько угодно и до зимы уж не требовал бы с Вас ни копейки денег, не беспокоил бы Вас по моей известной Вам привычке — по десяти раз на день. Если Вы богаты, то удружите мне, командир, поддержите честь своего сотрудника, который после долгих странствований по болоту литературному наконец хочет показаться на свою родину. Это будет всего рублей 600, с ними бы еще мог поправиться, тем более что здесь надеюсь еще заработать рублей двести. Пожалуйста, похлопочите... Я буду вечно за Вас бога молить, когда мне припадет охота молиться.

4-й № «Пантеона» вышел 14 июля. Новостей иностранных Вельсберг не успел перевесть. Письмо мое к Межевичу[10] потому не напечатано, что там вкралась значительная ошибка, которая чуть было не наделала кутерьмы. Этот пакостный (Межевич), говорят, жаловался, что на официальную газету («Полиц⟨ейскую⟩», № 14) сделана ложная *ссылка*.[11] Краевского[12] недавно призывали в ценз⟨урный⟩ комитет. Не знаю, чем дело кончится. Краевский из оригинала на 5-ю книжку дал покуда только «17 и 50 лет»[13] (котор⟨ое⟩ уже и набрано), больше не дает, видно, Жернаков денег не вносит. Да, кстати. Если уж Вы сам решительно не можете прислать мне денег, то пришлите хоть записку на получение с Жернакова, я ее продам ему хоть подешевле.

Прощайте, Федор Алексеевич, желаю Вам хорошенько веселиться. Да, пожалуйста, не забудьте моей просьбы. Да поскорей отвечайте... Пожалуйста... Может быть, Вам еще пригодится Ваш несчастный сотрудник, который теперь находится в самом жалком положении. Остаюсь Ваш настоящий, прошедший и будущий

Н. Некрасов.

P. S. Вторую корректуру «Л⟨итературной⟩ г⟨азеты⟩» нередко носят ко мне; я ее принужден читать, потому что, говорят, иначе газета не выйдет.

Н.

18 июля 1841
СПб.

4. Ф. А. КОНИ

16 августа 1841. Ярославль

16 августа 1841 года. Ярославль.

Считаю излишним, почтеннейший Федор Алексеевич, оправдываться перед Вами в тех клеветах, которые, как я догадываюсь, сообщены Вам обо мне одним моим хорошим приятелем.[1] Человек, которому бог не дал ни ума, ни таланта и который нечаянно попал в круг, где эти вещи необходимы, — по необходимости избрал средство, которым и держится покуда в этом кругу. Смекнув сначала из того, что я хотел иметь корректуру «Л⟨итературной⟩ г⟨азеты⟩», что я ему могу быть вреден, он всячески старался подружиться со мной... Я тогда понял цель этой дружбы... Он же старался вооружать меня всячески против Вас, а Вас против меня. Для этого он избрал самое хитрое средство. Еще в прошлом году он распускал нелепые слухи, что редактор «Пантеона» *я*, а не *Вы*, что я пишу Вам статьи и поправляю Ваши...[2] Расчет его был самый верный: если б эти слухи дошли до Вас, то, разумеется, Вы бы подумали, что распустил их я, а этого только ему и нужно было, чтоб вооружить Вас против меня. Много подобных вещей делал он... Я все понимал, все видел и молчал до времени... Если бы Вы знали историю с запиской на Воленкампа[3] и то, в каком смысле последствия ее были распущены по городу. Вы бы, может быть, несколько поняли, что это за человек и что говорит он об Вас за глаза. Напрасно Вы думаете, что я кричал по городу и жаловался на Вас касательно неплатежа денег. Необходимость заставила меня, по совету К. Е. Вельсберга, прибегнуть к А. А. Краевскому,[4] у которого я и был на даче вместе с ним. Ему я действительно сказал, что Вы остались мне должны и дали записку, — больше ничего, уверяю Вас. Неполучение от Вас отве-

та, болезнь моей матери и другие семейные обстоятельства заставили меня вторично прибегнуть к Андрею Александрову. Тогда я рассказал ему мое затруднительное положение, а касательно наших отношений с Вами сказал только, что Вы меня даже не удостоили ответом на письмо, в котором я просил денег... Человек не бог. Досада, огорчение и вообще обстоятельства, в которых я тогда находился, может быть, действительно заставили меня сказать что-нибудь против Вас нашим общим знакомым, в чем я и прошу у Вас прощения. Но клянусь богом и честью, что все, что я говорил, касалось только личных наших отношений и нисколько не касалось, как Вам внушили, Вашего доброго имени. Я хочу объяснить Вам все откровенно... Один только раз в жизни сказал я об Вас несколько резких слов, но и ими, если б Вы их слышали, могла бы оскорбиться только Ваша гордость; Ваше доброе имя, Ваше благородство, очень хорошо мне известное, я всегда считал священною обязанностию защищать, а не унижать, потому что никогда не забывал, как много Вам обязан... Да и для чего, скажите, стал бы я скрываться перед Вами?.. Если б я желал Вам зла, я бы мог действовать открыто... Но самые эти строки доказывают, что я не враг Вам. А на язык я, кажется, не до такой степени невоздержан, чтоб, из одной страсти к болтовству, стал говорить где только можно дурное... и об ком же!.. Неужели Вы почитаете меня до такой степени испорченным и низким.. Я помню, что́ был я назад два года, как я жил... я понимаю теперь, мог ли бы я выкарабкаться из сору и грязи без помощи Вашей... Я не стыжусь признаться, что всем обязан Вам, — иначе бы я не написал этих строк, которые могли бы навсегда остаться для меня уликою. Постараюсь объяснить Вам еще несколько данных (т. е. моих слов и поступков), к которым, как я догадываюсь, привязались клевета и злословие, чтоб очернить меня перед Вами. Я не скрывал и перед Вами некоторого неудовольствия и нерешительности касательно письма моего против Межевича;[5] это происходило оттого, что я в этом деле руководствовался не самим собою, а внушениями других. Я был под влиянием этих внушений, когда до меня дошли слухи о известной Вам *ошибочной ссылке* на «Пол⟨и-цейскую⟩ газ⟨ету⟩»,[6] и на вопрос А. А. Краевского,

как это случилось, сказал ему, что *большую часть этого письма писали Вы сами и что автор не может отвечать за то, что заблагорассудится вставить в его статью редактору*. Не знаю, как это передали Вам, но догадываюсь, что с помощью сплетней из этого можно было сделать многое. Вот еще данная. Зная страсть моего приятеля к сплетням, я шутя рассказал ему и другим, что был у Булгарина, рядился с ним и пр⟨очее⟩. Ничего этого не было, уверяю Вас честным словом, но всему этому поверили, и я уверен, что все это передали Вам с большими прибавлениями. Еще был у нас разговор с Анд⟨реем⟩ Ал⟨ександровичем⟩ ⟨Краевским⟩ о «Литературной газете», который заключался в том, что «Лит⟨ературная⟩ газ⟨ета⟩» и при Вас с некоторого времени несколько страдала от переводных статей и что теперь без Вас она совершенно сделалась *иностранною газетою на русском языке*. Тут был третий, — из этого также много можно было сделать искусному сплетнику. Я не считал нужным таить этого мнения: иначе бы я не написал его в письме к Вам,[7] в котором предлагал также известные условия. Не корысть была причиною этих условий, а, поверьте, желание быть сколько я могу полезным «Л⟨итературной⟩ газ⟨ете⟩»; условия, на которых до того я работал у Вас, были мне гораздо выгоднее. Я мог писать сколько хочу и притом когда хочу, *а не когда нужно газете*, что хочу, а *не то, в чем более есть нужды*. Чего бы для меня лучше... Но я видел, что от этого я не столько полезен газете, сколько бы мог, и добросовестно решился связать самого себя условиями... Вы поняли мое предложение в другом смысле... Что делать. В «Пантеон» я обязался написать 12 листов в год и исполнил бы обещание, если б занимался целый год. Денег по моему расчету за вышедшие книжки я не взял ни гроша больше следующих по условию. За то, что вместо 4-х листов я написал 3, я прочел 43 листа корректуры, тогда как треть издания должна ограничиться 30-ю, по условию; притом я ходил в бенефис на свои деньги.[8] Впрочем, я с удовольствием готов отдать в «Пантеон» эти водевили[9] и так, если по возвращении моем в Петербург должность при «Пантеоне» будет возвращена мне на прежних условиях и если в виде займа Вы дадите А. М. Наумову 150 руб-

лей на выкуп известной Вам вещи моей.[10] Денег я решительно не имею, а за эти полтораста рублей в непродолжительном времени пришлю Вам два печатных листа для «Л⟨итературной⟩ г⟨азеты⟩»,[11] если Вы еще удостоите принять мой труд в свою газету... Это последнее одолжение, которого я осмеливаюсь просить у Вас; это последний расчет мой с Вами, если мое искреннее, добросовестное изложение дела и признание во всех гресех моих не победит в Вас неудовольствия ко мне и если Вы по-прежнему будете верить сплетням и клеветам, распускаемым обо мне моими приятелями. Совесть моя спокойна: я рассказал Вам все, как было... Выводите заключения, какие Вам будет угодно... Не думайте также, чтоб какие-нибудь расчеты побудили меня к этому письму. Положение мое теперь таково, что мне собственно для себя незачем торопиться в Петербург; присутствие мое дома гораздо нужнее. Мать моя умерла за три дня до моего приезда,[12] отец мой постоянно болен; братья[13] еще малы; все это могло бы удержать меня здесь надолго, но дело в том, что здесь мне скучно и я готов возвратиться в Петербург при первой видимой возможности существовать там безбедно. Теперь о «Звонаре».[14] По совету Вашему, я, с помощию одного моего приятеля, переделал весьма плохой перевод этой драмы. Желая получить какое-нибудь вознаграждение за свой труд, я продал эту драму на бенефис Толченова[15] за 200 рублей, предоставляя мою переделку «Пантеону» безденежно. Но я слышал, что Вы этим недовольны, а потому вместе с сим же письмом я пишу к Толченову,[16] что Вы, имея более моего прав на эту драму, не желаете, чтоб она была дана, а потому прошу его переделку мою уничтожить и приискать себе для бенефиса что-нибудь другое, что он и сделает, потому что денег я еще не получил. Этим я надеюсь совершенно успокоить Вас касательно «Звонаря». Кстати, о Толченове. В его же бенефис пойдет мой водевиль в двух актах («Рыжий человек»),[17] который я обещал ему написать за 200 руб⟨лей⟩ и получил 50 рубл⟨ей⟩ задатку. Я его скоро пришлю; если он Вам понравится, то я тоже с удовольствием уступлю его «Пантеону». Рукописи Ваши все, какие только у меня были, я приказал отнести к Вам... Книги, о которых Вы упоминаете, будут доставлены к Вам Наумовым. Если

Вы раздумаете лишить меня 200 рублей (из которых, пожалуй, половину я готов принять в уплату моих будущих трудов), то уведомьте об этом Толченова, которого сын, вероятно, и сам зайдет к Вам.

Я не буду до той поры спокоен, пока не получу ответа на это письмо; надеюсь, что оно хоть немного оправдает меня в глазах Ваших, чего я душевно желаю, потому что искренно уважаю Вас и боюсь, если Вы будете обо мне дурного мнения. Кой в чем я и виноват, но, клянусь честью, я не сделал ничего такого, чтоб могло повредить Вам или чувствительно оскорбить Вас. Пусть бог судит *того* или *тех*, кто так удружил мне. Притом Вы, кажется, достаточно знаете мой характер... Ну неужели я мог дойти до того, каким Вам меня представили... Ради бога, ответьте мне... Нужды нет, если бы это было и последнее сношение между нами. Хоть ругайте, да отвечайте... Извините еще, что я оставил Вам тогда несколько грубое письмо:[18] право, я думал, что вправе на Вас сердиться.

Весь Ваш
Н. Некрасов.

Мой адрес: В Ярославле, на углу Стрелецкой улицы, в доме *Чепахина*.[19]

5. Ф. А. КОНИ

25 ноября 1841. Ярославль

Любезнейший и добрейший
Федор Алексеевич!

Благодарю Вас за Ваше письмо. Оно меня порадовало хоть в том отношении, что я увидел, с каким добрым и благородным человеком имею дело. Действительно, если б другому на Вашем месте было наклеветано на меня столько, то едва ли бы он сильно не поколебался во мнении обо мне, несмотря на правоту мою, которую я сознаю в душе моей. Впрочем, я не знаю еще, было ли Ваше письмо следствием тщательного рассмотрения дела и выгодных для меня результатов, или, может быть, оно есть только следствие законов приличия и снисходительности...

Касательно других пунктов письма... что сказать об них? И тут я должен начать с благодарности — за

объяснение всего *напрямик*. Сколько мог я понять — в постоянные сотрудники я Вам не гожусь, а могу писать, когда вздумается, т. е., другими словами, отношения мои с Вашей газетой могут быть только такие, как и со всеми другими журналами; написав что-нибудь, я могу посылать в который мне угодно журнал, пожалуй и в «Л⟨итературную⟩ г⟨азету⟩». Вот какое Вы даете мне право. В исчислении достоинств Вашего будущего сотрудника Вы намекаете мне, что во мне недостает аккуратности, деятельности, постоянной любви к труду и мало ли еще чего, даже и таланта, как, кажется, намекают некоторые слова письма. Согласен со всем. Но спрашиваю, найдете ли Вы человека, который бы имел все такие качества... Не знаю. О себе скажу, что я могу быть лучше, гораздо, смею сказать, того, каким был в нынешнем году, но таким, какого Вы нарисовали, быть во всех отношениях не ручаюсь. По тому, как я доселе работал у Вас, обо мне не судите... Это дело другое. Вспомните, что я ни к чему *не обязывался*, а поступал по произволу. Притом, не имея ничего верного, я метался из стороны в сторону, притом еще... Вы на меня смотрели как на работника, и я служил Вам как работник... Скажу, что если б я дал кому слово быть аккуратным, деятельным, постоянно верным его пользам, то собственная выгода и уважение к самому себе были бы достаточными побуждениями к исполнению обещания по мере сил и возможности... В рассуждении средств своих скажу, что если мне бог дал хоть искру таланта, то возможные плоды его были бы посвящены на пользу такого человека...

Хотел я Вам послать несколько статеек, но все они не дописаны, не перечитаны, а заняться ими теперь некогда, потому что теперь последнее время *порош*, и я с утра до вечера на поле, — травлю и бью зайцев... Это моя страсть, в этом занятии я провел все время пребывания здесь; в городе был не больше трех дней. Есть у меня готовая повесть «Антон»,[1] но она слишком велика — листов пять печатных... разве в будущий год годится. Написал драму в 4-х актах, да, кажется, неудачно... Водевиль в 3-х актах давно начал, да все еще не соберусь кончить...[2] Потеряв надежду на постоянную работу, я тороплюсь наготовить разных произведений, которые можно бы про-

дать поштучно для выручки денег на содержание своей особы. На днях здесь откроют театр, вновь выстроенный. Идет «Синичкин». Пришлю статью, также и о концерте, что был здесь вчера...[3] Собрал также несколько уморительных книжонок, напечатанных в Ярославле, — пишу о них статью под заглавием «Яр⟨ославская⟩ литература»;[4] все пришлю скоро, если не привезу сам... Собираюсь в начале декабря выехать непременно.[5] На Глинку,[6] как на порядочного человека, положился я и оставил на его попечение мебель и разные вещи, по крайности на 150 р⟨ублей⟩, а он, говорят, все заложил...[7] Приеду в Петербург — ни кола, ни двора, ни пристанища... Если Вы все еще думаете переменить квартиру, то не случится ли при ней пары лишних комнат для меня[8] — буду благодарен. П. И. Григорьева успокойте тем, что я по приезде сейчас же расплачусь с портным... Да там есть два водевиля мои, которые оба, кажется, имели успех, неужели за них Песоцкий не даст и 100 руб⟨лей⟩.[9] Скажите об этом Григорьеву. Я послал Краевскому «Опыт⟨ную⟩ женщ⟨ину⟩»,[10] а денег за нее просить совещусь, потому что предварительно об этом не говорил... Не знаю, как он об этом думает. «Литературную газету» я здесь наконец достал и некоторые статьи читал с большим удовольствием. Хорошо, ей-богу хорошо отделан Булгарин за пиесу,[11] и Нес⟨тор⟩ В⟨асильевич⟩[12] не хуже... Вот, я думаю, озверились они, сердечные. Вчерась только я прочел в «Пчеле» брань своему «Актеру».[13] Мерзавец Межевич опять кругом наврал и может быть уличен. С стихами на поклон не только к нему, но и к другим журн⟨алистам⟩ я не ходил; ходил я только с книгой своей к одному редактору «Пол⟨ицейской⟩ газеты», г. Межевичу, для того чтоб он опубликовал о моей книге в газете (за что и заплатил 2 р⟨убля⟩ 40 к⟨опеек⟩), а не для прошения советов и защиты, в которых я не нуждаюсь. Франц⟨узского⟩ вод⟨евиля⟩ я в глаза не видал, да и наз⟨ван⟩ он *оригин⟨альным⟩* не мной, а Самойловым, на произвол которого оставил я пиесу, уехав из Петерб⟨урга⟩, и мало ли можно найти еще опровержений... Может быть, пришлю статейку.[14]

Прощайте — до свидания скорого, добрый Федор Алексеевич. Желаю Вам здоровья, успеха в делах, душевного спокойствия и такого сотрудника, идеал

которого изобразили Вы в Вашем письме. Или, может быть, Вы уже нашли его в Сорокине... Не знаю, только скажу откровенно, что он мне не нравился сильно еще и тогда, когда не был Вашим сотрудником.

С глубоким к Вам почтением и преданностию остаюсь истинно любящий Вас и уважающий

Н. Некрасов.

23 ноября 1841
г. Ярославль

Письма мои всегда безграмотны и неудобопонятны... Извините... Не могу принуждать себя в том, что пишется не для печати...

1842

6. И. Т. ЛИСЕНКОВУ

12 января 1842. Петербург

Почтеннейший
Иван Тимофеевич!

Пришлите, сделайте одолжение, книгу «Избранные стихотворения для дам»[1] и другие вновь вышедшие книги (особенно из детских); они нужны для разбора в «Лит⟨ературную⟩ газету». Я и Федор Алексеевич Кони ручаемся, что книги эти через три дня будут возвращены Вам в целости и чистоте, а за то, что Вы нас одолжите ими, — будет *безденежно* объявлено в «Литер⟨атурной⟩ газете» о продаже их в Вашем магазине.[2]

Многоуважающий Вас
Н. Некрасов.

12 января 1842 года

На обороте:

В книжный магазин И. Т. Лисенкова.
В Разъезжей улице, в доме Головкина,
на углу Разъезжей и Гребецкой,
г. Некрасов.
1842 года.

7. И. Т. ЛИСЕНКОВУ

26 января 1842. Петербург

Почтеннейший Иван Тимофеевич! Всё будет сделано по Вашему желанию... «Человека с высшим взглядом» возвращаю.[1] Пришлите, пожалуйста, книгу «Повесть Ангелина» Н. Молчанова; очень обяжете уважающего Вас

Н. Некрасова.

26 января 1842 года

Да нельзя ли ненадолго новое издание «Истории крестовых походов» Мишо. Нет ли также «Сто двадцать сказок». Издание Ф. Кузмичева?

8. И. Т. ЛИСЕНКОВУ

Между 12 января и 15 февраля 1842. Петербург

Любезнейший
Иван Тимофеевич!

Передайте эту пиесу[1] г-же Ишимовой за два экземпляра «Звездочки», если согласится. Пожалуйста, пришлите новых книг, нет ли каких; «Луч солнца»[2] роман непременно подайте. «Дорожник» и «Толстоту»[3] посылаю.

Н. Некрасов.

9. Ф. А. КОНИ

2 апреля 1842. Петербург

Почтеннейший
Федор Алексеевич!

Вот к Вам еще вельми важная просьба. Мы начали с П. И. Григорьевым для его бенефиса комедию-водевиль в 4-х актах под названием «Столбиков»[1] в полной уверенности, что Вы не откажетесь также написать акт или хоть сценки две-три. Такое соединение имен, еще небывалое на русской афишке, может принесть существенную пользу бенефицианту. Вот мы писали и поджидали Вас, но между тем Вас нет, и, может быть, Вы еще не скоро будете, а время уходит, бенефис 4-го мая.[2] У нас просто руки опустились, и, чтоб не терять

долее времени, прибегаем к Вам с усерднейшею просьбою. Напишите в «Столбикова», сколько Вам позволит время, и пришлите к нам. Пиеса делается не наскоро и не кое-как, а потому будет, кажется, недурна, особенно если Вы приложите к ней руку на несколько страниц прозы и куплетов. Будьте столь великодушны! Вы же Григорьеву обещали водевиль, так уж не откажите в нашей просьбе! Прошу Вас от имени бенефицианта и от своего, которое без Вашего на афише будет сиротствовать. Пришлите нам поскорее ответ, не мучьте неизвестностию!

Я с своей стороны прилагаю и буду прилагать свои старания относительно «Лит⟨ературной⟩ газеты»[3] сколько хватит сил моих. В посланном вчера письме[4] я просил Вас прислать мне денег, оную просьбу повторяю, ибо оных денег у меня нет. Также прошу Вас разрешить некоторые недоразумения касат⟨ельно⟩ «Пантеона»,[5] изложенные в том письме. Да вот еще что: у нас уж давно очень не было картинки мод при газете. К Краевскому хожу каждую неделю на совет о составлении нумеров «Литер⟨атурной⟩ газеты»;[6] он свидетельствует Вам почтение. Пришлите денег беснующемуся Вельсбергу; он грозит бросить корректуру.

Остаюсь весь Ваш
Н. Некрасов.

2 апреля 1842
С.П.бург

Вот мой адрес: Московской части, в Разъезжей улице, в доме *Головкина*, в 3-м этаже. Отвечайте *прямо* на мое имя.

10. А. А. НЕКРАСОВОЙ (БУТКЕВИЧ)

9 октября 1842. Петербург

Извини, извини, извини, бедненькая Анета!

В твоем горестном и затруднительном положении даже участие брата, участие, которого ты вправе была надеяться, не посетило тебя: я был так ленив или так глубоко занят собственным своим несчастием, что не писал к тебе так долго, так долго... с того самого известия, которое чуть не убило меня.[1] Не стану распространяться об этом: это очень тяжело!.. Жалею

только об одном, — жалею и буду жалеть вечно, — зачем вы не известили меня о болезни сестры? Проститься с нею мне было бы мучительно, но все же легче, чем привыкнуть к мысли, что я никогда уже не увижу ее!.. Теперь, в настоящее время, меня всего более мучит твое положение: ты очень справедлива, отвергая предложение папеньки жить в Грешневе. С другой стороны, житье в чужом доме, в компаньонках, в гувернантках представляет большие неудобства. Если это неизбежно, то дай бог, чтоб ты нашла себе место у добрых и честных людей. Твой ум и твои правила ручаются мне, что во всем, зависящем лично от тебя, ты всегда будешь достойна твоей сестры и матери, на памяти которых не лежит упрека ни в чем. В нашем тяжелом и горьком состоянии что же и осталось нам в утешение, как не чувство собственного достоинства, как не сознание силы душевной в борьбе с обстоятельствами враждующими?..

Наумов[2] мне говорил, что тетушка Носачевская[3] (кажется?) зовет тебя жить к себе. Уведомь меня поскорее, правда ли это? И каким образом вы думаете это устроить? И что тебе по этому случаю нужно будет вытребовать от папеньки — пиши ко мне; я имею на него некоторое влияние и думаю, что он мне не откажет. А между тем я разузнаю от *Маслова*[4] о самой Носачевской кой-что. Она, кажется, сама очень небогата, и муж ее[5] живет жалованьем. Впрочем, это не беда; все бы лучше, если б ты с ней поселилась. Ты, как я слышал, живешь у м-м Буткевич? Уведомь меня, на каком основании?[6] Если ты слишком бедствуешь, то пиши ко мне: при всей моей теперешней бедности я могу тебе уделить что-нибудь в ноябре месяце.[7] А я теперь сам ужасно не богат. У меня обыкновенно деньги бывают,[a] когда я работаю, а так как я теперь почти постоянно болен, то работать не могу — следовательно, и ничего не зарабатываю. И это уже продолжается целых четыре месяца, и не знаю, когда кончится: грудь у меня болит так часто и так сильно, что при малейшем напряжении я становлюсь никуда не годен, — ложусь в постель и пью лекарство. Если б я мог несколько месяцев прожить спокойно и беззаботно, то, конечно бы, поправился,

---

[a] *Начато*: толь⟨ко⟩

но, несмотря на болезнь, я принуждаю себя к работе, и бог знает чем это кончится.[б]

Летом поеду куда-нибудь на воды лечиться...[8] Не пишу ничего папеньке... Бог с ним! Ему так дорого его собственное спокойствие! Зачем возмущать его преждевременно? Думаю, что он теперь не так беден,[9] чтобы не мог помогать детям своим, заставляя их покупать ценою[в] здоровья каждый кусок хлеба, но еще раз: бог с ним! Я у него никогда ничего не требовал[10] и не буду требовать; да и может ли его эгоизм уделить что-нибудь сыну, когда он отказывает ⟨в⟩ малейшей помощи даже дочери, у кот⟨орой⟩ нет другой подпоры?.. На днях я посту⟨паю⟩ на службу в *Статистическое отделение*, находящееся при *Министерстве внутренних дел*;[11] теперь — покуда так, а с нового года с небольшим жалованьем. Что делает Федя?[12] Не стыдно ли ему: не написал ко мне ни строчки с самого нашего отъезда?[13] Скажи, чтоб он писал непременно и, между прочим, уведомил бы, что сделалось с братом Костей? Этого бедного мальчика бросили на произвол судьбы[14] — немудрено, что из него ниче⟨го⟩ не выйдет. Что касается до Феди, то мне его ужасно жаль. Вели ему ехать сюда, бросив собак и все свои свинские занятия![15] Здесь хоть чему-нибудь научится, а там век будет болваном, а болваном век быть очень невыгодно, — он неглупый мальчик и, верно, сам хорошо понимает это!

Прощай, милая сестра, прощай, целую тебя братски и дружески. Прощай![г] Будь выше обстоятельств, не слишком горячо принимай все к сердцу и не унывай! Рад бы приехать повидаться с тобой, но не могу покуда... притом для меня это будет так тяжело... тяжело... Прощай, ангельчик, не сердись и пиши обо всем подробнее; даю ⟨теб⟩е слово, что не буду так ленив, как прежде, и все, что потребуешь, исполнять скоро и в точности. Наумов твою портфель еще не отдал; он боле ⟨...⟩ у меня. На днях отдадим. Семену Григорьевичу[16] кланяйся, я к нему буд⟨у писат⟩ь на днях. Я теперь только оценил его: он добр и благороден, как немн⟨огие. Пиши (?)⟩ скорее, да не огорчай-

---

[б] *Далее 2 строки вымараны.*
[в] *Далее 2 слова вымараны.*
[г] *Далее 2 слова вымараны.*

ся, душенька! Помни — всё вздор и скоротечность; ⟨вскоре при?⟩шлю тебе письмо повеселее, чтоб разогнать твою скуку. Разболтаюсь о своей хандре, своих занятиях и разных литературных сплетнях. То, что замарано в этом письме, вырвалось у меня невольно в дурном расположении духа, теперь мне повеселее — и я это вон![д] Пиши, пожалуйста, подробнее, откровеннее, смелее и яснее; все, что можно, я сделаю. До свидания, милая Анета.

Брат твой
Н. Некрасов.

9 октября 1842

На обороте:

Ее высокоблагородию Анне Алексеевне Некрасовой.
В Ярославль. На Дворянской улице.
В пансионе у госпожи Будкевичевой.

1844

11. В. Р. ЗОТОВУ

9 июня 1844. Петербург

Почтеннейший
Владимир Рафаилович!

Во вторник проклятый омнибус[1] ввел меня в две беды: во-первых, я, заторопившись, забыл у Вас галоши, а во-вторых, — заплатил у Излера[2] деньги за ужин, которого не успел съесть. Ужина не воротить, а галоши, которые, вероятно, ввели в недоумение Вашего человека, велите вручить сему посланному. В этом и заключается цель этого послания, изъяснив которую остаюсь истинно Вас уважающий

Н. Некрасов.

9 июня 1844

На обороте:

Его благородию
Владимиру Рафаиловичу Зотову.
От Некрасова.

[д] *Далее было*: да

12. В. Р. ЗОТОВУ

19 июля 1844. Петербург

Почтеннейший
Владимир Рафаилович!

Я у вас был три раза (и все по вторникам), но — увы! — не заставал Вас дома. Мне нужно знать *решительно и поскорее*, делаете ли Вы что-нибудь для известной книги,[1] как обещали? и сделаете ли? и что именно? Уведомьте, пожалуйста, хоть по городской почте, адресуя письмо в контору «От⟨ечественных⟩ зап⟨исок⟩», откуда ко мне доставят.[2] Если у Вас есть охота и время, не завернете ли ко мне на дачу — я живу там, куда ходит спасский дилижанс — в самой деревне, близ Муринской заставы, дом крестьянина Ермолая Иванова, № 1. Прощайте. Будьте здравы и невредимы. Да уведомляйте же поскорей о вышеписанном.

Истинно уважающий Вас
Н. Некрасов.

19 июля 1844 г.
Петербург

На обороте:

Его высокоблагородию
Владимиру Рафаиловичу Зотову.
У Большого театра, в доме Немкова.

13. В. Р. ЗОТОВУ

1 августа 1844. Петербург

Во-первых, огромное «спасибо»[1] Вам. Я буду завтра в 10 часов утра у Вас; если по какому-нибудь случаю Вам нельзя в это время быть дома, то уведомьте чрез сего подателя. Пришлите с ним также (все это, разумеется, в таком случае, если он застанет Вас дома), пожалуй, готовые статьи; я их сегодня вечером прочту и таким образом буду завтра го-

ворить с Вами о них как о деле мне известном. Покуда до свидания.

Преданный Вам
Н. Некрасов.

1-го августа

На обороте:

Его высокоблагородию
Владимиру Рафаиловичу Зотову.
От Некрасова.

14. В. Р. ЗОТОВУ

Около 1 сентября 1844. Петербург

Добродетельный
Владимир Рафаилович!

Не найдете ли вы возможности сказать Григоровичу (я не знаю его квартиры), чтоб он получше и поподробнее рассказал содержание «Наследства»[1] и прислал мне к понедельнику.[2] Мне ужасно не хочется идти в театр, а он человек молодой. Да не поспел ли и его «Шарманщик»?[3] До свидания. Я к Вам явлюсь во вторник. Нужно Ваше личное указание, какие делать политипажи к Вашим статьям,[4] о чем и поговорим. Иду на охоту, которую Вы считаете исключительным занятием дворовых людей. Похвально, молодой человек.

Весь Ваш Н. Некрасов.

15. А. А. БУТКЕВИЧ

27 сентября 1844. Петербург

Я все такой же лентяй и дурень, как был в старину: вот, милая сестра, причина, по которой я к тебе не писал до сей поры. Извини и не сердись. Человек натуры своей переделать не может, — а натура у меня бесконечно восстановлена против писем, и мне все кажется, что я даже и умереть должен за каким-нибудь письмом — от скуки. Если б ты знала, каких страданий и усилий над собою стоят мне письма к

дражайшему нашему родителю, которых, впрочем, с самого отъезда я написал только три!..[1] Но об этом довольно... Ты, как я заметил, приписывала причины моего молчания другим предположениям и весьма ошибалась. Не зная и доныне твоего теперешнего мужа,[2] я не мог быть предубежден ни в пользу, ни во вред его и скорей мог думать хорошее, — потому что вы все, видевшие и знавшие его, так думали, — а на слухах и чужих разглагольствиях я основываться не имею привычки... Душечка Аненька! Я, ей-богу, тебя люблю (хоть не пишу и тебе по году) и желал бы, желал тебе счастья, и если не пишу об этом, так только потому, что от писем моих счастливее ты не будешь.

Вот доходят до меня слухи, что ты все хвораешь. Это очень нехорошо. Пиши, пожалуйста, о своем здоровье и о том, в каком положении оно находится.

Что касается до меня, то Петербург покуда мне еще не надоел, а надоест — приеду в деревню и буду опять гонять зайцев. Впрочем, если отец не раздумает, то мы уедем весной на Кавказ, о чем уже переписывались.[3] Из многочисленных и постоянных наблюдений за самим собою я заметил, что ни на что неспособен, и могу только быть счастлив, ничего не делая, — о чем тебя и уведомляю. Это, конечно, неутешительно, но я и худого тут для себя ничего не вижу. Отечество наше велико и обильно, и чиновников в нем без меня очень много.[4] Скажут, что я до сей поры *безумствую*, потому что у меня нет никакого чина, — да что кому до этого за дело?..

Но и об этом довольно. Ты, быть может, спросишь, как я живу? Живу как живется, ни скучно, ни весело, вожусь теперь с кашлем, а *впредь уповаю на милосердие божие.*

Я приеду в Ярославль или в феврале (в таком случае, если мы поедем на Кавказ), или в июне и пробуду до декабря.[5] Напиши, пожалуйста, что делают наши псовые охотники. Мне Амалия Федоровна[6] насказала ужасных вещей о каком-то несчастном приключении на охоте, а Софья Яковлевна[7] говорит, что все это вздор.

К стыду моему, я должен признаться, что едва ли бы скоро принялся писать к тебе, если б не Софья Яковлевна, которая взяла с меня слово. Напиши же и ты.

Прощай, душенька, и не сердись, пожалуйста; мужу твоему весьма кланяюсь. Будь здорова.

Брат твой
Н. Некрасов.

P. S. Прилагаемую цидулку препроводи к Феде.[8]

1845

16. Ф. А. КОНИ

9 апреля 1845. Петербург

Почтеннейший
Федор Алексеевич!

Посылаю Вам «Дедушку Крылова».[1] Я написал об этой книге небольшую статейку,[2] которую для сокращения времени послал прямо в типографию; пожалуйста, оставьте ее как она есть и непременно велите поместить[3] в этом нумере. О «Тарантасе» статья[4] тоже уже в типографии (начало послал вчера, конец — сегодня поутру — и она уже набрана), и Вы ею будете довольны. Поелику я торопился и даже не прочел рукописи, то велел принести корректуру к себе.

Весь Ваш
Н. Некрасов.

9-го апреля
1845 года

На обороте:

Его высокоблагородию
Федору Алексеевичу Кони.
От Некрасова.

17. А. В. НИКИТЕНКО

7 июня 1845. Петербург

Милостивый государь
Александр Васильевич!

К 1846 году я собираю альманах,[1] в котором примут участие Панаев, Белинский, А. Майков, Тургенев, Агарев[2] и др.

Вы ко мне добры, и это дает мне смелось просить Вас взять на себя цензуру этого альманаха. К тем статьям, которые уже у Вас, препровождаю поэму Тургенева «Помещик»[3] и роман г. Достоевского «Бедные люди» (роман — чрезвычайно замечательный, как Вы увидите, прочитав эту рукопись).[4] Покорнейше Вас прошу просмотреть эти рукописи (хоть к сентябрю месяцу, ради бога!) и отдать Белинскому; по времени будут доставлены к Вам и остальные.

Альманах мой будет называться «Первое января».[5]

Для меня это дело важно; я издержал на него последние свои деньжонки и основываю на нем коекакие надежды — вот все, что могу сказать в извинение моей докучливой просьбы.

Истинно уважающий Вас
Н. Некрасов.

7-го июня 1845
СПб.

Я уезжаю из Петербурга,[6] и это лишает меня удовольствия быть у Вас лично.

На обороте:

Его высокородию
Александру Васильевичу Никитенко.
От Некрасова.

18. Н. Х. КЕТЧЕРУ

10 сентября 1845. Петербург

Здравствуй, Кетчер. Я обещал тебе написать и пишу. Здесь застал я все по-старому.[1] Белинский теперь здоров; был он болен воспалением в легких и так сильно, что лечивший его доктор Тильман опасался за его жизнь. Теперь он чувствует себя ни хорошо, ни худо, работает и кашляет так же, как при тебе,[2] если еще не сильнее. Анненков еще здесь, сбирается за границу[3] по первому пути; Языков, Тютчев, Кронеберг, Маслов здоровы. Скука, рожи унылые. На днях были у Комаришки,[4] который сильно потолстел, — сонно, вяло и скучно.

День моего прибытия в Петербург ознаменовался истинно усладительным событием. Краевский напеча-

тал отдельно переведенный Кронебергом для «От⟨ечественных⟩ зап⟨исок⟩» роман «Королева Марго».[5] Кронеберг вступился за права свои, со сводом законов в руках явился к Кр⟨аевскому⟩ и после продолжительных прений вытребовал с него 1800 рублей. Но и здесь еще не конец. Краевский вздумал попугать Кр⟨онеберга⟩ тем, что сбавит цену за переводы, вследствие этого Кронеб⟨ерг⟩ потребовал прибавки очень изрядной — Краевский и на это согласился, но слег в постель, и несколько дней тому доктора опасались за его жизнь. Жаль, что нельзя рассказать здесь подробностей этого события, о котором трубит теперь половина Петербурга, но следует заметить, что брадатый Кронеб⟨ерг⟩ оказал здесь себя истинным немцем,[6] вел дело хладнокровно и обстоятельно. Скажи Ал⟨ександру⟩ Ив⟨ановичу⟩, что Горбунов удовлетворен Краевским немедленно.[7] Еще скажи ему, чтоб он привез или прислал «Ум хорошо, а два лучше»,[8] адресуя на Белинского, и поскорей кончал другую начатую статью.[9] Его с нетерпением ждут в Петербурге все знающие и любящие. Всем кланяюсь. Прощай.

Н. Некрасов.

10 октября

19. А. А. и Г. С. БУТКЕВИЧАМ

19 октября 1845. Петербург

Здравствуй, милая Аненька, здравствуйте, Генрих Ст⟨аниславович⟩. Покуда пишу вам только, что я здоров, принялся за свои дела, дела идут изрядно — завтра или на днях еду с одним морским офицером в Кронштадт и после вам напишу.[1] А теперь прощайте — будьте оба здоровы и веселы и пишите ко мне к *Владимирской в Поварскую улицу, в дом Тулубьева, № кв. 7-ой.*[2] Где вы теперь — в городе, в Путятине—Грешневе[3] или идете в поход?

Жалею, что не могу послать тебе, Аненька, известную материю, теперь я просто без гроша. Затеял предприятие в 10 тысяч,[4] имея только четыре, и всякую копейку, какая есть, принужден отдавать на бумагу, на печать, на картинки и на всякие другие принадлежности. Все это изготовится только к генварю, и тогда только начнутся деньги, то есть законное вознаграж-

дение за труд и за риск. Впрочем, дело идет успешно, потому что я принял к себе в долю по этому предприятию г. Языкова,[5] своего короткого знакомого, имеющего капитал, и чего недостает денег, беру у него, разумеется, в ожидании будущих благ, которые, впрочем, очень верны. Прощайте, пишите ко мне. Я вас люблю.

Н. Некрасов.

19 октября
1845

20. Н. В. КУКОЛЬНИКУ

24 октября 1845. Петербург

Милостивый государь
Нестор Васильевич!

Не угодно ли Вам напечатать в нынешнем № «Иллюстрации» следующее стихотворение:

* * *

Он у нас осьмое чудо:
У него завидный нрав.
Неподкупен — как Иуда,
Храбр и честен — как Фальстаф.
С бескорыстностью жидовской
Как хавронья мил и чист,
Даровит — как Тредьяковский,
Столько ж важен и речист.
Не страшитесь с ним союза —
Не разладитесь никак:
Он с французом — за француза,
С поляком — он сам поляк,
Он с татарином — татарин,
Он с евреем — сам еврей,
Он с лакеем — важный барин,
С важным барином — лакей.
Кто же он? . . . .
. . . .

Если же Вы почему-либо найдете неудобным напечатать это стихотворение в нынешнем №, то уж не печатайте его вовсе.

Ваш покорнейший слуга
Н. Некрасов.

Октября 24
1845

21. В. Ф. ОДОЕВСКОМУ

27 ноября 1845. Петербург

Я виделся с г. Достоевским. Он теперь очень занят и просил меня извинить его перед Вами, что не может быть у Вас ранее, как после первого декабря.

Ваш покорнейший слуга
Н. Некрасов.

27 ноября
1845

Мой адрес: Близ Владимирской, в Поварской улице, в доме Тулубьева, № кв. 7-ой.

На обороте:

Его сиятельству князю
Владимиру Федоровичу Одоевскому.
От Некрасова.

22. В. Ф. ОДОЕВСКОМУ

27 ноября 1845 (?). Петербург

Случилось так, что я получил Вашу записку[1] только сейчас, пришедши домой уже после обеда. Потому, надеюсь, Вы извините меня, что я не могу воспользоваться сегодня Вашим приглашением.

Ваш покорнейший слуга
Н. Некрасов.

27 ноября

На обороте:

Его сиятельству князю
Владимиру Федоровичу Одоевскому.
От Некрасова.

23. Н. Х. КЕТЧЕРУ

2 декабря 1845. Петербург

Кетчер, здравствуй! Как ты живешь? Ну да к делу. Пришли, пожалуйста, стихотворения Агарева,[1] какие у тебя есть, — я напечатаю лучшее, посоветовавшись

с Белинским; да только пришли тотчас по получении этого письма.

Скажи Герцену, что его повесть поистине превосходная повесть,[2] что лучше он никогда ничего не писывал и что, читая его повесть, — так и кажется, что он только делал весь свой век, что писал повести: такая ровность и ни одной фальшивой нотки.

«Зубоскал», о котором я писал, выходить не будет; почему? — по обстоятельствам, не зависящим от редакции.[3] Впрочем, оригинал, для него приготовленный, напечатается под другим заглавием[4] и выйдет не выпусками (чего нельзя), а вдруг целой книгой. Поэтому все-таки хорошо бы, если б прислали мне из Москвы статейку, другую,[5] о чем я писал.

Вот уже я другой раз к тебе пишу, чем и не могу не похвастаться, а ты хоть бы строку. Ведь интересно бы знать — как вы там?

О твоем переводе[6] я Никитенке говорил — он промолчал, сегодня иду к нему и опять скажу.

Кланяюсь всем, всем, всем. Здесь все так себе — ничего. Белинский здоров и работает. Тургенев бегает в оперу;[7] Панаев ядрит, лупит и наяривает; Анненков сбирается (все еще) за границу.[8] Комаревич[9] все приглашает нас по субботам — но, увы! с некоторого времени к нему — как будто сговорились — никто. Прелестную Нумидянку[10] давно не видал. А о себе скажу, что со времени несчастия, постигшего друга моего «Зубоскала», я куда как скучен.

Твой Н. Некрасов.

2 декабря 1845 г.
СПб.

24. В. Ф. ОДОЕВСКОМУ

4 декабря 1845. Петербург

Боюсь Вас беспокоить ранее субботы[1] своим посещением, а между тем в типографии требуют оригиналу.[2] Потому если повесть Ваша готова, то потрудитесь прислать ее с сим подателем или известить меня, когда за ней явиться.

Ваш покорнейший слуга
Н. Некрасов.

4 декабря
1845

На обороте:

Его сиятельству князю
Владимиру Федоровичу Одоевскому.
От Некрасова.

25. В. Ф. ОДОЕВСКОМУ

14 декабря 1845. Петербург

Мне нужно сегодня на минуту увидеться с Вами по поводу Вашего рассказа.[1] Потому покорнейше Вас прошу назначить час, в который я могу к Вам явиться, и если можно, то не позже 7 часов вечера, потому что вечером я должен быть у своего цензора.[2]

Вашего сиятельства покорнейший слуга
Н. Некрасов.

14 декабря

На обороте:

Его сиятельству князю
Владимиру Федоровичу Одоевскому.
От Некрасова.

1846

26. А. В. НИКИТЕНКО

3 января 1846. Петербург

Милостивый государь
Александр Васильевич!

Сильно нужна Ваша статья,[1] ибо кроме ее и прилагаемых здесь стихотворений,[2] которые, сделайте одолжение, не задержите, — все набрано. Я эти дни был болен, отчего и не мог зайти к Вам и принести мое искреннее поздравление с Новым годом, — что исполняю теперь.

Имею честь быть искренно уважающий Вас
Н. Некрасов.

3 января
1846

На обороте:

Его высокородию
Александру Васильевичу Никитенко.
От Некрасова.

27. В. Г. БЕЛИНСКОМУ

Между 21 и 26 сентября 1846. Петербург

Здравствуйте, Белинский! Я было на днях написал к Вам о печальном состоянии Вашего альманаха,[1] но письмо как-то залежалось, и я очень рад: теперь могу сообщить Вам вести хорошие. Но все-таки сначала обращусь к нехорошим. Еще до моего приезда в Петербург (а я приехал в конце июля)[2] Гончаров хныкал, и жаловался, и скулил, что отдал Вам свой роман[3] ни за что, будто увлеченный и сконфуженный всеобщими похвалами[4] и тем, что Вы (его собственные слова) просили «именем своего семейства» и т. д.; он ежедневно повторял это Языкову,[5] Панаеву и другим с прибавлением, что Краев⟨ский⟩ дал бы ему три тысячи, и наконец отправился к Краев⟨скому⟩. Узнав все это, я поспешил с ним объясниться и сказать ему за Вас, что Вы, верно, не захотели бы и сами после всего этого связываться с ним и что если он отказывается от своего слова, то и дело кончено и пр⟨очее⟩. По моему мнению, больше и нечего было делать с этим скотом. Достоевский Краевскому повесть дал, а Вам — неизвестно когда, и кончит ли;[6] от Тургенева ни слуху, ни духу.[7] Панаева повесть поспеет не ранее, как к декабрю...[8] Все это весьма прискорбно и поставило бы меня в крайние затруднения касательно Вашего альманаха, если б не следующее обстоятельство. Еще в Казани решили мы с Толстым и с Панаевым хлопотать о приобретении журнала,[9] чтоб с 1847 года приступить к его изданию. На это предприятие Толст⟨ой⟩ и Панаев решились употребить значительные деньги. В июле я отправился в Петербург, в августе прибыл и Панаев, и, наконец, мы на днях кончили с Плетневым и взяли у него «Современник». Ответственным редактором будет Никитенко, ибо иначе сделать было нельзя, — впрочем, влияние его ограничивается наблюдением за журналом в отношении к цензуре и несколькими мелкими льготами, кои он себе выторговал. Подробнее узнаете дело, когда свидимся. На днях мы выпустим объявление.

Еще в Казани мы имели в виду, когда дело удастся, списаться с Вами касательно уступки Вашего альманаха нам в журнал. Но теперь, при вышеписанных обстоятельствах, я нахожу этот оборот дела выгодней-

шим для Вас и не думаю, чтоб Вы находили иначе. Мы заплатим Вам за все статьи, имеющиеся для Вашего альманаха, и за те, кои будут для него доставлены, хорошие деньги,[10] и это будет Ваш барыш с предполагавшегося альманаха. Пишите, что Вы обо всем этом думаете и когда Вы приедете, ибо можете судить, как Ваше присутствие в Петербурге для нас теперь важно. Само собою разумеется, что мы предложим Вам условия самые лучшие,[11] какие только в наших средствах. Работой также Вы слишком обременены не будете, ибо мы будем Вам помогать по мере сил.

Краев⟨ский⟩ делает гадости по-прежнему.[12] Недавно еще, когда ему был выговор за направление «О⟨течественных⟩ з⟨аписок⟩», он сказал, что этого вперед не будет, ибо он удалил уже сотрудников, которые поддерживали такое направление. Пишите к Герцену, чтоб он не давал ему конца «Кто виноват?».[13] Нам хочется напечатать этот роман вполне отдельной книжкой и дать в приложении к журналу безденежно. Это была бы порядочная пилюля Андрюшке...[14]

Мы объяснили Гончарову дело о журнале; он сказал, что Кр⟨аевский⟩ ему дает по 200 р⟨ублей⟩ за лист; мы предложили ему эти же деньги, и роман этот будет у нас. Другую его повесть[15] я тоже купил у него.

До свидания. Адресуйте ко мне письмо: на Фонтанке, между Аничкиным и Семионовским мостом, в доме княгини *Урусовой*.

Кланяется Вам Авдотья Яковлевна[16] и все Ваши знакомые. Языков и Тютчев открыли контору агентства и комиссионерства.[17]

Весь к услугам Вашим
Н. Некрасов.

28. А. В. НИКИТЕНКО

19 октября 1846. Петербург

Милостивый государь
Александр Васильевич.

Нам при печатании в журнале большего количества оригинальных статей, чем переводных,[1] стоящих гораздо дешевле, на то, чтоб издание журнала окупалось, нужно по меньшей мере, как мы уже говорили Вам, *1500* подписчиков; еще *сто* подписчиков полагаю я на непредвиденные расходы, которые, несомненно, представятся.

Итак, кроме постоянного Вашего жалованья в 1000 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩ в год и платы за статьи Ваши по 200 р⟨ублей⟩ асс⟨игнациями⟩ с листа особо, — Вы будете иметь пять процентов с каждого подписчика свыше 1600, или короче: пять процентов со всего барыша. Это не входило в первоначальные наши расчеты, но так как Панаев[2] на это согласен, а от другого компаниона по этому делу[3] я имею доверенность действовать по своему усмотрению, то мы и решаемся предложить Вам эти условия, — надеясь, что Вы не осудите нас, если они покажутся Вам слишком умеренны, приняв в соображение многочисленные расходы по журналу и Плетнева, поглощающего у нас ни за что, ни про что столько процентов.[4]

Я и Панаев покорнейше просим Вас ускорить, по возможности, окончание дела с цензурным комитетом — ибо теперь каждый день дорог.

Потрудитесь прислать *наше условие с Плетневым*,[5] а также и Ваше,[6] чтобы я мог составить из него форменное условие и подготовить к переписке. Пришлите также и программу,[7] ибо к середе может быть нужно ее переписать.

Весь к услугам Вашим
Н. Некрасов.

Суббота

29. Н. М. ЩЕПКИНУ

26 октября 1846. Петербург

Здравствуйте,
Николай Михайлович!

Пишет к Вам Некрасов, а о чем, то явствует из приложенных при сем объявлений.[1] Воронеж, говорят, богатый город и многолюдный, — там, вероятно, есть люди, выписывающие журналы; если можно, да распространятся же между ними прилагаемые объявления. Русь-матушка велика, — скоро ли дойдет до нее, что «Отечеств⟨енные⟩ записки» переменили квартиру и, приодевшись и приумывшись, хотят явиться к ней под именем «Современника». Вероятно, в Воронеже есть и книгопродавец; пусть же он наклеит одно из цветных объявлений на картон и повесит у себя в магазине: оно и украшением может служить. Просить Вас о распространении известия о «Современнике» считаю лишним: если можно, Вы, верно, это сделаете. Пишу к Вам как по собственному побуждению, так и по совету Белинского, который Вам кланяется. Если вздумаете мне написать, то адресуйте в контору «Современника», адрес которой означен на объявлении. Будьте здравы и веселы.

Ваш Некрасов.

26 октября 1846
СПб.

30. А. В. НИКИТЕНКО

14 декабря 1846. Петербург

Препровождаю небольшой рассказ Тургенева[1] — для «Смеси» 1-го №, — по крайнему моему разумению — совершенно невинный. Белинский с своей статьей запоздал и посылает ее в типографию по страничкам, поэтому ее никак нельзя было доставить к Вам в рукописи;[2] кроме того, что она не дописана, ее нужно было бы еще переписывать, ибо читать с помарками и вставками Вам составило бы много труда, а я знаю, что Вам время дорого. Впрочем, Белинский приказал Вам передать, что он употребит все усилия, чтоб статья была благовоспитанная. Во всяком случае, она доставится к Вам в корректуре, с

которою, разумеется, вольны Вы поступать, как с рукописью. Если нам и придется немножко приплатиться за набор, то это ничего не значит в сравнении с потерею нескольких дней,[3] которая была бы неизбежна.

Весь Ваш
Н. Некрасов.

14 декабря
1846

На обороте:

Его высокородию
Александру Васильевичу Никитенко.
От Некрасова.

1847

31. А. В. НИКИТЕНКО

9 января 1847. Петербург

Покорнейше прошу прислать статью об «Элевзинских таинствах»;[1] типографии решительно нечего набирать. Есть также у Вас небольшой рассказ «Похождения мужичка в Питере»,[2] который, если можно, разрешите в «Смесь» 2-го №, — и потрудитесь прислать. При сем препровождаю два стихотворения и небольшой рассказ для «Смеси».[3]

Весь Ваш
Н. Некрасов.

9 января
1847

32. Н. Х. КЕТЧЕРУ

13 января 1847. Петербург

Любезный Николай Христофорыч, — я к тебе тысячу раз собирался писать, что станешь делать! только теперь собрался. Я изнемогаю — не под бременем труда, а под бременем разных страхов, которые нападают на меня при этом новом многосложном и нелегком для меня деле.[1] Ну да что об этом. Вот что:

помощь твоя мне нужна — по сношениям с московскими сотрудниками, по ревизии московской конторы[2] (на это по окончании подписки я пришлю к тебе особое доверительное письмо[3]) и т⟨ому⟩ под⟨обное⟩. Захочешь ли ты этим заняться? Напиши. А уж я-то как был бы рад. Вот еще что: уведомь, пожалуйста, Галахова, что ему, по просьбе его, будут выдавать из москов⟨ской⟩ конторы два экз⟨емпляра⟩ «Совр⟨еменника⟩» по прилагаемой записке,[4] которую ты и передай ему. Да попроси его, чтоб он увидал *Ваненку* и напомнил ему об *материалах для физиологии московской книжной торговли и книгопродавцев*, которые Ваненко мне обещался,[5] пускай присылает поскорее — я ему заплачу хорошо. Нужды нет, что материалы не в порядке, — у меня есть кой-что о петербургской книжной торговле,[6] и из всего этого можно будет составить интересную статью. Прощай, пожалуйста, хлопочи о статьях для «Совр⟨еменника⟩», да и сам что-нибудь делай для него.

Весь твой
Н. Некрасов.

13 января

33. А. В. НИКИТЕНКО

22 января 1847. Петербург

Начало Вашей статьи,[1] почтеннейший Александр Васильевич, я получил и послал в типографию. Особые экземпляры «Элевзинских таинств»[2] оттиснуты на веленевой бумаге и могут быть доставлены к Вам хоть завтра. Что касается до перевода «Записок немецкого офицера»,[3] то их только начало переводила довольно неискусная рука — и правда, не очень хорошо, всю же вторую и большую половину переводил Кронеберг — и та лучше.

Я получил от Кавелина разбор диссертации об Ломоносове, написанной Аксаковым.[4] Кавелин не знал, что об ней лучше не писать, и написал, но так, что, кажется, в напечатании его разбора не может быть ничего опасного. Посылаю к Вам этот разбор и покорнейше прошу разрешить этот вопрос. До нас доходил слух из Москвы, что диссертация эта была на время остановлена и, видно, теперь опять явилась в новом,

измененном виде, иначе Кавелин (человек вообще очень осмотрительный) не решился бы писать об ней. «Библиографию» пишет Белинский,[5] только что немного поправившийся от болезни, и дня через два она будет к Вам доставлена.

Весь Ваш
Н. Некрасов.

22 янв⟨аря⟩

P. S. Препровождаю к Вам Ваши «Мертвые души»[6] и прошу Вас покорнейше прислать 1-й № «Журнала Министерства народного просвещ⟨ения⟩» и «Журнал Минист⟨ерства⟩ внутренних дел», если эти журналы у Вас есть: они нужны бы для составления фельетона.

34. И. С. ТУРГЕНЕВУ

15 февраля 1847. Петербург

Любезный
Тургенев.

Спасибо Вам и за память об нас и за память об «Современнике». Рассказ Ваш я прочел — он очень хорош, без преувеличенья: прост и оригинален. Завтра дам его Белинскому — он, верно, скажет то же.[1] Кстати, о Белинском. Здоровье его так же неровно, как при Вас: то плохо, то как будто и ничего. Впрочем, доктор заверяет, что решительной опасности нет. Весной, вероятно, он поедет на воды (в Силезию)[2] — доктор говорит, что это для него будет очень хорошо. Об этом да об наших отношениях с ним был у нас на днях положительный разговор. Я было предложил ему условие, которое обеспечивало ему при хорошем ходе дел журнала кроме жалованья до 5 т⟨ысяч⟩ асс⟨игнациями⟩ ежегодно во все продолжение времени, пока издается наш журнал, хоть бы почему-либо он и оставил у нас работу. Но он — странный человек — сказал, что для него будет лучше постепенное увеличение платы за его труды по мере успехов журнала, и на этом порешили. Впрочем, скажу Вам, что при этом он не обнаруживал и тени неудовольствия, и вообще, кажется, по этой части он теперь спокоен.[3]

На поездку за границу он решился, когда я объявил ему, что жалованье за полгода, которое он проездит, все-таки будет выдано ему — и в самом деле без этого он не мог бы ехать. Теперь эта мысль его занимает. Тютчев и К° здоровы; контора их идет недурно.[4] «Современник» продал уже слишком сто экз⟨empляров⟩ нового издания и, есть надежда, продаст и еще штук двести. Кстати, «Современник» №№ 1-й и 2-й Вам высланы, и прочие будут высылаться ежемесячно. Ваш рассказ («Каратаев») напечатан во 2-й книжке: он всем понравился очень, Белинскому тож; два-три места досадные (хоть и небольшие) выкинуты, да что ж делать![5] если б и весь уничтожили, так нечему бы удивляться. Работайте, коли работается, — дело хорошее; делаешь ли что, не делаешь ли — время все равно пройдет, только как ничего не сделал, так оглянуться назад совестно. Статья об немецк⟨ой⟩ лит⟨ературе⟩[6] к 4-му № нам будет крайне нужна, письмо о Берлине[7] — очень бы хорошо, Радилова я буду ждать с нетерпением;[8] мне эти Ваши рассказы по сердцу пришлись. Собственно, я прошу у Вас еще стихов — поторопитесь с «Маскарадом»,[9] — без стихов мне куда не хочется выпускать книжек, своих мало, а за Огарева на днях с Белинским мы воевали (впрочем, в дружелюбном тоне), и победа осталась за ним — «Монологи» погибли для света![10]

Прощайте. Мне весело.

Очень преданный Вам
Н. Некрасов.

Пишу 15-го вечером, пошлю завтра.

Если Герцен еще не уехал из Берлина, отвесьте ему три поклона.[11]

35. Г. М. ТОЛСТОМУ

До 19 февраля 1847. Петербург

Долгое время ожидая от Вас обещанных Вами денег, мы наконец получили от Вас вексель в 12 500 р⟨ублей⟩ ас⟨сигнациями⟩.[1] Все эти дни я был чрезвычайно занят; наконец у меня нашелся свободный час, и я спешу объясниться с Вами по этому делу.

Я поставлен в такое положение, в каком, может быть, не захотел бы быть, если б мог предвидеть его. Когда начиналось у нас дело по журналу, Вы, Григорий Михайлович, обещали к 25 т⟨ысячам⟩ Панаева 25 тысяч своих; эти деньги должны были поступить в мое распоряжение, и на этом-то условии я решился[а] взяться за это дело.

Вы, казалось, так хорошо понимали важность в этом деле своевременного получения денег на журнал, Вы так ручались за себя, и Ваши уверения казались мне так дельными и несомненными, что[б] я скорее боялся не получить денег от Панаева, чем от Вас. Помню, что эту боязнь и Вы со мной разделяли. Что ж вышло? Деньги от Панаева я давно получил и истратил, а от Вас — после двух писем моих к Вам,[2] в которых настоятельную надобность в деньгах я доказывал цифрами, — вдруг получаем мы заемное письмо в 12 500 р⟨ублей⟩ ас⟨сигнациями⟩, то есть в половину обещанной Вами суммы. Правда, между нами была речь о заемном письме, но в таком случае: 1) если б оказалась возможность обойтись на первый случай с одними Панаева деньгами; 2) если б притом Вы не имели возможности внести денег к условному сроку и 3) если б нашлась возможность занять здесь денег под залог Вашего векселя. Но я Вас уведомил, что одних Панаева денег *недостаточно*, что надежда на заем слишком *непрочна*, да притом Вы *имели возможность* внести деньги или по крайней мере ту сумму, которая на первый раз была необходима (я у Вас просил только 7 или 5 т⟨ысяч⟩ ас⟨сигнациями⟩). Доказательство: Ваши собственные письма,[3] в которых Вы уведомляли, что приступаете к хлебной торговле и деньги, бывшие у Вас, употребили на закупку хлеба. Мало того: даже присылке самого векселя предшествовало письмо Петра Андреевича[4] (к Авдотье Яковлевне[5]), в котором было сказано, что вексель Вы пришлете и мы должны постараться занять под него, а *впрочем, нельзя ли так как-нибудь извернуться, всего бы лучше*? Что это значит? — я долго думал. Если Вы хотите, чтоб мы извернулись без

[а] *Далее было*: привязать себя к этому делу, что для меня совсем не шутка

[б] *Далее было*: мне совестно теперь напоминать

Вашего векселя, то на что ж было и посылать его?.. А если мы, получив, должны были держать его без употребления, то в чем же заключалось бы участие Ваше в издержках на журнал?[в]

Да и во всяком случае оно не могло быть действительно, ибо при основании журнала мне, как я Вам писал, настоятельно нужны были деньги, а не вексель...[г]

Итак, надежда моя на денежное содействие Ваше при основании журнала оказалась ошибочною: Вашего содействия не было, и журнал основан[д] средствами Панаева и некоторыми другими,[6] к которым я вынужден был прибегнуть. Препровождаю к Вам обратно Ваш вексель. Если[е] предпо⟨лагаемое⟩ участие Ваше в этом предприятии не состоялось, то, конечно, вина не моя и не Панаевых. Что касается до Панаевых, то я объяснился с ними и сказал, что если они со мной не согласны, то я[ж] от всего отказыв⟨аюсь⟩ и отступаюсь. Они пред⟨оставили⟩ это, как и все дела по журналу, моему распоряжению.

36. А. В. НИКИТЕНКО

1 апреля 1847. Петербург

Панаев передал мне Ваше письмо, почтеннейший Александр Васильевич... О том, чтоб посылать экземпляр «Современника» в редакцию «Ж⟨урнала⟩ М⟨инистерства⟩ н⟨ародного⟩ п⟨росвещения⟩», говорили Вы мне *два* раза. Один раз давно, и тогда я забыл

[в] *Далее было*: Да и в таком случае, если б не было этой приписки, воспользоваться этим векселем я не мог, — мне нужны были деньги и именно деньги, о чем я к Вам и писал, а не получив у Вас обещанных Вами денег, я принужден был прибегнуть к другим источникам и, вероятно, должен буду прибегать и на будущее время.

Вексель же Ваш препровождаю к Вам обратно; *извернуться* мне без него легко, ибо, как выше сказано, если б и хотел, то не мог бы извлечь из него никакой пользы. *До зачеркивания этого фрагмента Некрасов обозначил перестановку местами абзацев «Вексель же Ваш...» и «Да и во всяком случае...», пометив их соответственно цифрами «2» и «1».*

[г] *Далее было*: Если предполагавшееся участие Ваше не сост⟨оялось?⟩

[д] *Далее было*: на деньги

[е] *Далее было*: участие Ваше

[ж] *Далее было*: не могу долее

(надеюсь, что Вы допускаете забыть подобную вещь, особенно если она сказана на словах, между разговором); другой раз Вы сказали мне об этом на прошлой неделе, и я на этот раз не забыл и распорядился высылкою экз⟨емпляра⟩ «Совр⟨еменника⟩» в р⟨едакцию⟩ «Ж⟨урнала⟩ М⟨инистерства⟩ н⟨ародного⟩ п⟨росвещения⟩». Прошлая неделя была праздничная, нынешняя только что началась, сегодня вышел 4-й №, и сегодня же все четыре нумера были бы отосланы (и отосланы).

Все это я считаю нужным довести до Вашего сведения, чтоб Вы могли усмотреть, что я совсем не принимал намерения не давать экземпляра нашего журнала за журнал, *даваемый* нам. Мне крайне прискорбно, что моя забывчивость доставила Вам неприятность и беспокойство, но я не хочу, чтоб Вы продолжали в этом отношении ошибаться на мой счет и видеть какой-то престранный умысел там, где его нет.

Что касается до г. Очкина,[1] то о доставлении ему экз⟨емпляра⟩ сделано распоряжение давно, и контора утверждает, что она посылала и посылает ему №№ «Современника». Скажите, что ж мне тут делать? С одной стороны, я не имею никакой причины сомневаться в честности и даже строгой аккуратности Тютчева и Языкова,[2] а с другой стороны, сам, лично, заниматься доставкою «Современника» — я не имею времени и охоты. Я покорнейше Вас прошу на будущее время адресовать всех приносящих Вам подобные жалобы прямо в контору, чтоб она могла лично с ними объясниться.

На следующий год мы будем получать все журналы за деньги, и в размен «Современник» никому выдаваться не будет, — таким образом избегнем подобных неприятностей и хлопот, — а теперь прошу Вас покорнейше извинить меня в том, в чем в этом деле я виноват.

Истинно уважающий Вас
Н. Некрасов.

1 апреля 1847

«Современник» г-ну Очкину посылается теперь не чрез контору Ольхина,[3] а по городской почте.

37. А. В. НИКИТЕНКО

6 апреля 1847. Петербург

Почтеннейший
Александр Васильевич!

У Вас есть повесть «Кирюша».[1] Она очень нужна для набора. Ее читал и дозволил г. *Крылов*,[2] стало быть, в цензурном отношении она не страшна, а в литературном очень недурна, кажется; автор ее — *П. Ан⟨н⟩енков*, автор «Писем из Парижа».

Не соблаговолите ли Вы прислать ее сегодня?

Весь Ваш
Н. Некрасов.

6 апреля 1847

На обороте:

Его высокородию
Александру Васильевичу Никитенко.
От Некрасова.

38. В. П. БОТКИНУ

11 апреля 1847. Петербург

11 апреля (пошлется завтра). СПб.

Сегодня я получил Ваше письмо, Василий Петрович, и спешу отвечать на него.

Я почитал это дело, о котором Вы меня спрашиваете, давно конченным, — ибо не только слышал этот вопрос от Белинского, но даже читал Ваше письмо, в котором Вы поручали ему спросить меня: заплачу ли я ему 300 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩ из Герцена денег?[1] — Вот что я отвечал ему тогда: «Я не могу дать Вам больше той суммы, которую я Вам обещал (а обещал я ему от 3-х до 4-х тысяч к тем 7-ми с лишком тысячам, которые он уже мне должен по журналу); что ж касается до того, будете ли Вы считать ту сумму всю полученною от меня или 300 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩ из нее отнесете на счет Герцена, — делайте, как Вам выгоднее».[2]

Если б Герцен поручил мне передать Белинскому не 1000 р⟨ублей⟩, а все четыре тысячи, которые я Герцену должен, — то[a] и тогда я мог бы сказать, что эти

---

[a] *Далее было*: я мог бы

деньги мною Белинскому все заплачены, потому что в прошлом и нынешнем году забрано Белинским у меня 2884 р⟨убля⟩ 57 коп. сер⟨ебром⟩, то есть *десять тысяч девяносто шесть рублей ассигнациями*, а между тем заработано им, считая за *четыре* месяца,[3] 2666 р⟨ублей⟩ ас⟨сигнациями⟩, да получено нами от него статей из альманаха[4] по большей мере на 1500 р⟨ублей⟩ ас⟨сигнациями⟩, — всего 4166 р⟨ублей⟩ ас⟨сигнациями⟩. Стало быть, по сие время он должен мне *пять тысяч девятьсот тридцать рублей ассигн⟨ациями⟩*. Надеюсь, что после этого расчета мне нечего отвечать на Ваш вопрос.

Но положение Белинского заставляет меня войти в подробности, касающиеся лично до него, которые Вам, как человеку, принимающему в нем участие, нужно знать. Дело касается того, с чем он поедет за границу и что оставит своему семейству.

Когда он решился ехать за границу,[5] я обещал ему от *трех* до *четырех* тысяч; но из этих денег он уже забрал у меня *две тысячи пятьсот рублей*[6] в последние полтора месяца, и — что еще важнее — я знаю, что этих денег у него уже нет; самое большее, что я могу ему еще дать, — это *полторы тысячи* (300 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩, из них я зачту за Герцена, а остальные приложу к долгу Белинского). Итак, вот все то, что он может иметь здесь. Вы сами эти дела знаете и поверите мне, что дать теперь больше у меня нет никакой возможности: на издание журнала нужно нам по меньшей мере 32 т⟨ысячи⟩ р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩, — собрали мы по подписке *менее ста тысяч ассигн⟨аций⟩*,[7] *и с лишком десятую долю из этого сбора* забрал у меня один Белинский. Это значительно запутало наши дела, и я теперь должен прибегать ко всевозможным изворотам и ограничиваньям издержек, чтобы к концу года не пришлось плохо. Положение мое в настоящем случае мучительно: с одной стороны, мне тяжело отказывать Белинскому (и я до сей минуты ни разу ему не отказывал), а с другой — на мне лежит очень большая ответственность, — Вы это знаете.

Во всяком случае, если будете писать к Герцену,[8] то потрудитесь сказать ему, что 300 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩ Белинскому мною заплачены; еще по просьбе Герцена выдал я г-ну Захарьину[9] 60 р⟨ублей⟩ сереб-

р⟨ом⟩ и выдам еще 90 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩, — все это составит *450 р⟨ублей⟩ серебр⟨ом⟩*, и более в нынешнем году я заплатить Герцену не могу и прошу его уплату остальных денег подождать за мной до следующего года.

До свидания. Сильно Вам кланяюсь и от души желаю, чтоб здоровье Ваше поправилось и чтоб «Испанские письма»[10] подвинулись. Напишите мне, если будете так добры, — что Вы думаете о положении Белинского, не придумаете ли какой полезной для него меры, — и посоветуйте мне что-нибудь в этом случае. Честью Вас уверяю, что я делаю и готов сделать для Белинского все, что могу.

Весь Ваш
Н. Некрасов.

39. М. Л. ОГАРЕВОЙ

Первая половина июня 1847. Петербург

(*Приписка на письме А. Я. Панаевой к М. Л. Огаревой*)

Сдраствуйте, Марья Львовна.

Некрасов.

40. В. Г. БЕЛИНСКОМУ, И. С. ТУРГЕНЕВУ и П. В. АННЕНКОВУ

24 июня 1847. Петербург

Письмо ваше, Белинский, Тургенев и Анненков, мы получили;[1] я сейчас прочел его вслух Панаеву и М. С. Щепкину, который здесь теперь на несколько дней. Новостей у нас, господа, накопилось много, да вдруг не вспомнишь; памятна мне одна: что в прошлом месяце мы бросили перевод и набор «Манон Леско» и «Леоне-Леони», а в нынешнем не будем продолжать «Пиччинино».[2] Это все потому, что это романы французские, а к французским романам, по обстоятельствам, не зависящим от редакции, мы с Панаевым почувствовали сильное нерасположение. Был я в Москве; чтоб вы поняли силу этой поездки,

расскажу вам анекдот: Краев⟨ский⟩ приехал в Москву позже меня четырьмя днями; в этот самый день я давал обед московским сотрудникам. Боткин с Галаховым берут шляпы и идут. — Куда? — спрашивает Краевский. «На обед, к Некрасову», — отвечает Боткин. — А разве Некрасов здесь? — спрашивает Кр⟨аевский⟩. «Здесь», — отвечает Боткин. — *Он меня предупредил*! — восклицает Краевский, а Боткин клянется, что в этом восклицании слышались рыдания и проклятия.[3] И действительно, было о чем пожалеть ему: Боткин в это время был уже, так сказать, законтрактован мною для «Современника»; Кавелин, которому еще прежде Кр⟨аевский⟩ предлагал взять на себя редакцию и составление исторических статей для «Энцикл⟨опедического⟩ лекс⟨икона⟩»,[4] с *помощию моею* сосчитал буквы в листе «Энц⟨иклопедического⟩ лекс⟨икона⟩» сравнительно с листом «Современника» и не решается меньше взять с листа «Энц⟨иклопедического⟩ лекс⟨икона⟩», как 150 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩, и сверх того 200 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩ за редакцию, а между тем Кр⟨аевский⟩ предлагал ему только по 100 р⟨ублей⟩ за лист без всякой платы за редакцию, и не случись тут меня — может быть, Кавелин и ошибся бы. Вообще поездка моя была полезна для «Современника»:[5] Корш пишет нам статью «История Венеции» и взялся составлять статьи об аглицк⟨ой⟩ лит⟨ературе⟩.[6] Грановский написал нам статью «Валленштейн» (действительно написал!) и пишет уже другую о *проклятых народах*;[7] приискан сотрудник для разбора московских книг;[8] имеется в виду много хороших составных статей, — дело в том, что Грановский назвал мне много интересных новых книг, о которых мы с Панаевым в Петербурге и во сне не видали, — и вот из них-то поручено составить статьи; редакцию этих статей, понукание к скорейшему их выполнению и пересылку ко мне взял на себя Боткин; и на будущее время обязанность его будет состоять в том, чтоб приискивать в Москве сотрудников и заказывать для нас состав⟨ные⟩ статьи из новых книг иностранных. Важно и то, что я узнал настоящие мысли москвичей о «Современнике»[9] и пр. и пр., чего не выразишь словами, но что вы легко можете себе представить. А живут москвичи весело: сойдутся двое — посылают за бутылкой, хоть бы в

10-ть часов утра; придет третий — посылают; перейдут к четвертому — посылают, и т. д. — славная жизнь!.. Как смеются они над Мельгуновым по поводу его «Совр⟨еменных⟩ замет⟨ок⟩»!..[10] Жаль, что нет времени рассказать всех анекдотов, которые случились по этому случаю! Он ужасно обиделся; целую неделю ходил от одного приятеля к другому рассказывать о том, как Панаев и Некрасов несправедливо с ним поступили, — и лицо у него было бледно и строго, в голосе отзывались слезы и благородное негодование. Уморительный анекдот рассказывает о нем Корш. Высидев у Корша часов десять и надоев ему смертельно, он ушел и забыл какой-то сверток. — *Посидел!* — говорит Корш, развертывая забытый сверток (он думал, что это какие-нибудь брошюры), — и вдруг посыпались на пол вяземские пряники — в это самое время отворяется дверь и выглядывает бледная фигура Мельгунова. Бормоча что-то, он принялся подбирать пряники и с тех пор не мог взглянуть в глаза Коршу... В самом деле, Мельгунов — и вяземские пряники!.. Будет о москвичах и о «Современнике», да! еще вы спрашиваете, кто писал вторую половину разбора «Дон-Жуана», — *Кронеберг* (а первую — Майков).[11] Кронеберг злой человек, и мне хочется его уговорить хоть изредка разбирать книжонки. А в помещении рассказа Бартенева виноват я, — как у нас *не стало* в этом № двух романов[12] да еще рассказа «Жид»,[13] который мы было *хотели* напечатать без имени, то с горя и попали тут и «Петербу⟨ргское⟩ купе⟨чество⟩», и рассказ *Бартенева.*

Я не отвечал Вам, Тургенев, на Ваши письма и ничего не писал об успехе Ваших рассказов[14] — по злобе на Вас за надуванье статьей об немецк⟨ой⟩ лит⟨ературе⟩.[15] Ну, черт Вам простит! Успех Ваших рассказов повторился еще в большой степени в Москве, — все знакомые Вам москвичи от них ⟨в⟩ восторге и утверждают, что о них говорят с восторгом и в московской публике. Нисколько не преувеличу, сказав Вам, что эти рассказы сделали такой же эффект, как романы Герцена и Гончарова и статья Кавелина,[16] — этого, кажись, довольно! В самом деле, это настоящее Ваше дело; Белинский говорит, что Вы еще написали рассказ;[17] если не думаете скоро

написать другой, то высылайте хоть этот; это нам к осени куда хорошо; нас то и дело спрашивают, будут ли в «Современнике» еще Ваши рассказы. Вот оно куды пошло! На предложение Мюллера[18] мы согласны и даже очень рады; по 50 талеров будем платить с охотой; только уж, пожалуйста, возьмитесь сами списаться с ним обстоятельно, какого рода статьи нам нужны (в особенности хорошо, если он возьмется писать нам об немецк⟨ой⟩ лит⟨ературе⟩); присылайте нам его адрес — мы заведем с ним переписку через Кронеберга. «Петушкова» я Вам вышлю;[19] оригинал «Каратаева» сохраню.[20] Вы заработали у нас довольно много денег — за Вами немного; если нужны деньги, я Вам пришлю в Париж, только напишите еще рассказа два к осени.

Наконец, слово к Вам, Павел Васильевич; во-первых, жму Вам руку, т. е. руку, написавшую письма из Парижа.[21] Во-вторых, попадете в Париж — пожалуйста, пишите опять, а я даю Вам слово перечитывать корректуру Ваших писем внимательней, или лучше заключим условие: за каждую опечатку Вы отныне имеете право взыскать с меня бутылку шампанского при свидании; сколь ни подло, но я буду все меры употреблять, чтоб Вам никогда не пришлось пить моего шампанского; только пишите иностранные слова и собственные имена разборчивее. Вообще я похлопочу, чтоб опечаток в «Совр⟨еменнике⟩» было меньше; вся беда в том, что у нас нет хорошего корректора, а во второй корректуре всех ошибок иногда не усмотришь; придется перечитывать по два раза. Письма адресуйте так: *в Петербург, в контору «Современника»*. Прощайте, веселый и злой человек; когда-то я опять Вас увижу?

41. И. С. ТУРГЕНЕВУ, В. Г. БЕЛИНСКОМУ и П. В. АННЕНКОВУ

25 июня 1847. Петербург

Любезный
Тургенев!

Есть у меня еще до Вас просьба, исполнением которой в возможной степени Вы меня обяжете превыше всех благодарностей. Видите в чем дело: по

поводу того, что неудобно печатать французские романы, — мы в большом затруднении насчет *приложений*, которые обещаны публике; покуда у нас есть только в виду «Записки Бенвенуто Челлини»,[1] которые уже переводятся. Но этого мало. Мы решились дать в приложении к 10-му и 11-му № «Иллюстрированный альманах»,[2] состоящий из небольших юмористических статей в стихах и прозе, — этим расквитаемся мы и в другом долге перед публикой, которой мы обещали политипажи. Для этого заготовлены и заказаны нами статьи, между прочим, Гончарову и Достоевскому, также Апол⟨лону⟩ Майкову; я произвел три стихотворения,[3] а Панаев — рассказ; есть и еще кое-что; сюда же думаем мы поместить и Ваш «Маскарад», если только Вы о нем не забыли. А если забыли, так, пожалуйста, вспомните, кончите и пришлите поскорей, ибо его нужно иллюстрировать. Рисовать картинки будут (и уже начали) Невахович, Степанов, Агин и Аполлон Майков. Но этого нам кажется мало. Нам хотелось бы *парижских* политипажей,[4] это произвело бы сильный эффект, а между тем этого достигнуть нетрудно, если Вы не поленитесь. Стоит только, если не Вам, так Анненкову, который так долго жил в Париже, набросать несколько очерков парижской жизни (хоть уличной), обратиться к хорошему парижскому художнику, чтоб он нарисовал к этой статье картинки, потом к хорошему граверу на дереве, чтоб он их вырезал, — прислать к нам доски и статью — и дело кончено: мы в Петербурге щегольнем парижскими политипажами! Пожалуйста, господа! расходов не бойтесь: платим же мы здесь большие деньги за посредственные политипажи, так за парижские и грех было бы не заплатить. Если Вы согласны взять на себя эту комиссию, — напишите — я тотчас вышлю Вам денег. Павел Васильевич! Я думаю, если Вы захотите, для Вас немного будет стоить труда сделать мне это одолжение, а одолжение будет великое! Потому что Вы не можете себе представить, какой вес придаст нам это в глазах публики. Белинский! пожалуйста, понудьте этих господ: мне этого смерть хочется, потому что я предвижу тут сильную пользу. Книга будет отлично напечатана на отличной бумаге, и не будет в ней ни одной опечатки. Про-

щайте, господа. Желаю вам здравия и веселья. Во всяком случае, отвечайте мне, как вы найдете это предложение, не медля.

Ваш Н. Некрасов.

Статья такого свойства нужна к октябрю.

25 июня 1847
СПб.

Нам нет нужды называть этого альманаха ни юмористическим, ни как-нибудь иначе. Всякая статья *легкого свойства* будет в нем иметь место; поэтому если бы Вам, Белинский, вздумалось что-нибудь набросать слегка, то это было бы очень хорошо.[5] К Герцену я также пишу об этом.[6]

Белинский! напишите, что Вы думаете вообще о такого рода приложении. Оно нам будет дорого стоить, но я основываю на нем большие надежды.

42. И. К. БАБСТУ

5 августа 1847. Петербург

Любезнейший
и прелюбезнейший г-н Бабст!

Вы себе не можете представить — сколько бы пылко ни было Ваше воображение — до какой степени я благодарен Вам за Ваше участие в «Современнике», за Ваши статьи[1] и за Вашу аккуратность. Пишите библиографии московских книг — ваши разборы дельны и лучше не нужно. Статья «Кальвин», к сожалению, немного опоздала на 8-мую книжку (когда мы особенно нуждались в статье для «Наук»), но она очень интересна и пойдет в одном из следующих №№.[2] Я не выслал Вам денег за Ваши напечатанные статьи, ожидая, когда больше накопится, но если деньги Вам нужны — уведомьте: я сейчас вышлю.

Статью об Австралии делайте исподволь, ибо раньше как через три месяца она не понадобится.[3] Будьте здоровы. Поклонитесь доброму Михаилу Семеновичу.[4]

Весь Ваш
Н. Некрасов.

5 августа 1847

43. А. В. НИКИТЕНКО

14 августа 1847. Петербург

Почтеннейший
Александр Васильевич!

Потрудитесь прислать корректуры, которые находятся у Вас: пора начинать печатать.[1] Пришлите также, сделайте одолжение, книгу Бантыша-Каменского «Жизнеописания» и пр.[2] Елизаров[3] мне ее не дает, ссылаясь на то, что она у Вас, а между тем ее уже пора разобрать, и я нашел человека, который может хорошо написать о ней.

Как-то давно не приводилось мне с Вами видеться, и я не имел случая принести Вам мою великую благодарность за статью Вашу о книге Чистякова,[4] — которая статья мне чрезвычайно нравится, да и публике также, о чем я имею достоверные сведения.

Весь Ваш
Н. Некрасов.

14-го августа
1847

Кланяется Вам Герцен, от которого я получил вчера письмо.[5] Он шлет нам на днях для «Соврем⟨енника⟩» свои письма из Парижа.[6]

На обороте:

Его высокородию
Александру Васильевичу Никитенко.
От Некрасова.

44. И. К. БАБСТУ

15 августа 1847. Петербург

Вы ужаснейший чудак, любезнейший Иван Кондратьич! Помилуйте! что статья Ваша не напечатана — так уж Вы заключаете, что мы нашли ее ненужною или негодною.[1] Еще не получив Вашего письма, я писал к Вам, что статья пойдет в одном из след⟨ующих⟩ №№. Теперь нужно объясниться обстоятельнее. Не будучи вполне уверены, что статья для 8 № поспеет в Москве к сроку, мы заказали и здесь статью, — статья эта (Мальтус)[2] поспела раньше — и вот причи-

на, что Ваша была отложена. Я и теперь не могу положительно сказать, когда будет Ваша статья напечатана, но что будет напечатана — это несомненно. Итак, если Вы не имеете другой более важной причины требовать ее назад, кроме той, которую изложили в письме Вашем[3] и которая оказалась совершенно ошибочною, — то оставьте эту статью у меня. «Современник» ее с удовольствием вместит на своих страницах, а я вышлю Вам деньги.

Пожалуйста, присылайте на нынешний месяц побольше разборов моск⟨овских⟩ книг — здесь книг почти не выходит, и библиография будет плохая.

Прощайте.

Ваш Н. Некрасов.

15 авг⟨уста⟩
СПб

45. А. В. НИКИТЕНКО

19 сентября 1847. Петербург

У Вас, Александр Васильевич, есть статья под названием «История русского титула».[1] Потрудитесь прислать ее ко мне, потому что за нею уже несколько раз приходили, и я обещал завтра дать ответ. А передана она Вам самим автором.

Я читаю путешествие Диттеля[2] и завтра представлю Вам ответ.

Весь Ваш
Н. Некрасов.

19-го сентября 1847

Нужны *рассказы Тургенева*,[3] которые от цензоров уже получены — без изменений.

Срезневский[4] уже вступил, и ему послан для соображения полный экз⟨емпляр⟩ «Современника», но покуда корректур от него еще ни одной не возвращено. Что-то будет?..

На обороте:

Его высокородию
Александру Васильевичу Никитенко.
От Некрасова.

46. А. Н. МАЙКОВУ

20 сентября 1847. Петербург

Я совсем забыл (а Панаев мне напомнил), что мы все давно уже обещали быть в эту субботу у нашего знакомого А. А. Комарова. Поэтому на сегодняшнем сборище у меня недостало бы многих приятных членов, да и обещание нарушить не хочется; итак, это сборище отлагается — вероятно, до завтра, я у Вас сегодня буду и скажу обстоятельно, а теперь спешу остановить Вас от приглашения Дудышкина, да и Достоевскому, пожалуйста, скажите.

Весь Ваш
Н. Некрасов.

20-го сент⟨ября⟩

47. А. В. НИКИТЕНКО

20 сентября 1847. Петербург

Я узнал, почтеннейший Александр Васильевич, что повесть «Савка»[1] уже послана к Срезневскому; поэтому, кажется, теперь осталось одно средство предупредить его затруднение и напрасный испуг: потрудитесь написать к нему, что Вы сами нашли повесть «Савку» неудобною к печати в том виде, как она набрана, и потому просите его не трудиться напрасно читать ее — ибо она будет переделана или и вовсе уничтожена. Это письмо — если Вы найдете нужным поступить так — пришлите ко мне, и я тотчас отправлю его к Срезневскому.

Весь Ваш
Н. Некрасов.

20 сентября

На обороте:

Его высокородию
Александру Васильевичу Никитенко.
От Некрасова.

48. А. В. НИКИТЕНКО

24 сентября 1847. Петербург

Я совершенно согласен с Вами, почтеннейший Александр Васильевич, замечание Ваше чрезвычайно справедливо и законно. Я сейчас же поеду в типографию и разберу дело; не понимаю, каким образом могла случиться такая неисправность[1] со стороны Праца, человека аккуратного. Впрочем, я уже несколько дней не был в типографии (я нездоров, и доктор в эти дни мне запретил выходить) — может быть, в этом и заключается причина неисправности... *Точность строжайшая* будет — за это я Вам ручаюсь.

Весь Ваш
Н. Некрасов.

24 сент⟨ября⟩

На обороте:

Его высокородию
Александру Васильевичу Никитенко.
От Некрасова. *Нужное.*

49. Д. В. ГРИГОРОВИЧУ

9 октября 1847. Петербург

Любезный Григорович! Давайте окончание Вашей повести. — Чтó готово — пришлите теперь же, ибо иначе произойдет задержка. Не кончивши этой — нельзя печатать ничего другого, потому что Ваша повесть пойдет первой статьей.

При сем 4-ре формы корректуры, возвратите завтра.

Ваш Н. Некрасов.

9-го окт⟨ября⟩

50. А. В. НИКИТЕНКО

11 октября 1847. Петербург

Потрудитесь вручить сему подателю «Москвитянин»,[1] который очень нужен.

Есть у Вас стихотворение Тургенева «Филиппо Стродзи», которое нам хотелось бы напечатать в этой книжке.[2] Сделайте одолжение, Александр Васильевич, просмотрите его и пришлите.

Статью об Ирландии[3] благоволите просмотреть сегодня часам к 5 или 6-ти, чтоб можно было ее вечером отправить к цензорам; иначе дело затянется до понедельника. Мы достали прекрасную статью о холере[4] (уже одобренную Медицинским советом), — статья очень современна, и, вероятно, будут читать ее с любопытством.

Весь Ваш
Н. Некрасов.

11 октября

На обороте:

Его высокородию
Александру Васильевичу Никитенко.
От Некрасова.

51. А. В. НИКИТЕНКО

13 октября 1847. Петербург

Вот, почтеннейший Александр Васильевич, конец «Ирландии»,[1] нельзя ли его допустить хоть в том виде, как здесь отмечено? Сделайте одолжение, дайте ответ сегодня же, чтоб сегодня же можно было послать к цензорам.

Весь Ваш
Н. Некрасов.

13 октября

52. А. В. НИКИТЕНКО

18 октября 1847. Петербург

Почтеннейший
Александр Васильевич!

С «Антоном» дело покончено благополучно: оба цензора подписали так, как Вы переделали.[1]

Потрудитесь прислать в типографию 4-е письмо Герцена из Парижа;[2] это письмо уже пропущено Срезневским, и я прилагаю при сем его корректуру, которую потрудитесь переслать вместе с своею в типографию. Нужна также статья «Холера».[3]

Весь Ваш
Н. Некрасов.

18 окт⟨ября⟩ 1847

Сделайте одолжение, поищите «Филиппо Стродзи»![4] У меня сохранились поправленные Вами корректуры рассказа «Жид»,[5] который несколько месяцев назад был пропущен Куторгой, но приостановлен Ивановским.[6] Я бы желал послать Ваши корректуры этого рассказа к Срезневскому, и если он их подпишет, то рассказ можно бы набрать и напечатать. Что Вы на это скажете? Жду Вашего разрешения.

Н.

53. А. В. НИКИТЕНКО

21 октября 1847. Петербург

Почтеннейший
Александр Васильевич!

Посылаю при сем корректуры «Жида».[1] Еще посылаю Ваши и Куторгины корректуры «Письма» Герцена.[2] Я решительно не знаю, что делать с этой статьей. Я имею письмо Герцена,[3] в котором он пишет, что если его письма слишком обрежет цензура, то *не печатать их*. Рассердить Герцена нарушением его воли в таком деле мне не хотелось бы, нам лишаться такого сотрудника очень невыгодно; между тем жаль и не печатать это письмо. Поэтому решаюсь просить Вас взглянуть еще на отмеченные NB места. Так как Куторга пропустил почти все, а Срезневский на другой корректуре, посланной мною к Вам, вычеркнул только одно место, — то от Вас зависит разрешить некоторые места, если Вы найдете это возможным. Особенно, напр⟨имер⟩, исключение из фразы *официальной* Франции — слова *официальной* пугает меня в отношении к Герцену, — ибо это изменяет мысль, делает ее неверною и неосновательною. Выражение «друг Гизо, друг Дюшателя и еще более друг лжи» — сокращенное наполовину — превращается из остроты в натянутый и странный оборот и т⟨ому⟩ под⟨обное⟩.[4] Пишу это Вам потому, что знаю щепетильность Герцена в отношении к таким вещам, и прошу Вас спасти хоть некоторые из этих мест не столько ради их важности, сколько ради щепетильности автора.

Весь Ваш
Н. Некрасов.

21 окт⟨ября⟩ 1847

54. А. В. НИКИТЕНКО

26 октября 1847. Петербург

26 окт⟨ября⟩ 1847.

Я давеча заходил к Вам, Александр Васильевич, чтоб объяснить кое-что, но уже Вас не застал дома.

К Вам начинают присылать «Ответ „Москвитянину"».[1] Белинский просил меня сказать Вам, что в этой статье во всем, что касается до Вас, — разумеется, Вы полный хозяин: если найдете нужным, делайте и переделывайте, как Вам угодно. Он же писал на основании крайнего разумения и разговора с Вами да еще того, что я передал ему от Вашего имени.

Если можно, так сделайте одолжение, первую форму выдайте завтра утром в типографию: нужно дополнить лист критики, чтоб можно было его печатать. «Домби»[2] также нужен завтра утром, равно и «Отрывки из книги о России».[3] Запоздали мы нынче ужасно с печатаньем: набрано пропасть, да все в разброде, и теперь еще осталось печатать с лишком 20-ть листов. Впрочем, справимся!

Весь Ваш
Н. Некрасов.

На обороте:

Его высокородию
Александру Васильевичу Никитенко.
От Некрасова. *Нужное.*

55. И. С. ТУРГЕНЕВУ и П. В. АННЕНКОВУ

28 октября 1847. Петербург

СПб. 28 окт⟨ября⟩.

Господа
Тургенев и Анненков.

Я получил письмо Тургенева,[1] вопрос о деньгах, кажется, уж для Вас, любезный Иван Сергеич, должен быть решен. Я недели три назад встретил Вашего брата,[2] который мне сказал, что отправил Вам около трех тысяч франков.

Я получил Анненкова письмо для печати[3] — письмо превосходное и — — — написано прекрасным языком!

Если хотите быть полезны «Современнику» в Париже, как пишет Тургенев, то прежде всего напишите (кто из вас хочет) такую статью, которую можно было бы иллюстрировать в Париже, и закажите политипажи или выберите себе готовые политипажи из французских изданий, приделайте к ним текст, а с политипажей закажите так называемые *клише* и пришлите вместе с статьей.[4]

Все это нужно бы к 1-м числам декабря, не позже. Тургенев! Вы можете под такого рода статьей и не подписаться — стало быть, статья может быть и средней руки... Скучно писать по заказу. Знаю, да ведь этим Вы меня по гроб жизни обяжете... Нельзя ли соблазнить Вас деньгами? Что касается до них, то, если будете работать, можете рассчитывать на получение от меня в декабре месяце и *гораздо больше*, чем Вы назначили в своем письме: стало быть, можете дольше жить и в Париже, если Вам там нравится. А «Маскарад»?[5] Я Вам еще скажу весть, может быть, приятную: я хочу издавать и на днях начну «Библиотеку русских романов, повестей, записок и путешествий»,[6] — начну с «Кто виноват?», потом «Обыкновенная история», а потом, думаю я, «Записки охотника» — уж наберется томик порядочный, а когда наберется другой — и другой напечатаем. Как Вам это нравится и согласны ли Вы на это? Думаю, что да, а условия издания для Вас не объясняю — некогда, да и знаю, что Вы будете согласны на те условия, какие с другими. А рассказы Ваши так хороши и такой производят эффект, что затеряться им в журнале не следует.

Прощайте, господа, после 1-го числа напишу больше, а теперь страшно некогда, клянусь вам, я в судорожных хлопотах, и взялся за перо с тем, чтоб только в двух словах уведомить вас о получении ваших писем.[7] Белинский здоров и дописывает большую статью для 11-й книжки.[8] В этой книжке, между прочим, Тургенева «Жид»,[9] *без подписи его имени*.

Весь Ваш
Н. Некрасов.

56. Н. Х. КЕТЧЕРУ

4 ноября 1847. Петербург

СПб. 1847, ноября 4-го.

Любезный
Николай Христофорович.

Первую часть твоего перевода мы получили — поздно, да делать нечего — причина законная. В 12 книжке этого романа печатать нельзя,[1] ибо он, кажется, будет листов 15-ть печатных — на одну книжку много, а переносить на следующий год неудобно. Первая книжка у нас, вероятно, обойдется без переводных статей, — итак, роман этот, вероятно, понадобится на вторую, то есть в январе вторая часть должна быть у нас.

Скажу тебе, любезный друг, что объявление в 11 № «Отеч⟨ественных⟩ зап⟨исок⟩» (где означены заготовленными статьи многих наших сотрудников самых капитальных и на которых основывался перевес нашего журнала) нас чрезвычайно сконфузило.[2] Я еще понемногу креплюсь, но Белинский впал в совершенное уныние,[3] которое в самом деле весьма основательно. Как ни смотри на дело, а «Совр⟨еменник⟩» все-таки находится в соперничествующем отношении к «От⟨ечественным⟩ зап⟨искам⟩». Чем же он мог взять верх над ними? Явным перевесом, но перевес этот уничтожен: публика видит теперь, что в «От⟨ечественных⟩ зап⟨исках⟩» она будет иметь статьи тех же, которых получила бы и в «Соврем⟨еннике⟩», а между тем к этому еще у «От⟨ечественных⟩ зап⟨исок⟩» перевес девятилетней хорошей репутации, исправности доказанной, привычки и пр. Ты скажешь, перевес остался в Белинском? Но в нынешнем году у нас статей Белинского почти не было,[4] и, стало быть, в глазах у публики и этого перевеса не существует, ибо не имеет она основания думать, что в следующем году Белинский будет деятельнее.

Ты еще, может быть, скажешь, что найдутся подписчики и для нас и для него. Нет, выписывать два журнала с одним направлением и с одинаковыми сотрудниками — не у многих явится охота.

Конечно, у нас остались еще некоторые преимущества, но они известны только нам, и публика в них входить не может и не станет. Они обнаружатся, но уже будет поздно, — дело решат последние два меся-

ца нынешнего года, и, нет сомнения, значительной прибыли подписчиков нам ожидать нельзя. Я положительно уверен, что у нас прибудет разве каких-нибудь сто подп⟨исчиков⟩.

Между тем мы в нынешнем году с лишком 25 тысяч в убытке. (В декабре, после 12-й книжки, я окончу годовой счет и, пожалуй, пришлю тебе копию[5] для подтверждения этого). Надеясь на следующий год, мы тратили без оглядки: мы дали 400 листов вместо 250,[6] мы дали оригинальных листов двумя третями больше, чем «От⟨ечественные⟩ зап⟨иски⟩». Сообрази эту разницу: переводный лист относится к оригинальному, как 50 р⟨ублей⟩ ас⟨сигнациями⟩ к 175. Наконец, мы платили с листа больше и значительно! Конечно, все это мы делали добровольно, но если б мы знали, что нам должно надеяться только на себя, необходимость заставила бы нас действовать иначе. Конечно, может быть, мы не должны были простирать так далеко своих надежд, но за ошибку мы платимся слишком сильно.

Даже свистун Панаев и тот приуныл и ходит живым упреком мне, и можешь представить, как приятно мое положение: никто тут не виноват, потому что я затеял дело и втянул Панаева, я за все брался и ручался, — конечно, я виноват, — и еще более тем виноват, что в моих руках все-таки было настолько средств, чтоб вести дело без убытков, только не претендуя на первенство между журналами. Но я не сообразил и не предвидел.

Я знаю, что наши приятели худа нам не желают, а желают добра, но уверяю тебя, что в настоящем случае они сделали гораздо больше вреда нам, чем пользы Краевскому.

Пожалуйста, этого письма никому не показывай; я не имею причины претендовать ни на кого; они в своем праве, — тем более что не отказываются работать у нас, за что все-таки не могу не благодарить их.

Отвечай мне.

Весь твой
Н. Некрасов.

Твой брат тебе кланяется.[7] Он иногда бывает у Тютчева на сборищах по субботам. Поклонись Сатину, которого я очень полюбил.

57. А. В. НИКИТЕНКО

5 ноября 1847. Петербург

Почтеннейший Александр Васильевич.

Посылаемая при сем рукопись о холере была напечатана в 11 № «Совр⟨еменника⟩» — теперь автор хочет выпустить ее отдельной брошюрой и убедительно просил меня передать рукопись Вам для подписания, что печатать позволяется.

На днях я буду иметь удовольствие быть у Вас и объяснить кое-что насчет текущего нумера.

Весь Ваш
Н. Некрасов.

5 ноября

На обороте:

Его высокородию
Александру Васильевичу Никитенко.
От Некрасова.

58. А. В. НИКИТЕНКО

13 ноября 1847. Петербург

Препровождаю к Вам, почтеннейший Александр Васильевич, рукопись Диттеля. Сделайте одолжение, простите, что так поздно. При множестве дела как раз о чем забудешь, так потом опять нескоро вспомнишь. А прочел я ее давно, — не говоря о том, что ее и так печатать не стоит, разве по необходимости, надо взять еще в соображение, что г-н Диттель заблагорассудил все лучшее из своего путешествия отдать в «Финский вестник»,[1] а «Современнику» подарить только сухой перечень, богатый ссылками на то, что поместится в другом журнале. Нет, «Современнику» это не к лицу.

Завтра я у Вас буду.

Весь Ваш
Н. Некрасов.

13 ноября

На обороте:

Его высокородию
Александру Васильевичу Никитенко.
От Некрасова.
С приложением рукописей Диттеля.

59. А. В. НИКИТЕНКО

19 ноября 1847. Петербург

При сем, почтеннейший Александр Васильевич, корректура нового объявления о «Современнике»: благоволите просмотреть оное и дать его на подписание какому-нибудь цензору, а если Вы с таковым скоро не увидитесь, то нельзя ли препроводить при письме, напр⟨имер⟩ к Срезневскому, — потому что объявление нужно бы поскорей, чтоб можно было печатать.[1]

Бутков с своей повестью[2] тянул, тянул — и оказалось, что он второпях плохо закончит; мы нашли за лучшее напечатать в этой книжке «Полиньку Сакс» (о которой я Вам говорил), которая притом и несравненно лучше Буткова, как сами увидите.[3] Кажется, так будет лучше? Мы до конца года выдержим повестями и, кроме того, для заключения года выведем в публику нового талантливого человека. Куторга эту повесть читал в рукописи, на которой есть поправки его рукой, — итак, он задерживать не будет; я прошу Вас высылать ее в типографию скорей и понудить Срезневского к тому же, если он станет держать. Ускорение необходимо, потому что с повестью Буткова мы потеряли даром несколько дней.

А уж как мы Вам благодарны, что Вы избавили «Современник» от статьи, которая, кроме вреда и лишней траты, ничего не могла ему принесть!..[4] Только я все боюсь злости С⟨тепана⟩ С⟨еменовича⟩; пускай бы М⟨ихаил⟩ С⟨еменович⟩ написал другую статью, которая хоть была бы и не очень горазда, да похожа на дело — мы бы, дескать, таковую с удовольствием...

При сем два романа, которые набираются *вторым изданием*.[5] Если не найдете удобным сами их подписать, то потрудитесь дать другому цензору.

Весь Ваш
Н. Некрасов.

19 ноября

60. Н. А. СТЕПАНОВУ

21 ноября 1847. Петербург

Вот мой человек, благоволите вручить ему Ваш альбом, который сохраню с подобающим ему уважением.

Давеча мы, профаны, не умели оценить Ваших карикатур; пришел один наш приятель,[1] человек, сам рисующий карикатуры, малый притом неглупый и с нами откровенный: он нам клялся, что эти карикатуры — совершенство в своем роде и что он даже не знает парижских карикатур, которые были бы лучше этих. Вот — принимайте как хотите; мое дело сторона — я передаю его слова.

Совершенно преданный Вам
Н. Некрасов.

21 ноябр⟨я⟩

На обороте:

Его высокоблагородию
Николаю Александровичу Степанову
от Некрасова.
В Грязной, близ Мяснова рынка,
в доме Крапивина.

61. А. В. НИКИТЕНКО

8 декабря 1847. Петербург

Я замедлил ответом на Ваше письмо,[1] Александр Васильевич, потому что был поставлен в совершенный тупик. Дело, как Вы на него смотрите, в самом деле нехорошее, но примите же в соображение и извинительные пункты, которые Вы упустили из виду.

1-е) Не *мы* начали, а Краевский. Уже четвертый месяц по всей России рассылается его объявление, наполненное самыми грубыми выходками и *клеветами* на нас.

2-е) Все, что у нас сказано о Краев⟨ском⟩ и его объявлении, *сущая истина*, которую вполне оправдает время, а что эта истина довольно тяжка — не наша вина; а что мы взялись ее раскрыть, тут, может быть, мы немного и виноваты, но ведь он перед нами не-

сравненно больше виноват, ибо имел в виду своим объявлением нанести нам существенный вред и бросить на нас дурную тень.

Дальнейшее объяснение дела откладываю до личного свидания, а теперь скажу коротко: *если Вы этого не хотите, то впредь этого не будет.* За это ручаются Вам и я и Панаев.

Мне прискорбно, что это Вас так огорчило, и с этой точки зрения — я чрезвычайно сожалею, что эта статейка попала в «Современник».[2]

Говорят, книгопродавцы очень оскорбились нашим последним объявлением о *подписке преимущественно в конторе* и пр.[3] и хотят подать просьбу в ценз⟨урный⟩ комитет. Вероятно, это и кончится одним намерением, но если б случилось что-нибудь подобное, то потрудитесь поскорей дать мне знать. Я эти дела знаю до крайней тонкости и не только этого не боюсь, но надеюсь, придравшись к этому случаю, поднять вопрос об обеспечении собственности издателей, на журналы которых, без их согласия и ведома, теперь у нас объявляет подписку всякий, кому вздумается.

Если, открыв лавчонку, которой, может быть, суждено существовать один месяц, — всякий мелкий торговец имеет право объявлять у себя подписку на чужой журнал, то неужели издатель со своей стороны не имеет права объявить, что он не отвечает ни за кого, кроме тех, у кого он сам объявляет подписку. Где логика?

Постараюсь завтра увидеться с Вами. При сем прилагаю список статей 1-го № и посылаю Вам экземпляр Бутовского.[4]

Весь Ваш
Н. Некрасов.

8 декабря
1847

62. И. К. БАБСТУ

10 декабря 1847. Петербург

Милостивый государь
Кондратий Иванович.[1]

К 1-му января нам нужно счесться, и потому прошу Вас прислать мне краткий перечень Ваших статей в «Современнике»[2] — с означением, в каком

№ которая помещена, — я желаю этого потому, что боюсь забыть которую-нибудь.

Затем прошу Вас покорнейше продолжать Ваши занятия в «Соврем⟨еннике⟩» и в следующем году.[3] Как быть с книгами? Вы все спрашиваете меня, а я думаю, что Вам это дело устроить ближе и легче. Я же с своей стороны, кроме предоставленного в Ваше распоряжение магазина Базунова,[4] могу обещать Вам, что деньги, которые Вы задержите по этому предмету, я беспрекословно буду платить. Достаточно ли этого?..

А насчет полноты московской библиографии прошу Вас особенно позаботиться. Книг сколько-нибудь дельных не пропускайте, да и о плохих говорите хотя по два слова.

О духовных книгах рецензий не нужно.

Скажу Вам откровенно: я было подосадовал на Вас, что Вы советуете мне *с статьями серьезного содержания обходиться поосторожнее*, очевидно приписав исключения и поправки в Ваших статьях моему произволу и малоумию, — но потом я рассудил, что Вы с цензурой дела никогда не имели, и умилился духом. Скажу Вам, что корректуры Ваших статей я храню со всеми следами на них красных чернил,[5] и при свидании со мной Вы будете иметь случай удостовериться, что вышеписанные советы попали не по тому адресу.

Очень преданный Вам

Н. Некрасов.

10 дек⟨абря⟩ 1847
СПб.

Поклон М. С. Щепкину.

63. И. С. ТУРГЕНЕВУ

11 декабря 1847. Петербург

Любезнейший
Тургенев.

Прежде всего да будет Вам известно, что сего числа (11 дек⟨абря⟩ ст⟨арого⟩ ст⟨иля⟩) посланы Вам триста рублей серебром. Затем все рассказы Ваши уже у меня, — на днях увижу, будет ли возможность поместить их в 1-ую книжку,[1] ибо я от Вас 4-й рассказ и

желание о помещении их в 1-м № получил только седьмого числа, а тогда уже были назначены и отданы (с 1-го числа) для первой книжки повесть Гончарова[2] и повесть Даля;[3] скоро их кончат набором, и увижу, сколько из них выйдет.

Радуюсь, что Вы работаете, только, пожалуйста, не ослабевайте — право, я рад за Вас и за «Современник», — на такую отличную дорогу Вы попали; очевидно, Вы начинаете привыкать к труду и любить его — это, друг мой, великое счастье! Ну, а затем за таковой тон извините. Вот что не забыть бы: наш альманах скоро начнет печататься и к 1-му февраля должен выйти[4] — итак, давайте «Маскарад»,[5] пожалуйста! А уж на парижские политипажи я отложил всякую надежду; видно, не видать нам их, как ушей своих. Мы завербовали себе Степанова (что делал статуэтки), и он нарисовал нам несколько поистине отличных карикатур.[6] Текст тоже недурен; пожалуйста, давайте «Маскарад», — даже если не будете им довольны, найдете неудачным, все-таки присылайте; в таком случае можно напечатать без подписи, а он все-таки, верно, настолько будет хорош, что альманаху сделает пользу.

Ваших новых рассказов я еще не читал и потому ничего не могу сказать о них, Анненкова повести[7] тоже еще не читал, — на днях все прочту — и буду писать к Анненкову, которому кланяйтесь и скажите следующее: я от Ник⟨олая⟩ Боткина[8] узнал, что каждый № «Соврем⟨енника⟩» обходится ему в Париже 12-ть франк⟨ов⟩ и больших хлопот. Это меня огорчило и озлило, потому что пересылка стоит около 20 руб⟨лей⟩ сер⟨ебром⟩ в год, и с следующей 1-ой книжки 1848 года мы уже не будем посылать ему через брата, а прямо, — зачем он сам не образумил нас раньше, — что за неумеренная деликатность! Ну, пусть извинит, а впредь «Соврем⟨енник⟩» не будет ему стоить ни денег, ни хлопот. А если и Вы пожелаете получать себе экз⟨емпляр⟩, — то мы будем высылать, только пересылку поставим на счет.

А *о себе скажу*, что похвалы, которыми обременили Вы мои последние стихи в письме к Белинскому,[9] нагнали на меня страшную тоску — я с каждым днем одуреваю более, реже и реже вспоминаю о том, что мне следует писать стихи, и таковых уже давно не

пишу. Мне это подчас и больно, да делать нечего. Но, за исключением сего, живу изрядно, хотя работы много и поводов злиться еще больше — однако ж привык, и ничего.

Читайте в 12 № «Совр⟨еменника⟩» «Полиньку Сакс», — автор, — небывалый прежде, а каков — увидите.[10]

Пишите нам, долго ли Вы и Анненков пробудете в Париже и куда выедете, а последнего просите писать письма в «Современник» отвсюду, куда бы он ни заехал.[11] Если наша подписка в 1848 г⟨оду⟩ будет хороша, то я сам предложу ему за письма деньги, а если не хороша, то терпеливо буду ждать такого предложения с его стороны. Я, видите, деликатен.

Кстати, о деньгах! Так как я желаю, чтоб хоть Вы (на которого мы менее всех надеялись) остались исключительным сотрудником «Современника», то — если хотите — я теперь охотно заплачу за Вас долг Краевскому,[12] — напишите, сколько, и приложите письмо к нему — Вашему портному я заплатил в свое время сполна.

Прощайте, господа!

Весь Ваш
Н. Некрасов.

11 дек⟨абря⟩ ст⟨арого⟩ ст⟨иля⟩
1847. СПб.

64. Н. А. СТЕПАНОВУ

11 декабря 1847. Петербург

Я завтра еду к Очкину,[1] т. е. через Неву перехожу, — итак, нет ли у Вас еще готовых карикатур, чтоб разом выхлопотать подпись; пришлите завтра к 11-ти часам.

Постараюсь быть у Вас завтра же, и если не успею, то послезавтра буду непременно.

А что я надул в воскресенье — извините; при свидании представлю оправдание.

Зачем и чем Вы больны? Желаю, чтоб поскорей эта скука прошла.

Весь Ваш
Н. Некрасов.

11 декабр⟨я⟩

65. Н. А. СТЕПАНОВУ

15 декабря 1847. Петербург

Вот картинки, подписанные цензором. Не прошла одна: Булгарин, толкующий о честности, — *необходимо переменить подпись.*[1] А Гончаров решительно объявил, что он не хочет и не позволит своей карикатуры. Что станете с ним делать? Уж мы уговаривали — да с ним не сговоришь.

А мою и Панаева я оставил у себя — подумаю о надписи.[2]

Завтра к Вам пришлю камень.

Извините, что я к Вам не являюсь: Вы знаете, я встаю поздно, — а тут набежит народу, да и работы пропасть, — глядь и три часа и темно. Но я не теряю надежды быть у Вас на днях.

Весь Ваш
Н. Некрасов.

15 декабр⟨я⟩

Потрудитесь прочесть посылаемый рассказ и сказать, хотите ли сделать к нему картинку или две,[3] ответ нужен в середу.

66. Н. А. СТЕПАНОВУ

18 декабря 1847. Петербург

Вы, пожалуйста, на меня не сердитесь, что я медлю; вспомните, что у меня на руках целый журнал. Вот на днях цензура запретила статью в шесть печатных листов, уж набранную, так я теперь все с ней бегаю. Такие пилюльки не очень сладки, и тут поневоле забудешь то, насчет чего время терпит.

Впрочем, я ничего не забываю, — камень давно был бы у Вас, да остановка именно по той причине, что камня такого большого нет; впрочем, его мне достанут, что очень важно, ибо если печатать по одной или по две картинки, то расход на эти картинки возрастет до исполинских размеров. А насчет Поля Пети[1] принял к сведению. Картинки к Далю,[2] кажется, будут хороши, а показывать их в цензуру и не для чего покуда, ибо тут нечего запрещать.

Как эти картинки, так и к другим *статьям*, я думаю делать *политипажные*, а не литографии.

А насчет рассказа Достоевского[3] я и сам невысокого мнения, да дело в том, что нельзя издавать журнал, если все искать превосходных вещей — таковых у нас немного.

Весь Ваш
Н. Некрасов.

18 дек⟨абря⟩

67. А. В. НИКИТЕНКО

30 декабря 1847. Петербург

Срезневский сделал в «Критике» две помарки, которые очень портят статью.[1] Вчера утром я по этому случаю заходил к Вам, Александр Васильевич, но Вас уже не застал. Так как лист нужно печатать, то я поехал к Срезневскому с Вашими корректурами. Он сказал, что согласен с Вашими корректурами, но желает обратить внимание Ваше на сделанные им поправки — «что-де, может быть, Ал⟨ександр⟩ Вас⟨ильевич⟩ этого места не заметил», и дал мне по этому поводу прилагаемое письмо.[2] Вечером я был у Вас с этим письмом, чтоб получить Ваше разрешение, но Вас не застал. Так как я очень хорошо знал, что Вы нашли статью удобною к печати без помарок, а между тем, если б ждать, произошла бы задержка (ибо не только этот, но и следующие листы нельзя было бы печатать), — то я и велел печатать этот лист. Сказать еще по правде: я заметил, что Срезневский всю эту историю с письмом затеял больше для того, чтоб поддержать передо мной свое достоинство цензора, а не в самом деле по опасению.

Он тут же мне несколько раз повторил, что и теперь и впредь согласен с Вашими корректурами.

Так успокойте меня. Надеюсь, что этого листа (теперь уж отпечатанного) перепечатывать не придется.

Я вчера нес к Вам и деньги и счеты — назначьте мне сегодня час, в который я мог бы к Вам прийти по этому делу.

Извините за бестолковицу письма: я ужасно утомился корректурами, которым и еще конца не вижу.

Весь Ваш
Н. Некрасов.

30 декабря

Скажите, нельзя ли напечатать прилагаемое стихотворение в том виде, как оно теперь. Ей-ей — я наполовину вынул из него силы и желчи. Будьте так снисходительны — дайте ответ теперь же, ибо — сказать по совести — мне очень хотелось бы напечатать его в этой книжке.[3]

Н.

Потрудитесь сделать Ваши заметки в посылаемом списке даровых экз⟨емпляров⟩.

68. Н. А. СТЕПАНОВУ

Конец декабря (после 18) 1847. Петербург

Вот рисунки — их можно печатать смело, хоть я и не был еще у Очкина; буду завтра.

Г-н Бернардский[1] меня посадил. Ему не успеть вырезать и тех рисунков, которые у него есть уже. Так как я намерен во что бы ни стало выпустить альманах к 1-му марту, то и решаюсь некоторые рисунки отложить. К счастью, к моим стихам сделан только один,[2] остальных прошу Вас и не делать, а этот один со временем куда-нибудь пригодится; впрочем, так как Вы уже потратили на него труд, то я не прочь за него заплатить.

Я боюсь, что не успею стихов-то своих кончить, и вот почему откладываю именно эти рисунки. Надеюсь, Вы на это не рассердитесь. Впрочем, и других рисунков я много отложил, между прочим повесть Григоровича,[3] к которой сделал рисунки Федотов, и несколько рисунков Неваховича[4] отложены.

Весь Ваш
Н. Некрасов.

Ненужную доску возвратите.

На обороте:

Н. А. Степанову.

1848

69. Н. М. САТИНУ

4 января 1848. Петербург

Любезнейший
Николай Михайлович.

Очень обрадовался я, узнав, что Вы пишете статью. Я, признаться, боялся, что Вы на том и станете, что поговорите. Бабст от Вашего имени спрашивал: когда эта статья нужна? Этого наверное сказать не могу, но во всяком случае она *нужна*, — думаю, что она может пойти не ранее пятой книжки, а может быть, обстоятельства так изменятся, что будет место и раньше. Видите ли, кроме статьи Соловьева (разделенной на *четыре* нумера),[1] у нас теперь статья Корша (на *два* нумера),[2] и «Кольберт» (Арапетова — на *два* №),[3] да еще «Гумбольдт» (на три №)...[4] Так наверное-то и нельзя сказать.

А пожалуйста, пишите. Ваша статья об Ирландии (по крайности у нас) сделала эффект — не знаю, как у Вас, — о достоинстве ее и об интересе для русской публики нечего и говорить. Она читается как повесть.[5] Вот поэтому-то я очень дорожу Вашими статьями, и, кончивши «Швейцарию»,[6] принимайтесь за новую статью — место будет, хоть бы и не две, а пять или шесть статей Вы в год написали.

Прилагаю записку на получение от Базунова денег за статью об Ирландии. Извините, что так долго промедлил. В этой статье 2 листа и 1/8, по 40 р⟨ублей⟩ с листа выходит 85 р⟨ублей⟩ серебр⟨ом⟩. — Думал было послать Вам экз⟨емпляр⟩ «Современника» да жаль стало, — верите ли, что в прошлом году у нас до полутораста экз⟨емпляров⟩ даровых было (много содействовало этому доброе сердце Панаева), так в нынешнем году я нашел нужным сократить это; Вы же теперь проживаете вместе с Кетчером, получающим «Соврем⟨енник⟩», так и не будете в нем, стало быть, нуждаться очень. Пусть Огарев уведомит, куда ему высылать «Современник» и посылать ли на его счет *прошлогоднему попу*?[7]

Прощайте, от души жму Вам руку. Я все по-прежнему то работаю, то валяюсь по дивану в изнеможе-

нии и молчании, — плохо приходится! В декабре меня просто работа замучила и довела до отчаяния — насилу отдышался...

Поклонитесь нашим, а не имеющему привычки отвечать Кетчеру скажите, что, вероятно, его роман не пойдет ранее 3-й или 4-ой книжки (ибо мы теперь все *оригинальное* печатаем).[8] Поклонитесь ему и спросите, нельзя ли под переводом выставить его имя.

Будьте здоровы и веселы.

Весь Ваш
Н. Некрасов.

4 янв⟨аря⟩

70. Н. А. СТЕПАНОВУ

Первая половина января 1848. Петербург

Извините, пожалуйста, за промедление. У меня опять теперь гадости по цензуре, а в воскресенье я не застал Очкина. Завтра или не далее послезавтра я все исполню и к Вам непременно зайду.

Картинки превосходны — и выходят в печати хорошо!

Не нужны ли Вам деньги? Не церемоньтесь, у меня теперь есть.

Весь Ваш
Н. Некрасов.

Картинками к моим стихам я тоже очень доволен.[1]

На обороте:

Н. А. Степанову.

71. Н. А. СТЕПАНОВУ

16 января 1848. Петербург

Бумагу я послал к Полю Пети. У Очкина был и оставил ему, ибо не застал. Завтра пошлю за картинками.

Вот что имею я Вам сообщить: я не понимаю, почему Вам не нравится мысль остальные четыре картинки сделать *на дереве*, мне кажется это с Вашей стороны прихотью, и потому я желаю доказать Вам, что сию

прихоть можно бы и откинуть, приняв в соображение большую разницу в расчете. На дереве эти картинки будут стоить менее чем вполовину дешевле, а выйдут едва ли не лучше. (Пример у меня уж есть — несколько готовых досок). Считаю нужным представить Вам это на усмотрение. Впрочем, если не хотите, то будет по-старому: когда Вы брались делать картинки, я говорил, что они будут литографированы, и это так и будет, если Вы иначе не захотите. Подумайте-ка, впрочем, об этом и уведомьте меня.[1]

Весь Ваш
Н. Некрасов.

16 янв⟨аря⟩

На обороте:

Н. А. Степанову.

72. А. В. НИКИТЕНКО

17 января 1848. Петербург

Препровождаю к Вам, почтеннейший Александр Васильевич, корректуры и оригинал большей части «Семейства Тальниковых». Остальные главы сегодня выйдут из переписки и будут у Вас, — впрочем, они уже совершенно невинные.

Препровождаю также предисловие к этому роману: потрудитесь прибавить и исправить, как Вы найдете нужным, а я уж ничего больше придумать не умею.[1]

Никогда я не был в таком страхе за своевременный выход «Современника», как в нынешнем месяце. Почти ничего еще не сделано! «Критика» и «Смесь» поспевают поздно,[2] с набором первого отделения вышла задержка, — так что дело подвигалось медленно... Почти уже набраны и «Записки охотника», которые пойти должны в эту же книжку[3] (ибо продолжение «Домби и сына» не пришло из Лондона,[4] «Сем⟨ейство⟩ Тальниковых» теперь значительно сокращено,[5] — так что со всеми этими статьями книжка все-таки не будет велика). Завтра нечего будет набирать (а типография, несмотря на воскресенье, должна работать, чтоб успеть).

Все это клонится к тому, чтоб Вы помогли мне своим содействием выпутаться из беды нынешний

месяц; потрудитесь прочесть «Сем⟨ейство⟩ Тальниковых» поскорей и решите дело.

Весь Ваш
Н. Некрасов.

17 янв⟨аря⟩ 1848

73. А. В. НИКИТЕНКО

22 января 1848. Петербург

Почтеннейший Александр Васильевич! На беду, и Белинский болен и конца статьи во 2-м нумере не будет.[1] Все это делает книжку и жидкою и неполною. Между тем ничего не может быть для нас невыгоднее и нерасчетливее с нашей стороны, как выпустить во время самой подписки книжку, которая в каком-нибудь отношении могла бы подать повод к невыгодным для журнала толкам.

Если заплатить несколько лишних денег и употребить побольше наборщиков, то можно еще дело поправить; я посылаю к Вам повесть Дружинина «Рассказ Алексея Дмитриевича»,[2] которую мы решились напечатать во второй книжке в том уповании, что она понравится публике и произведет благоприятный шум. А журналу этого теперь и надо. Все равно: Вам бы пришлось же читать ее в корректурах, так уж потрудитесь — ради настоящего критического положения дел — прочесть ее в оригинале, — ибо теперь всякая остановка в корректуре поведет к совершенной невозможности успеть вовремя. Не бойтесь ее кажущейся огромности: она писана очень широко и, к счастию, разборчиво. Нечего мне Вам и говорить, что теперь каждый час дорог и что если б Вы могли хоть третью долю ее дать типографии сегодня же, то это было бы очень хорошо, да и очень великодушно с Вашей стороны.

А «Кольберта» можно теперь напечатать поменьше, т. е. остановиться там, где начинается *четвертая глава*.[3] Поэтому вот с этой статьей Вам немножко работы и убудет.

Весь Ваш
Н. Некрасов.

Янв⟨аря⟩ 22-го, ночь

74. Н. А. СТЕПАНОВУ

24 января 1848. Петербург

Почтеннейший и многоуважаемый
Николай Александрович!

Поверьте, у меня все делается и сделается и не задержится, но когда у меня скопится вдруг пять дел (что бывает довольно часто), то я обыкновенно начинаю с самонужнейшего, — таким образом и выходит иногда остановка в других, но остановки эти никогда не заходят за пределы возможности. Вы теперь заняты этими рисунками, и понятно, что досадуете на медленность, — я с моей стороны не считаю нужным скрывать от Вас, что если не досадовал, то иногда тяготился Вашими частыми напоминаниями, тем более что еще я сам не дошел до такого равнодушия к своим делам, чтоб мне были нужны напоминания. Но, в сущности, это все вздор, а пишу об этом потому, что Вы меня на это вызвали своей запиской...

Посылаю Вам картинки с подписью цензора. (Вот кстати: Вы еще не знаете этих господ, а если б знали, то, может быть, моя медленность казалась бы Вам еще поспешностью). Одну из них пусть рисуют на камне, а другую и мне не очень хотелось в альманах, а теперь к этому присоединилась просьба Никитенки, чтоб ее не помещать. Он жалеет даже, что мы и одну-то поместили.[1] Мы имеем много причин дорожить его советом в этом деле, и потому теперь я уже решительно прошу Вас заменить эту картинку другою. О том же просит Вас и Панаев. До свидания.

Совершенно преданный Вам
Н. Некрасов.

24 янв⟨аря⟩ 1848
СПб.

75. А. В. НИКИТЕНКО

27 января 1848. Петербург

Почтеннейший
Александр Васильевич!

Вы, вероятно, уже прочли невинную статейку об опере. Ее написал Боткин,[1] знающий толк в музыке, и она очень скромна, брани в ней нет, а все хвалы.

Между тем Срезневский ее задержал и уведомил Праца, чтоб ее отослали в театральную цензуру. Таким образом, она должна пропасть, а теперь бы она кстати. Мне кажется, что Срезневский трусит в этом деле *по неопытности*. Если Вы найдете, что это так, то не потрудитесь ли написать к Срезневскому об этом? Сделайте одолжение, а в театральную цензуру посылать теперь некогда.

Весь Ваш
Н. Некрасов.

P. S. К Вам сегодня принесут статью о Кавказе,[2] в ней ничего нет касающегося военных тамошних действий (кроме того, что взято из печатных брошюр, пропущенных русской цензурой), — вероятно, она пройдет? В противном случае было бы крайне плохо, ибо на ней основана вся надежда нашей критики.

Н.

27 янв⟨аря⟩

76. И. И. СРЕЗНЕВСКОМУ

29 января 1848. Петербург

Милостивый государь
Измаил Иванович!

Вот каким образом изменил Александр Васильевич[1] статейку об итальянской опере.[2] Он говорит, что теперь это не есть музыкальная критика, и на этом основании просит Вас покорнейше подписать эту статейку в измененном виде.

Решаюсь присоединить и мою покорнейшую просьбу о том же. Теперь посылать в театральную цензуру некогда, и статейку придется бросить, если Вы не сжалитесь над ней.

Во всяком случае, сделайте одолжение не замедлить ответом.

С истинным почтением и совершенной преданностью имею честь быть, милостивый государь,

Вашим покорнейшим слугою.
Н. Некрасов.

29 янв⟨аря⟩ 1848

77. А. В. НИКИТЕНКО

30 января 1848. Петербург

Хотя на корректурах Дружинина повести,[1] посланных к Срезневскому, написано, что эта повесть набрана с рукописи, просмотренной Вами, однако ж он, кажется, боится: листов не выдает, а требует к себе корректуры Куторги. Но от Куторги получено этой повести только еще две формы. Не вышло бы чего?.. На всякий случай все это довожу до Вашего сведения.

Статейку об итальянс⟨кой⟩ опере Срезневский подписал в том виде, как Вы ее поправили...[2]

Обратите внимание на маленький лоскуток «От редакции»,[3] который к Вам сегодня принесут. Мы не имели времени переговорить с Вами об этом, а дело вот в чем. Публикуются «Записки Ламартина», и, кажется, нам нужно их будет переводить. Не может же наш журнал вовсе не знакомить своих читателей с произведениями иностранных литератур. Итак, уж если переводить, то, конечно, Ламартина, чем кого другого. Имя это и у нас не опальное, и притом «Записки Ламартина», по всей вероятности, наделают шуму во всей Европе... Как все это Вам кажется?..

Публиковать же *заранее* нам хотелось бы потому, чтоб опять не встретиться с другим журналом. Если ж и после нашей публикации станут переводить эти записки и другие журналы, то по крайней мере мы отклоним от себя обвинение в подражании. А впрочем, это дело представляем на Ваше благоусмотрение.

Весь Ваш
Н. Некрасов.

30 янв⟨аря⟩ 1848

78. А. В. НИКИТЕНКО

10 февраля 1848. Петербург

Почтеннейший
Александр Васильевич!

Гончарова роман («Обыкн⟨овенная⟩ ист⟨ория⟩») напечатан.[1] Если Вам можно, то потрудитесь подписать его (экземпляр давно у Вас) и прислать, а не то выхлопочите мне подписи сегодня в цензурном комитете, — очень обя-

жете и меня и Гончарова, — и роман послезавтра выйдет в свет. Я думаю, Куторга без отговорок подпишет его.

Нравится ли Вам небольшая статейка под названием «Ипохондрик»?[2] Извините, я ничего не сказал Вам о ней прежде. Это потому, что в пятницу хотел быть у Вас и переговорить лично, но в пятницу случились с нами такие дела, что никому из нас, к сожалению, не удалось быть у Вас. А решились мы заменить «Поздно»[3] «Ипохондриком» потому, что последний короче,* и это дает нам возможность прибавить в эту книжку еще несколько *рассказов Даля*,[4] тогда как «Поздно» составило бы с лишком три печатных листа, а нам место нужно в нынешней книжке для ученых и критических статей, которых предвидится несколько, и очень интересных.[5] Я думаю, что этим нумером нужно воспользоваться, чтоб напечатать побольше ученых и критических статей, потому что при альманахе[6] никто не будет жаловаться на недостаток повестей в самой книжке журнала.** Кроме статьи Грановского,[8] которая должна прибыть на днях из Москвы, и 2-ой статьи о русск⟨ой⟩ лит⟨ературе⟩ для «Критики» имеется еще статья о немецкой драматической литературе, — статья, как Вы скоро увидите, дельная и интересная; ее должны принести к Вам на днях.

Вы обещали указать нам сотрудника для медицинских книг и также попытаться завербовать Порошина.[9] Это было бы очень хорошо. Нет ли движения по этому делу?

А насчет русской критики мы на днях определим ясно отношения свои к Белинскому, который все продолжает хворать, и представим Вам Дудышкина.[10]

Очень нужно «Семейство Тальниковых».[11] Если Вам некогда дочитать его на днях, то пришлите так: на основании Ваших советов и замечаний, сделанных о первой (читанной Вами) половине этого романа, я

---

* Да он же и очень умен. Писал его некто *Станкевич*, редко появляющийся в литературе. Он сын откупщика, имеющего восемь миллионов, — вот Вам и биография автора!

** Впрочем, и в этом отношении *бедности* не будет; надо на этот раз так устроить, чтоб было побольше числом и поменьше объемом и чтоб, разумеется, каждая вещица имела достоинство. «Ипохондрик» и «Бобыль»[7] уже у Вас; на днях получите и 2 рассказа Даля, которые очень недурны.

надеюсь обделать его так, что в нем не останется ничего *лишнего*, т. е. слишком резкого, грубоватого и опасного, — и надеюсь, что Очкин его пропустит. Притом вторая половина, которой Вы не читали, и не заключает в себе ничего опасного; она, напротив, очень скромна и примирительна, как я уже Вам говорил. Альманах этот будет стоить довольно денег, но он, без сомнения, оживит нашу подписку (начинающую немножко дремать), — только бы поскорей его выпустить. Покуда дело идет так, что я не отчаиваюсь успеть с ним к 1-му марта. Знаете ли, что даже «Сын отечества» посредством какого-то портрета и старых экз⟨емпляров⟩ «Дон-Кихота» с картинками добился ныне до тысячи подписчиков с лишком?.. Вот что значит подарок! На этом основании я уверен, что при *хорошем* журнале *хороший* подарок — вещь очень нелишняя.

Вам, конечно, интересно будет узнать, что по сие число у нас подписчиков на «Современник» 1848 года около *двух тысяч пятисот*.

До свидания.

Весь Ваш
Н. Некрасов.

10 февр⟨аля⟩ 1848

79. Н. А. СТЕПАНОВУ

Между 24 января и 26 февраля 1848. Петербург

Я обедаю, рассказывать всего некогда; теперь скажу только, что ни Вы, ни мы в погибели Бранта[1] не виноваты, а виновата судьба; как было дело, история длинная, темная, и нужно ее рассказать при свидании. Не зайдете ли завтра, только не утром, а вечером.

Весь Ваш
Н. Некрасов.

80. И. К. БАБСТУ

9 марта 1848. Петербург

Любезнейший
Бабст.

Благодарю Вас за трудолюбие в прошлом месяце и за статью г. Астракова.[1] Вы увидите, получив 3-ю книжку, что не напечатана статья Ваша о Павловой. 10 числа прибудет к Вам Боткин и объяснит, в чем дело, да и самый 3 № это Вам пояснит.[2]

Прочел рецензии, Вами напечатанные, кроме одной маленькой. За рецензию на обозрение Киева[3] особенно Вам благодарен.

Пожалуйста, пишите и в следующем месяце обо всем, что есть в Москве нового, — да не задерживайте теперь и «Кальвина» — теперь скоро его очередь.

Жму Вам руку, поклонитесь от меня Станкевичу[4] и Мих⟨аилу⟩ Семенычу.[5]

Весь Ваш
Н. Некрасов.

3го марта

81. Н. А. СТЕПАНОВУ

16 марта 1848. Петербург

16 марта

Пожалуйста, простите великодушно — я теперь и в больших хлопотах[1] и в большом горе.[2] Все сбирался к Вам зайти, чтоб извиниться. Вы у меня были, но в этот день я провожал Боткина, который уезжал в 12-ть часов с мальпостом. Постараюсь на днях быть у Вас.

Денег теперь у меня нет, но я жду их с часу на час и очень скоро Вам представлю. На днях я видел Очкина, и он мне очень хвалил карикатуру Одоевского. Желательно бы посмотреть.

Весь Ваш
Н. Некрасов.

На обороте:

Н. А. Степанову
от Некрасова.

82. А. В. НИКИТЕНКО

26 марта 1848. Петербург

Употребляя все усилия выпустить книжку если не 1-го, то хоть 2-го числа к вечеру,[1] — я прошу Вас, Александр Васильевич, и с своей стороны содействовать этому по возможности. Большая задержка происходит от того, что набранные формы нескоро возвращаются в типографию. В настоящее время типография весьма нуждается в статьях «Меланхолия и меланхолики»[2] и «Испанский театр».[3] Цензорами эти статьи уже возвращены (без помарок). Потрудитесь сегодня выдать хоть «Меланхоликов».

Так как у нас в нынешней книжке решительно не было *критика*, то, обрадованный известием об отмене имен,[4] я дал в набор небольшую статью об «Истории финансов»,[5] которая по крайнему моему разумению не заключает в себе ничего опасного даже в настоящее время. Я к тому же многое в ней смягчил, а иное вымарал.

Весь Ваш
Н. Некрасов.

26 марта

P. S. Статья об испанском театре на нынешний месяц кончится Кальдероном (на 3-ей форме — в конце), — поэтому далее и не трудитесь читать.

Н.

83. М. М. ПОПОВУ

27 марта 1848. Петербург

Ваше превосходительство.
Милостивый государь Михаил Максимович!

В ответ на приглашение Ваше честь имею уведомить Вас, что я явлюсь в третье отделение в понедельник следующей недели, т. е. послезавтра.[1]

Принося Вашему превосходительству глубокую благодарность за великодушное предуведомление о причине приглашения,[2] имею честь быть с истинным почтением и совершенной преданностью Вашего превосходительства милостивого государя покорнейший слуга

Н. Некрасов.

27 марта 1848 г.
СПб.

84. И. К. БАБСТУ

6 апреля 1848. Петербург

Любезнейший
Иван Кондратьевич!

За три статьи Астракова (в III и IV №№ «Сов⟨ременника⟩»)[1] следует ему (считая по 150 р⟨ублей⟩ с листа) 234 р⟨убля⟩ ас⟨сигнациями⟩, ибо они составляют *полтора листа* и одну *осьмушку*, — на каковую сумму и прилагаю здесь записку к Базунову.

Статьи его хороши, но на будущее время потрудитесь тонко заметить ему, что статьи о специальных книгах *не всегда* могут быть так длинны (для литературного журнала), как его статьи о климате Москвы и о Перевощикове, чему доказательством могут служить ему другие статьи по специальным предметам, писанные у нас другими авторами. Но это в скобках, а за приохочение Астракова к работе для нас я все-таки Вам весьма благодарен. Жду Ваших статей на нынешний месяц в библиографию.[2]

Поклонитесь от меня Мих⟨аилу⟩ Сем⟨еновичу⟩, Станкевичу и Николаю Щепкину, с которым я в Петербурге не успел двух слов сказать: он был здесь в последних числах, когда я был завален делами и притом болен.

Совершенно Вам преданный
Н. Некрасов.

6го апреля
1848
СПб.

P. S. Потрудитесь написать мне чин, звание Астракова и его адрес.[3] *Непременно* и *не медля*.

85. А. В. НИКИТЕНКО

8 апреля 1847—1848. Петербург

Почтеннейший
Александр Васильевич!

Давно уже, вследствие разных причин, не сходились мы с Вами. Сегодня вечером соберутся у нас некоторые из общих наших знакомых, и Вы очень

обяжете как меня, так и Панаева, если не откажетесь пожаловать к нам.

В ожидании остаюсь душевно Вам преданный

Н. Некрасов.

8 апр⟨еля⟩

86. В. А. СОЛОНИЦЫНУ

9 апреля 1848. Петербург

Любезнейший
Солоницын.

Посылаю Вам работы. «Eothen» переводится у нас под названием «Путешествия английского туриста по Востоку». Начинайте с 8-мой главы и переводите глав 5-ть или 6-ть на 5-ую книжку и не затягивайте. А потом переведите отмеченные статьи с посылаемых листков, чем обяжете.

Ваш Н. Некрасов.

9 апр⟨еля⟩

87. М. Л. ОГАРЕВОЙ

3 сентября 1848. Петербург

Здравствуйте, добрая и горемычная Марья Львовна! Ваше положение так нас тронуло,[1] что мы придумали меру довольно хорошую и решительную. Если Вам она понравится, то я ручаюсь за Тютчева, как за самого себя.[2] Доверенность пишите на имя коллежской секретарши Авдотье Яковлевой Панаевой, и прибавьте фразу — с *правом передоверия, кому она пожелает*. Потом пишите, что Панаева или тот, кому она доверит, могут подавать за Вас просьбы и действовать во всем с такою же свободою, как бы Вы сами. А в конце прибавьте — *в том, что сделает по сему делу Панаева или ее поверенный, я спорить и прекословить не буду*.

По крайней мере мы можем Вам теперь обещать, что Тютчев приведет это дело в порядок и ясность — устроит так, что Вы будете получать свой доход *в определенные сроки*, — и если Вы пожелаете взять

свой капитал,[3] то сделает по этому все, что будет нужно и возможно.

Будьте здоровы; целую Ваши ручки. Сократу[4] поклон.

Весь Ваш
Н. Некрасов.

88. И. С. ТУРГЕНЕВУ

12 сентября 1848. Петербург

Любезнейший Тургенев. Третьего дня Анненков читал у нас вечером Вашу комедию «Где тонко, там и рвется».[1] Без преувеличения скажу Вам, что вещицы более грациозной и художественной в русской нынешней литературе вряд ли отыскать. Хорошо выдумано и хорошо исполнено, — выдержано до последнего слова. Это мнение не одного меня, но всех, которые слушали эту комедию, а их было человек десять, — между прочим, Дружинин, которого я знакомил с Анненковым.

Заметил *я* (и все со мной *тотчас* согласились), что немного неловка сказка о куклах, ибо *почтеннейшая публика* может принять все это место в самую ярыжную сторону и разразится жеребячьим хохотом. Приведите себе на память это место, взгляните на него с *этой* точки, — может быть, Вы найдете это замечание достойным внимания и сочтете нужным заменить то место. С этой целью я и сообщаю Вам его.

Недавно (в IX №) напечатали мы Вашу повесть «Петушков», повесть эта хороша и отличается строгой выдержанностью — это мнение всех, с кем я о ней говорил. Мне она и прежде очень нравилась, и я очень рад, что не ошибся в ней.[2]

Ваши два последние присланные рассказа принадлежат к удачнейшим в «Записках охотника».[3] Вообще, друг мой, говоря о Ваших последних трудах, приходится только хвалить и дивиться Вашим успехам (и трудолюбию), и я умолкаю только потому, что неловко распространяться. Скажу вкратце: Вы и Дружинин теперь два лица наиболее читаемые, хвалимые и любимые публикой и действительно наиболее заметные в русской литературе. Герцен и Гончаров, которые могли бы тягаться с Вами в этом случае,

ничего давно не пишут (т. е. первый не печатает, а второй так заплыл жиром, что точно ничего и не пишет).

Эту часть письма мне было написать легко, но теперь наступает трудная. Я догадывался и по одному намеку Анненкова убедился, что Вы на меня сердитесь, но, друг мой, если бы Вы все знали!! Когда писать и что писать?..[4] О смерти Белинского взялась написать Вам А. П. Тютчева.[5] Что касается до «Записок охотника», то в пользу семейства Бел⟨инского⟩ их печатать нельзя: «Обык⟨новенная⟩ истор⟨ия⟩» Гончарова имела не менее успеха, но я напечатал ее отдельно, и в 8 месяцев продалось только *двести* экземпляров. Вот почему я молчал: чего-нибудь особенно важного написать не было, а свои ближайшие дела горой лежали на плечах. Притом вы знаете мою безалаберность, так не сердитесь же!

Теперь о наших счетах. Денег у меня теперь нет и до декабря не будет. Но если Вам нужно раньше — напишите, я достану и пришлю. Напишите также, вышлете Вы или нет нам до декабря еще что-нибудь из своих повестей, — это нужно для того, чтобы знать, как распорядиться. У меня теперь два Ваши рассказа и комедия. Что оставить на первый № и что напечатать в 11 книжке, которая имеет для нас тоже великую важность? Если пришлете еще рассказов, то я напечатал бы комедию в 11 №, а рассказы все, сколько их будет, оставил бы на первый №. Напишите, как Вам хочется? Если комедию на 11 №, то поторопитесь с поправкой (разумеется, если вздумаете сделать ее).

У нас особенного ничего нет. Кавелин перебрался теперь сюда на службу и усердно работает для «Соврем⟨енника⟩».[6] Кстати, знаете ли вы, что редактор «Соврем⟨енника⟩» ныне уже не Никитенко, а *Панаев*.[7] Впрочем, Вы все увидите: вместе с сим посылается Вам (на имя Герцена) «Современник» (все IX книг) и будет высылаться впредь — это потому мы решились сделать, что Анненков заверил нас, что Вам будет теперь интересен «Совр⟨еменник⟩», чего мы, признаться, не думали.

Языков и Тютчев преуспевают понемногу с конторой.[8] Мы трепещем за наступающую подписку, ибо многие книжки журнала сряду были плохи, и альманах до сей поры не вышел.[9] Маслов[10] здрав и все так

же, то появляется, то исчезает. Анненков теперь нас всех соединил и оживил.[11] Дружинин малый очень милый и не то, что Иван Александр⟨ович⟩:[12] все читает, за всем следит и умно говорит. Росту он высокого, тощ, рус и волосы редки, лицо продолговатое, не очень красивое, но приятное; глаза, как у поросенка. Вот Вам — коли интересно! Если интересно также, то узнайте, что я пустился в легкую беллетристику и произвел вместе с одним сотрудником — роман в 8-мь частей и 60 печатных листов, который и печатается уже с X книжки.[13] Вот по причине этой-то работы мне и некогда было написать к Вам письма. Не шутя, Тургенев, — не сердитесь, пожалуйста! Вы знаете, как естественно и просто делаются подобные вещи, хоть издали и могут принять характер важный и непростительный.

Напишите мне, пожалуйста, поскорей. Герцену поклон. Спасибо ему за его доброе письмо.[14] Я плакал, читая «После грозы»,[15] — это чертовски хватает за душу. Будьте здоровы.

Весь Ваш
Н. Некрасов.

Сентября 12, 1848
СПб.

89. А. В. НИКИТЕНКО

3 октября 1848. Петербург

Почтеннейший
Александр Васильевич.

Мне ужасно совестно перед Вами, но приходится обратиться к Вам с следующей просьбою.

Я обещал Вам уплатить 300 рубл⟨ей⟩ сер⟨ебром⟩ сперва в начале сентября, а потом решительно в начале октября, но вот начало октября, а денег у меня нет. Вследствие новых, крайне стеснительных распоряжений газ⟨етной⟩ экс⟨педиции⟩ — деньги теперь выдают нам помесячно, самыми малыми приемами. Я надеялся извернуться в этот месяц и выгородить для Вас 300 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩ из 1000, которую выдала газ⟨етная⟩ экспед⟨иция⟩. Но тысяча разлетелась, прежде чем я успел оглянуться. Прежде 2-го ноября теперь денег мне газ⟨етная⟩ экспед⟨иция⟩ еще не даст.

Итак: если Вы можете подождать до этого срока, то чрезвычайно меня обяжете, а я с своей стороны обещаю Вам, что уже ни под каким видом откладывать уплаты не буду — далее этого срока.

Если же Вас эта отсрочка приведет в затруднение, а кольми паче рассердит, — то уведомьте прямо, что Вы ждать долее не можете: я постараюсь занять и на днях же Вам представлю эти деньги.

Весь Ваш
Н. Некрасов.

3 октября 1848
СПб.

90. А. В. НИКИТЕНКО

6 октября 1848. Петербург

Благодарю Вас, добрый Александр Васильевич! Вы меня успокоили своей запиской.[1] Когда у меня не хватает денег, я всегда спешу отдать тем, которым неприятно одолжаться, — вот таким-то образом у меня для Вас в нынешнем месяце и не осталось: я надеялся, что Вы не осудите меня и не истолкуете этого в дурную сторону, в чем и не ошибся.

Весь Ваш
Н. Некрасов.

6-го октября

91. А. В. НИКИТЕНКО

7 ноября 1848. Петербург

Почтеннейший
Александр Васильевич!

Представляю Вам половину долга[1] (сто пятьдесят рублей серебром) с обязательством заплатить остальную половину при первой возможности, которая теперь не может замедлиться, ибо у нас понемногу начинается уже подписка.

Простите, что и на этот раз держу слово свое только в половину. Но это уже не моя вина, а Панаева, который выпросил у меня часть полученных

мною вчера денег, — на собственную нужду. В этом он хотел на днях объясниться и извиниться перед Вами.

Душевно преданный Вам
Н. Некрасов.

7-го ноября 1848
СПб.

На обороте:

Его высокородию
Александру Васильевичу Никитенко.
С влож⟨ением⟩ ста пятидесяти рублей серебром.
От Некрасова.

92. Ег. П. КОВАЛЕВСКОМУ

14 декабря 1848. Петербург

Милостивый государь
Егор Петрович!

Представляю при сем записку на выдачу из конторы следующих Вам за статью денег. Извините, что поздно, — я все собирался вручить ее Вам лично, но все был болен.

Когда мы можем рассчитывать на получение Вашей второй статьи?[1] Хорошо бы скорее.

Ваша статья прекрасна и чрезвычайно всем нравится. Все жалеют только, что *мало*. Нужно еще.

Я на днях постараюсь у Вас быть.

Душевно Вам преданный
Н. Некрасов.

14 д⟨екабря⟩

93. И. С. ТУРГЕНЕВУ

17 декабря 1848. Петербург

Здравствуйте,
любезный Тургенев!

Последний Ваш маленький рассказ получен. Он и два прежние будут помещены во 2-ом № «Совр⟨еменника⟩» на 1849 год.[1] Три последних №№ «Современника» высланы в Париж все вместе в начале

декабря; Вы их, вероятно, уж видели. Из комедии Вашей вымарали сказку, и я заменил это место точками; делать было нечего! Я старался отстоять, да напрасно.[2] Через десять дней после этого письма будет выслано Вам 300 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩ и подробный счет. Вам хочется знать, кто из нас кому должен? Кажется, в настоящую минуту никто никому, впрочем, наверно не знаю; вот на днях сочту. Знаю только, что, уезжая, Вы остались мне должны с лишком 1200 р⟨ублей⟩ асс⟨игнациями⟩, потом выслано Вам 1050, да портному заплачено 210, а напечатано Ваших статей покуда до 15-ти листов — вот и рассчитывайте.[3]

Напишите, как называется Ваш роман, чтоб можно было объявить, если хотите дать его нам, на что я и надеюсь.[4] Подписка идет у нас хуже прошлого года, чему Вы, конечно, и не удивляетесь, видя, как плох стал наш журнал сравнительно с прошлым годом. А отчего плох? Узнаете, как сюда приедете. Мы печатали, что могли. Если увидите мой роман, не судите его строго: он писан с тем и так, чтоб было чтó печатать в журнале, — вот единственная причина, породившая его на свет.[5]

Комедии Вашей для Щепкина не читал, но слышал про нее.[6] Спасибо Вам, что не забываете «Современника».

Весь Ваш
Н. Некрасов.

17 декабря 1848
СПбург.

1849

94. Ег. П. КОВАЛЕВСКОМУ

20 февраля 1849. Петербург

К сожалению, оригинал Ваших статей[1] был брошен вместе с оригиналом других отпечатанных статей, и я при всем моем желании не мог отыскать его для Вас.

Что ж касается до денег за второй Ваш отрывок,[2] то я попросил бы Вас не брать их с нас на следующем основании: книга Ваша уже скоро выходит,[3] а мы,

когда печатаем что-нибудь за деньги, то делаем условие с авторами не печатать статьи вторично ранее, как через год, или вообще чрез условный срок. Я собирался переговорить с Вами об этом, да как-то не случилось побывать у Вас до печатания статьи. Впрочем, прошу Вас не считать этого дела важным, и если хотите взять деньги, то уведомьте меня одним словом: я пришлю деньги, ибо в этом случае вина на моей стороне, и я могу рассчитывать только на Вашу снисходительность.

Вам хочется надежным образом пристроить Вашу книгу или продать ее. Если хотите в этом моего содействия, то потрудитесь, когда будет книга готова, прислать мне один экземпляр с означением, почем Вы назначили цену, сколько имеется экземпляров и сколько Вы можете взять гуртом за все издание. Может быть, я Вам и продам ее. Или отдайте ее на комиссию[4] Тютчеву и Языкову: это люди честные и аккуратные; вероятно, они согласятся дать Вам и денег вперед значительную сумму, если Вы им одним отдадите все издание, — и во всяком случае я ручаюсь, что ни один Ваш экземпляр, ни одна Ваша копейка у них не пропадет.

Душевно Вам преданный
Н. Некрасов.

20 февр⟨аля⟩ 1849

95. И. И. СРЕЗНЕВСКОМУ

24 февраля 1849. Петербург

Милостивый государь
Измаил Иванович!

По желанию Вашему имею честь представить Вам корректуры начала драмы гр. Соллогуба (и с оригиналами). Вместе с этим считаю нужным довести до сведенья Вашего, что первые четыре листа этой драмы уже отпечатаны начисто в числе 4-х тысяч экз⟨емпляров⟩ еще на прошлой неделе. Дальнейшие листы будут к Вам доставляться по мере набора. Если Вы вздумаете что-нибудь в них вымарать, то всепокорнейше Вас прошу делать это скорее, чтобы не остановить работы в типографии.

В надежде на Вашу снисходительность имею честь быть с глубоким к Вам почтением

Вашим покорнейшим слугою.

Н. Некрасов.

24 февраля 1849
СПб.

96. М. Л. ОГАРЕВОЙ

15 марта 1849. Петербург

Марья Львовна, добрая и милая, если позволите обратиться к Вам с таким коротким приветствием, очень желал бы Вас видеть, и, ей-богу, мне кажется, что Вы дурно делаете, не заглядывая так долго к нам. А что Сократинька?[1] Я о нем вспоминаю с удовольствием и горестию, то есть последнее потому, что ни с кем так приятно не пилось и не беседовалось, как с ним. То-то было бы весело, кабы встретились да потолковали! А о Ксенечке ни слуху, ни духу![2] Целую Вашу ручку.

Некрасов.

97. И. С. ТУРГЕНЕВУ

27 марта 1849. Петербург

Любезный Тургенев! Я сейчас прочел Ваше письмо со счетами.[1] Сегодня у *нас* 27 марта — я очень занят; через пять дней пошлю Вам все, чего Вы желаете и что будет нужно послать, а теперь вот что скажу Вам. По тону Вашего письма видно, что Вы сердитесь — за что? неизвестно! Думаю, за то, что деньги Вам высланы 10-ью или 15-ью днями позже, чем Вы ожидали. На это должен я Вам сказать, что 1) у нас запасных денег нет, 2) что мы имеем долги, 3) что если Вы позволяли себе быть иногда должным мне, то почему же я не мог позволить себе в нужде и в крайности отсрочить высылку Вам денег двумя неделями? и наконец 4) тотчас по получении Вашего письма о деньгах, было мною сделано распоряжение, чтобы контора Вам послала эти деньги при первой возможности — это может Вам засвидетельствовать Тютчев,[2] и если они немного опоздали, значит иначе было невозможно. Вы, может быть, скажете, что это было

в такое время, когда у нас не могло не быть денег. Точно. Но, во-1-х, уплачивались долги по документам, а во-2-х, в нынешнем году у нас подписка на все журналы хуже, вследствие того что газеты политические в интересе повысились, а журналы по некоторым причинам стали скучны и пошлы до крайности. Так у «Библиот⟨еки⟩ для чт⟨ения⟩» убыло 900 подписчиков, у Краевск⟨ого⟩ — 500, у нас — 700. Дела наши не очень блистательны.[3]

Вы пишете, что не знаете, нужны ли нам Ваши статьи. Это может спрашивать только человек рассерженный. Еще пишете Вы, что не можете ничего нам прислать, пока мы не вышлем должных Вам денег, и с легким упреком намекаете, что Краевс⟨кий⟩ дал Вам вперед! О, Тургенев! За что Вы так меня обижаете? Поверьте, что если б Вам следовали деньги, то я выслал бы их без Ваших напоминаний, зная до некоторой степени, что Вы деньгами за границей не должны быть богаты. Но дело в том, что Вы в своем счете, который теперь у меня в руках, позабыли 300 р⟨ублей⟩ серебр⟨ом⟩, посланных Вам за границу *в январе прошлого года*, — так что всех денег забрано Вами не 2500 ас⟨сигнациями⟩, но 3500! «Жид» также в счет не идет, ибо он достался мне по прежним счетам.[4] Вам ничего не следует, что ясно увидите, получив от меня через пять дней после этого письма подробный счет.[5]

Еще замечание. Вы считаете по 50 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩ за лист — я против этого ни слова и готов на будущее время платить Вам больше, если Вы пожелаете; но берите же и с Краевского по крайней мере хоть не меньше, чем с нас, ибо он богаче нас; по отношению листа «Отеч⟨ественных⟩ зап⟨исок⟩» к листу «Совр⟨еменника⟩» Вам, получая с нас 175 р⟨ублей⟩ асс⟨игнациями⟩ за лист, следует брать с листа «От⟨ечественных⟩ зап⟨исок⟩» по 225 р⟨ублей⟩ асс⟨игнациями⟩. Это замечание делаю я для Вашей пользы, так как Вы даете знать в Вашем письме, что хотите работать Краевскому.

Что касается до вопроса — нужны ли нам Ваши статьи, то, кажется, нечего отвечать Вам на него. Очень нужны, — если только Вы еще не так рассердились, чтоб иметь желание не давать нам своих трудов и сделать таким образом вред нашему журналу...

Касательно денег скажу Вам, что если, ошибшись в счете, Вы ждете от меня высылки денег и рассчиты-

ваете на них, то я могу выслать Вам 200 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩ вперед (не ранее, впрочем, *наших* первых чисел мая), не потому, чтоб желал в этом случае следовать примеру Краевского, а потому, что я всегда за особенное удовольствие почитал сделать что-нибудь для Вас при малейшей возможности, — зная, что и Вы с своей стороны были мне полезны и можете быть полезны впредь (хоть уж поэтому!).

Ничего особенно нового и приятного у нас не имеется. Мы наконец выпустили второй «Иллюстр⟨ированный⟩ альманах»[6] и рассчитываем, что он поддержит подписку. Покуда у нас подписчиков 2400 (в прош⟨лом⟩ году было 3100). Рассказы Ваши (из «Зап⟨исок⟩ ох⟨отника⟩») напечатаны во 2 книжке; они изрядно общипаны,[7] но все еще весьма понравились публике. «Нахлебник» Ваш *не пошел* — этого бы не случилось, если б он попал к нам, а теперь он погиб невозвратно.[8] Если вздумаете нам дать что-нибудь, уведомьте, к какому времени и что именно — это меня очень интересует. Прощайте! Поклонитесь Герцену.

Жду Вашего ответа насчет денег. Не ожесточайтесь против старого своего приятеля Некрасова, который привык видеть в Вас человека, добра ему желающего, и сам всегда был Вам крепко предан. Ваше письмо меня огорчило не столько с точки зрения журнальных дрязг, к которым я наконец привык, сколько с другой.

Н. Некрасов.

27 марта 1849
СПбург.

«Современник» будет Вам послан. Брату Вашему 80 р⟨ублей⟩ отдали.[9] Он еще не был у меня.

Н.

98. Н. М. САТИНУ

8 апреля 1849. Петербург

Любезный Сатин! Спасибо Вам за Ваши два письма.[1] Жду от Вас разбора книги Вернадского.[2] Насчет «Лит⟨ературной⟩ газ⟨еты⟩» у меня почти все готово, не посылаю же я к Вам потому, что выжидаю, что будет с одним подобным же предприятием.[3] Князь

Одоевский с разной компанией покупают русскую «Иллюстрацию» с тем, чтоб издавать ее *на акциях*, под редакциею Апол⟨лона⟩ Майкова. Если это точно сладится и пойдет нужным образом, то в таком случае с «Лит⟨ературной⟩ газ⟨етой⟩» едва ли можно будет что-нибудь сделать. Но люди-то ненадежные! Так как они намерены начинать немедленно, с апреля же нынешнего года, то скоро будет видно, будет ли из этого какой-нибудь толк? Если у них дело не сладится, то я переговорю и с нынешним владельцем «Иллюстр⟨ации⟩» (г. Крыловым) об условиях, на каких он сдал бы ее. При изрядном запасном капитале и при другом плане издания (я бы издавал ее большими тетрадями *раз в две* недели) «Иллюстрация» может хорошо пойти. Обо всем об этом напишу подробнее, как только дело выяснится, а это должно быть на днях.[4]

Что у Вас хорошего делается? Пробудете ли Вы в Москве до первых чисел июня? В это время я приеду в Москву и желал бы найти там хоть одну живую знакомую душу. У нас здесь не без пьянства, хотя не Огар⟨ев⟩[5] тому главной причиной — так уж само собой как-то выходит. Юный и рьяный Кав⟨елин⟩ и тот даже свирепствует ныне по этой части.

Мельгунову рукопись послана с Григоровичем.[6] При сем прилагаю записку на получение «Современника». Если Вы первые №№ имеете, то получайте с 4-го. Напишите, пожалуйста, произвел ли какой-нибудь эффект на наших подп⟨исчиков⟩ «Литературный сборник»?[7] Поклонитесь Кетчеру, Боткину и всем прочим. Дамы Вам кланяются.

Весь Ваш
Н. Некрасов.

99. М. В. АВДЕЕВУ

30 мая 1849. Петербург

30-го мая 1849 г. С.-Петербург.

Я с большим удовольствием прочел Вашу повесть.[1] В ней много хорошего, и Вы имеете несомненный талант. Повесть Ваша будет напечатана не позже как в 9-й книжке «Современника» на 1849 год. Впро-

чем, напишите, если Вы к 9-й или 10-й книжке можете прислать нам другую свою повесть, в таком случае «Вариньку» я напечатаю теперь же, то есть в 7 №. Что касается до вознаграждения, то, начиная со второй Вашей повести, Вы будете получать столько, сколько получают все наши лучшие сотрудники, то есть два рубля серебром за печатную страницу. За первый же труд каждого нового автора, выводимого в публику, журналы обыкновенно ничего не платят. Впрочем, если есть особые причины, то я могу до некоторой степени сделать для Вас исключение, о чем потрудитесь написать.[2]

Напишите мне также, сколько Вам лет, где Вы служите,[3] куда думаете выступить из Нижнего. Все, что напишете, присылайте смело ко мне: годное будет напечатано, и будут Вам тотчас высланы деньги (по 32 рубля серебром с каждого печатного листа). Что же окажется неудовлетворительным, на то я не поленюсь прислать Вам свои замечания, ибо Ваш талант меня очень заинтересовал. Высылайте мне поскорей.

Свидетельствую Вам мое истинное почтение, имею честь быть Ваш покорный слуга

Н. Некрасов.

На конверте:

В Нижний Новгород.
Михаилу Васильевичу Авдееву.

100. Б. И. ОРДЫНСКОМУ

Май—август 1849. Петербург

(*Отрывок*)

⟨...⟩ Весьма вероятно, что обучались мы в Ярославской гимназии вместе.[1] Впрочем, я, собственно, более предпочитал проводить классное время в попутном Цареградском трактире в игре на биллиарде;[2] поэтому и не помню моих товарищей тогдашних. ⟨...⟩

101. И. С. ТУРГЕНЕВУ

14 сентября 1849. Петербург

Любезный Тургенев, крайне я радуюсь, что Вы наконец вразумились, что ни малого поползновения поступить с Вами в чем-нибудь не похвально я не имел, и, стало быть, перестали питать ко мне неблагоприятные чувствования. Ваш «Завтр⟨ак⟩ у предв⟨одителя⟩» на днях получил от приехавшего сюда Щепкина и отдал в набор для 10 № «Совр⟨еменника⟩», вещь хорошая,[1] но Ваша комедия «Холостяк» в IX № «От⟨ечественных⟩ зап⟨исок⟩» — просто удивительно хороша, особенно первый акт.[2] Будьте друг, сжальтесь над «Современ⟨ником⟩» и пришлите нам еще Вашей работы, да побольше, а мы всегдашние Ваши плательщики. Ужасно мне досадно, что Вы думаете, будто «Современ⟨ник⟩» не получается Вами по моей беспечности! Не один раз, а двадцать раз делал я по этому случаю распоряжения и имею от Тютчева[3] письменные удостоверения, что к Вам (или, правильнее, Герцену, *на Ротшильда*[4]) посылается «Современник». Обратитесь же при случае к Тютчеву с вопросом об этом и уверьте его, что Вы ничего не получаете.

Покуда прощайте. Мы ждем Вас сюда зимой.[5] Признаться, приятно было бы свидеться. Кланяется Вам Панаев. Будьте здоровы.

Душевно Вам преданный
Н. Некрасов.

14-е сентября нашего стиля
1849
СПб.

102. И. И. СРЕЗНЕВСКОМУ

19 сентября 1849. Петербург

Милостивый государь
Измаил Иванович!

Извините, что решаюсь побеспокоить Вас. Сегодня 19 число, а Х-ой книжки «Современника» отпечатан только один лист, выданный цензурою.[1] Час тому назад г. Крылов[2] возвратил еще 10-ть форм «Смеси», которые к Вам и препровождаются. Сделайте одолжение, войдите в наше положение: дело идет к подпис-

ке, а выпустить книжку в срок при таком промедлении уже не видится возможности и теперь. Но если Вы будете так добры, что хоть с этого дня ускорите выдачу корректур, так, по крайней мере, мы не слишком запоздаем. Об этом и прошу Вас покорнейше. Если Вы потрудитесь выдать завтра хоть те 10-ть форм, которые уже выданы г-ном Крыловым, то крайне меня обяжете.

С истинным к Вам почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь,

Вашим покорнейшим слугою.
Н. Некрасов.

Сентября 19
1849

На обороте:

Его высокородию
Измаилу Ивановичу Срезневскому.
Н. Некрасов.

103. И. К. БАБСТУ

11 октября 1849. Петербург

Спасибо Вам, любезнейший Иван Кондратьевич, что Вы не забыли «Современника». Статью об Англии[1] присылайте и чем скорее, тем лучше, может быть, она еще попадет в эту книжку. Во всяком случае подобная статья всегда найдет место в нашем журнале.

Писать более некогда.

Душевно вам преданный
Н. Некрасов.

11 октября 1849
СПб.

104. М. С. КУТОРГЕ

4 ноября 1849. Петербург

Милостивый государь
Михаил Семенович!

Я с удовольствием сам заеду к Вам в воскресенье утром в 1-м часу, если только в этот день Вы будете

дома. Если на это письмо я не получу ответа, это будет значить, что Вы *дома*, и я в воскресенье приеду.

Имею честь быть, милостивый государь,

В⟨аш⟩ п⟨окорнейший⟩ с⟨луга⟩.

Н. Некрасов.

4 ноября

На обороте:

Его высокородию
Михаилу Семеновичу Куторге.
От Некрасова.
На Васильевском острову,
во 2-й линии, за Средним проспектом,
в доме Бруни.

105. И. С. ТУРГЕНЕВУ

8 ноября 1849. Петербург

8 ноября нашего стиля.

Любезный Тургенев. Душевно я желал бы послать Вам тотчас все 300 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩, но у меня их теперь нет. Вижу по письму Вашему,[1] что Вам не бесполезны будут покуда и 100 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩, и потому посылаю их, в след⟨ующем⟩ месяце или в два срока, или разом вышлю остальные.

Ваши комиссии исполнятся на днях — они замешкались потому, что нужно было некот⟨орые⟩ книги выписать из Москвы. У меня начато к Вам большое письмо о бывшем недавно представлении «Холостяка»[2] — если паралич не хватит мне правую руку, то клянусь честью, я его допишу и пошлю на днях к Вам. Ради бога, поторопитесь с комедией[3] и вышлите ее на первую книжку — этим по гроб обяжете, а если уж нельзя, то не позднее второй. Крайне нужно! Ваш «Завтр⟨ак⟩ у предв⟨одителя⟩» подвергался сомнению (ибо в нем действуют помещики), но теперь его позволили для сцены, и, стало быть, он попадет и в печать.[4]

Не сердитесь, что мало денег. Наши денежные дела плохи — ждем поправки от след⟨ующего⟩ года. Помогите, друг! Денег вышлю, как скоро будут.

Третий акт Вашего «Холостяка» имел огромный успех, первый был принят хорошо, второй сухо. Прощайте.

Некрасов.

На обороте:

И. С. Тургеневу.

106. А. Н. АФАНАСЬЕВУ

Ноябрь 1849. Петербург

Милостивый государь
Александр Николаевич!

Вы ко мне не пишете и статей не шлете[1] — вероятно, сердитесь, что я Вам не шлю денег, вопреки своему обещанию. Поверьте, я об этом думал, да никак не собрался с силами. Такова уж моя участь, что покуда к концу года приходится надувать сверх всякого желания. Деньги Ваши будут мною Вам заплачены при первой возможности, никак не позднее конца ноября или начала декабря[2] — и сверх того ожиданием этим Вы приобретаете право взять у меня до 150 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩ в начале года вперед. А работу прошу Вас продолжать. Вот все, что я могу предложить на Ваше усмотрение в настоящее время. Еще потрудитесь зайти к Базунову[3] — я напишу ему, чтоб он выдал Вам столько, сколько может, или, лучше, вкладываю записку[4] здесь. Прошу Вас во всяком случае написать мне,[5] дабы я мог определенно знать — будете ли Вы продолжать работу и могу ли ждать от Вас статей и каких.

Душевно пред⟨анный⟩
Н. Некрасов.

107. А. Н. АФАНАСЬЕВУ

5—6 декабря 1849. Петербург

Милостивый государь
Александр Николаевич!

Очень рад, что Вы согласились писать обозрение по части истории русской.[1] Характер нынешнего обозрения будет — *полнота*,[2] и потому, пожалуйста, постарайтесь указать на все сколько-нибудь значительное,

при заглавии всякой статьи ставьте в скобках, где и в каком № напечатана. Не бойтесь, если статья будет выходить длинна, — это не беда; скажете ли Вы об изданиях Археогр⟨афической⟩ комиссии?[3] это бы необходимо; у нас о них ничего не было. Затем «Временник» и «Царские письма»[4] должны войти также в обозрение. Через два дня после этого письма отправляю я к Вам пакет (на Базунова)[5] вместе с 12 № «Современ⟨ника⟩» — в этом пакете Вы найдете статьи Ваши о «Временнике» и о «Ц⟨арских⟩ п⟨исьмах⟩» в корректуре; один цензор[6] их позволил в том виде, как они на помянутой корректуре, а другой, г. Крылов,[7] не пропустил, объявив, будто в этих статьях выбрано только все то, что составляет темную сторону древней жизни, и что из статьи о письмах можно ясно увидеть, что древние госуд⟨ари⟩ только и делали, что ездили на богомолья. Передавая Вам это заключение, в сущности несправедливое, — я прошу Вас вставить в эти же самые статьи, если можно, чего-нибудь, составляющего эту требуемую хорошую, светлую сторону, дабы я мог требовать от г. Кр⟨ылова⟩ пропуска этих статей. Я думаю, что, попеределав, Вы можете вставить эти статьи в обозре⟨ние⟩. Пожалуйста, не огорчайтесь, что нынешний год был так страшно несчастлив для Ваших трудов,[8] ей-богу, я этим сам огорчен, ибо ни одному из наших сотрудников не подносил я стольких горьких пилюль, как Вам в этом году, — но что же делать! Авось в следующем году будет лучше.[9]

Пишите больше. С следующего года я намерен расширить отдел критики и много надежд в этом отношении основываю на Вас.[10] Напишите мне об этом. Вы, конечно, следите за всем, что выходит по русской истории, — я желал бы, чтобы о *всех* книгах этого рода, и о *петербургских* и о московских,[11] без исключения, писали Вы и чтобы Вы уже приняли на себя ответственность за *полноту* этого отдела, т. е. что ни одна книга не будет пропущена; книги берите и в случае нужды покупайте у Базунова на мой счет, а чего нет в Москве, требуйте от меня (кстати, помните, Вы предлагали мне писать статьи про одно московское издание,[12] об этом издании, если Вам оно еще нужно, так пишите эти статьи, а я пошлю подтвердительную записку к Базунову о постепенной выдаче Вам выпусков). Затем желал бы я, чтоб Вы взяли на себя вообще

разборы выходящих в Москве книг[13] и присылали бы их аккуратно каждый месяц, как делал это Егунов (который, впрочем, разбирал далеко не все книги); нет нужды, чтобы все книги разбирали непременно Вы; если Вам когда нет времени или предмет специальный, отдавайте другим — ведь Москва не клином сошлась, — но только сами пересматривайте. Насчет добывания книг вот лучшее средство: следите за «Московск⟨ими⟩ вед⟨омостями⟩», где непременно публикуется о каждой новой книге; записывайте заглавия, а потом требуйте по этому списку книг от Базунова, а я уж напишу ему, чтоб он покупал да давал Вам все книги. Наконец, данное Вами обещание написать несколько статей о так называемых русских классиках[14] тоже, надеюсь, не останется втуне — по крайней мере мне бы этого не хотелось. Напишите мне обо всем об этом и, пожалуйста, работайте больше. Если не успеете с обзором к 15-му, то часть пришлите 15-го, а остаток можно до 18-го. (Упомяните о Соловьеве[15] да и вообще о журнальных статьях по истории в науках и в критике). Заметьте, что в прошлом в 1848 году у нас не было историческ⟨ого⟩ обзора, — поэтому Вам еще более простора. Мне кажется, что работы по русской истории есть самое лучшее, самое главное и самое характерное в нашей литературе последних двух или трех лет. Так ли Вы думаете?

По Вашему счету следовало Вам с меня 256 р⟨ублей⟩ ас⟨сигнациями⟩ — послал я Вам записку на 50 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩.[16] Итак, за мной 81 р⟨убль⟩ ас⟨сигнациями⟩, на которые на обороте записка. Будьте здоровы.

Пред⟨анный⟩ Вам
Н. Некрасов.

108. И. И. СРЕЗНЕВСКОМУ

27 декабря 1849. Петербург

Милостивый государь
Измаил Иванович!

Мне прислал из Москвы Афанасьев разбор книги Шепинга; посылаю его к Вам; если Вы уже написали разбор этой книги, то в таком случае этот можно бро-

сить: если же нет, то потрудитесь поправить это:[1] Вы можете вымарывать и прибавлять что угодно. Если он Вам вовсе не понравится, в таком случае позвольте надеяться, что Вы напишете обещанный Вами. Во всяком случае, Ваш ли, этот ли, — потрудитесь переслать поскорее в нашу типографию при случае.

Извините, что беспокою Вас этим делом, но Ваше обещание дало мне на это некоторое право. Осмеливаюсь напомнить Вам другое Ваше обещание — написать нам статью об известном Вам предмете:[2] этим Вы глубоко обязали бы нас и помогли бы «Современнику», нуждающемуся в хороших ученых статьях.

Имею честь быть
душевно Вас уважающий
Н. Некрасов.

27 декабря 1849

1850

109. И. И. СРЕЗНЕВСКОМУ

2 января 1850. Петербург

Милостивый государь
Измаил Иванович!

Препровождаю при сем повесть «Случайность»;[1] г-ну Крылову она не понравилась в первобытном виде; он доложил о ней председателю[2] — и решили они, чтоб ее переделать. Посылаемый оттиск есть уже переделанный, и в этом новом виде г. Крылов подписал ее. Все это считаю не лишним довести до Вашего сведенья и вместе с тем всепокорнейше Вас прошу выдать поскорее эту повесть, чем глубоко обяжете душевно Вам преданного

Н. Некрасова.

2 янв⟨аря⟩ 1850

Честь имею проздравить! и пр⟨очее⟩.

На обороте:

Его высокородию
Измаилу Ивановичу Срезневскому.
От Некрасова.

110. И. С. ТУРГЕНЕВУ

9 января 1850. Петербург

СПб. 1850 года 9 янв⟨аря⟩ ст⟨арого⟩ ст⟨иля⟩.

Любезнейший
Тургенев.

Вы, я думаю, приходите в неистовое негодование, не получая ни письма моего, ни денег, ни книг. Я чувствую, что виноват я перед Вами, даже при тех гнусных обстоятельствах, в которых я находился в последнее время. Обстоятельства эти суть: 1) лихорадка, которая трясет меня каждый вечер вот уже с лишком месяц; 2) глазная боль, от которой только недавно избавился несколько; 3) невероятное, поистине обременительное и для крепкого человека количество работы — честью Вас уверяю, что я, чтоб составить 1-ю книжку, прочел до 800 писаных листов разных статей, прочел 60-т корректурных листов (из коих пошло в дело только 35-ть), два раза переделывал один роман (не мой),[1] раз в рукописи и другой раз уже в наборе, переделывал еще несколько статей в корректурах, наконец, написал полсотни писем, был каждый день, кроме лихорадки, болен еще злостью, разлитием желчи и проч. Кроме физических недугов и состояние моего духа гнусно, к чему есть много причин, — обо всем этом я, конечно, не отписывал бы к Вам, если б не надеялся, что это смягчит несколько Ваше справедливое разъярение.

Сегодня только выпустил я 1-ю книгу «Соврем⟨енника⟩» на 1850 год[2] и теперь вздохнул свободнее; спешу писать к Вам; впрочем, если я виноват перед Вами, то разве в долгом молчании, но никак не в неотсылке денег; ранее сегодняшнего дня я их выслать не мог, ибо какие были, теми уплатил по векселям, а новые не могли явиться ранее, как по выходе книжки, когда приносят деньги книгопродавцы. Что же касается до книг, то, прочитавши Ваше письмо, я вполне почувствовал, как они Вам необходимы, и весьма пенял на себя, что не похлопотал об этом. Но, Тургенев, у Вас есть приятели, менее занятые, так не очень сердитесь на меня, всех более занятого, что я не сделал этого поистине очень трудного, запутанного и многосложного дела.

Уж если контора Языкова и Тютчев,[3] который, кажется, Вас очень любит, не могли для Вас ничего сделать по этой части, тогда как у них все эти дела под рукой, — то, ей-богу, я не виноват. Впрочем, я уже писал Вам, что имею письменное уведомление Тютчева о высылке Вам «Современ⟨ника⟩» прошлого года, — советую спросить у него. В последнее время по вышеписанным причинам я уж никак не мог поправить своей неисправности, ибо редко и со двора выходил; но теперь могу сообщить Вам утешительную вещь: приехал сюда мой брат,[4] он малый дельный, вступил теперь в управление нашей контрой и обнаруживает себя в хорошем свете; ему-то поручил я добиться, как отправить к Вам «Современ⟨ник⟩», и если только это возможно, то уж теперь наверное через неделю после этого письма Вы получите весь «Совр⟨еменник⟩» прошл⟨ого⟩ года и 1 № нынешнего, *чего бы это ни стоило*, деньги эти беру я на свой счет. Итак, Вы, надеюсь, ошибетесь в своем убеждении, что уже не получите «Современника»!

При этом я прилагаю счет, из коего увидите, что за Вами было	186 р. 70 к. сер.
Да теперь пос⟨лано⟩	200
Итого за Вами	386 р. 70 к. сер.

Тургенев! я беден, очень беден! ради бога, вышлите мне скорей Вашу работу и, сверх того, дайте слово, что если эта работа почему-нибудь не пойдет, то Вы первым Вашим произведением после этого удовлетворите мой долг; желать этого обещания вынуждает меня крайность; в прошлом году мы понесли огромный убыток; ныне у нас подписка идет лучше, но долги у нас большие. Конечно, Вам все равно; Вам денег мог бы точно так же дать Краевский, но выгода заставляет *меня* не отказать в них Вам; только я Вас предупреждаю, что выдача этих денег для меня имеет важность и что чем скорее Вы их отработаете, тем лучше. По получении Вашей работы я буду в состоянии опять выслать Вам рубл⟨ей⟩ 200 сер⟨ебром⟩ вперед, — а так как Ваша комедия в 5 актах, то думаю,

что мы ею сквитаемся разом.[5] Нуждаюсь я для 2 книжки в хорошей вещи, но, кажется, Ваша не поспеет ранее 3-ей, а может быть! Высылайте тотчас по получении письма моего.

Ваш «Завтрак» игран и имел успех,[6] но он не напечатан — ибо один из наших ц⟨ензоров⟩ заупрямился;[7] он не любит таких сюжетов — это его личный каприз. Как скоро я получу «Студента», то «Завтрак» (если Вы согласны) передам Краевскому, и уверен, что те ц⟨ензо⟩ра позв⟨олят⟩ его.

Я Вам моего большого письма не дописал — но зато надеюсь, что Вы прочтете о своих комедиях мою же статейку в «Современ⟨нике⟩», который скоро к Вам поедет.*[8]

Будьте здоровы. Присылайте Вашу вещь прямо ко мне, а не через Щепкина, ибо это может задержать; если будет нужно, то ему перешлю я.

111. М. С. КУТОРГЕ

10 января 1850. Петербург

Милостивый государь
Михаил Семенович!

Надеюсь, что статья Ваша[1] уже готова, и так как она мне очень нужна, то и прошу Вас покорнейше прислать ее с сим же подателем, если можно.

Посылаю Вам 1 № «Современ⟨ника⟩»,[2] а за следующими потрудитесь присылать в нашу контору.

Извините, что я не отвечал на Ваше последнее письмо[3] и не поздравил Вас с Новым годом: я хворал лихорадкой[4] и притом все это время был очень занят.

Честь имею быть
Вашим покорнейшим слугой.
Н. Некрасов.

10 января 1850

---

* Тургенев! Сказать по совести — мне Ваши рассказы нравились больше; впрочем, и комедии хороши, а «Нахлебник» удивителен. Не напишете ли нам после «Студента» повесть?

112. М. В. АВДЕЕВУ

11 января 1850. Петербург

11-го января 1850 г. С.-Петербург.

Милостивый государь!

Сегодня только я немного успокоился, выпустив третьего дня первую книжку «Современника». В этой книжке я поместил половину Вашей повести.[1] Скажу вообще: эта повесть настолько хороша, что можно ее напечатать в журнале с удовольствием; но сходство всей ее постройки и даже некоторых частностей слишком явно напоминает Лермонтова. Впрочем, об этом надо говорить много, а мне теперь некогда; итак, скажу только общий вывод: несмотря на свою подражательность, повесть эта выказывает в авторе талант, а еще более ум и такт. Это такие вещи, с которыми смело можно продолжать писать, что я Вам и советую. Я убежден, что Вы напишете много хороших вещей, да если б Вы и не писали ничего лучше первых Ваших трудов, то и тогда жаль было бы, если б Вы перестали писать. Это мнение не только мое, но и многих других.

Из первой половины Вашей повести вышло 3 листа, из второй — выйдет 2 $^{1}/_{2}$. Посылаю Вам при сем до расчета сто рублей серебром. Как только Вашей повести вторая половина пройдет через цензуру, я тотчас вышлю Вам остальные деньги. Напишите, высылать ли Вам «Современник» в Ярославль? Вы, кажется, сюда хотели приехать; очень будет приятно познакомиться.

Извините, что мало пишу. Ваш покорнейший слуга

Н. Некрасов.

P. S. Письма иногородн⟨его⟩ подписчика пишет по большей части Дружинин.[2]

113. М. С. КУТОРГЕ

30 января 1850. Петербург

Милостивый государь
Михаил Семенович!

Я перед Вами виноват, что не отвечал на Ваше письмо,[1] но я хотел сам быть у Вас. Однако ж все это время я страдал глазами и не выходил. Г-н Ильенков

известил меня,[2] что бывший Ваш ученик Стасюлевич желает поместить в «Современнике» статью,[3] я приму ее с благодарностию на предлагаемом им условии.

Бываю я дома довольно часто после обеда. Если Вам нужен именно день, то, например, 4 февраля.

Примите уверение в истинном почтении и преданности

Вашего покорнейшего слуги
Н. Некрасова.

30 янв⟨аря⟩ 1850
СПб.

На обороте:

Его высокородию
Михаилу Семеновичу Куторге.
На Вас⟨ильевском⟩ остр⟨ову⟩,
в 2-ой линии, в доме Бруни.

114. М. Л. ОГАРЕВОЙ

4 февраля 1850. Петербург

Здравствуйте,
Марья Львовна!

Авдотья Яковлевна больна, и я пишу за нее. Вместе с этим письмом посылаются Вам 200 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩.[1] Оно хоть и поздно, да все же лучше, чем никогда. Что еще Вам сказать? Мы живем довольно скучно. Я работаю, Авдотья Яковлевна хворает, Сократ[2] здоров и кланяется Вам. Он на днях к Вам писал. Николай Самойлович Шеншиев 6 февр⟨аля⟩ нашего штиля едет в Москву для окончания Вашего дела;[3] надеемся, что эта, уже третья его поездка будет удачнее двух первых[4] и что дело это наконец скоро кончится.[5] Будьте здоровы. Мы все Вас помним и очень желали бы видеть. Поклонитесь от меня Тургеневу, если Вы его видите.[6] Целую Вашу ручку.

Н. Некрасов.

4 февраля ст⟨арого⟩ ст⟨иля⟩ 1850 г.
СПб.

115. М. С. КУТОРГЕ

13 марта 1850. Петербург

Милостивый государь
Михаил Семенович!

Буду ожидать с нетерпением Вашей статьи.[1] Что касается до статьи г. Стасюлевича, то мнение о книге Грановского уже помещено в «Современнике» (№ 2, 1850 года),[2] и другую статью о том же предмете нам печатать неловко.

Я советую г. Стасюлевичу передать свою статью в «Библиотеку для чт⟨ения⟩» или в «От⟨ечественные⟩ зап⟨иски⟩» — в этих журналах еще не было, кажется, отзывов об этой книге. Думаю также, что «Москвитянин» с охотой примет такого рода статью.[3]

Примите уверение в истинном моем почтении и совершенной преданности, с коими имею честь быть,

милостивый государь,

Вашим покорнейшим слугою.

Н. Некрасов.

13 марта

На обороте:

Его высокородию
Михаилу Семеновичу Куторге.
Г-ну профессору СПб. университета,
на Вас⟨ильевском⟩ остро⟨ву⟩,
во 2-ой линии, в доме Бруни.

116. М. С. КУТОРГЕ

15 апреля 1850. Петербург

Милостивый государь
Михаил Семенович!

Возвращаю Вам лекции Прейса[1] — а печатать их не могу, ибо на весь этот год имею уже запас статей, которые, по моему мнению, могут сообщить отделу наук более интереса и *разнообразия* для нашей публики, чем эта одна статья, которую пришлось бы тянуть много и много месяцев.

О статье Вашей у Срезневского[2] наведаюсь в понедельник.

При сем прилагаю записку в контору,[3] по которой буд⟨у⟩т[a] Вам выдаваться следующие книжки «Современника» без задержки. Извините, если Вы до сей поры встречали в этом остановку, — это вина не конторы, а моя: я, вероятно, забыл сказать там.

Примите уверения в моем истинном почтении и совершенной преданности, с коими имею честь быть,

милостивый государь,

Вашим покорнейшим слугою.

Н. Некрасов.

15 апр⟨еля⟩ 1850
СПб.

117. В. П. ГАЕВСКОМУ

19 апреля 1850. Петербург

Почтеннейший Виктор Павлович. Посылаю Вам комедию Григорьева.[1] В V № «Соврем⟨енника⟩» набрано пропасть дельных, но сухих библиографических статей, а это единственная книга, о которой можно написать что-нибудь поживее. Посылаю ее Вам в надежде, что Вы не поленитесь ее *прочесть* (труд немалый), пересказать ее содержание и вообще поболтать.[2] Не ругайте ее очень. Нужна к V № непременно.

Ваш Н. Некрасов.

19 апр⟨еля⟩

На обороте:

В. П. Гаевскому.
От Некрасова.

118. А. Н. МАЙКОВУ

19 апреля 1850. Петербург

Аполлон Николаевич, об моск⟨овских⟩ книгах мне о многих прислали из Москвы, а петербургские так пусты, что писать о них нечего — можно разве по несколько строк.

---

[a] *В подлиннике*: будет

А вот Вам работа, коли хотите. Возьмитесь-ка написать о каком-нибудь поэте — Бенедикт⟨ове⟩, Баратынс⟨ком⟩, Языкове, Дельвиге, Подолинск⟨ом⟩ или т⟨ому⟩ подобном — выбирайте любого; или о нескольких, пожалуй, — так взявши целую эпоху, например период Языкова и других с ним.

Или — и это мне не хуже — материал, представляющий всего более простора и возможности сказать кой-что нового и интересного — не хотите ли написать о Козлове и о сантиментальном элементе в поэзии вообще, к чему сей плакса может подать хороший повод.

Разумеется, нельзя думать, чтоб статья поспела на эту книжку, но приготовьте к следующей.

Преданнейший Вам
Н. Некрасов.

19 апр⟨еля⟩

На обороте:

Апол⟨лону⟩ Ник⟨олаевичу⟩ Майкову
от Некрасова.

119. В. П. ГАЕВСКОМУ

1 мая 1850. Петербург

Виктор Павлович.

Я прочел Вашу статью о Григорьеве[1] (очень хорошую) уже в наборе и уверен, что Крылов ее исказит или и совсем запретит; поэтому советую Вам, не теряя времени, побывать у него и поторговаться. Право, жаль, если пропадет статья.

Ваш Некрасов.

1 мая

На обороте:

Викт⟨ору⟩ Павл⟨овичу⟩ Гаевскому.
От Некрасова.

120. М. С. КУТОРГЕ

16 мая 1850. Петербург

Милостивый государь
Михаил Семенович!

В прошлом месяце я потерпел значительную потерю: цензура запретила у меня статью Тургенева[1] в 7 печатных листов, причем я потерпел убыток на наборе, и, кроме того, деньги за самую статью были уже мною высланы автору[2] за границу, который нуждался в них для возвращения сюда.[3] Так как я получаю деньги из газетной экспедиции ежемесячно[4] по определенной сумме, то эта потеря расстроила мои денежные дела до следующего месяца, и я принужден просить Вас всепокорнейше подождать следующие Вам за статью «История папск⟨ой⟩ власти»[5] деньги до 15-го числа июня. Мне прискорбно, что я не могу быть в отношении к Вам столь же аккуратен, как Вы ко мне, но делать нечего: в нынешнем месяце я никак не могу удовлетворить Вас и должен отказать еще другому автору. Право, в этом я всего менее виноват. Впрочем, если Вам неизвестно это, то я замечу здесь, что летом[6] вообще все журналисты очень бедны деньгами и работающие в журнале обыкновенно приглашаются подождать денег до осени. Я же прошу у Вас отсрочки только один месяц и впредь обещаю быть аккуратнее.[7]

Примите уверение в глубоком уважении и совершенной преданности, с коими имею честь быть,

милостивый государь,

Вашим всепокорнейшим слугою.

Н. Некрасов.

16 мая 1850
СПб.

Я не распространяюсь в похвалах Вашей статье, которую прочел уже по выходе книжки с истинным удовольствием, а замечу только, что отовсюду слышу великие похвалы ей.

На обороте:

Его высокородию
Михаилу Семеновичу Куторге.
На Вас⟨ильевском⟩ остр⟨ову⟩,
во 2-ой линии, в доме Бруни.
От Некрасова.

121. В. П. ГАЕВСКОМУ

Весна 1850. Петербург

Гаевский.

Напишите мне адрес Вашей дачи — где Вы? В 1-м Парголове или Заманиловке? И какая там у Вас отдается дача? Я хотел нанять в Мурине, но там уже нет дач, а далеко ехать раздумал и теперь думаю поселиться в Парголове.

Спросите у Бутузова, не готова ли *вставка* в перевод.[1]

Пред⟨анный⟩ Вам
Н. Некрасов.

122. Н. Ф. ЩЕРБИНЕ

24 июля 1850. Петербург

24 июля 1850
СПб.

Милостивый государь.

Я очень Вам благодарен за доставленные мне Ваши стихотворения. Напечатаю их в IX № «Современ⟨ника⟩» этого года. Я желал бы иметь еще несколько Ваших стихотворений на одну из следующих книжек «Совр⟨еменника⟩». — Сделайте одолжение уведомьте: могу ли я надеяться получить их от Вас?[1] Надо Вам сказать, что Ваша книжка[2] как по достоинству своему, так и по успеху в публике есть в настоящее время нечто исключительное, имя Вами уже сделано, и я желаю только, чтоб Вы не бросали Ваших поэтических занятий, — напротив, предались бы им исключительно; думаю, что русская поэзия от этого много бы выиграла.

Примите уверение в моем истинном уважении.

Н. Некрасов.

Дружинин имеет нужду знать адрес, куда писать Маркевичу; потрудитесь написать мне при случае. Желательно бы знать, как идут в продаже Ваши «Греч⟨еские⟩ стих⟨отворения⟩»?

123. А. Л. КРЫЛОВУ

2 августа 1850. Парголово

Милостивый государь
Александр Лукич!

Вот уже другой месяц «Современник» выходит с неполными отделами — отдел *иностр⟨анной⟩ литературы* вовсе приостановлен, *библиография* сжата, *театральн⟨ого⟩* обозрения нет вовсе, отдел *русской словесности* также очень необширен, — все это для того, чтоб дать в журнале как можно более места роману «Ярмарка тщеславия»:[1] цель редакции состоит в том, чтоб поскорее окончить этот роман, который также переводится и в другом журнале;[2] средством к этому избрали мы, как видите, *не увеличение листов* журнала, а уменьшение отделов. Книжки наши нынешнего года ничем не больше книжек прошлого и далеко менее книжек «Отечеств⟨енных⟩ запис⟨ок⟩», которые постоянно выходят в 37 и 38 листов и помещают ежемесячно по *три* иностранных романа, не говоря о русских. Мы же печатаем только *один* роман, и что ж будет, если мы и с этим романом отстанем, печатая его по маленьким клочкам?

Ради бога, почтеннейший Александр Лукич, войдите в наше положение; уверяю Вас честью, что это будет для «Современника» сущее бедствие: приостановка этого романа, во-первых, собьет план будущих книжек, а во-вторых, без этой части VIII № «Современника» будет очень жидок: Вы можете послать в типографию справиться и увидите, что для VIII № прочтено Вами покуда только *26* листов с небольшим; в этом я сам убедился, быв на днях в типографии. Мы никогда не выпускали книжек менее 30 листов, и теперь, когда дело идет уже к подписке, выпустить[а] в 26 было бы весьма для нас невыгодно. Если бы и гг. цензора «Отечеств⟨енных⟩ записок» по прочтении 26 листов отказались[б] читать далее, то в таком случае, конечно, это не сделало бы нам вреда. Но так как они дают[в] г-ну Краевскому средства выпускать книж-

---

[а] *Было начато*: это
[б] *Далее было*: бы
[в] *Было*: читают

ки в 40 печ⟨атных⟩ листов, то на нас, при таком ходе дел, это отразилось бы очень невыгодно.

Я было думал не без удовольствия, что VIII № «Современ⟨ника⟩» выйдет довольно рано,[3] но теперь вижу противное: во всяком случае нахожу удобнейшим и выгоднейшим для себя подождать, пока Вы будете иметь время прочесть 8 часть «Яр⟨марки⟩ тщ⟨еславия⟩», чем выпускать книгу жидкую и неполную. Будьте добры, Александр Лукич, исполните мою покорнейшую просьбу. На исполнение ее дают мне права надеяться как Ваше доброе сердце, так, смею сказать, и законность моей просьбы: число листов, представленных для VIII №, и невелико, и представлены все эти листы до 1-го числа. Я знаю, что Вы с своей стороны имеете много уважительных и справедливых причин не читать, чего не хотите, — но надеюсь на Ваше доброе расположение к «Современнику».

Примите уверение в моем глубоком почтении.

Ваш покорнейший слуга
Н. Некрасов.

2 августа
1850

P. S. Извините, что письмо это не слишком чисто написано,[4] — сейчас уходит парголовский дилижанс, и я торопился.

На конверте:

Его высокородию
Александру Лукичу Крылову
от Некрасова.

124. В. П. ГАЕВСКОМУ

2 августа 1850. Парголово

Любезнейший Виктор Павлович! Крылов опять не хочет читать 8 части «Ярм⟨арки⟩ тщ⟨еславия⟩». Это совершенно незаконно и даже неблагородно: читают же цензора для Краевского каждый месяц по 40 листов, а с Крыловым каждый месяц история. И вообразите, что в нынеш⟨нем⟩ месяце он прочел только еще 26 листов — и больше не хочет. Что ж, наконец в следующем месяце он остановится на 20-ти?.. И как

теперь выпустить книжонку в 26 листов! Я готов лучше ждать целую неделю, но не выпущу такой книжонки. Обо всем этом я подробно написал к Крылову, а Вас прошу похлопотать у него с своей стороны — пожалуйста, поезжайте к нему — теперь самое удобное время. А потом не поленитесь уведомить меня, чем кончится. Что за скотина этот Крылов — ведь книжка была бы завтра утром готова!

Душев⟨но⟩ Вам пред⟨анный⟩
Н. Некрасов.

2 авг⟨уста⟩

На обороте:

Е⟨го⟩ п⟨ревосходительству⟩
Викт⟨ору⟩ Павл⟨овичу⟩ Гаевскому.

125. В. П. ГАЕВСКОМУ

Лето 1850. Петербург

Пятница.

Будьте добры, Виктор Павлович, привезите Крылова в Парголово, взяв коляску. Мне опять ехать завтра за этим в город и лень, да и неудобно — надо распорядиться по хозяйству, а брат мой[1] дик и отговаривается.

Я накупил отличных вин и фруктов, — во всяком случае верно то, что можем поесть и выпить отменно.

Брат мой завтра с утра будет раздавать в конторе «Современник» — потрудитесь, пожалуй, мимоходом зайти туда: не сговоритесь ли Вы еще как-нибудь удобнее?

Только, ради аллаха, тащите Крылова — ибо, хотя закупленное и не пропадет без него — да ведь опять пришлось бы тратиться. Лучше сразу.

Весь Ваш
Н. Некрасов.

Я к Вам забежать не успел — мочи нет, как есть хочется — стремлюсь в Парголово.

На обороте:

Е⟨го⟩ п⟨ревосходительству⟩
В. П. Гаевскому.
От Некрасова.

126. В. П. ГАЕВСКОМУ

Июнь—сентябрь 1850. Петербург

Почтеннейший
Виктор Павлович!

Пожалуйста, отправляйте «Письмо»[1] хоть по частям в типографию — там нечего набирать.

Некрасов.

На обороте:

Виктору Павловичу Гаевскому.

127. П. В. АННЕНКОВУ

30 сентября 1850 г. Петербург

Любезнейший и многоуважаемый
Павел Васильевич.

Пишу к Вам хоть и поздно, да зато теперь могу сказать не только, что получил с благодарностию и напечатал с радостию Ваше «Письмо»,[1] но и прибавить, что «Письмо» это решительно всем нравится и в IX № «Соврем⟨енника⟩» составляет вещь самую заметную. Оно и действительно хорошо (по моему мнению) и, что еще важнее, — всегда было бы хорошо, не только в 1850 году.[2] Форма, избранная Вами, есть не только Ваша настоящая, но притом она же теперь и самая — как бы сказать? — удобная — выставьте в заглавии этой же вещи *рассказ* или *повесть*, да что много толковать? На IX № набрали мы две повести — одну Сальяс, другую Дружинина, но от них не осталось и следа,[3]

Как от любви[а] ребенка безнадежной,
Как от мечты,[б] которой никогда
Он не вверял заботам дружбы нежной...[4]

Ваш ходебщик, да еще два, три лица в Ваших прежних «Письмах» есть нечто капитальное, что *останется* от теперешней русской литературы, от которой, вообще говоря, останется крайне мало. Это

[а] *Было*: мечты
[б] *Было*: любви

настоящие русские типы из народа, которым мелочные погрешности в народном языке не помешают жить долго. Чутье в публике на это имеется, и мне не один человек уже говорил (о последнем Вашем «Письме»), что это и повесть, да и нечто лучше всякой повести.

Новостей литературных более-то, кажется, и не имеется — в той же IX-й книжке заметили Вы, вероятно, статью о Феофрасте,[5] в своем роде прекрасную, а остальное, как сами видите, все обстоит благополучно. Того же ждите и впредь; впрочем, с X № я начал печатать очень хорошие «Записки об Аварской экспедиции на Кавказе»[6] и там же будет статья Галахова об Измайлове-журналисте — хорошая.[7] Повести будут дрянные.[8] Летом был у нас Тургенев, чему я очень обрадовался, — на мои глаза он нисколько не переменился и все такой же милый человек, как был. Теперь он у себя в деревне. Слышал я, что он окончательно рассорился с своей матушкой;[9] скоро будет сюда. Написал он и прислал небольшую вещицу: хороша, да неудобна.[10] А вы скоро ли сюда будете? Если нескоро, то хоть присылайте еще «Писем». Об этом прошу преусердно. Если будете скоро, то не поработаете ли для «Обозрения лит⟨ературы⟩ за 1850 год»?[11]

Тютчев[12] и Языков[13] здравы. В начале сентября прибыл Панаев[14] и привез из Москвы много анекдотов. Ав⟨дотья⟩ Як⟨овлевна⟩ тоже недавно воротилась из-за границы.

Больше на этот раз писать не буду, а если что явится интересное, то напишу. Будьте здоровы.

Душевно Вам преданный
Н. Некрасов.

30 сентября 1850
СПб.

На конверте:

В Симбирск.
Его высокоблагородию
Павлу Васильевичу Анненкову.

128. М. С. КУТОРГЕ

10 октября 1850. Петербург

Милостивый государь
Михаил Семенович!

Я получил Ваше письмо,[1] находясь в изрядной лихорадке, которая у меня только что начинает проходить. Желание мое, тотчас как буду в состоянии ехать к Вам, было причиною, что я замедлил ответом. Что касается до денег, то Вы не можете получить их от меня ранее, как через неделю. Причина тому в моей болезни, а главное — в том, что цензура до сей поры задерживает X № «Совр⟨еменника⟩».[2] Я получу деньги (как получаю ежемесячно) по выходе книжки, что будет, вероятно, не позднее 15 или 16-го окт⟨ября⟩. К этому времени *наверно* можете рассчитывать на получение следующих Вам денег.

Долг мой я помнил, и во время Вашего отсутствия наведывался о сроке Вашего приезда, как для того, чтоб заплатить деньги, так и для того, чтоб узнать, когда я могу получить последнюю статью о Перикле,[3] которую нужно бы кончить в этом году.

Я надеюсь быть у Вас 15 или 16 числа.[4] Сам же я теперь всегда дома. Впрочем, так как живу от Вас очень далеко, то и прошу Вас не беспокоиться навещать меня. Время Вам дороже, чем мне, ибо Вы умеете пользоваться им несравненно лучше меня. Однако ж, так как Вы желали, то вот мой адрес:

У Владимирской, на углу Колокольной улицы и Поварского переулка, дом *Трубникова*.

Имею честь быть с истинным почтением и совершенной преданностию

В⟨аш⟩ п⟨окорнейший⟩ с⟨луга⟩
Н. Некрасов.

10 окт⟨ября⟩

129. М. С. КУТОРГЕ

16 октября 1850. Петербург

16 окт⟨ября⟩.

Милостивый государь
Михаил Семенович!

Я еще не совсем здоров и ехать на Вас⟨ильевский⟩ остр⟨ов⟩ через перевоз боюсь. Честь имею представить Вам серию в 50 руб⟨лей⟩ серебр⟨ом⟩[1] (на коей процентов 1 р⟨убль⟩ 43 коп.). Поверьте, что при болезни моей и при многих неожиданных расходах по журналу (происходящих вследствие тех же причин, по которым журнал, вместо 1-го числа, выходит 15-го)[2] — я ужасно теперь беден. Хотя и совестно, но осмеливаюсь обратиться к Вам с просьбою отсрочить мне уплату[3] остальных денег до 16-го же числа следующего месяца. Этим Вы меня очень много обяжете. Я все-таки надеюсь на днях у Вас быть, и не худо бы, если б Вы потрудились сказать моему человеку, можно ли Вас заставать утром между 12-тью и 3-мя часами.

Примите уверение в глубоком уважении
преданного Вам
Н. Некрасова.

130. А. Д. ГАЛАХОВУ

16 октября 1850. Петербург

Почтеннейший
Алексей Дмитриевич.

Я написал Вам давно об Вашей статье,[1] но дело в том, что последнюю половину ее я только что прочел в корректуре — она набрана на XI №.[2] Скажу коротко — статья превосходная и со времени Б⟨елинского⟩ ничего подобного не было в русской критике. Если б Вы, отец родной, почаще такие статьи писали! То есть не то, чтоб другие Ваши статьи были плохи, но в этой Вы напали, кажется мне, на настоящий тон и на настоящую форму, в которой подобные вещи могут быть наиболее занимательны.

Я всегда думал, между прочим, что глупо ограничивать критическую статью листом или двумя печатными — и, кажется, одна из причин занимательности Вашей последней работы состоит в том, что Вы не задали ⟨?⟩ себе узких рам⟨?⟩. Как бы то ни было — статья прекрасная, и я душевно Вам за нее благодарен. Мне говорил Панаев, что Вы согласились подписать под этою статьею *собственное* Ваше имя, — это я нахожу очень благоразумным и прошу Вас поскорее написать мне, точно ли Вы на это согласны.[3]

Будьте здоровы и напишите еще что-нибудь для «Соврем⟨енника⟩» ⟨*1 слово нрзб.*⟩ сделали в декабре.

Душевно Вам пред⟨анный⟩
Некрасов.

16 октября

131. Б. И. ОРДЫНСКОМУ

26 октября 1850. Петербург

26 окт⟨ября⟩.

Милостивый государь
Борис Иванович!

Пишу к Вам вторично об том же,[1] то есть не прогневайтесь, что я задержал и задержу еще с месяц Ваши деньги,[2] — и не отступитесь от Вашего намерения прислать мне в скором времени статью. Я жду хотя одной о воспитании[3] или о театре[4] и рассчитываю пустить ее или в XII или в I-ый №, не далее никак. Если Ваши планы почему-либо изменились, то уведомьте меня поскорее.

Вчера у меня был М. Куторга[5] и рассыпался в ужаснейших похвалах Вам, Вашей ученой добросовести, самостоятельности в труде, критической проницательности и т⟨ому⟩ под⟨обному⟩.

А что наделали друзья Грановск⟨ого⟩ с Стасюлевичем — они ему оказали и продолжают оказывать большую услугу — конечно, и в 10 лет он не сумел бы столько гласности дать своему имени, как оно теперь вышло.[6]

Будьте здоровы. Жду Вашего ответа.

Некрасов.

Не возьметесь ли для обозрения литер⟨атуры⟩ за 1850 год написать несколько страниц или строк о том, что было в 1850 году по части древних в литературе?[7]

132. П. В. АННЕНКОВУ

16 ноября 1850. Петербург

Павел Васильевич.

Ни слуху, ни духу от Вас и об Вас. Спрашивают то и дело друзья Ваши один другого — нет ли весточки? Нет и нет. Мы здесь поживаем по-старому. Приехал Тургенев (уже давно), написал два рассказа, которые найдете в XI № «Современ⟨ника⟩».[1] Один из них, «Певцы», — чудо! И вообще это отличная поправка бедному «Современнику», который в нынешнем году не может-таки похвалиться беллетристикой. Пишет Григорович, что шлет мне новую повесть,[2] но какова — не знаю. Вот и все наши литературные новости, — да еще: против нас сделал сильную вылазку Краевский в X № «Отеч⟨ественных⟩ зап⟨исок⟩» — статейка подловатая, нечто вроде *битья по карманам*;[3] мы в XI № «Совр⟨еменника⟩» поместили посильное опровержение.[4] Интересно бы знать, как такие вещи принимаются там у Вас, где Вы теперь находитесь?

Поджидал я от Вас нового «Провинциального письма» — нет и нет. Что, не рассердились ли Вы? Впрочем, Вас рассердить трудно, да и письмо последнее напечатано, кажется, хорошо. Пожалуйста, если не лень, напишите «Письмо» на 1-ую книжку. Сроку еще довольно. Лишь бы поспело сюда хоть к 15-му декабря.

Все Ваши друзья здоровы и кланяться Вам велели. Маслов[5] не так давно задавал нам обед великолепный.. да! Мы еще недавно провожали Краснокутского в *Волынию* и очень изрядно напились на Средней Рогатке — где происходил обед, — причем Языков[6] произнес очень трогательное двустишие:

Какой предались мы тоске и унынию,
Узнав, что полковник наш едет в Волынию!

И вообще было много забавного — только обед был вовсе не забавен — гадость неслыханная. Желаю Вам никогда так не обедать и остаюсь

душевно Вам преданный
Н. Некрасов.

16 ноября 1850
СПб.

На конверте:

В Симбирск.
Его высокоблагородию
Павлу Васильевичу Анненкову.

133. Д. В. ГРИГОРОВИЧУ

16 ноября 1850. Петербург

Любезнейший
Григорович!

Ответ на Ваше письмо и деньги, 60 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩, послал Вам на другой же день по получении Вашего письма.[1] Рад, что Вы здоровы и чувствуете порывы деятельности. Работайте, друг мой, а мы Вам будем деньги припасать. Повесть «Приемыш»[2] с радостью возьму и очень желаю также взять Ваш роман,[3] который Вы теперь пишете. Поэтому и прошу Вас романа этого заблаговременно никому не запродавать.

Будьте здоровы и веселы. Напишите, когда Вы думаете приехать в Петербург.

Душевно Вас любящий
Н. Некрасов.

16 ноября 1850
СПб.

P. S. Повести Вашей, ни даже повестки на нее не получал еще.

134. В. П. ГАЕВСКОМУ

19 ноября 1850. Петербург

Любезнейший
Виктор Павлович!

У нас сегодня обедает Крылов и некоторые другие. Сделайте одолжение, приезжайте обедать (в половине

пятого), да, пожалуйста, не отказывайтесь под каким-нибудь предлогом. Право, будет непохвально. Жду непременно.

Весь Ваш
Н. Некрасов.

Воскресенье 19 н⟨оября⟩

На обороте:

Его высокоблагородию
Виктору Павловичу Гаевскому.
От Некрасова.
Очень нужное.

135. М. С. КУТОРГЕ

20 ноября 1850. Петербург

Милостивый государь
Михаил Семенович!

Ваши претензии[1] совершенно справедливы, и на днях Вы непременно получите остальные деньги.

С истинным к Вам почтением имею честь быть,
мил⟨остивый⟩ гос⟨ударь⟩,
В⟨аш⟩ п⟨окорнейший⟩ с⟨луга⟩
Н. Некрасов.

На обороте:

Его высокородию
Михаилу Семеновичу Куторге.
На Вас⟨ильевском⟩ острову в 3 линии,
дом Бруни.

136. С. М. СОЛОВЬЕВУ

20 декабря 1850. Петербург

20 декабря.

Милостивый государь
Сергей Михайлович!

Вашу последнюю статью о междуцарствии остановил цензор; ныне мы вносим ее в Главное управление цензуры, так как вопрос очень важен и касается не

только судьбы этой статьи, но и вообще вопроса о том, могут ли русские журналы печатать статьи по русской истории или должны отказаться от этого важного материала. Мы имеем полное убеждение, что наш протест в этом случае принесет и на будущее время пользу при печатании сочинений по русской истории. Я надеюсь напечатать последнюю статью о междуцарствии в 2-м №,[1] а об цар⟨ствовании⟩ Мих⟨аила⟩ Фед⟨оровича⟩ начать с 3-го.

Имею честь быть Ваш покорнейший слуга

Н. Некрасов.

137. М. С. КУТОРГЕ

21 декабря 1850. Петербург

Милостивый государь
Михаил Семенович!

Я никак не ожидал, чтоб из 20 р⟨ублей⟩ 57 копеек могла подняться такая история. Умалчиваю о всех тех выражениях, которыми наполнено Ваше письмо, и беру только факт. Он состоит в том, что я заплатил Вам, вместо мая, деньги в ноябре,[1] а 20-ти рубл⟨ей⟩ не доплатил и доныне. Это совершенно справедливо, и я в этом виноват. Но, во-1-х, я откладывал уплату все же с Вашего разрешения, а во-2-х, я в вознаграждение понесенных Вами через эти отсрочки убытков не отказываюсь заплатить проценты. Более виновен я в том, что недодал Вам 20 рубл⟨ей⟩. Когда я посылал Вам деньги в последний раз, тогда мне не было времени счесть, сколько именно Вам следует, а потом я отложил расчет до личного с Вами свидания, вообразив в простоте сердца, что из-за 20 руб⟨лей⟩ Вы не станете поднимать историю и подозревать меня...

Еще скажу Вам, мил⟨остивый⟩ гос⟨ударь⟩, что Вы сами дали мне повод быть неаккуратным с Вами, ибо первый нарушили наше условие. Вы начали статью и не кончили ее.[2] Мне известно, что лучше не печатать вовсе статьи, как бы она хороша ни была, чем не кончить ее — в последнем случае в читателе является досада на журнал и недоверие к редакции. Кроме этого морального вреда Вы сделали мне и существенный. Я употребил деньги на печать и бумагу, чтоб

поместить статью, которая без конца не имеет весу в глазах читателей, — и заплатил Вам за нее 50 р⟨ублей⟩ с⟨еребром⟩. Я имел столько деликатности и столько полагался на Вас в будущем, что на все это махнул рукой и ни слова не сказал Вам об этом. Стоило Вам поступить точно так же в отношении к невольному и неприятному для меня самого замедлению в отдаче Вам 70 р⟨ублей⟩(!) — и мы никогда не дошли бы до этих грустных объяснений, которые для меня по крайней мере весьма гадки.

Вы спрашиваете насчет Ваших статей. Конечно, против желания я не печатаю ничьих статей, и если печатал и желал продолжать печатать Ваши статьи, то имел на это причины. Но отвечать на Ваш вопрос не могу, ибо боюсь вызваться на новое оскорбление. Судя по тону Вашего последнего письма,[3] немудрено, что Вы поставите в условие, чтоб я внес деньги вперед или отдал *в третьи руки*. Не имея никакой наклонности к болезненной обидчивости, я, однако ж, не мог читать Вашего письма без неприятного чувства, — и, когда я писал эти строки, единственным моим желанием было не пробудить в Вас подобного чувства — объясняя только необходимое.

20 р⟨ублей⟩ 57 коп⟨еек⟩ при сем прилагаю.

С истинным почтением и таковою же преданностию имею честь быть,

милостивый государь,
Вашим покор⟨нейшим⟩ слуг⟨ой⟩.

Н. Некрасов.

21 дек⟨абря⟩

138. В. П. ГАЕВСКОМУ

Декабрь 1850. Петербург

Покуда в канцелярию отправляться нет надобности — в среду пошлют туда из Ин⟨остранной⟩ ценз⟨уры⟩ список, где будет включен Копперфильд[1] — и тогда нужно будет хлопотать.

Благодарю Вас за Ваше внимание.

Н. Некрасов.

На обороте:

В. П. Гаевскому от Некрасова.

1851

139. Н. Ф. ЩЕРБИНЕ

2 января 1851. Петербург

Милостивый государь
Николай Федорович.

Я послал к Вам письмо в Одессу,[1] а между тем узнал от Григоровича, что Вы в Москве. В письме моем содержалось следующее: 1) что я не могу Вам высылать «Современник» на 1850 год (ибо все экз⟨емпляры⟩ вышли), а даю Вам «Совр⟨еменник⟩» на 1851 год; 2) что Вашу тетрадку с остальными не напечатанными еще стихотворениями затерял у меня корректор, и я прошу у Вас вторичного списка этих стихотворений[2] с прибавлением новых; 3) что я охотно помещу в «Обзоре литерат⟨уры⟩» за 1850 год улику «Сыну отечества»,[3] что он напечатал в искаженном виде Ваши стихи, без спросу и права.[4] Но только желаю, чтоб Вы объяснили это дело подробней — и прислали бы, буде не найдете лишним, некоторые из тех пьес в их необезображенном виде — я бы поместил рядом.

Все это я и теперь повторяю и жду Вашего ответа.

Пред⟨анный⟩ Вам
Н. Некрасов.

P. S. Если Вам знаком г-н Рабинович (автор повести «Мориц Сефарди»), то не потрудитесь ли спросить его, не пришлет ли он повести в «Современник»[5] — я бы ему заплатил изрядно.

На обороте:

В Москву,
его благородию
Николаю Федоровичу Щербине.
На Пресне, в Грузинской улице,
в доме Никулина,
где контора Павловской фабрики.

140. М. В. АВДЕЕВУ

9 января 1851. Петербург

Вы, я думаю, ру⟨гаете меня на⟩ чем свет ст⟨оит, а между⟩ тем ранее декабря у м⟨еня денег не⟩ было — а последн⟨ие две с поло⟩виной недели я ⟨хворал, тем⟩ более, что и ⟨летом я не подумал⟩ ни разу ни о чем ⟨касающемся⟩ журнала — оттого и 1 № «С⟨овременника» бог⟩ знает когда выйдет.[1] Я и ⟨сейчас⟩ очень слаб и, может быт⟨ь⟩, опять скоро слягу.

Ваша идиллия была вещь прекрасная.[2] Стыдно Вам воображать, что *я* поправил или выкинул в ней хоть слово ⟨...⟩ Признаться, это меня так рассердило, что я даже не хотел отвечать на Ваше письмо. Если люди, подобные Вам, так мало имеют понятия об Ал⟨ександре⟩ Лукиче Крылове ⟨...⟩,[3] то что же публика? И какими ослами должны мы ей казаться? Около нас столько ин⟨триг всяческих был⟩о[4], и мы опасались ⟨больших вымарок в с⟩татьях и повестях — ⟨...⟩!

⟨Посылаю⟩ Вам 175 р⟨ублей⟩.[5] Сверх ⟨того будет⟩ Вам высылаться «⟨Совр⟨еменник⟩» на⟩ 1851 год.

⟨Дене⟩г вперед я могу ⟨Вам⟩ послать — только объя⟨сните⟩ наверное, какая будет ⟨по⟩весть,[6] то есть в смысле ⟨ее⟩ цензурности, и *когда* (это главное) поспеет. По получении ответа пошлю Вам тотчас деньги.

Пожалуйста, не ругайте меня за долгое молчание и не подумайте, что что-нибудь, кроме крайней и гнусной бедности, препятствовало мне выслать деньги Вам в октябре и, кроме болезни, — в декабре.

Пред⟨анный⟩ Вам
Н. Некрасов.

9 янв⟨аря⟩ 1851

141. В. П. ГАЕВСКОМУ

20 января 1851. Петербург

Любезнейший
Виктор Павлович!

Не соблаговолите ли пожаловать сегодня к нам обедать в половине пятого — будет кое-кто и в том

числе почтеннейший Александр Лукич,[1] коего мы так привыкли уважать.

Н. Некрасов.

20 янв⟨аря⟩

На обороте:

Его высокоблагородию
Виктору Павловичу Гаевскому,
г-ну надворному советнику.

142. Н. Ф. ЩЕРБИНЕ

2 февраля 1851(?). Петербург

Любезнейший
Николай Федоров⟨ич⟩.

Сегодня вечером меня не будет дома, о чем и спешу Вас предупредить, а приходите к нам в воскресенье обедать — будет и Григорович. Обедаем мы в половине 5-го.

Пред⟨анный⟩ Вам
Н. Некрасов.

2 февр⟨аля⟩

143. В. П. ГАЕВСКОМУ

26 февраля 1851. Петербург

Ваш хваленый друг Серов взялся написать статью об опере[1] (что и было причиною, что я отказался от статьи Каменского), вызывался писать о театре, — а между тем вот уже 26-е число, а я не имею от него ни строки. Поторопите его.[2] Я могу ждать еще дня три.

Весь Ваш
Н. Некрасов.

26 ф⟨евраля⟩

На обороте:

Его высокоблагородию
Виктору Павловичу Гаевскому.
От Некрасова.

144. В. П. ГАЕВСКОМУ

18 апреля 1851. Петербург

Согласен на завтра, а за деньгами я сейчас еду.

Некрасов.

На обороте:

В. П. Гаевскому.

145. В. П. ГАЕВСКОМУ

21 апреля 1851. Петербург

Я сегодня был у Вас, но Вас ни в департаменте,[1] ни дома (как сказал мне придверник) не было; а хотел я вручить Вам прилагаемую при сем сумму и ехать с Вами к Дружинину.[2] Я очень болен, хотя и держусь на ногах; оттого ранее у Вас не мог быть.

Ваш Н. Некрасов.

21 апр⟨еля⟩

146. А. Н. АФАНАСЬЕВУ

17 июля 1851. Ораниенбаум

Милостивый государь
Александр Николаевич.

Я очень рад был, получив Ваши рецензии:[1] это показывает на самом деле, что Вы не имеете серьезного убеждения, будто статьи Ваши или чьи-нибудь сокращаются здесь и портятся редакцией.[2] А когда так, то, конечно, нет и причины, почему бы Вам не продолжать работу в «Современнике»,[3] о чем я с своей стороны усердно Вас прошу.

Я желаю, чтоб Вы продолжали разбор ученых (преимущественно исторических) книг и чтоб взяли на себя, по примеру прежних лет,[4] написать *обозрение русск⟨ой⟩ истор⟨ической⟩ литер⟨атуры⟩* за 1851 год.[5] Об этом пишу заблаговременно и прошу Вас заблаговременно написать мне о согласии или несогласии Вашем. Вы, кажется, были раздосадованы исключением страницы или двух о Шульгине[6] — это сделано было по той причине, что только месяц тому

назад была в «Совр⟨еменнике⟩» большая статья о Шульгине,[7] с которою Ваш отзыв не совсем местами совпадал. Впрочем, впредь и подобных исключений не будет — по крайней мере без предварительного соглашения с Вами.

Прошу Вас написать мне.

Остаюсь Вашим преданным
Н. Некрасовым.

17 июля, Ораниенб⟨аум⟩

147. Д. В. ГРИГОРОВИЧУ

17 июля 1851. Ораниенбаум

Любезнейший
Дмитрий Васильевич!

Месяца два тому назад получил я Ваше письмо, в котором Вы просили, чтоб я Вам выслал 50 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩. Вы знаете, что с весны и до осени я бываю беден, и, дав Вам перед Вашим отъездом сколько мог, я уже не рассчитывал на этот расход, тем более что меня Вы не предупредили. Поэтому надеюсь, что Вы не рассердились за неисполнение этой просьбы, зная известную аксиому: «Всякий делает, что может». Я давно собирался к Вам писать, но или был очень занят, или предавался бездействию (на даче в первое время) до того, что не брал в руки пера. Это и поставляю Вам на вид в извинение моего долгого молчания. Еще замечание: Вы как будто рассердились за какую-то глупую заметку Дружинина против Вас...[1] о Григорович! да читали ли Вы отзыв об Вас во 2 № «Совр⟨еменника⟩», писанный лично мною?[2] Неужели после этого стоит обращать внимание на пустячные выходки?

Дело подходит, друг мой, к осени. Я знаю Вас за литератора аккуратного; однако ж все-таки считаю успокоительным для себя напомнить Вам, что Вы обещали написать к 10-му № «Современ⟨ника⟩» повесть.[3] Знайте, что все надежды этого № опираются единственно на Вас — и я прошу Вас, Григорович, во имя нашей давней, давней дружбы, сдержать Ваше обещание. Напишите мне ответ на это письмо, хотя в пять строк.

Если Вам будут нужны деньги, то 50 р⟨ублей⟩ теперь могу Вам прислать — только повесть, повесть, повесть к сроку.

Весь Ваш
Н. Некрасов.

17 июля
Ораниенбаум

148. Д. В. ГРИГОРОВИЧУ

6 сентября 1851. Петербург

Любезнейший
Дмитрий Васильевич!

Вы знаете, как бедны мы хорошим оригиналом, знаете, какое теперь подходит время, — и это давало мне полное право надеяться, что к осени буду я иметь Вашу повесть. Жалею, что Вы были больны, и за Вас и за себя; верите ли, любезный друг, что, кроме Вашей повести, я ни на что не имел рассчитывать на 10 книжку. Но вы даже не пишете, *к какому сроку именно* будет теперь готова Ваша повесть,[1] что мне необходимо знать. Я не упрекаю Вас, не сержусь, вполне понимаю и извиняю, и только необходимость заставляет меня быть настойчивым и просить Вас: 1-е) ради бога, поскорее и наверное напишите большую повесть обещанную[2] и 2-е) покуда для 11-ой книжки пришлите хоть маленькую, Вам стоит посидеть неделю, и Вы очень обяжете меня и выкупите этим свое промедление, которое так для нас огорчительно.

Будьте здоровы.

Весь Ваш
Н. Некрасов.

6 сентября 1851

149. И. С. ТУРГЕНЕВУ

15 сентября 1851. Петербург

Любезный
Иван Сергеич!

Хотя я и мало надеюсь, чтоб Вы уважили мою просьбу, но так как к ней присоединяется и Ваше обещание, то и решаюсь напомнить Вам о «Современ-

нике». Сей журнал составляет единственную, хотя и слабую и весьма непрочную, но тем не менее единственную опору моего существования, — поэтому не удивитесь, что я уже приставал часто и ныне пристаю к Вам с новою просьбою не забыть прислать нам, что у Вас написано (не смею прибавить: или написать что-нибудь, буде ничего не написано), и поскорее:[1] верите ли, что на XI книжку у нас нет ни строки, ничего — ибо даже уже и «М⟨ертвое⟩ оз⟨еро⟩» иссякло.[2] Знаю, что скучно получать такие просьбы, но еще тяжелее приставать с ними к человеку, с которым желал бы совсем иначе разговаривать, но делать нечего — необходимость извиняет меня. Я и так долго крепился и молчал, а теперь пришла крайняя нужда.

Я надеюсь на Вашу доброту и не прибавляю ничего более.

Весь Ваш
Н. Некрасов.

15 сентября
СПбург

P. S. Я даю Вам обещание не печатать Вашей статьи, если много вымарают, и продержать корректуру с необыкновенной тщательностию.[3]

P. S. Знаете ли, что нынешнее лето и осень около Петер⟨бурга⟩ прекрасная охота. Я, между прочим, очень много бью серых куропаток, которых открылось множество за Ораниенбаумом, верстах в 20-ти.[4] А как идет Ваша охота? И как вообще Вы поживаете? Полагаю, что получше моего!

150. В. Д. ЯКОВЛЕВУ

16 октября 1851. Петербург

Милостивый государь.

Читая Ваши прекрасные статьи в «Б⟨иблиотеке⟩ для чт⟨ения⟩»,[1] я давно желал просить Вас принять участие в нашем журнале и искал случая познакомиться с Вами. Наконец возвратился в Петербург общий наш знакомый Григорович, и я просил его сообщить Вам мое желание: если Вы будете так благосклонны ко мне и к «Современнику», что не откажете в моей просьбе, — то позвольте присоединить к ней следующее:

Именно в этом месяце журнал наш находится в критическом положении; нам необходима статья, и эту необходимость как нельзя лучше можете исполнить Вы, если захотите. Право, Вы выручите нас поистине из затруднительного положения! — Не смею просить Вас, но если б Вы дали нам что-нибудь на нашу XI книжку,[2] то глубоко обязали бы нас.

Болезнь не позволяет мне быть у Вас, что я постараюсь сделать при первой возможности.

Примите уверение в истинном моем почтении, с коим имею честь быть,

милостивый государь,
Вашим покорнейшим слугою.

Н. Некрасов.

16 октября 1851
СПб.

151. В. П. ГАЕВСКОМУ

17 ноября 1851.Петербург

Извините, милейший Виктор Павлович, я Вам посылаю только 19-ть ⟨руб.⟩ и более покуда не имею. Вы не поверите что за нищета овладевает мною в ноябре месяце. Я как селянин накануне сенокоса: старое сено все скормил и ждет нового, а скотина его голодает. К этой скотине причисляю и себя, ибо, кажется, в эту минуту нуждаюсь[a] более всех имеющих со мною дело.

Об Хотинском пишите или дайте кому написать. Я же не имею такого искусника.

Весь Ваш (и с пустым карманом)

Н. Некрасов.

17 ноября

152. Н. М. ЩЕПКИНУ

5 декабря 1851. Петербург

Любезный и добрый
Николай Михайлович!

Если уж Вы были так добры, что согласились взять под свое покровительство роман, о котором я

---

[a] *Далее было*: кажется

Вам говорил, — то вот он. Это вещь замечательная, особенно две последние части, и, право, стоит похлопотать, чтоб он увидел свет. Никто не может этого сделать лучше Вас, если только Вы захотите. Назовитесь издателем романа — и цензор, конечно, сделает для Вас более, чем для всякого другого. По цензуре это вещь удобопропускаемая; цензора разве может ужаснуть громадность объема, но роман не очень велик, а только разгонисто писан. Местами в нем водянист слог и есть лишние сцены, что я намерен сократить уже после цензуры. Сделайте милость, примите участие в этом литературном несчастливце, который уже полтора года лежит в Петербурге, дожидаясь, не понравится ли цензуре, — но надежды нет, и он едет в счастливую Москву. Роман этот писан Ип⟨политом⟩ Алек⟨сандровичем⟩ Панаевым,[1] двоюр⟨одным⟩ бр⟨атом⟩ Ив⟨ана⟩ Ив⟨ановича⟩, капитаном инженерным, служащим на железной дороге, очень умным и милым человеком.

Хорошо ли Вы доехали по ж⟨елезной⟩ д⟨ороге⟩?[2] И хорошо ли, то есть весело ли, поживаете в Москве? Давайте о себе по временам весточку. Я еще не уверен, что буду на днях в Москве, ибо я очень плох здоровьем. Буду писать к Вам на днях.

Поклонитесь от меня Николаю Григорьевичу[3] и Грановскому.

Будьте здоровы.

Весь Ваш
Н. Некрасов.

5 дек⟨абря⟩ 1851

153. В. П. ГАЕВСКОМУ

1850—1851. Петербург

Милейший
Виктор Павлович.

При сем посылаю 25 р⟨ублей⟩ — более *нет*. Перо не пишет, взял карандаш, чтоб прибавить следующее — приходите с Дружининым[1] к нам в воскресенье обедать.

Весь Ваш
Н. Некрасов.

1852

154. Б. И. ОРДЫНСКОМУ

6 января 1852. Петербург

Почтеннейший
Борис Иванович!

Так как по некоторым *чрезвычайным* расходам[1] в нынешнем году я не могу исполнить Вашего желания и выдать Вам вперед 150 р⟨ублей⟩ с⟨еребром⟩,[2] то и спешу Вас об этом уведомить, дабы Вы могли принять свои меры. Одной из таких почитаю следующую. Я скоро напечатаю Вашего Лукиана,[3] но статья о Персах,[4] по моему расчету, должна пролежать довольно долго; итак, если Вам нужны деньги, то не хотите ли ее предложить Краевскому, а мне до осени Вы, вероятно, успеете написать другую.[5]

Затем перехожу к нашим расчетам.

Вы взяли у меня:	150 р. с.
Экз⟨емпляр⟩ «Совр⟨еменника⟩» 1851 —	16—50
	50
Экз⟨емпляр⟩ «Совр⟨еменника⟩» 1852* —	16—50
	233 р. сер.

Заработано Вами:

В «Науках» две статьи — О *театре* и о *Лукиане*[7] — обе составляют 2 листа с 1/4, по 43 р⟨убля⟩, след⟨овательно⟩

97 р. 25 к. с.

В «Критике»[8] 2 листа без 1/8 по 32 р⟨убля⟩**

62 ⟨р.⟩

Итого заработано Вами 159 ⟨р⟩. 25 к.

Следовательно, за Вами к 1-му января 1852 года 73 р⟨убля⟩ 75 к. сер⟨ебром⟩, в счет которых находятся у меня статья вторая о *Лукиане* и статья о

* Записка на получение его при сем прилагается.[6]

** Вы просили, чтоб я заплатил как за «Науки», но это невозможно, ибо от установленной однажды цены мы отступлений не делаем, по многим причинам, да и потому, что средства журнала нам не позволяют платить более.

Персах, которую, по вышеизложенным соображениям, я могу Вам и возвратить.

Сожалею, что не могу исполнить Вашей просьбы и остаюсь душевно пред⟨анный⟩ Вам

Н. Некрасов.

6 янв⟨аря⟩ 1852
СПб.

155. В. П. ГАЕВСКОМУ

2 февраля 1850—1852. Петербург

Гаевский, да будет Вам известно, что сегодня едва ли буду я дома, а приходите к нам в воскресенье обедать.

Некрасов.

2 февр⟨аля⟩

На обороте:

В. П. Гаевскому.
От Некрасова.

156. Ф. Ф. ЦВЕТАЕВУ

6 февраля 1851—1852. Петербург

Почтеннейший
Федор Фролович!

Вот г-н Милютин, о котором я Вам говорил. Ему нужны многие старые книги для статей, которые он пишет для «Современника». Пожалуйста, снабжайте его таковыми — он будет аккуратно возвращать их и за каждую взятую им книгу я отвечаю.[1]

Пред⟨анный⟩ Вам
Н. Некрасов.

6 февраля

Под текстом:

Ф. Ф. Цветаеву.

157. М. В. АВДЕЕВУ

13 апреля 1852. Петербург

Любезный
Михаил Васильевич!

Вы знаете, что, начиная именно с этого времени, я не бываю богат деньгами, — поэтому исполнить Вашей просьбы насчет Жернакова не могу. Перевести же этот долг на меня с Вас — считаю бесполезным как для Жернакова, так и для Вас, ибо для Жернакова важны деньги, коих у меня в сие время нет. Я Вам должен по картам 180 р⟨ублей⟩, из коих надо еще вычесть за объявления;[1] остальные деньги я надеялся, что Вы подождете, на что и ныне надеюсь. За рассказ[2] же, который нам нужен и именно на текущую книжку, — деньги я Вам заплачу немедленно. Вы совсем пропали, а я все это время был болен. Надеюсь, что мы скоро увидимся и тогда еще поговорим об этом.

Ваш Н. Некрасов.

13 апр⟨еля⟩

158. М. Л. МИХАЙЛОВУ

Конец апреля(?) 1852. Петербург

Зачем же Вы меня надули? По этой причине 9 человек наборщиков даром сегодня сидят в типографии. Пришлите Ваш фельетон хоть, очень нужно, но сегодня, ибо завтра нечего набирать. Я ворочусь домой часу во втором ночи и, прочитав Ваш фельетон, завтра рано отошлю в типографию.

Ваш Н. Некрасов.

159. И. С. ТУРГЕНЕВУ

16 мая 1852. Осьмино

16 мая.

Любезный и милый Тургенев.

Мы здесь с Масловым поговорили-таки о тебе и теперь пишем к тебе в надежде, что ты будешь так добр на досуге забросить к нам несколько словечек о себе из Петербурга или из деревни.[1] Я здесь ожи-

ваю,[2] хотя дорога меня и измучила порядочно; охота здесь, кажется, будет чудесная.* Я еще отдыхаю и был только два раза неподалеку на тяге вальдшнепов — оба раза было что стрелять, и я стрелял, да все мимо; видно, после 9-месячной отвычки от ружья благоразумнее начинать с ворон, чем с вальдшнепов; сегодня еду верст за десять и проведу ночь на охоте — мне обещали показать ток тетеревей и их блядню во всей красе и в большом размере. Мы с Масловым перечитываем здесь книгу Аксакова, и я в новом от нее восхищении.[4]

Дорогой я выдумал два стихотворения, из коих одно будет, кажется, хорошо — я тебе его пришлю, как кончу, в списках.[5]

Прощай. Маслов тебе еще припишет. Напиши нам, не поленись. Еду сейчас на охоту.

160. М. В. АВДЕЕВУ

17 июня 1852. Петербург

17-го июня 1852 г. С.-Петербург.

Любезнейший
Михаил Васильевич!

Мы с Панаевым жалели, что ни он, ни я не имели случая лично сказать Вам, что Ваш последний рассказ[1] есть бесподобнейшая вещь — очень умная, даровитая и прекрасно написанная. И таково общее мнение. Затем просим Вас не забыть об нас и написать нам к осени повесть или к зиме роман,[2] или то и другое. Пожалуйста, не обойдите нас. Краевский, говорят, завален романами, а мы бездействуем. 3400 экз⟨емпляров⟩ «Современника» разошлись все *до единого*. И бесподобно! — скажет Анненков,[3] но в том-то и дело, что хотелось бы не ослабевать к концу года, а материалов нет; пожалуйста, не забудьте «Современник». Будьте здоровы! Душевно Вам преданный

Н. Некрасов.

Напишите нам о себе. А что Ваши путевые письма?[4]

---

* Жаль только, что теперь вся дичь на гнездах, остались одни закадычные холостяги, как говорит Овчинников.[3]

161. В. П. ГАЕВСКОМУ

26 июля 1852. Петербург

Любезнейший
Виктор Павлович!

Я слышал, что Вы с Александр⟨ом⟩ Лукичом завтра (в воскресенье) предполагали отправиться к нам на дачу. Считаю долгом предупредить Вас, что в этот день[a] нас никого там не будет. Но, пожалуйста, приезжайте и привезите Крылова в следующее воскресенье. Этим очень обяжете

душевно Вам преданного
Н. Некрасова.

Суббота, 26 июля

На обороте:

Его высокоблагородию
Виктору Павловичу Гаевскому.
На Крестовом острове,
у пароходной пристани, второй дом.

162. Л. Н. ТОЛСТОМУ

Середина августа 1852. Петербург

Милостивый государь!

Я прочел Вашу рукопись («Детство»). Она имеет в себе настолько интереса, что я ее напечатаю. Не зная продолжения, не могу сказать решительно, но мне кажется, что в авторе ее есть талант. Во всяком случае направление автора, простота и действительность содержания составляют неотъемлемые достоинства этого произведения. Если в дальнейших частях (как и следует ожидать) будет поболее живости и движения, то это будет хороший роман. Прошу Вас прислать мне продолжение. И роман Ваш, и талант меня заинтересовали. Еще я посоветовал бы Вам не прикрываться буквами,[1] а начать печататься прямо с своей фамилией, если только Вы не случайный гость в литературе. Жду Вашего ответа.

Примите уверение в истинном моем уважении.

Н. Некрасов.

---

[a] *Начато*: вре

163. Л. Н. ТОЛСТОМУ

5 сентября 1852. Петербург

5-го сентября 1852 г.
СПб.

Милостивый государь.

Я писал Вам[1] о Вашей повести; но теперь считаю своим долгом еще сказать Вам о ней несколько слов. Я дал ее в набор на IX кн⟨игу⟩ «Современника» и, прочитав внимательно в корректуре, а не в слепо написанной рукописи, нашел, что эта повесть гораздо лучше, чем показалась мне с первого раза. Могу сказать положительно, что у автора есть талант.[2] Убеждение в этом для Вас, как для начинающего, думаю, всего важнее в настоящее время. Книжка «Современника» с Вашей повестью завтра выйдет в Петербурге, а к Вам (я пошлю ее по Вашему адресу), вероятно, попадет еще не ранее, как недели через три. Из нее кое-что исключено (немного, впрочем)... Не прибавлено ничего.[3] Скоро напишу Вам подробнее, а теперь некогда. Жду Вашего ответа и прошу Вас — если у Вас есть продолжение — прислать мне его.

Н. Некрасов.

P. S. Хотя я и догадываюсь, однако же прошу Вас сказать мне положительно имя автора повести.[4] Это мне нужно знать — и по правилам нашей цензуры.

164. И. С. ТУРГЕНЕВУ

21 октября 1852. Петербург

Любезный
Тургенев.

Спасибо тебе, что ты вспомнил меня; еще более спасибо за подробные известия о твоей охоте нынешним летом;[1] дичи этот год везде мало — около Петербур⟨га⟩ вовсе не было бекасов и очень мало дупелей, — но все-таки ты поохотился, как видно, весьма хорошо. Я охотился по железной дороге — эта дорога как будто нарочно пролегает чрез такие места, которые нужны только охотникам и более никому: благословенные моховички с жидким ельником, подгнивающим при самом рождении, идут на целые сотни верст — и тут-то раз-

долье белым куропаткам! Есть в этой стороне и тетерев, преимущественно мошник, довольно серых куропаток, но вальдшнепа нет и признаков; бекас и дупель попадаются только изредка. В три мои поездки туда убил я поболее сотни белых и серых куропаток и глухарей, не считая зайцев, и услыхал одно новое словечко, которое мне очень понравилось, — *пáморха*. Знаешь ли ты, что это такое? Это мелкий-мелкий, нерешительный дождь, сеющий, как сквозь сито, и бывающий летом. Он зовется *пáморхой* в отличие от *изморози*, идущей в пору более холодную. Это словцо Новг⟨ородской⟩ губ⟨ернии⟩. Унылая сторона, населенная наполовину карелами, бедная и невероятно дикая, — но тем лучше для нашего брата — охотника; изобретение пороху еще не проникло сюда, и единственная охота, употребительная здесь, — это на уток, посредством брюха. Мужик идет по болоту и, завидев молодую утку, старается упасть на нее брюхом, что иногда и удается ему. Не думай, что я шучу, — я это сам видел. К охотникам с ружьем здесь даже оказывают явное нерасположение, и вот что со мной случилось. Раз я заблудился в нескончаемом моховичке с моим егерем (здесь не всегда найдешь проводника), долго мы не встречали ни души, чтоб спросить, как пройти в ближайшую деревню Борки. Я устал, проголодался, взмок от поту и брел в тупом озлоблении наудачу — наконец завидел человеческий зад и, очень обрадованный, побежал к нему. Это была баба, сбиравшая гнилые масляники (кроме этих грибов, здесь других не водится). Я обратился к ней с моим вопросом и получил вот какой ответ:

Скинь портки,
Так и дойдешь в Борки.

И больше я ничего не мог добиться от этой бабы, глядевшей на меня с невероятным озлоблением.

Частию мои отлучки на охоту и более другие неблагоприятные обстоятельства были причиною, что журнал наш так запаздывал.[2] Впрочем, мы это надеемся наверстать в последние месяцы этого года. Спасибо тебе, что не поленился написать нам свое мнение о нашем журнале, — мы согласны с ним; делай это и впредь; если не будет лень, обрати внимание на повесть «Детство» в IX № — это талант новый и, кажет-

ся, надежный. Настоящее имя его — граф Ник⟨олай⟩ Ник⟨олаевич⟩ Толстой — офицер, служащий на Кавказе.[3] Что ты думаешь об авторе «Ульяны Терентьевны» и «Якова Яковлича»?[4] «Батманов» (особенно первая половина) очень хорош, но какое грубое существо этот господин (т. е. автор)! Я думаю, ты уж прочел 2 часть «Батманова»; эта часть поразила меня своею грубостию; сцена с фраком, львица-*княгиня*, которая все толкает мужчин; письмо Наумовой о пощечинах с подписью: *женщина, которой очень хотелось за вас замуж*, — как все это нежно! Удивительно еще, как мало автор затрудняется в разрешении самых трудных вопросов. После этой повести, не знаю почему, он мне иначе не представляется, как *литературным городовым*, разрешающим все вопросы жизни и сердца палкой! Впрочем, потому все это и досадно, что таланту много.[5] Присылай свою статью о книге Аксакова.[6] Мы спрашивали о тебе, и нам сказано, что ты можешь писать и печатать, только г. Крылов (это уж он для себя) заметил, что лучше, если ты будешь представлять свои произведения в *целом*, чтоб можно было видеть идею сочинения.[7] Если б ты нам прислал рассказ (напр⟨имер⟩, «Переписку»)[8] — это теперь нам принесло бы более пользы, чем целый роман другого автора.

Прощай. Я скоро буду тебе еще писать и пришлю тебе свои стихи, которые думаю поместить в 1-й № «Совр⟨еменника⟩».[9] Панаев и Авдотья Яковлевна[10] тебе кланяются. Здесь теперь Васинька.[11] О нем тоже напишу после.

В⟨есь⟩ твой
Н. Некрасов.

21 октября 1852
СПб.

Пиши, голубчик.

165. Л. Н. ТОЛСТОМУ

30 октября 1852. Петербург

30-го октября 1852 г. СПб.

Милостивый государь!

Прошу Вас извинить меня, что я замедлил ответом на последнее Ваше письмо — я был очень занят. Что касается вопроса о деньгах,[1] то я умолчал об этом в

прежних моих письмах по следующей причине: в лучших наших журналах издавна существует обычай *не платить* за *первую* повесть начинающему автору, которого журнал впервые рекомендует публике. Этому обычаю подверглись все доселе начавшие в «Современнике» свое литературное поприще, как-то: Гончаров, Дружинин, Авдеев и др. Этому же обычаю подверглись в свое время как мои, так и Панаева первые произведения. Я предлагаю Вам то же, с условием, что за дальнейшие Ваши произведения прямо назначу Вам лучшую плату, какую получают наши известнейшие (весьма немногие) беллетристы, т. е. 50 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩ с печатного листа. Я промешкал писать Вам еще и потому, что не мог сделать Вам этого предложения ранее, не поверив моего впечатления судом публики: этот суд оказался как нельзя более в Вашу пользу,[2] и я очень рад, что не ошибся в мнении своем о Вашем первом произведении, и с удовольствием предлагаю Вам теперь вышеписанные условия.

Напишите мне об этом. Во всяком случае могу Вам ручаться, что в этом отношении мы сойдемся. Так как Ваша повесть имела успех, то нам очень было бы приятно иметь поскорее второе Ваше произведение. Сделайте одолжение, вышлите нам, что у Вас готово. Я хотел выслать Вам IX № «Совр⟨еменника⟩», но, к сожалению, забыл распорядиться, чтобы отпечатали лишний, а у нас весь журнал за этот год в расходе. Впрочем, если Вам нужно, я могу выслать Вам один или два оттиска одной Вашей повести, набрав из дефектов.

Повторяю мою покорнейшую просьбу выслать нам повесть или что-нибудь вроде повести, романа или рассказа[3] и остаюсь в ожидании Вашего ответа.

Готовый к услугам
Н. Некрасов.

P. S. Мы *обязаны* знать имя каждого автора,[4] которого сочинения печатаем, и потому дайте мне *положительные* известия на этот счет. Если Вы хотите, то никто кроме нас этого знать не будет.

166. В. П. ГАЕВСКОМУ

3 ноября 1849—1852. Петербург

Любезнейший
Виктор Павлович!

Зачем это Вы с своей стороны содействуете еще к позднейшему выходу «Современника»? Не шутя, статья об выставке должна бы уже печататься, а между тем Крылов ее отправил к Вам — ради бога, доставьте ее к нам поскорее, выхлопотав подпись Крылова.

Весь Ваш
Н. Некрасов.

3 ноября

167. И. С. ТУРГЕНЕВУ

Около 15 ноября 1852. Петербург

Милый
Тургенев.

Получил я твое письмо. Я рад иногда писать к тебе, но я на⟨хо⟩жусь почти постоянно в таком мрачном состоянии духа, что вряд ли мои письма доставят тебе удовольствие.[1] Вот и теперь мне так и хочется прежде всего написать тебе, что я зол, что у меня в груди кипит черт знает что такое, а какое тебе дело до этого. Для полноты и ясности прибавлю, однако ж, что здоровье мое необыкновенно скверно. Чтоб не продолжать в этом роде, выписываю тебе мои стихи, которые я думаю напечатать в 1 № «Современника» на 1853.[2]

МУЗА

Нет, Музы, ласково поющей и прекрасной,
Не помню над собой я песни сладкогласной!
В небесной красоте, неслышимо, как дух,
Слетая с высоты, младенческий мой слух
Она гармонии волшебной не учила,
В пеленках у меня свирели не забыла;
Среди забав моих и отроческих дум
Мечтой неясною не волновала ум —
И не явилась вдруг восторженному взору
Подругой любящей в блаженную ту пору,

Когда томительно волнуют нашу кровь
Неразделимые — и Муза и Любовь...

Но рано над собой почувствовал я узы
Другой, неласковой и нелюбимой Музы —
Печальной спутницы печальных бедняков,
Рожденных для забот, несчастья и трудов, —
Той Музы плачущей, скорбящей и болящей,
Всечасно жаждущей, униженно просящей,
Которой золото — единственный кумир...

В усладу нового пришельца в Божий мир,
В убогой хижине, пред дымною лучиной,
Согбенная трудом, убитая кручиной,
Она певала мне — и полон был тоской
И вечной жалобой напев ее простой.
Случалось, не стерпев томительного горя,
Вдруг плакала она, моим рыданьям вторя,
Или тревожила младенческий мой сон
Разгульной песнею, но тот же скорбный стон
Еще пронзительней звучал в разгуле шумном,
Всё слышалося в нем в смешении безумном:
Расчеты мелочной и грязной суеты,
И юношеских лет прекрасные мечты,
По трудному пути растерянная гордость
И всетерпящая, постылая ей твердость,
Желанья и мечты, которым никогда
Свершиться не дано — и верная беда;
Погибшая любовь, подавленные слезы,
Проклятья, жалобы, бессильные угрозы,
В порыве ярости с неправдою людской
Безумная клялась начать упорный бой;
Предавшись дикому и мрачному веселью,
Играла бешено моею колыбелью,
Смеялась, плакала... и буйным языком
На головы врагов звала Господень гром!..

В душе озлобленной, но любящей и нежной
Непрочен был порыв жестокости мятежной:
Слабея медленно, томительный недуг
Смирялся, утихал... и выкупалось вдруг
Всё буйство дикое страстей и скорби лютой
Одной божественно-прекрасною минутой,
Когда страдалица, поникнув головой,
«Прощай врагам своим!» — шептала надо мной...

Так вечно плачущей и непонятной Девы
Лелеяли мой слух суровые напевы,
Покуда, наконец, обычной чередой

Я с нею не вступил в ожесточенный бой,
Но с детства прочного и кровного союза
Со мною разорвать не торопилась Муза:
Чрез бездны темные Отчаянья и Зла,
Труда и Голода она меня вела —
Почувствовать свои страданья научила
И свету возвестить о них благословила...

Замечу, что некоторые стихи здесь изменены, потому что манускрипт я затерял, а память не все сохранила. Напиши, как тебе понравятся, да не заметишь ли чего нехорошего? Я знаю, как у тебя тонок глаз на эти вещи. Напиши, я успею еще до печати переделать.[3] Сегодня выходит XI № «Современ⟨ника⟩», в нем ты найдешь недурную комедию в стихах А. Жемчужникова[4] и «Снобсов» Теккерея;[5] ты, конечно, не будешь ими доволен, но мы в восторге. Маслов[6] живет в Осьмине и усердно служит. Языков,[7] Панаев и все твои друзья тебе кланяются. В Английском клубе я вижусь с Алединским[8] — он говорит, что убил в нынешнем году в 6 недель 530 штук дичи. Ты его знаешь более — врет он или нет? Мне кажется он приятным господином — насколько можно быть таковым с такой непоколебимой наклонностью к гримасам. О Щербине я с тобой совершенно согласен.[9] Прощай до следующего письма, которым я не замедлю.

Твой Некрасов.

Читай в «Совр⟨еменнике⟩» статью об Японии[10] — я редко над чем так смеялся, как над некоторыми чертами этого милого народа.

168. Д. В. ГРИГОРОВИЧУ

22 ноября 1852. Петербург

Милейший
Григорович.

Получил я Ваше письмо и спешу отвечать. Мы можем — и то не без некоторой жертвы — отсрочить с Вашим романом[1] *два месяца*, т. е. он *необходим* нам на *третью* книжку, след⟨овательно⟩, вы должны к нам доставить 1-ую часть 1-го февраля. Вот Вам,

любезный друг, рассчитывайте сообразно с этим. Будьте здоровы. Пишите к нам. Когда мы Вас увидим здесь?

Весь Ваш
Н. Некрасов.

22 ноября 1852
СПб.

169. В. П. ГАЕВСКОМУ

15 декабря 1852. Петербург

Любезный
Виктор Павлович!

Во вторник не было заседания, и потому ведомость о позволенных романах[1] не послана еще в канц⟨елярию⟩ министра — в пятницу на этой неделе она будет непременно послана, а между тем Рочфор⟨т⟩ дал мне записку от себя, которую при сем прилагаю.[2] Покажите ее г-ну Берте (если будете так добры) и попросите, чтоб он, основываясь на ней, послал уведомление о дозволении этого романа в наш ценз⟨урный⟩ комитет. Если ж он не согласится, то записку эту не позже 12-го часа утра возвратите мне — вчера я видел Никитенку, и он мне сказал, что в случае неуспеха с Вашей стороны он может отправиться к Норову и постарается устроить это дело. Только Никитенко просил дать ему знать не позже 11 $^{1}/_{2}$ часов.

Весь Ваш
Н. Некрасов.

170. М. Л. МИХАЙЛОВУ

19 декабря 1852. Петербург

Любезнейший
Михаил Ларионович!

Сожалею, что Вы нездоровы, и надеюсь, что Вам лучше.

Вручите сему подателю кор⟨ректуру⟩ статьи Соловьева[1] для отнесения в типографию.

Я предлагаю Вам прислать мне Ваш рассказ[2] не позже завтрашнего дня — я его прочту и сам обещаю

Вам напечатать его в таком случае, если в нем нужны еще улучшения, но если он достаточно обделан, то очень бы желательно поместить его в 1 кн⟨ижке⟩.

Пред⟨анный⟩ Вам
Н. Некрасов.

19 дек⟨абря⟩

171. В. П. ГАЕВСКОМУ

1852. Петербург

Каменский — человек хороший, зовут его Дмитрий Иванович; ехать советую и худого ничего не предвижу. Будьте здравы.

Н. Некрасов.

1853

172. И. С. ТУРГЕНЕВУ

20 января 1853. Петербург

Любезный
Тургенев.

Я очень давно не писал к тебе — извини. Во-первых, я ездил в Москву, во 2-х, хворал, в 3-х, был занят 1 кн⟨игой⟩ «Современ⟨ника⟩». Теперь надеюсь быть аккуратнее и писать раза два в месяц непременно.

Прежде всего спасибо тебе за твою статью, которую я нашел легкою и живою,[1] насколько подобает статейке такого рода, а другие находят даже прекрасною во всех отношениях, выражаясь так, что де за что Тург⟨енев⟩ ни возьмется, непременно выйдет отличная вещь, — и это многие.

Ты заметишь место, вылетевшее из статьи, — я сохранил оригинал.[2] Получил ты 1 № «Совр⟨еменника⟩» и, верно, им недоволен, а я так и очень. Давно не выпускали мы такой мрачной книги. Что ты думаешь о комедии Писемского?[3] Об остальном не стоит ни спрашивать, ни говорить.[4] Во 2-м № прочти по-

весть «Рыженькая». Новый автор. Не то чтобы очень даровито, но исполнено простоты и истины, притом лица, при всей их обыкновенности, как-то с особенным тактом очерчены. Интересно, что ты скажешь?[5] С 3 книги начнем роман Григоровича «Рыбаки», кажется, роман будет хорош.[6] Григорович был здесь и, кажется, на днях уехал. Взамен его прибыл Анненков — с оконченной биографией Пушкина — ничего еще о ней не знаю. Анненков похваляется, что Пушкин выйдет непременно в нынешнем году, но я этому решительно не верю.[7] Кстати, о биографах. Гаевский написал прекрасную статью о Дельвиге.[8] А затем литер⟨атурные⟩ новости все.

173. В. П. ГАЕВСКОМУ

24 или 31 января 1853. Петербург

Любезнейший
Виктор Павлович.

Посылаю Вам корр⟨ектуры⟩ Вашей статьи[1] и еще посылаю какую-то статью «Общества любителей рус⟨ской⟩ сл⟨овесности⟩»[2] и пр⟨очее⟩, не поленитесь прочесть и решить, что это такое и годится ли для «Совр⟨еменника⟩».

Не придете ли завтра к нам *обедать*?

Ваш Н. Некрасов.

Суббота, 1853, янв⟨аря⟩

На обороте:

В. П. Гаевскому.
От Некрасова.

174. В. П. ГАЕВСКОМУ

14 февраля 1850—1853. Петербург

Гаевский.

Пожалуйста, удружите: не можете ли узнать *наверное*, получается ли князем Шихматовым[1] «Современник». Мы его посылали к нему через городскую почту как в прошлые годы, так и в этом. Но тут

возникает вопрос: не мошенничает ли городская почта?

Весь Ваш
Некрасов.

Посылаю 1000 объявл⟨ений⟩.[2] Распорядитесь о приложении их к «Ж⟨урналу⟩ М⟨инистерства⟩ н⟨ародного⟩ пр⟨освещения⟩».

14 февр⟨аля⟩

175. М. Л. МИХАЙЛОВУ

Конец февраля 1853. Петербург

Любезнейший
Михайло Ларионович!

Посылаю Вам рассказ Диккенса;[1] потрудитесь прочесть корректуру и перенесть на нее поправки Крылова, — да сделайте, пожалуйста, так, чтоб мне уже не нужно было заглядывать в эту статью и чтоб в ней не осталось ничего дикого, неловкого или непонятного.

Я жалею, что не мог быть у Вас, но теперь последние числа месяца, и я очень занят. Буду в 1-х числ⟨ах⟩.

Пред⟨анный⟩ Вам
Н. Некрасов.

176. В. П. ГАЕВСКОМУ

19 марта 1853. Петербург

Любезнейший друг, завтра Оболенский[1] будет у нас читать «Мертвые души» около 8-ми часов вечера, приходите да приносите хоть начало Дельвига.[2]

Весь Ваш
Н. Некрасов.

1853, 19 марта
Четверг

Статью получил.

177. Л. Н. ТОЛСТОМУ

6 апреля 1853. Петербург

6 апреля 1853.
СПб.

Милостивый государь
Лев Николаевич.

Вероятно, Вы недовольны появлением Вашего рассказа в печати.[1] Признаюсь, я долго думал над измаранными его корректурами[2] — и, наконец, решился напечатать, сознавая по убеждению, что хотя он и много испорчен, но в нем осталось еще много хорошего. Это признают и другие. Во всяком случае это для Вас мерка, в какой степени позволительны такие вещи, и впредь я буду поступать уже сообразно с тем, что Вы мне скажете, перечитав Ваш рассказ в напечатанном виде.

При сем прилагаются 75 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩, следующие Вам за этот рассказ.

Пожалуйста, не падайте духом от этих неприятностей, общих всем нашим даровитым литераторам. Не шутя, Ваш рассказ еще и теперь очень жив и грациозен, а был он чрезвычайно хорош. Теперь некогда, но при случае я Вам напишу более. Не забудьте «Современника», который рассчитывает на Ваше сотрудничество.

Примите уверение в моем истин⟨ном⟩ почт⟨ении⟩.

Н. Некрасов.

178. Д. В. ГРИГОРОВИЧУ

10 апреля 1853. Москва

Москва. 10 апреля.

Милейший Григорович, посылаю Вам *сто* руб⟨лей⟩ сер⟨ебром⟩. Извините, что не послал раньше; газ⟨етная⟩ экс⟨педиция⟩ у нас остановила деньги, и я должен был сам ехать в Москву, чтобы как-нибудь достать их хоть немного.[1]

Ваш роман без преувеличения удивительно хорош.[2] Это все находят в Петербурге, и здесь я отовсюду слышу ему похвалы.[3] Васинька[4] просто тает, когда говорит о нем. Я еду на самое место действия Вашего

романа — в деревню, лежащую при Оке, и мне любопытно будет посмотреть, насколько верны Ваши описания.

Прощайте. Будьте здоровы. Если вздумаете писать ко мне, то адресуйте так: Владимирской губернии, в город Вязники.

Ваш Н. Некрасов.

179. В. П. ГАЕВСКОМУ

Вторая половина мая 1853. Алешунино

Милейший
Виктор Павлович.

Пожалуйста, уж докончите начатое Вами с комедией Плавта, — перенесите поправки Крылова на Вашу корректуру с восстановлением, по возможности, смысла там, где он вовсе его уничтожил.

Весь Ваш
Н. Некрасов.

1853

Да если у Вас есть «Проп⟨и⟩леи», то справьтесь, как зовут Шестакова,[1] и поправьте.

180. И. С. ТУРГЕНЕВУ

6—9 июля 1853. Алешунино

Любезный
Тургенев.

Я часто вспоминал о тебе, а сегодня, наконец, почувствовал желание, даже потребность, писать к тебе. Мы так давно не писали друг к другу, что я буду писать о себе и прошу тебя в своем ответе сделать то же.[1] Живу я с конца апреля в маленьком именьишке моего отца, которое он передал мне, близ города Мурома;[2] деревенской жизнию не тягощусь; хотя весенняя охота везде бедна, однако ж здесь дичи так много, что не было дня, чтоб я не убил несколько бекасов и дупелей, не говоря уже об утках, которых я *уже* и бить перестал; в мае месяце убито мною 163 штуки красной дичи, в том числе дупелей, бекасов,

вальдшнепов и гаршнепов 91 штука. С 15 июня появились молодые бекасы и дупеля, но такие стоят жары и столько комара и мошки, что охотиться нет возможности; против самого моего дому между моим озером и Окой версты на две в ширину тянется луг, и теперь я только поколачиваю на этом лугу по вечерам перепелов: до нынешнего лета я в глаза не видал перепела, и эта охота меня занимает. Вчера вечером рискнул пойти на болото, но был совершенно изъеден комарами; убил (не с большим в час) 8 бекасов и 3-х дупелей. К выводкам тетеревей и куропаток еще не приступал, но, говорят, тетеревята у нас уже в полматки. Стреляю я из отличного английского ружья («Пöрдэя»), за которое заплатил несметные суммы, выигранные, впрочем, в один вечер. Кстати, до тебя, кажется, дошли слухи о моих клубных подвигах, — действительно, я вы⟨играл⟩ до 9 т⟨ысяч⟩ сер⟨ебром⟩ и, если б не был трусоват в игре, то мог бы выиграть состояние — такое везло счастье целый месяц неизменно! Для полноты сведений прибавлю, что я от этого не разбогател, а только легче вздохнул: было у меня долгу 15 т⟨ысяч⟩, а теперь осталось 7-мь. Впрочем, это в сторону. Первая половина этого письма провалялась дня три, и теперь, дописывая его, я могу сказать, что действительно у нас молодой тетерев уже крупен, ибо вчера я поднял четыре выводка. Но вот беда! Превосходного моего кобеля и друга Раппо разрешило на зад — и я уже не нахожу такого удовольствия в охоте — на лесную дичь особенно — как прежде, ибо в сучонке Диане, с которою теперь охочусь, при многих добрых качествах вовсе нет вежливости, столь необходимой, когда собака подводит к выводку. Впрочем, не будет ли об охоте, разве попросить тебя не дивиться, что я не щадил весенней дичи, — я приехал с долговременного голода. Отвечай мне, пожалуйста. Меня интересует, что ты делаешь — как стреляешь, пишешь, скучаешь, веселишься, в каком духе обретаешься. Адресуй: в *Муром*, на мое имя.

Твой Некрасов.

9-го июля 1853
Сельцо Алешунино

181. М. Н. ЛОНГИНОВУ

13 августа 1853(?). Москва

Любезный друг, я завтра в 12 часов уезжаю в Петербург (а попал сюда проездом из Ярославля). Очень хочу тебя видеть. Не заедешь ли завтра утром ко мне — у Мореля,[1] № 11-ый; будь так любезен.

Твой Н. Некрасов.

13 авг⟨уста⟩

182. И. С. ТУРГЕНЕВУ

26 сентября 1853. Петербург

Милый Тургенев, получил твое письмо и душевно тебе за него благодарен.[1] Отвечать на него не успел, потому что уехал из Владимирской деревни в Ярославскую, к отцу. Поохотившись там (и очень приятно), ныне я возвратился через Москву в С.-Петербург и принимаюсь за свои обычные дела. «Современник» не то чтобы был хорош — ты, верно, это заметил, — но авось теперь будет лучше: по крайней мере есть возможность — и полная — его улучшить.[2] Впрочем, об этом поговорим на досуге подробнее; теперь много писать некогда.

Вот что мне хотелось тебе сообщить. В проезд мой через Москву слышал я от В. Ботк⟨ина⟩ и Н. Кетч⟨ера⟩ ругательства твоему роману.[3] Эти люди таковы, что коли ругать, так ругать, а хвалить, так хвалить, — и меня не удивила резкость их отзывов; но меня удивил выбор судей с твоей стороны: как Б⟨откин⟩, так и К⟨етчер⟩ очень мало понимают в этом деле. Если ты рассчитывал, что они дадут прочесть твой роман кому-нибудь имеющему поболее вкусу, то очень ошибся: никто, кроме них, его не читал,[4] и решение над ним в Москве состоялось по приговору этих двух лиц, и теперь, я уверен, нет в Москве грамотного человека, который бы не знал уже и не повторял, что Тургенев написал плохой роман. Это, конечно, неважность для тебя, но еще вопрос, правы ли эти господа, и я прошу тебя не как журналист, а как твой приятель — пришли мне этот роман для прочтения.[5] Я не хочу этим сказать, что у меня больше вкусу, но мне любопытно прочесть этот роман, и,

если хочешь, я потом напишу тебе о нем свое правдивое мнение. Само собою разумеется, что я не имею тут никаких журнальных соображений. Будь здоров. Я напишу тебе на днях больше.

Весь твой
Н. Некрасов.

26 сентября

183. В. П. БОТКИНУ

Конец сентября 1853. Петербург

Любезный
Василий Петрович.

В проезд мой через Москву[1] узнал я, что статью свою о Шекспире намерен ты отдать в «Отеч⟨ественные⟩ зап⟨иски⟩».[2] Я никак не хотел этому верить, но в настоящее время, сообразив, что ты мог забыть обстоятельства, при которых ты[а] принялся за эту работу, — я решился напомнить тебе эти обстоятельства и уверен, что, после этого, каковы бы ни были прежде твои намерения, ты сам увидишь, что невозможно поместить статьи твоей о Шекспире нигде, кроме «Совр⟨еменника⟩»:

1) статья эта заказана тебе редакцией «Современника», и, след⟨овательно⟩:

2) самая мысль составить для русского журнала статьи о Шекспире принадлежит редакции «Совр⟨еменника⟩»;

3) ты получил от редак⟨ции⟩ «Совр⟨еменника⟩» материалы для этой статьи;[3]

4) ред⟨акция⟩ «Совр⟨еменника⟩», на основании всего этого, объявила троекратно в «Моск⟨овских⟩ вед⟨омостях⟩», что статьи о Шекспире будут печататься в ее журнале.[4]

Согласись, любезный друг, что, как бы ни изменились с того времени твои мысли и намерения, дело зашло уже так далеко, что помещение статьи о Шекспире в *другом* журнале если не невозможно, то сопряжено с такими обстоятельствами, которых как для тебя, так и для нас несравненно благоразумнее избе-

---

[а] *Далее было*: решил

жать. Этого требуют наше взаимное уважение друг к другу и литературное приличие. Все, что ты мог сделать, это вовсе не печатать статьи о Шекспире, но если уж ты написал ее и хочешь печатать, то, конечно, она должна быть в «Современнике». Говорю это прямо и смело, ибо уверен,[6] что внутреннее чувство правды скажет тебе то же самое. Я убежден, что если ты и точно имел вышеписанное намерение, то единственно потому, что забыл некоторые обстоятельства, при которых начал свой труд. Напомнив тебе эти обстоятельства, я предоставляю решение дела твоей совести.

Будь здоров.

Твой Н. Некрасов.

Сентябрь 1853
СПбург

184. А. Н. АФАНАСЬЕВУ

5 октября 1853. Петербург

Милостивый государь
Александр Николаевич!

По причине долговременного моего отсутствия[1] из Петербурга я только на днях приступил к занятию «Современником» и узнал, что Вы уже давно не присылаете Ваших статей в этот журнал.[2] Вопрос важный для меня состоит теперь в том: было это случайно или не случайно, и желаете Вы или нет писать на будущее время в «Совр⟨еменник⟩» библиографические статьи — на прежних основаниях, — в чем и прошу Вас уведомить меня.

Пребывающий к Вам с полным почтением

Н. Некрасов.

1853, окт⟨ября⟩ 5
СПб.

185. И. С. ТУРГЕНЕВУ

17 ноября 1853. Петербург

Милый Тургенев, как ни люблю я тебя и как ни желаю почаще иметь о тебе известия, однако ж мне редко удается писать к тебе — и это не потому, чтоб

[6] *Далее было*: в твоей

я был занят, а нахожусь почти постоянно в таком негодном духе, что самому скверно. Кажется, приближается для меня нехорошее время: с весны заболело горло, и до сей поры кашляю и хриплю — и нет перемены к лучшему, грудь болит постоянно и не на шутку; к этому, нервы мои ужасно раздражительны; каждая жилка танцует в моем теле, как будто у них вечный праздник, и мне от этого совсем не весело;[1] каждая мелочь вырастает в моих глазах до трагедии, и вдобавок — стихи одолели — т. е. чуть ничего не болит и на душе спокойно, приходит *Муза* и выворачивает все вверх дном; и добро бы с какой-нибудь пользой, а то без толку, — начинается волнение, скоро переходящее границы всякой умеренности, — и прежде чем успею овладеть мыслью, а тем паче хорошо выразить ее, катаюсь по дивану со спазмами в груди, пульс, виски, сердце бьют тревогу — и так, пока не угомонится сверлящая мысль. На этом основании я себя сравниваю с караульней, подымающей стукотню всякий раз, как проедет генерал. Зато на́чал много, да что́ толку.[2] Посылаю тебе «Филантропа» — скажи мне о нем свое мнение.[3] Этой вещи я не почитаю хорошею, но дельною — может быть, в деревенском единообразии чтение ее доставит тебе некоторое удовольствие хоть тем, что напомнит старое, — по крайней мере, я теперь вдруг вспомнил наши давние литературные толки, ту охоту, с которою я прочитывал тебе каждое мое новое стихотворение, и то внимание, с которым ты меня слушал. Давние времена! Мне теперь их жаль![4]

Поистине мне становится грустно, как подумаю о скуке, которую ты претерпеваешь.[5] Предыдущее письмо мое вызвала досада на людей, которые, может быть, охолодили в тебе даже охоту к труду, разругав тебе твой роман, — и, я уверен, несправедливо:[6] в романе твоем может недоставать соразмерности в построении, допускаю даже, что в нем проскользнуло что-нибудь фальшивое, но чтоб ты мог написать том дряни, этому поверю разве тогда, когда лишусь здравого смысла, — уверен, что там есть даже отличные вещи — жаль, что мне не удалось его прочесть.[7] В Москве я читал твой «Постоялый двор» — вещь прекрасная, но выполнение слабее, чем в других твоих рассказах, — как-то бледновато, думаю — потому,

что ты не имел цели окончательно его отделывать.[8] Читал я «Чувства души в высокоторж⟨ественный⟩ праздник». Кому б ни принадлежали эти стихи — они превосходны.[9] Это мое мнение после троекратного их прочтения, с значительными промежутками. Если ты позволишь, мы бы напечатали их, даже прошу об этом. Вот тебе литературная новость: Майков написал небольшую поэму «Дуня-дурочка» — это решительно лучше всего, что он писал.[10]

Прощай. Напиши ко мне, пожалуйста, поскорее. Будь здоров.

Весь твой
Н. Некрасов.

«Филантропа» — не успел переписать, пришлю после. Не сделаешь ли чего для 1 книжки «Современника»?[11] Что твой рассказ «Переписка»?[12]

186. В. П. ГАЕВСКОМУ

23 декабря 1853. Петербург

Любезнейший
Виктор Павлович.

Ваша статья[1] — прелесть. Вечера у Пономаревой[2] — первый и прекрасный намек на то, как должны писаться подобные вещи и как они будут писаться, когда русская критика поумнеет.

Не поленитесь, прочтите корректуру как можно скорее — две формы нужны бы часов в десять утра, за ними зайдет Василий,[3] остальные к обеду. Вы не забыли, что обедаете у меня?

Ваш Некрасов.

23 дек⟨абря⟩

На обороте:

В. П. Гаевскому.
От Некрасова.

187. А. Н. МАЙКОВУ

10, 17, 24 декабря 1853. Петербург

Любезнейший
Аполлон Николаевич.

Я Вас не видал сто лет. Не придете ли завтра (в пятницу) ко мне обедать? Будут Тургенев, Толстой[1] и нек⟨оторые⟩ др⟨угие⟩.[2] Пожалуйста.

Кстати, позвольте представить Вам 15 р⟨ублей⟩, следующие Вам за стихотворение в № III «Соврем⟨енника⟩».[3] Экземпляр «Современ⟨ника⟩» сего года я считаю долгом поднесть Вам за «Дурочку Дуню»[4] и очень сожалею, что ранее этого не вспомнил, а Вы не напомнили. Впрочем, это мелочи. Будьте здоровы.

Ваш Н. Некрасов.

Четверг

1854

188. П. В. АННЕНКОВУ

21 января 1854. Петербург

Добрейший
Павел Васильевич.

Рассчитав на Вашу статью в 2-й № «Сов⟨ременника⟩», я жажду иметь ее в руках, в понедельник она будет очень нужна. Желал бы до этого времени с Вами увидеться — не будете ли так милы, не пожалуете ли к нам в воскресенье обедать? Будет, между прочим, Тургенев.

Ваш Н. Некрасов.

1854, 21 янв⟨аря⟩

189. Л. Н. ТОЛСТОМУ

6 февраля 1854. Петербург

Милостивый государь
Лев Николаевич!

Ваших писем я получил не два, а одно; отвечал Вам довольно скоро по получении рукописи («Запис⟨ки⟩ марк⟨ера⟩») по старому Вашему адресу[1] (на имя

Н. Н. Толстого). Там я излагал и мнение мое об этой вещи, спрашивал Вас в заключение — печатать ли все-таки эту вещь, или Вы соглашаетесь на мои замечания? Итак, приходится мне теперь повторить эти замечания. «Зап⟨иски⟩ марк⟨ера⟩» очень хороши по мысли и очень слабы по выполнению; этому виной избранная Вами форма; язык Вашего маркера не имеет ничего характерного — это есть рутинный язык, тысячу раз употреблявшийся в наших повестях, когда автор выводит лицо из простого звания; избрав эту форму, Вы без всякой нужды только стеснили себя: рассказ вышел груб, и лучшие вещи в нем пропали. Извините, я тороплюсь и не выбирал выражений, но вот сущность моего мнения об этом рассказе; это я счел долгом сообщить Вам, прежде чем печатать рассказ, так как я считаю себя обязанным Вам откровенностью за то лестное доверие, которым Вы меня удостоили. Притом Ваши первые произведения слишком много обещали, чтобы после того напечатать вещь сколько-нибудь сомнительную. Однако ж я долгом считаю прибавить, что если Вы все-таки желаете, я напечатаю эту вещь немедленно, мы печатаем много вещей и слабее этой, и если я ждал с этою, то потому только, что ждал Вашего ответа. Жду его и теперь и надеюсь получить скоро вместе с «Отрочеством», которое может быть напечатано очень скоро, если Вы не замедлите его присылкою. Уведомьте меня, куда Вам посылать «Современник» и деньги.

Примите уверение в моем истинном уважении и преданности.

Н. Некрасов.

P. S. Если вы заглядываете в «Современник» (начиная с XI книги включительно), то можете заметить, что теперь Ваши произведения не подвергнуты таким изменениям по цензуре, каким подвергались прежде.[2]

6 февраля 1854, СПб.

Ваше письмо от 14-го января я получил 6-го февраля.

190. В. П. ГАЕВСКОМУ

27 февраля 1854. Петербург

Виктор Павлович, не будете ли так любезны, чтоб пожаловать ужо ко мне; об этом прошу Вас я и просит *Тургенев*, который хотел быть вечером у *меня*. А от меня мы все и отправились бы к Ахматовой.[1] Если же Вы ко мне не пожелаете прийти, то пришлите нам адрес Ахматовой.

Ваш Некрасов.

Суббота

На обороте:

В. П. Гаевскому.

191. М. В. БЕЛИНСКОЙ

26 апреля 1854. Петербург

Милостивая государыня
Мария Васильевна.

Спешу Вас успокоить, что деньги, которые Вам следуют по моей расписке,[1] и еще некоторые, известные Вам, которые следуют с меня и Панаева по нашему добровольному обещанию,[2] непременно будут Вам выплачены — это я считаю своим долгом. Но ныне для нас самый тяжелый год — у нас убыло до 600 подписчиков вследствие усиленного расхода политических газет.[3] С следующего года я устрою так, что Вы будете получать хотя небольшую, но верную сумму ежегодно из нашей московской конторы.[4]

Я, кажется, скоро буду[a] в Москве[5] и побываю у Вас. Наведите справки насчет Кольцова:[6] Станкевич подарил его Вашему мужу — Ваш муж передал мне,[7] — теперь бы нужно новое издание.[8] Итак, поговорите с Станкевичем: имеет ли он документы? ибо, кажется, у Вас их нет да и у меня тоже. Принимая участие в этом деле, я имею в виду преимущественно Вашу выгоду, и потому постарайтесь только, если возможно, к моему приезду в Москву собрать справки или списаться с Станкевичем. Я думаю, что имею

---

[a] *Далее было*: у Вас

возможность наивыгоднейшим образом устроить это дело.

Кланяюсь Вашей дочери, которая меня не помнит.

Готовый к услугам
Н. Некрасов.

26 апр⟨еля⟩ 1854

192. В. П. ГАЕВСКОМУ

26 июня 1854. Петербург

Добрейший и невидимый
Виктор Павлович.

Вот Ваша статья о Сумарокове[1] — прочтите корректуру и препроводите прямо в типографию.

Вот статья о трудах по части русс⟨кой⟩ слов⟨есности⟩ в прошлом году[2] — не потрудитесь ли прочесть корректуру. Эта статья почему-то отослана на цензуру куда-то в ведомство Минист⟨ерства⟩ нар⟨одного⟩ просвещения — потому-де, что в ней говорится об изданиях академии, — Вы, верно, знаете, в чем тут дело, и, если будете в городе, пожалуйста, похлопочите, чтоб ее скорее возвратили.

Так как сегодня уже 26 число, то я не считаю нужным прибавлять, что посылаемые к Вам корректуры нужны в типографии как можно скорее.

Весь Ваш
Н. Некрасов.

26 июня

На обороте:

Его высокоблагородию
Виктору Павловичу *Гаевскому*.
Очень нужное. Отослать немедля на дачу,
если его нет в городе.

193. Л. Н. ТОЛСТОМУ

10 июля 1854. Петербург

Милостивый государь
Лев Николаевич.

Исполняю Ваше желание и посылаю те книжки «Современника», в которых помещены Ваши расска-

зы.[1] — Если я скажу, что не могу прибрать выражения, как достаточно похвалить Вашу последнюю вещь, то, кажется, это будет самое верное, что я могу сказать, да и не совсем ловко говорить в письме к Вам больше. Перо, подобно языку, имеет свойство застенчивости — это я понял в сию минуту, потому что никак не умею, хоть и покушаюсь сказать кой-что из всего, что думаю, выберу только, что талант автора «Отрочества» самобытен и симпатичен в высшей степени и что такие вещи, как описание летней дороги и грозы, или сидение в каземате, и многое, многое дадут этому рассказу долгую жизнь в нашей литературе.[2] Я напечатаю «Отрочество» в IX или в X кн⟨иге⟩ «Современ⟨ника⟩».[3] Не знаю, получаете ли Вы его — но он Вам в Бухарест высылался.[4]

Примите уверение в моем душевном уважении и предан⟨ности⟩.

Н. Некрасов.

1854 июля 10
СПбург

194. М. Л. МИХАЙЛОВУ

После 28 мая 1852—до сентября 1854. Петербург

Любезнейший
Михайло Ларионыч!

Пожалуйста — не откажите прочесть посылаемые корректуры и перенести все цензорские помарки с сохранением смысла.[1] Но так как типография не имеет дела, то постарайтесь формы четыре прочесть сегодня и завтра рано утром отправьте в типографию к Працу[2] — от вас в 15-ти шагах,[3] в Офицерской, в доме Олимпиева, напротив 2 части, в которой сидел Тургенев.[4] Позвольте надеяться, что Вы все это исполните. Так как я постоянно дома, то не зайдете ли на днях ко мне вечерком — да захватите главы две-три вашего романа[5] — я бы прослушал охотно.

Ваш Н. Некрасов.

195. И. С. ТУРГЕНЕВУ

6 октября 1854. Москва

Середа, утром 9 часов. — Сверх ожидания доехал я до Москвы хорошо, то есть столько имел крепости, что нигде не останавливался и проехал всю дорогу залпом — в 27 часов, т. е. прибыл в Москву в 2-м часу во вторник.[1] На предпоследней станции обогнал меня едущий курьером сын кн⟨язя⟩ Меншикова — генерал, это и заставляет меня писать к тебе.[2] Впрочем, вот все, что я узнал: Меншиков прискакал в Подольск; пока ему запрягали лошадей, вызвал смотрителя и сказал ему: «Скажи графу (Закревскому,[3] которого дача Ивановское находится в 4-х верстах от Подольска), что я потому не заехал к нему, что надеюсь поспеть прямо к железной дороге. Впрочем, скажи, что все благополучно, слава богу, — и нового ничего нет». Он поехал, но через минуту ямщики вбежали к смотрителю с криком: «Воротился! воротился!» Смотритель выбежал (и я тоже), Мен⟨шиков⟩, точно, воротился; он сказал, смотря на часы: «Нет, я никак не успею к машине — и потому поеду сам к графу». Поехал, а я пошел пить чай. Только что я напился и сошел вниз, а уж Мен⟨шиков⟩ тут (успел съездить), ему впрягли свежих лошадей, и он ускакал; а на следующей станции (последней к Москве) я узнал, что он велел везти себя прямо на машину, рассчитывая, что ему дадут особый поезд. — Вот какие новости. Судя по тому, что через смотрителя никто не стал бы передавать важных новостей, если б они и были, и по тому, что к⟨нязь⟩ Меншиков едва ли бы послал своего сына с пустым или с печальным известием — я думаю, что всемогущий послал новую победу русскому оружию, и радуюсь.[4] Впрочем, ты на досуге, в деревне можешь эти факты обдумать хорошенько — нечего покуда к ним прибавить — в Москве знают столько же, сколько знали мы с тобой в Спасском.

Видно, мне не судьба видеть Лонгинова.[5] Сделав свои дела, я вчера заехал во все клубы — оказалось, что главный обед в Моск⟨овском⟩ куп⟨еческом⟩ клубе по случаю нового повара, — все были убеждены, что Лонгинов будет, и я остался тут обедать, — но Лонгин⟨ов⟩ не явился. Бартенев[6] сказал мне, что Лонги-

нов у Шевалье,[7] я туда — только что уехал в театр, а вечером-де будет в Аглиц⟨ком⟩ клубе. Я поехал в свой нумер и лег спать, приказав себя разбудить в 9-ть часов (чтоб ехать в клуб). Весь трактир Мореля и даже мой извозчик будили меня, говорят, но, видно, Лонгинову не суждено было услышать знаменитое послание, которое, кажется, уже все знают, кроме того, к кому оно писано.[8]

Что еще сказать тебе? За этою фразою обыкновенно в письмах следует что-нибудь более или менее нежное — интимное — и я не отстану. Мой голос ставит меня часто в очень комические или мрачные положения. Просыпаюсь сегодня — звоню, колокольчик оборвался, кричу — в том-то и беда, что кричать не могу, бегаю по пустому коридору — нет нужника! и я напакостил в великолепном номере Мореля чуть не на письменном столе. Все уж у меня уложено, а еще есть полчаса времени. Гляжу в окно — мокро и дождь идет — и вспомнил нашу охоту. Немудрено, что после морозов у вас теперь *отпустило* — прилетели вальдшнепы, и ты сегодня отправился их би́ть, а я! Добрый годик вышел мне нынче, как бы черт его скорее взял! Боюсь, что он меня дорежет, а впрочем, все вздор:

Ничего! гони во все лопатки,
Труден путь, да легок конь,
Дожигай последние остатки
Жизни, брошенной в огонь!

Это я сочинил дорогой — в утешение себе.[9]

Прощай и будь здоров.

Тарантас твой, человек и подушка отправлены к твоему брату,[10] за все спасибо.

Твой Некрасов.

5 окт⟨ября⟩

196. И. С. ТУРГЕНЕВУ

9 октября 1854. Петербург

9-го окт⟨ября⟩, пятн⟨ица⟩.

Я уже третий день дома.[1] — Ничего нет нового. Меншик⟨ов⟩, точно, не привез никаких особенных известий.[2] Сент-Арно умер, да ты это, верно, знаешь из газет.[3] — Это политика.

Теперь пойдет литература. Ты, верно, получил X № «Совр⟨еменника⟩». Он вышел здесь 2-го числа. Но в нем нового для тебя немного. Меня очень смешит местами повесть о майоре Гагагане,[4] хотя в ней есть скучные длинноты, и вообще непостижимо терпение автора, который заставляет лгать своего героя сто страниц с лишком. Это производит такое же впечатление, как лгуны в натуре, но от лгунов в жизни можно бежать или прогнать их в шею, а с книжным не разделаешься, пока не дочтешь его вранья. Вот то, что Друж⟨инин⟩ именует чернокнижием,[5] но нашему чернокнижию далеко до теккереевского. — Проездом через Москву увидал я у Базунова[6] толстейшую книжищу с названием «Песни разных народов», *пер⟨евод⟩* Берга. Если б этот Берг был даже скотина, что и может быть, то все-таки книга его доставила мне на целый день (в дороге) интересное чтение, и я ему благодарен.[7] Этого мало: я стою на том, что книга хороша и может занять даже и не в дороге. Вместе с этим письмом я пошлю записку к московскому Базунову, чтоб он тебе ее выслал.[8] Из нее ты узнаешь — впрочем, мне некогда много писать, но ты сам увидишь, что, кроме дельности, книга имеет большое литературное достоинство — в ней встречаются настоящие перлы поэзии. Выпишу тебе одну песенку, самую коротенькую — *мадьярскую*.

Два милых было у меня
Дороже всей родни,
Да бедность одолела их —
И померли они.

Что одного-то милого
В саду я положу,
Другого-то сердечного
Под сердцем схороню.

Полью в саду я милого
С Дунай-реки водой,
Полью дружка сердечного
Горючих слез рекой.

Мне это кажется удивительно хорошо.
Будь здоров.

Твой Некрасов.

197. И. С. ТУРГЕНЕВУ

16 октября 1854. Петербург

16 окт⟨ября⟩. СПб.

Получил вчера твое письмо.[1] — Где это могли оказаться у тебя гаршнепы? Все-таки вы воротились домой не с пу́стом. Видел нашего доброго:[2] каталог у него был, да кто-то взял и проч⟨ее⟩, т. е. каталога нет.[3] Он жизнью доволен — Пушкина получил и на следующей неделе приступает к печатанью.[4] Я не буду много писать, потому что голова моя занята шутовским сочинением, которое мне хочется написать для «Ералаша».[5] 10 № «Совр⟨еменника⟩» ты имеешь, а XI идет хорошо — «Хлыщей» Панаева пропустили без изменений и выпусков[6] — пришлю тебе XI №, как и X, т. е. ты его получишь на 6-й день после выхода здесь. Новостей никаких нет, кроме известных тебе по газетам.[7] — Здесь стоит сырая погода, и можно бы еще охотиться — по улицам таскают бекасов и уток, да мне не до того. Смерть хотелось бы уехать за границу, да выросло новое препятствие, с которым, не знаю, справлюсь ли.[8] — Кланяюсь Порфирию[9] и рад, что ему досталась хорошая жена. Посоветуй ему вывести скверный запах из первой его комнаты, а то мне отсюда видится, как морщится его жена, входя в эту комнату. Будь здоров. Я здесь немедленно по уши въехал в хлопоты, но выношу всякие гадости с большим мужеством, чем от себя ожидал. Нимало не раскаиваюсь, что съездил к тебе,[10] хотя и плохо поохотился, — это, кажется, укрепило меня. Жаль только, что мало пробыл — даже не успел порядком войти в эту жизнь, для которой я, кажется, сотворен. Получил ли сборник песен? Не правда ли — стоит в нем порыться на досуге.[11]

Некрасов.

198. И. С. ТУРГЕНЕВУ

22 октября 1854. Петербург

Получил твое письмо — хорошо делаешь, что работаешь;[1] Григорович занят большим романом — на него нет верной надежды,[2] и теперь уже я слезно тебя

прошу написать на 1 или 2 книжку «Современника» рассказ, хоть небольшой, или что ты хочешь, да чтоб было твое имя.[3] А то чем же мы начнем год — Дружининым? Это самое блестящее из всего, что есть;[4] — Писемским? но он наворотил исполинский роман, который на авось начать печатать страшно — надо бы весь посмотреть.[5] Это неряха, на котором не худо оглядывать каждую пуговку, а то под застегнутым сюртуком как раз окажутся штаны с дырой или комок грязи на ж⟨...⟩.

Получил рассказ Основского.[6] Штука обыкновенная, но там есть черта (должно быть, услышанный анекдот) мольеровская. Какой-то подлец позвал обедать губернатора — тот явился и положил свою каску на окно. «Ва⟨ше⟩ п⟨ревосходительст⟩во! здесь дует!» — закричал подлец и переложил каску. — Из сего следует, что подлость так же размягчает сердца, как и добродетель. Напечатаю Основского в XII к⟨нижке⟩ и вышлю ему деньги (не более 25 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩ за лист). *Наш добрый* в сильной деятельности, но что это за кулацкое безвкусие! — я ему помогаю в выборе бумаги, но не я буду виноват, если формат нового Пушкина будет уродлив и шрифт гадок, — уж эти статьи он решил! Шрифт (тонкий и узкий), особенно для стихов, мне решительно не нравится. Издание скоро начнется.[7]

Кланяйся Бубульке. Кстати, я уверен, что эта сметливая сучка теперь с гордостью думает: «Наконец *он* так привязался ко мне, что и на зиму остался *со мной* в деревне», или что-нибудь подобное.

Твой Некрасов.

22 окт⟨ября⟩

199. Л. Н. ТОЛСТОМУ

2 ноября 1854. Петербург

СПб. 1854, 2 ноября.

Милостивый государь
Лев Николаевич.

Видно, уж такова судьба Ваша, что и «Отрочество» в печати подверглось значительным и обидным урезываньям. Случилось несколько цензурных историй,[1] выговоров — и на цензора нашего, как и на

других, напал панический страх, вследствие которого он вымарал более, чем бы следовало.[2] Само собою разумеется, что были употреблены все старания, чтоб отстоять, что можно; к счастию, как Вы заметите, лучшие вещи все уцелели[3] в неиспорченном виде. — Вещь эта произвела в читающем мире то, что называется *эффект*, а что касается литераторов,[4] разумеется смыслящих, то они сознаются, что очень давно ничего подобного не было в русской литературе. В самом деле, хорошая вещь.

Конечно, Вам теперь не до писанья, но если б — сверх чаяния — Вы что-нибудь написали, то это было бы для нас теперь вдвойне приятно. — Война подействовала у нас на все, даже и на литературу,[5] и нужно употреблять большие усилия, чтоб поддержать существование журналов в это тяжелое время. Теперь время подписки, и после «Отрочества», которое всем так понравилось, напечатание Вашей новой повести в «Современнике» принесло бы ему пользу существенную.[6]

Я пишу это письмо, между прочим, с тем, чтоб узнать от Вас, куда послать Вам деньги за «Отрочество».[7] Я так давно не имею от Вас известия, что не решаюсь послать по старому адресу.

Примите уверение в моей совершенной преданности.

Н. Некрасов.

200. И. С. ТУРГЕНЕВУ

6 ноября 1854. Петербург

6 ноября.

Захлопотавшись с XI № «Совр⟨еменника⟩» (я тебе его вчера послал по легкой почте), давно к тебе не писал. Во 1-х, я привел свои дела в такое положение, что могу ехать за границу хоть завтра, если будет можно. Во 2-х, в чаянии собрать несколько денег к отъезду, начал я изредка поигрывать в картишки — и пока с успехом; в 3-х, получили письмо от Вас⟨илия⟩ Петр⟨овича⟩ Боткина,[1] который говорит, что Баратынский был пьяница, стихов которого печатать не стоило,[2] а по поводу «Отрочества» замечает, что таланты бывают благородные и неблагородные и еще

что-то, так что по этой классификации выходит, что Гоголь-писатель был подлец, а Влад⟨имир⟩ Ив⟨анович⟩ Панаев благороднейший деятель литературы. Как это все свежо! К этим литер⟨атурным⟩ аристократам причисляет он и Толстого, которым очень восхищается. Ты хочешь знать об «Отрочестве» — конечно, все его хвалят, с кем мне случалось говорить, но видят настоящую его цену немногие — ведь Дружинин не дурак, а что он найдет для себя в «Отрочест⟨ве⟩»? Таких много и в публике; впрочем, мне случалось встречать круглых скотов, о коих я думал, что они ничего не читают, — они заговаривали со мной об «Отрочестве»; по-моему, это верный признак успеха, когда дураки считают долгом говорить о том, до чего им дела нет. Хорошо, что ты мне написал адрес Толстого,[3] — я не знал, куда ему послать деньги за «Отр⟨очество⟩», и послал теперь ему запрос. — Прибыл сюда Авдеев, — и первый визит сделал нам! Едет сюда Писемский. Приезжай и ты.

Весь твой
Некрасов.

201. П. В. АННЕНКОВУ

Конец декабря 1854. Петербург

Любезный Павел Васильевич, Ваша статья очень хороша, и Тургенев должен Вам в ножки поклониться — не за то, что Вы похвалили его, а за то, что написали о нем статью, которую все прочтут. Корректуру по прочтении пришлите ко мне.

Ваш Некрасов.

1855

202. А. Н. МАЙКОВУ

3 января 1855. Петербург

Любезный
Аполлон Николаевич.

Вы обещали нам стихов на 1-ую книжку — и эти стихи нужны немедленно.[1] Пожалуйста, пришлите не позже завтрашнего дня, а если можно, то лучше с

подателем сей записки. Если б Вы были так добры к «Современнику», который никак не хочет начать без Вас свой год, что исполнили бы мою просьбу, то очень бы меня обязали.

Весь Ваш
Н. Некрасов.

3 января 1855 года (с каковым Вас кстати поздравляю).

На обороте:

Его высокоблагородию
Аполлону Николаевичу Майкову
от Некрасова.

203. П. В. АННЕНКОВУ

12 января 1855. Петербург

Павел Васильевич, приходите завтра ко мне обедать — будут: Бекетов, Писемский и еще кое-кто. Вы необходимы. Вот Вам билет на «Соврем⟨енник⟩».[1] Завтра разочтемся в деньгах за статью.[2] Вот вам 2 последние листа. Принесите мне завтра полный экз⟨емпляр⟩ биографии Пушк⟨ина⟩, я начну о ней писать.[3]

Ваш Некрасов.

12 янв⟨аря⟩

На обороте:

Его высокоблагородию
Павлу Васильевичу Анненкову
от Некрасова.

204. Л. Н. ТОЛСТОМУ

17 января 1855. Петербург

Милостивый государь
Лев Николаевич.

Мне ужасно неприятно, что моих писем Вы не получаете, хотя я их пишу и писал сколько было нужно, а именно: после Вашего отъезда из Тулы[1] писал я Вам 1) в Бухарест: а) с посылкою «Записок маркера», б) с уведомлением о получении «Отрочества» и моим о нем мнением,[2] или — лучше сказать —

похвалами. 2) В действующую армию — по адресу, Вами назначенному, — опять несколько слов об «Отрочестве» при посылке Вам двух №№ «Современника» с Вашими рассказами.[3] 3) В Кишинев[4] по адресу, который достал мне Тургенев от Ваших родных в Орл⟨овской⟩ губерн⟨ии⟩. В последнем письме я уведомил Вас о напечатании «Отрочества» и желал иметь от Вас ответ, чтоб послать Вам деньги. Но из вчера полученного мною Вашего письма[5] вижу, что Вы и этого моего письма не получали. Хотя я не очень аккуратен и притом постоянно болен, но по крайней мере в отношении к Вам не имею, за что себя упрекнуть, утверждаю даже, что был в этом случае особенно заботлив. Так, несколько дней тому назад Тургенев, уезжая в Москву, сказал мне, что увидит там Вашу сестру и ее мужа,[6] и я дал Тургеневу деньги, прося послать их Вам, если Ваши родные знают верный Ваш адрес и имеют от Вас известия. Отчего мои письма к Вам не попадают — не знаю. Что касается Ваших, то я до вчерашнего дня не получал их после того, как Вы писали мне о высылке Вам 2-х №№ «Современника», что тогда же исполнено (не знаю, получили ли Вы эти книги, — а что касается до «Современ⟨ника⟩» 1854 года, то адрес Ваш был сдан почтамту в Бухарест, и если Вы не послали известия о перемене его в нашу контору или не сделали на месте, откуда выехали, распоряжения, то и неудивительно, что Вы его не получаете). Все это мне досадно не менее Вашего, потому что я заинтересован Вашим талантом, как журналист — умалчиваю о прочем, — и не желал бы навлекать на «Современник» Ваше неудовольствие. Однако спешу перейти к Вашим произведениям, о которых Вам интересно узнать что-нибудь.

Ваше «Отрочество» вышло в свет в октябре 1854 г. (его изрядно общипала цензура,[7] вымарав многое из первых проявлений любви в отроке и кое-что там, где рассказчик говорит об отце) и произвело то, что называется эффектом, т. е. некоторый говор в Петербурге. Что касается до литературного круга, то все порядочные люди единогласно находили эту вещь исполненною поэзии, оригинальною и художественно выполненною. Так как я пишу Вам об Вашем «Отрочестве» уже в 3-ий раз, то Вы извините меня за угловатость этих фраз, да я же и вечно тороплюсь — вот и теперь

мне помешали дописать письмо. Мои приятели Тургенев и Анненков в восторге[8] от этого произведения, в таком же, как и я. (Это приписано через час).

В 1 № «Совр⟨еменника⟩» на 1855 год поместил я Ваш рассказ «Записки маркера», в котором, кажется, я ошибался, в 1-м чтении он мне не понравился, о чем я и Вам писал,[9] но, прочитав его недавно, спустя почти год, я нашел, что он очень хорош и в том виде, как написан, по крайней мере, был хорош в рукописи, потому что в печати и его-таки оборвали[10] — впрочем, существенного ничего не тронуто. Надо еще заметить, что наш цензор[11] — самый лучший. Что скажут об «Зап⟨исках⟩ марк⟨ера⟩», я Вам напишу — впрочем, едва ли я. Корреспонденцию свою по журналу передаю я Тургеневу (который, мимоходом Вам сказать, очень любит Ваш талант — мы об Вас очень много болтали), ибо сам имею надежду в феврале уехать за границу (я болен[12] — и безнадежно), впрочем, Ваш ответ, вероятно, меня еще здесь застанет. Но Вы адресуйте на имя Тургенева Ивана Сергеевича, в редакцию «Современника», или на имя Панаева Ив⟨ана⟩ Ив⟨ановича⟩ — впрочем, Тургенев займет мою роль в редакции «Современника» — по крайней мере, до той поры, пока это ему не надоест, — и сноситься с ним Вам будет прямее. Пришлите нам Ваши *солдатские рассказы* — мы их напечатаем в «Современнике», зачем Вам их совать в «Инвалид»?[13] Печатать их в нашем журнале *можно*, разумеется, если они пройдут гражданскую и военную цензуру. Да пишите побольше — нас всех очень интересует Ваш талант, которого у Вас много. Кстати, в 1 № «Современника» напечатал я статью Анненкова «По поводу последних произведений Тургенева и Л. Н. Т.»; в ней Вы найдете несколько дельных замечаний о себе[14] — она высказывает несколько мыслей, на которые наводят Ваши произведения.

10 № «Современника», где «Отрочество», и 1-й, где «Зап⟨иски⟩ м⟨аркера⟩», велю я завтра же отослать к Вам *по легкой почте* в виде посылки, и они придут вместе с этим письмом. Дальнейшие будут посылаться в Кишинев обыкновенным порядком, впредь до Вашего распоряжения, которое адресуйте в контору. Деньги тоже на днях отошлю к Вам, послал бы при этом письме, да не знаю, не сделал ли уже

этого Тургенев. — Пожалуйста, пришлите нам Вашу повесть или рассказ. Желаю Вам всего лучшего, что только можно достать в Кишиневе.

Пред⟨анный⟩ Вам
Н. Некрасов.

Извините за неряшливость этого письма, я его не перечитывал — некогда, а написать хотелось по возможности подробнее.

17 янв⟨аря⟩ 1855
СПб.

Напишу еще на днях, если что забыл.

205. В. П. ГАЕВСКОМУ

21 января 1855. Петербург

Милейший и добрейший Виктор Павлович.

Меня тронуло Ваше снисхождение, и *отчасти* я им воспользуюсь, ибо я уже так устроен, что вечно нуждаюсь в деньгах. Приходите в воскресенье обедать — мне нужно поговорить с Вами о деле — не об этом, а о некотором другом.

Весь Ваш
Н. Некрасов.

21 янв⟨аря⟩ 1855

На обороте:

Его высокоблагородию
Виктору Павловичу Гаевскому.

206. Л. Н. ТОЛСТОМУ

27 января 1855. Петербург

СПб.
27 янв⟨аря⟩
1855.

Милостивый государь
Лев Николаевич.

Письмо Ваше с предложением военных статей[1] получил и спешу Вас уведомить, что не только готов, но и рад дать Вам полный простор в «Современни-

ке» — вкусу и таланту Вашему верю больше, чем своему, а что касается до других соображений, то в настоящее время литературный журнал не может не желать[2] такого рода материалов и не чаять себе от них пользы. Об условиях денежных напишу, когда получу первые статьи[3] (я пробуду в Петербурге до конца февраля, а может, и долее), пишите ко мне или к Панаеву, ибо Тургенев пропал[4] (поехал в Москву на три дня, и до сей поры его нет), и надежды мои на него начинают колебаться. Я сию минуту не имею времени писать больше.

Примите уверение в моем совершенном почтении и преданности.

Н. Некрасов.

207. А. Н. МАЙКОВУ

Конец февраля 1855. Петербург

Деньги посылаю. Стихи стали отличные.[1] Орла придется оставить, хотя Вы правы — лучше было прежде.[2] И притом к новому государю можно бы обратиться особо. Впрочем, этим стихом дело не испорчено. Бумагу посылаю. Ответ на нее уже послан Мусину-Пушкину[3] и может быть доставлен Вам.

Весь Ваш
Н. Некрасов.

208. М. Л. МИХАЙЛОВУ

13 марта 1855. Петербург

Любезнейший Михайло Ларионович, говорят, Вы находитесь здесь. Мне нужна повесть на эту (4-ую) книжку.[1] Кажется, таковая у Вас есть или может быть скоро готова. Уведомьте, а всего лучше зайдите поговорить и поскорее.

Ваш Н. Некрасов.

1855, 13 м⟨арта⟩

Максимов обещал мне «Повитуху»[2] да и пропал.

Корректуру *в сверточке* прочтите немедленно и отошлите с оригиналом *к Працу*, или, если пойде-

те, — ко мне принесите, а кор⟨ректуру⟩ повести Дружинина[3] можете читать завтра.

На обороте:

Г-ну Михайлову.

209. И. С. ТУРГЕНЕВУ

19 апреля 1855. Ярославль

Любезный Тургенев, я в городе Ярославле и завтра буду в деревне. Пишу к тебе только в надежде, что ты ко мне напишешь, а сам покуда ничего, кажется, не напишу. Простившись с тобой, я уехал — и скоро мне дали знать, что бедному мальчику худо. Я воротился. Был на середине дороги у Панаевых, потом был в Петербурге. Бедный мальчик умер. Должно быть, от болезни, что ли, на меня это так подействовало, как я не ожидал. До сей поры не могу справиться с собой. Надо же, чтоб при моей болезненности еще со мной случались такие оказии, какие со мной все случаются. Кланяйся Колбасину.[1] Я еще к тебе напишу — на днях.

Твой Некрасов.

19 апреля

Мой адрес: в Яросл⟨авле⟩, на Дворянской, д⟨ом⟩ Хомутова.

210. К. Т. СОЛДАТЕНКОВУ

7 июня 1855. Москва

(*Отрывок*)

⟨...⟩ Вот мои стихотворения, делайте с ними, что хотите; я счастлив, что они попали в Ваши руки, и вполне предоставляю Вашему вкусу все, что относится до их издания. ⟨...⟩

211. Л. Н. ТОЛСТОМУ

15 июня 1855. Москва

15 июня. Москва.

Милостивый государь
Лев Николаевич.

Препровождаю к Вам деньги за Вашу последнюю статью (50 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩). Статья эта написана мастерски, интерес ее для русского общества не подлежит сомнению, — успех она имела огромный.[1] Еще до выхода VI кн⟨иги⟩ «Современ⟨ника⟩»[2] я имел ее здесь в корректуре, и она была читана Грановским при мне в довольно большом обществе — впечатление произвела сильное. Пожалуйста, давайте нам побольше таких статей!

Для «Юности» также уже определено местечко в 9 № «Современника», уведомьте меня* или Панаева, можете ли доставить ее к этому времени, т. е. к половине августа.[4]

Примите уверение в моем истинном уважении.

Н. Некрасов.

212. И. С. ТУРГЕНЕВУ

30 июня—1 июля 1855. Москва

Здравствуй, милый Тургенев, — ты, о ком думаю часто, всегда с приятным и никогда с горьким чувством. Не писал я к тебе долго потому, что нахожусь в каком-то туповатом и благодатном спокойствии, — даже лень взять в руки перо. Я занимаюсь здесь, по совету Иноземцева, питием какой-то минеральной воды — впрочем, без всякой веры в ее целебность для меня — и пью эту воду уже целый месяц.[1] Кажется, скоро можно будет бросить это питье. Что тогда предприму, еще не знаю. Хочется ехать в Севастополь. Ты над этим не смейся. Это желание во мне сильно и серьезно — боюсь, не поздно ли уже будет?[2] А что до здоровья, то ему ничто не помешает быть столько же гнусным в Севастополе, как оно гнусно здесь. А оно крайне худо — и, право, брат, без фразы могу ска-

* Я за границу не попал — и уеду не ранее сентября.[3]

зать, что едва ли не всего кислее в жизни и смерти — это медленное умирание, в котором я маюсь. Болезнь моя сделала заметные шаги вперед — я кашляю и бешусь, что у моей груди, как на смех, только и осталось силы для произведения этих противных звуков! Куда теперь и подумать на охоту! Пройду полверсты — и едва отдышусь. Это не то, что прошлого года, когда еще по целым дням я плелся за тобой, делая два шага за твой один.[3] Правда, я уходил весь в ноги — и никуда негодно стрелял, но все же ходить-то хоть мог. — Однако ж об этом будет. Хочу тебе сказать несколько слов о своих занятиях. Помнишь, на охоте как-то *прошептал я* тебе начало рассказа в стихах — оно тебе понравилось; весной нынче в Ярославле я этот рассказ написал, и так как это сделано единственно по твоему желанию, то и посвятить его желаю тебе* — с условием: вышли мне о нем свое искреннее мнение;[5] на днях ты его получишь. Я уже начал переписывать его. — Весной нынче я столько писал стихов, как никогда, и, признаюсь, в первый раз в жизни сказал спасибо судьбе за эту способность: она меня выручила в самое горькое и трудное время. Но хорошего написалось мало. Стихи, впрочем, слишком расшатывают мои нервы, и я теперь придумал для себя работу полегче и хочу по этому поводу спросить твоего совета. Мне пришло в голову писать для печати, но не при жизни моей, свою биографию, т. е. нечто вроде признаний или записок о моей жизни — в довольно обширном размере. — Скажи: не слишком ли это — так сказать — самолюбиво?[6] Впрочем, я думаю прислать тебе начало: тогда ты лучше увидишь, может ли это быть пригодно; главное в том, что эта работа для меня легка и что, только увлекшись каким-нибудь продолжительным трудом, буду я в состоянии не чувствовать ежеминутно всей тягости моего существования, которое более плачевно, чем я об этом говорю. И вот еще к тебе просьба: у меня явилось какое-то болезненное желание познакомиться хоть немного с Бёрнсом, ты когда-то им занимался, даже хотел писать о нем: вероятно, тебе нетрудно будет перевесть для меня одну или две пьесы прозой

---

* Кстати, о посвящениях: Толстой посвятил тебе повесть «Юнкер», которую прислал в «Современник».[4]

(по своему выбору). Приложи и размер подлинника, означив его каким-нибудь русским стихом (ибо я далее ямба в размерах ничего не понимаю) — я, может быть, попробую переложить в стихи.[7] Пожалуйста, потешь меня, хоть страничку пришли на первый раз. — Я вообще азартно предаюсь чтению и обуреваем с некоторого времени жаждой узнать и того, и другого, да на русском ничего нет, особенно поэтов; а если и есть, то 20—30-х годов. В этом отношении литература русская 20 лет назад была дельнее. Перечел всего Жуковского — чудо-переводчик и ужасно беден как поэт; воет, воет, воет — и не наткнешься ни на один стих, в котором мелькнула бы грация скорби — о другом о чем-нибудь и не спрашивай! Труженическому терпению, которое пригодилось ему как переводчику, обязан он своими оригинальными произведениями, в которых только одно это терпение и удивительно. Странно, как он — такой мастер переводить — не чувствовал слабости собственных своих произведений![8] Впрочем, вкус-то у него не совсем был ясен: сколько он и дряни перевел наряду с отличными вещами! Однако нельзя не заметить, что многие послания и некоторые Лицейские Годовщины Пушкина вышли прямо из посланий Жуковского; Пушкин брал у него — иную мысль, мотив и даже иногда выражение!

Слышал я от Боткина и других друзей, как они славно провели у тебя в деревне время. Я тоже порывался к вам, да был в такой хандре, что мог только испортить общее веселье. И пьеса, которую вы сочинили и сыграли, мне пересказана.[9] Этот веселый вздор всего лучше свидетельствует, что вы находились в отличном состоянии духа — счастливцы! Еще я слышал, что ты находишься, как говорилось лет 15-ть тому назад, в «моменте распадения», т. е. считаешь свое писательское поприще конченным и себя выдохшимся... Стыдись, любезный друг! Не тебе обижать природу или судьбу сомнением в своих силах и способностях! Это ты не лень ли свою прикрываешь, с которой не надеешься справиться? Хочешь знать мое мнение? Из всех ныне действующих русских писателей ты, как бы сказать, обязался сделать наиболее, и сложить теперь руки было бы верх стыдовища. Я устал, а то много бы хотелось сказать по этому слу-

чаю. Знай, что из всех в России писателей и читателей только один человек думает, что твое поприще кончено, — и этот один — сам ты. Верь в себя и пиши — вот в коротких словах то, что я готов был бы доказывать на целой странице, если б рука служила. Будь здоров. Желаю тебе хорошо охотиться. Кстати, об охоте: может быть, отложа в сторону Севастополь, после вод, т. е. недели через полторы, я отправлюсь в деревню в 20-ти верстах от Ярославля; там нет холеры — итак, если у вас она еще продолжается, то приезжай сюда, поживи с нами несколько дней на даче, и поедем в деревню вместе; 240 верст от Москвы по шоссе. Охота там отличная, дом просторный — все удобства имеются, рады будут тебе сильно — хороший мой приятель Довго-Сабуров, страстный охотник (ярославский исправник), жаждет с тобой познакомиться и поохотиться. Он говорил мне об этом еще весной. Напиши мне — если тебе понравится этот план, то он легко может быть приведен в исполнение.[10] Будь здоров.

Твой Н. Некрасов.

P. S. Колбасину[11] кланяйся. Покуда ни у меня, ни в Петербурге нет денег. В августе я буду в Петербурге — и тогда добуду для него.

30 июня 1855
Петровский парк

Скажи — понравятся ли тебе эти стихи:

К**

Давно, отвергнутый тобою,
Я шел по этим берегам
И, полон думой роковою,
Мгновенно кинулся к волнам;
Они приветливо яснели...
На край обрыва я ступил —
Вдруг волны грозно потемнели —
И тайный страх меня смутил!..
Поздней, — любви и счастья полны,
Ходили часто мы сюда;
И ты благословляла волны,
Меня отвергшие тогда...
Теперь — один, забыт тобою,
Чрез много роковых годов,
Брожу с убитою душою

Опять у этих берегов —
И та же мысль приходит снова,
И на обрыве я стою...
Но волны не грозят сурово,
А манят в глубину свою...

Это тоже ярославское произведение.[12] Прощай.

31 июня

Подумай не шутя о поездке со мною. Я тебе обещаю превосходную охоту. Ты знаешь, что Ярославская губерния этим не бедна. — А жизнь, *как дома*. Только вези Степана.[13]

213. И. С. ТУРГЕНЕВУ

14 июля 1855. Москва

Милейший Тургенев, как-то на днях я тебе наворотил такое письмище,[1] что оно может ответить за пять, и теперь мне можно ограничиться несколькими словами. Рад, что ты работаешь усердно,[2] — ты знаешь, что я бескорыстно люблю твой талант, твою литературную известность, и поэтому поверишь, если я скажу, что сильно желаю, чтоб твое новое произведение перещеголяло все твои прежние. Кстати, о любви. Для меня лучшее доказательство, что я тебя люблю, заключается в том, что я почти вовсе лишен способности хвалить тебе в глаза твои сочинения и очень наклонен умалять перед тобой их цену в надежде поджечь тебя на что-нибудь лучшее. Это так. Всякий любит по-своему. Но, впрочем, это мимоходом. А главное: что, ты не думаешь ехать ко мне в деревню? Напиши. А если думаешь, то приезжай-ка в Москву, и поедем.

Я кончил лечение. Меня сильно подмывает пострелять тетеревей, — писал во владимирскую деревнишку (где дичи бездна), там тоже *нет холеры*. Итак, поехали бы или туда, или в ярославскую, — расстояние одинаковое. Теперь я не шутя тебя приглашаю, ибо решился провести с месяц в деревне. Пиши мне об этом.[3] Если тебя запугают расходы, то не пугайся: деньги ни на что, кроме дороги, не нужны. Говорю тебе, что если ты попадешь в ярославскую деревню, то там ждет тебя *изрядное число дичи* и тьма поклон-

ников твоих «Записок» и тебя, а если во владимирскую, то там, не знаю, есть ли твои поклонники, — зато дичи *бездна*. Итак, выбор будет зависеть от тебя. Мне же все равно, куда ни поехать.

Твой Н. Некрасов.

214. Н. П. ТРУШКОВСКОМУ

16 июля 1855. Москва

Милостивый государь
Николай Павлович!

Не угодно ли Вам — без особенных церемоний — приехать ко мне обедать завтра или в понедельник, к 5-ти часам, в Петровском парке, дача Торбека, против дачи Наумова.[1] Если б Вы были так добры к человеку больному и душевно желающему с Вами познакомиться короче,[2] то этим очень обязали бы меня. Кроме того, я имею сообщить Вам кое-что, что, может быть, было бы для Вас небесполезно. Во всяком случае примите уверения в моем совершенном почтении и преданности.

Н. Некрасов.

10 июля 1855

На обороте:

Николаю Павловичу Трушковскому.

215. И. А. ЛЕБЕДЕВУ

16 июля 1855. Москва

Милостивый государь.

Я позабыл сказать Вам одно обстоятельство — важное в моей болезни. Если б Вы были так добры — заехали бы ко мне еще сегодня, то очень бы меня обязали. Если же Вам сегодня нельзя, то сделайте одолжение — приезжайте завтра поранее.

Душевно уважающий Вас
Н. Некрасов.

Суббота, 16-е июля

216. А. В. ДРУЖИНИНУ

6 августа 1855. Москва

Здравствуйте,

любезнейший Дружинин.

С самого отъезда Вашего из Москвы и поселения моего с Боткиным на даче собирался я писать к Вам почти ежедневно и наконец только сегодня собрался. Вот Вам история этого времени моей жизни. — Время проводил я приятно и спокойно, в беседе с Вас⟨илием⟩ Петр⟨овичем⟩[1] и в чтении; делать ничего не делал; лечился, еженедельно видаясь с Иноземцевым.[2] Не знаю, принесли ли мне пользу воды и проч⟨ее⟩, но два месяца, проведенные в безмятежном и туповатом спокойствии, верно, не пропали вовсе даром для моего здоровья. Оно, впрочем, не красиво, хотя и мало чем хуже, например, прошлогоднего. Сырость — враг мой, тотчас делаюсь болен, горло зудит, и во всех членах такое ощущение лихорадочного холоду, какое у здорового может быть только после пятичасового лежания нагишом на сырой земле в дурную погоду. Теперь из всех лечений употребляю два — *наружное*: компрессы из холодной воды на горло; *внутреннее*: питие молока. — Чтоб дополнить Вам отчет об моем здоровье, должен еще сказать, что, по словам Иноземцева, мне или должно просидеть всю зиму в комнате, или поскорей убираться за границу, — где я могу (т. е. в Италии) прогуливаться от полудня часов до 3-х, но зато подвергаюсь опасности простужаться в комнате, по неимению печей и двойных рам; пугает меня также безъязычие, бескнижие и безлюдие, предстоящие мне за границей, вместе с необходимостью просидеть большую часть зимы все-таки в четырех стенах. А ехать-то есть возможность, и в сию минуту я еще колеблюсь, что делать. Может быть, уеду, а может быть, останусь на зиму в Петербурге — на новых основаниях, то есть найму себе особую квартиру и, как сурок, залягу в ней до теплой весны, оградив себя от всяких вещей, возмущающих спокойствие. Покуда скажу одно, что неохотно покидаю настоящий образ жизни, ибо Боткин — любезнейший для сожительства человек. К этому я должен прибавить, что он истинно хороший и истинно дельный человек. Это я ныне испытал на своей шкуре.

Он принял кровное участие в неблестящем положении наших дел в нынешнем году — и помог нам и словом и делом.[3] Правду говорится, что надо съесть с человеком пуд соли, чтоб узнать его.

Боткин настоял, чтоб я перечитал Ваши статьи о Пушкине,[4] и речь об этом я должен начать извинением перед Вами, любезнейший друг. Заигравшись в карты, я пробежал только первую статью, и то мельком, — а то, конечно, тогда же оценил бы эти статьи. Они достойны человека, о котором писаны; они были бы прекрасны и заметны даже и в лучшую эпоху русской критики, чем теперешняя. В них виден не только знаток и мастер дела, но и *благородно* мыслящий человек — качество, столь редкое в теперешних авторах, т. е. в их писаниях. — Я ужасно жалел, что эти статьи не попали в «Современник», — они могли бы быть в нем и при статьях Чернышевского,[5] которые перед ними, правда, сильно бы потускнели. — Мне, Дружинин, весьма хочется возобновить Ваше постоянное участие в «Современнике», о чем поговорим, надеюсь, лично; для этого лучше всего, я думаю, воротиться нам к системе условий 1849 и 50 годов: то есть ежемесячно Вы будете получать определенную сумму, а расчет в конце года. В начале года также можно Вам часть изрядную вручать вперед. — Примите это к сведению, и ежели с своей стороны не имеете ничего против этого, то считайте это дело *верным*, ибо оно вполне зависит *от меня*. При этом замечу, что оно будет и *прочным*, ибо последние два года убедили нас, что беспорядочность по счетной части может привести черт знает к чему, — и в силу этого я не уеду, не устроив этого так, чтоб оно не зависело ни от каких случайностей или чьей-либо личной безалаберности. Поговорим еще об этом или спишемся. Вы обещали мне что-нибудь перевесть из Крабба,* да, видно, забыли.[6] К 20-му августа я буду в Петербурге — пришлите хоть две-три пьесы. Тургенев, спасибо ему, взялся мне переводить из Бёрнса.[7]

И затем прощайте. — Недавно был у нас Григорович, и здесь в сию минуту Панаев.[8] Вечера проводим

---

* Кстати, о Краббе. Я надеюсь, что он принадлежит «Современнику». — Деньги, следующие Вам, готовы будут *7 сентября* — верно. Н⟨екрасов⟩.

в беседах, где часто вспоминаем друзей отсутствующих, — и вот тут-то сердце Ваше порадовалось бы и дух умилился: не зловонная сплетня господствует на этих[a] беседах, а дух искренности, благодушия и любви. Давно бы так! Да и в самом деле мы уже не мальчишки, и пора понять всю гнусность злостного пердения языком и предоставить это упражнение художества любителям.

Будьте здоровы, милейший и пр. друг и один из приятнейших сердцу моему товарищей.

Ваш Н. Некрасов.

6 августа 1855
Петровский парк

217. И. С. ТУРГЕНЕВУ

12 августа 1855. Москва

Любезный Тургенев, мне совестно, что мы так давно к тебе не писали, и хоть в сию минуту некогда — однако напишу хоть несколько строк. В 1-х, спасибо тебе за твое письмо.[1] В 2-х, рады мы с Боткиным, что ты повесть кончил, и нетерпеливо желали бы ее прочесть поскорее (кстати: если нет особых причин к замедлению ее напечатания, то 10 № «Современника» жаждет принять ее в свои объятия, или XI-ый).[2] Но вот в чем дело — мы в сию минуту все разъезжаемся: Боткин в Нижний, я в Ярославль; итак, если прежде печатания вздумаешь прислать кому из нас повесть на прочтение, то Боткина не найдешь в Москве ранее 1-ых чисел сентября; я же к 20 августа буду в Петербурге. Решительно не знаю, что с собой делать касательно поездки. Мне предстоит или уехать как можно скорее за границу, или на 8 месяцев запереться в четырех стенах. На днях на что-нибудь решусь и тебе напишу. Если вздумаешь прислать мне свою повесть лишь для прочтения, то я сумею обуздать в себе рвение журналиста и спишусь с тобой и даже, если велишь, рукопись обратно вышлю. Знаешь ли, теперь можно тиснуть твоего «Нахлебника» — да и «Постоялый двор», — а роман-то твой?[3] Ты, кажется, о нем не думаешь, а я решительно утверждаю, что первые его четыре главы превосходны и

---

[a] *Далее 1 слово зачеркнуто — нрзб.*

носят на себе характер той благородной деятельности, от которой, к прискорбию, так далеко отошла русская литература. Я велел Базунову отослать тебе 2 том «Мер⟨твых⟩ душ». Вот честный-то сын своей земли! Больно подумать, что частные уродливости этого характера для многих служат помехою оценить этого человека, который писал не то, что могло бы более нравиться, и даже не то, что было легче для его таланта, а добивался писать то, что считал полезнейшим для своего отечества. И погиб в этой борьбе, и талант, положим, свой во многом изнасиловал, но каково самоотвержение![4] Как ни озлобляет против Гоголя все, что нам известно из закулисного и даже кой-что из его печатного,[5] а все-таки в результате это благородная и в русском мире самая гуманная личность — надо желать, чтоб по стопам его шли молодые писатели в России. А молодые-то наши писатели более наклонны идти по стопам Авдеева. Грустно! И нет человека во всей литературе, нет критика, который хоть немного растолковал, куда ведет путь, проложенный Авдеевым и т⟨ому⟩ под⟨обными⟩.

Прощай, некогда. Я напишу на днях. Бёрнса тебе послал.

Твой Н. Некрасов.

218. Д. В. ГРИГОРОВИЧУ

18 августа 1855. Петербург

Любезнейший друг, Димитрий Васильевич, — пожалуйста, голубчик, выручайте «Современник» — он в сию минуту в преплачевном положении, вся надежда на Вас, на Вас.[1] — Вы были правы в том, что говорили о политических известиях:[2] по этому поводу 8-ая книжка «Современника» задержана до 18-го числа;[3] равно и насчет Писемского: этот господин, порядившись с нами за 2000, счел себя вправе даже не предуведомить нас, что ему дают более, и продал роман Краевскому за три.[4] Чтоб оценить этот поступок, предложите себе вопрос: взяли ли бы Вы с меня за роман, который пишете Краевскому, в полтора раза более? Нет, я даже и предложения подобного Вам не решился бы сделать.

Любезный друг, как литератор Вы находитесь в положении независимом, и я надеюсь, что Вам нет никакой причины желать зла «Современнику». Поддержите же нас. Повесть Ваша нам до зарезу необходима, и кроме того, я теперь же желал бы сделать с Вами условие, чтоб следующее Ваше произведение — после романа Краевскому[5] — было для нас. По крайней мере делаю Вам это предложение; денежные условия могут быть несколько возвышены; за роман на четыре книжки журнала (то есть от 20 до 25 листов) «Современник» может заплатить Вам 1500 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩. Примите это к сведению. Половина этих денег может быть выдана Вам вперед в январе месяце, если это будет нужно.

Я прибыл в Петербург на днях,[6] ничего, что здесь творится, еще не знаю. А Василий Петрович[7] укатил в Нижний. Да! Чуть было я не забыл Вам сказать, что известное письмо к известному лицу по поводу Вашего романа Боткин написал и отослал еще в бытность мою в Москве.[8] При этом повторяю, что если Вам нужны деньги, то они будут Вам посланы при первом требовании или выданы, кому Вы назначите.

Пожалуйста, повесть! Будьте друг.

Весь Ваш
Н. Некрасов.

18 августа 1855
СПб.

219. И. С. ТУРГЕНЕВУ

18 августа 1855. Петербург

18 августа СПбург.

В этом же конверте ты найдешь другое письмо; я его писал еще в Москве и забыл послать, захворав лихорадкой.[1] Лихорадка эта изменила мой маршрут — в Ярославль я не поехал, а поскорей в Петербург, чтоб хоть быть на месте. Ах, любезный друг! ты не можешь себе представить, что со мной делают лекаря! Вообрази только себе, что горло у меня болит уже *два года*, что в течение этого времени это несчастное горло рассматривали по нескольку раз доктора: Пирогов, Экк, Шипулинский, Иноземцев с десятью

своими помощниками... и что же? Приезжаю на днях в Петербург, зову Шипулинского — он посмотрел мне в горло и объявил с торжеством и радостию, что у меня *венерическая*! Это меня не обрадовало, а озлило, ибо чего же они смотрели два года, что я в эти два года вытерпел, а главное — за что погибли мои легкие, которых бы мне хватило на 20 лет! А что они погибли — это трудно отрицать; ты помнишь меня осенью прошлого года: я еще мог ходить на охоту даже при легком морозе, а ныне малейшая сырость меня уничтожает. Шипулинский, впрочем, возымел надежду меня вылечить, но этой надежды я не разделяю нимало.

Перейдем, однако ж, к делу. Скажу тебе коротко и ясно: «Современник» в плачевном положении (не в денежном отношении — напротив, эта часть устроилась, и я спокоен: при случае расскажу — как, но теперь же спешу сказать, что Вас⟨илий⟩ Боткин явил себя при этом случае в чудном и невероятном блеске)! *Материалу нет!* Толстой прислал статью о Севастополе[2] — но эта статья исполнена такой трезвой и глубокой правды, что нечего и думать ее печатать, да и на будущие его статьи об Сев⟨астополе⟩ нельзя рассчитывать, хотя он и будет присылать их, ибо вряд ли он способен (т. е. наверное неспособен) изменить взгляд. — А Писемский роман свой — проданный нам — продал за лишнюю тысячу Краевскому,[3] даже не предупредивши нас и не спрося: что-де и вы не дадите ли *столько же*? — Все это еще ничего, если ты не изменишь «Современнику», но, признаюсь, если б не ты — то хоть закрывай лавочку, ибо с Мих⟨айловым⟩ и с Полонск⟨им⟩ и т⟨ому⟩ под⟨обными⟩ как-то не совсем безопасно да и нелестно было бы пускаться в дальнейшее плавание.[4] Итак, без преувеличения — явись во имя тех 2849 человек, которые еще подписываются на «Современник», — явись спасителем «Современника»! Любезный друг, для этого нам нужны две твои вещи: одна на конец года (т. е. в X или XI кн.), другая на начало (т. е на 1-ую книжку). Это, разумеется, *меньше чего нельзя*, а если можно больше, то тем лучше. Пиши мне об этом и смотри на это серьезно, как на одно из важных условий поддержки «Совр⟨еменника⟩» в нынешнее трудное время.

В IX № «Совр⟨еменника⟩» печатается посвященный тебе рассказ юнкера: «Рубка лесу».[5] Знаешь ли, что это такое? Это очерки разнообразных солдатских типов (и отчасти офицерских), то есть вещь, доныне небывалая в русской литературе. И как хорошо! Форма в этих очерках совершенно твоя, даже есть выражения, сравнения, напоминающие «З⟨аписки⟩ ох⟨отника⟩», а один офицер так просто Гамлет Щ⟨игровского⟩ уезда в армейском мундире. Но все это далеко от подражания, схватывающего одну внешность. Однако у меня такая боль в плече, что не могу продолжать.

Твой Н⟨екрасов⟩.

220. В. П. БОТКИНУ

1 сентября 1855. Петербург

СПб. 1855, 1 сентября.

Милейший Боткин, вероятно, тебя рассердила вымарка о Жихареве в нашем фельетоне[1] и еще более рассердит известие, что до сей поры статья твоя из Карлейля[2] не вышла еще из цензуры. Но что же делать? Вследствие обстоятельств, о коих расскажу при свидании, — Бекетов одурел[3] — все таскает к Мусину-Пушкину,[4] а тот сам в статье ничего не понял и объявил, что статью должно оставить до возвращения из отпуска Фрейганга[5] (считающегося у них в цензуре мудрецом, который все знает). Ты, впрочем, не отчаивайся: статья, по всей вероятности, пройдет, хотя нет сомнения, что Фрейганг ее общиплет несколько. На то он Фрейганг! Я тогда цензорские корректуры к тебе пришлю, и ты решишь — печатать или нет.

Досадно, что я не знал об одурении Бекетова, а то подождал бы представлять статью. — Но много здесь случилось без меня вещей досадных,[6] которые я, к сожалению, поздно узнал!

Здесь довольно еще пусто: не съехались с дач и деревень. Печальное известие из Севастополя[7] ты уже знаешь...

Я лечусь и, видимо, *с пользою*. Вообрази: горло вовсе не болит и даже испускает какие-то дикие звуки! Итак, нет сомнения, что корень моей болезни угадан,

но когда? Через два года![8] В эти два года горло мое смотрели до 20 докторов и в том числе Пирогов[9] и Иноземцев![10] Нет сомнения, что если б это открытие[11] было сделано хотя нынче весной, то я бы мог вылечиться, но теперь уже у меня страдают легкие. Впрочем, доктор[12] мой уверен, что меня вылечит.

Сижу дома. Кстати о моем доме. Я нанял квартиру в Малой Конюшенной, в доме Имзена.[13] В ней тепло, сухо и просторно, тишина, удобство и спокойствие также не чужды ей... если б ты был так мил, что остановился бы у меня... а? Это было бы для меня праздником, а что тебе будет удобно — я ручаюсь. Заметь, что моя квартира больше тургеневской,[14] и потому ты нимало меня не стеснишь.

Фельетон наш, говорят, понравился. Если приедешь в октябре, смастерим другой.[15] Я хотел было написать на сентябрьскую книжку,[16] да одному както скучно и неповадно. Несмотря на цензорское смягчение, Жихарев все-таки пришел в ярость и прислал Панаеву письмо — объявив, что не желает уж дать нам обещанной статьи.[17] Черт с ней! Вот что значит говорить правду! Жих⟨арев⟩ грозит еще напечатать ответ — хорошо бы! Можно бы тогда эту старую шельму поднять на смех! Пиши мне, сделай милость — и я буду писать.

Весь твой
Некрасов.

P. S. Василий[18] ошибкою похитил твой колокольчик бронзовый — которым я и пользуюсь покуда. Извини, при случае пришлю. Да не пропало ли чего при моем отъезде? Эти молодцы Сережа и Ванюша оба малые довольно подозрительные.

Н⟨екрасов⟩.

221. Д. В. ГРИГОРОВИЧУ

1 сентября 1855. Петербург

Любезнейший
Димитрий Васильевич.

Письмо Ваше, писанное в Москву,[1] попало ко мне в руки сегодня (1 сентября). Нимало не медля, кладу в конверт 75 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩ и препровождаю к

Вам. Будьте добры и вышлите нам повесть на X нумер. У нас, право, ничего нет, то есть ничего *нет с именем* и *хорошего*. Итак, Вы нас выручите в самую важную и критическую минуту. Повесть можете выслать не ранее 15-го сентября — только заблаговременно напишите: будет ли она? и когда? т. е. к какому числу. Я основался на зиму в Петербурге. С здоровьем моим происходит нечто странное: мне делается лучше.

Вы правы насчет Анненкова[2] как нельзя более, а что он толкует насчет *первого* лица — это просто чушь. Мало ли удивительных произведений написано от 1-го лица! — Мне кажется, Вы излишне тревожитесь романом Краевскому,[3] — он перебил у нас роман Писемского,[4] находится от него в полном восторге, и мне даже не верится, чтоб он решился пустить два русские романа разом. Который-нибудь должен ждать — итак, беспокойство Ваше может угомониться.

Я уже Вам писал, что Боткин известное письмо ему послал.[5]

Здесь все теперь поражены вестию о взятии Севастополя. Других новостей нет.

Прощайте, милейший друг. Повторяю просьбу о повести.

Весь Ваш
Н. Некрасов.

1-го сентября 1855
СПб.

P. S. Повесть адресуйте на имя мое в контору «Современника» или: в *Малую Конюшенную, дом Имзена*. Пишите мне — и я буду писать.

222. Л. Н. ТОЛСТОМУ

2 сентября 1855. Петербург

2-го сентября 1855 г.
СПб.

Милостивый государь
Лев Николаевич.

Я прибыл в Петербург в половине августа, на самые плачевные для «Современника» обстоятельства. Возмутительное безобразие, в которое приведена Ваша статья,[1] испортило во мне последнюю кровь. До

сей поры не могу думать об этом без тоски и бешенства. Труд-то Ваш, конечно, не пропадет... он всегда будет свидетельствовать о силе, сохранившей способность к такой глубокой и трезвой правде, среди обстоятельств, в которых не всякий бы сохранил ее. Не хочу говорить, как высоко я ставлю эту статью и вообще направление Вашего таланта и то, чем он вообще силен и нов. Это именно то, что нужно теперь русскому обществу: правда — правда, которой со смертию Гоголя так мало осталось в русской литературе. Вы правы, дорожа всего более этою стороною в Вашем даровании. Эта правда в том виде, в каком вносите Вы ее в нашу литературу, есть нечто у нас совершенно новое. Я не знаю писателя теперь, который бы так заставлял любить себя и так горячо себе сочувствовать, как тот, к которому пишу, и боюсь одного, чтобы время и гадость действительности, глухота и немота окружающего не сделали с Вами того, что с большою частью из нас: не убили в Вас энергии, без которой нет писателя, по крайней мере такого, какие теперь нужны России. Вы молоды; идут какие-то перемены, которые — будем надеяться — кончатся добром, и, может быть, Вам предстоит широкое поприще. Вы начинаете так, что заставляете самых осмотрительных людей заноситься в надеждах очень далеко. Однако я отвлекся от цели письма. Не буду Вас утешать тем, что и напечатанные обрывки Вашей статьи многие находят превосходными; для людей, знающих статью в настоящем виде,[2] — это не более как набор слов без смысла и внутреннего значения. Но нечего делать! Скажу одно, что статья не была бы напечатана, если б это не было необходимо. Но имени Вашего под нею нет.

«Рубка леса» прошла порядочно, хотя и из нее вылетело несколько драгоценных черт.[3] Мое мнение об этой вещи такое: формою она точно напоминает Тургенева, но этим и оканчивается сходство; все остальное принадлежит Вам,[4] и никем, кроме Вас, не могло бы быть написано. В этом очерке множество удивительно метких заметок, и весь он *нов*, интересен и делен. Не пренебрегайте подобными очерками; о солдате ведь наша литература доныне ничего не сказала, кроме пошлости. Вы только начинаете, и в какой бы форме ни высказали Вы все, что знаете об

этом предмете, — все это будет в высшей степени интересно и полезно.

Панаев передал мне Ваше письмо,[5] где Вы обещаете нам скоро прислать «Юность». Пожалуйста, присылайте. Независимо от журнала *я* лично интересуюсь продолжением Вашего первого труда. Мы приготовим для «Юности» место в X или XI кн⟨иге⟩, смотря по времени, как она получится.

Деньги Вам будут на днях посланы.

Я поселился на зиму в Петербурге и буду рад, если Вы напишете мне несколько строк при случае.

Примите уверение в моем искреннем уважении.

Н. Некрасов.

Мой адрес: в Малой Конюшенной, дом Имзена, или в контору «Современника».

223. В. П. БОТКИНУ

9 сентября 1855. Петербург

Любезный друг и милейший сожитель, спасибо тебе за твои письма — они напомнили мне наши летние беседы,[1] и я прочитал их с живым интересом. Я рад-радехонек, что тебе не противно мое предложение — поселиться у меня,[2] и чем скорее ты приедешь, тем лучше, разумеется; отвечаю за тишину и удобство. Сижу безвыходно дома и уже теперь же начинаю мечтать с наслаждением о том, что у меня будет хотя на время такой милейший товарищ.

Статья твоя[3] из цензуры еще не вышла, я еще раз ее прочел: не предвижу, чтоб из нее много вымарал Фрейганг, в ней есть несколько религиознейших мест в нашем смысле. Во всяком случае ты увидишь цензорскую корректуру. Леченье[4] мое идет хотя с медленным, но очевидным успехом; одного боюсь: не поздно ли уже? т. е. опасное соседство болезни с легкими не имело ли уже гибельного влияния. Духом, однако, я бодр и телом крепок на столько же, как был летом.

Что сказать тебе о Милютине?[5] Подробностей, которые могли бы пояснить его поступок, — очень мало. За три недели до этого он писал Ламанскому[6] (своему помощнику по Геогр⟨афическому⟩ общ⟨ест-

ву⟩),[7] что заграничная жизнь, не излечив его, сделала ему огромный вред, развив в нем врожденную лень, так что он без ужаса не может подумать о возвращении к труду. — А за день до получения официального извещения о его смерти братья получили от него письмо (сухое и короткое), что он решился умереть и просит Ник⟨олая⟩ Ал⟨ександровича⟩[8] заплатить его долги. Вот и все. Болезнь его была неизлечима — он это знал; ему предстояла операция, на которую он не мог и не хотел решиться... Тургенев прав, замечая по этому случаю, что «одно непредвиденное, вероятно, и совершается на деле».[9]

Подождав до 7-го сентября (так как Козьма Тер⟨ентьевич⟩[10] обещал вручить тебе деньги 5-го),[11] я послал к Базунову, так сказать, официальный документ,[12] который он должен предъявить К⟨озьме⟩ Т⟨ерентьевичу⟩ для получения от него 1500 р⟨ублей⟩ и пересылки нам. Если же Солд⟨атенков⟩ эти деньги уже прежде отдал тебе (ты пишешь от 3-го сентября), то передай их Базунову, — здесь есть деньги Ивана Васильевича, вырученные за Гоголя,[13] и ему стоит только прислать мне записку для получения их. — Вообще, если это дело еще не устроилось, то прошу тебя, брат, помоги Базунову, в чем окажется нужно, ибо старичина несколько бестолков и мешкотен, а деньги уже скоро нужны для расплаты.[14]

Вместе с этим письмом я написал письмо к Ольге Н.[15] (так и быть, для избежания сплетен — решено заплатить ей по 50 р⟨ублей⟩) — и письмо к Грановскому,[16] дабы успокоить его по этому делу. Спасибо, что написал об этом прямо, и впредь прошу тебя так поступать — тогда меньше будет на бедном «Современнике» сплетен.

Три письма меня утомили, и я покуда кончаю, а о многом еще хочется говорить с тобой. До завтра. Весь твой.

Н. Некрасов.

Я твои письма от 3-го и 4-го получил только сегодня (9-го).

9 сентября, пошлю 10-го.

Если скоро думаешь сюда, накануне напиши два слова. Василий[17] встретит тебя на железной дороге. У

меня теперь два человека. Пиши для скорости получения писем прямо в мою квартиру, в Малой Конюшенной, дом *Имзена* (Имзена).

11 часов вечера. Сейчас из типографии принесли твою статью с надписью, что комитет[18] решил, чтоб мы ее отправили в *духовную* цензуру. Итак, она останется у меня до твоего приезда. — Духовный цензор[19] мне знаком и получает от меня даром «Современник». Стало быть, еще есть надежда. — Будь здоров и не огорчайся этим. Досадно, да что делать!

Будь друг: повидай *Мина*[20] — мне перевод его из Байрона нужен бы на эту книжку.

224. Т. Н. ГРАНОВСКОМУ

9 сентября 1855. Петербург

Добрейший
Тимофей Николаевич.

Пишу к Вам, чтоб разъяснить дело о г-же Энгельгардт[1] и снять с Вас беспокойство по этому делу — беспокойство, в котором я виноват.

Повесть эта была нам доставлена без всяких условий, — поэтому я мог бы заплатить за нее по ценам, существующим на такие повести в «Современнике», — но так как я продержал деньги автора почти год у себя в кармане, то о цене я уже теперь спорить не буду и готов заплатить высшую из платимых нами цен, т. е. по 50 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩ с листа. В этом тоне письмо, наполненное извинениями, послал я к г-же Энгельгардт и — надеюсь — это дело уже Вас не будет тревожить более.

Между прочим, я пишу ей, что готов и впредь печатать ее повести, но только *не драматические пословицы*[2] — этого я не прибавил и, однако, желал бы, чтоб она это приняла к сведению, если желает печатать в «Современнике».

Добрый Тимофей Николаевич, скажу Вам, что, кроме болезни, нынешний годик достался мне очень солон по причине боязни за судьбу «Современника». Каков бы ни был этот журнал, я затеял это дело, я посвятил ему несколько лет кровного труда, и паче страха смерти мне была горька мысль, что дело это может провалиться.

Из этого положения вывел нас Ваш благородный друг Козьма Терентьич;[3] Ваше прекрасное мнение об этом человеке, которое высказали Вы мне нынче весной и на основании которого я решился прибегнуть к нему, вполне справедливо, и да пошлет ему судьба всевозможные блага! Скажите ему, как увидите, мое глубокое спасибо и прибавьте к этому, что деньги его никак не пропадут — *ручаюсь в этом головой*, если только буду жив эти два года. Теперь принимаю меры решительные, чтоб впредь не доводить журнал до трагического положения, и надеюсь, что эти меры будут удачны.

Не смею Вас просить, но Вы много бы помогли нам, если б дали свою статью[4] на следующий год или на нынешний и склонили к тому же Забелина.[5] Будьте с нами откровенны, если Вам что-нибудь не нравится в «Современнике», что препятствует Вам печататься в нем, — скажите мне. Я всегда готов слушаться людей, которые и умнее меня и больше во сто раз знают.

Думаю, что если б «Современник» издавался в Москве, то при тех же средствах и тех же сотрудниках он был бы гораздо лучше, потому что мы имели бы возможность пользоваться Вашими советами и указаниями. Самые лучшие времена нашей журналистики были те, когда петербургский литературный кружок находился в тесной связи с московским. Ум хорошо, а два лучше, да притом такая уж судьба покуда русской журналистики, что журналисты в ней имеют все, кроме самого нужного для журналистов, — дельного и многостороннего образования.

Я заболтался. Прощайте. Поклон от меня передайте Кетчеру и Забелину. В здоровье моем, кажется, что-то совершается странное: мне делается лучше, чего я никак не ожидал.

Весь Ваш
Н. Некрасов.

9-го сентября 1855
СПб.

225. В. П. БОТКИНУ

16 сентября 1855

16 сентября. СПб.

Любезный друг, прочел я, что пишет тебе Дружинин о Гоголе и его последователях, и нахожу, что Друж⟨инин⟩ просто врет и врет безнадежно, так что и говорить с ним о подобных вещах бесполезно.[1] — Хорош привел он, между прочим, пример: Гомера! Да не лучше ли бы гораздо оглянуться около себя, — где у нас (да и в Европе теперь) такие таланты, чтоб можно было наслаждаться их художественностью, забыв о времени, обществе и т. д. Дарования всегда разделялись и будут разделяться на два рода: одни колоссы, рисующие человека так, что рисунок делается понятен и удивителен каждому без отношения к месту и времени (таковы Шекспир, пожалуй, отчасти наш Пушкин и т⟨ому⟩ под⟨обные⟩), другие: которые не могут иначе понять и изображать человека, как в данной обстановке и т. д. — и как рыба может жить только в воде, так эти другие, то есть их таланты, могут проявлять жизнь, давать плод только под условиями известных качеств воздуха, которым дышат они. — Дружинин поглядел бы прежде всего на себя. Что он произвел изрядного (в сфере *искусства*)? — «Полиньку Сакс»,[2] но она именно хороша потому, что в ней есть то, чего нет в дальнейших его повестях. И кабы Дружинин продолжал идти по этой дороге, так, верно, был бы ближе даже и к *искусству*, о котором он так хлопочет. Мне кажется, в этом деле верна одна только теория: люби истину бескорыстно и страстно, больше всего и, между прочим, больше самого себя, и служи ей, тогда все выйдет ладно: станешь ли служить искусству — послужишь и обществу,[3] и наоборот, станешь служить обществу — послужишь и искусству... Эту теорию оправдали многие великие мира сего и оправдывают лучшие теперешние писатели Англии[4] и России. Впрочем, будет об этом. Если вздумаю писать фельетон, то разовью кое-что из этого.[5]

Ты уже, я думаю, прочел «Артель» Писемского.[6] В этой вещи есть несколько физиономий русских мужиков, очень верно схваченных, — вот его хорошая сто-

рона; но жаль, что это потоплено в ненужной и утомительной болтовне, доставляющей, так сказать, *приступ* и *заключение*. Мне показалась эта вещь *скучна* в целом — вот обстоятельство печальное! Ведь я аматер,[7] вообразим же простого читателя? Еще: вкусу в этой вещи мало и претензии очень много. Вообще друг наш И⟨ван⟩ С⟨ергеевич⟩[8] оказал плохую услугу Писемскому: он так хвалил «Артель», что заставил ждать чего-то необыкновенного, а вещь-то так себе: любой рассказ из «Зап⟨исок⟩ охот⟨ника⟩»[9] поспорит с нею. У Писемского иногда больше меткости в языке, больше подслушанных у самого народа фраз, но у Тургенева всегда больше ума, не говоря уже о преимуществах второстепенных: вкусе, такте и т⟨ому⟩ под⟨обном⟩. Рассказ о свадебных обрядах, вставленный в «Артель», удивил меня особенно потому, что Писемский тоже разделяет дружининскую теорию об искусстве для искусства (прочитав наш фельетон,[10] он, говорят, сказал, что сам так думал, когда был мальчишкой); и вообще этот рассказ тут неуместен и увеличивает главное горе повести — скуку. Нет, эта штука не повеяла на меня здоровой и крепкой жизнью, и я отозвался бы о ней резче, кабы не боялся, что ты заподозришь журнальные отношения[11] и т⟨ому⟩ под⟨обное⟩. (А Тургенева он просто надул мастерским чтением!) Перечти «Питерщика»[12] того же Писемского, и ты поймешь, чего недостает «Артели». Впрочем, прав ли я? Хочу знать твое мнение об «Артели».[13]

Когда ты приедешь! — Да не бросил ли ты опять в долгий ящик мысль об издании «Пис⟨ем⟩ об Исп⟨ании⟩»?[14] Нет, этого я не позволю. Привози книгу, готовую к печати, — надо выпустить к ноябрю. Я займусь этим делом с любовью, потому что уверен: окажу услугу публике. Прощай. Пиши хоть понемножку.

Весь твой
Н. Некрасов.

Скажи спасибо Солд⟨атенкову⟩ — я деньги получил.[15]

226. И. С. ТУРГЕНЕВУ

17 сентября 1855. Петербург

Любезный
Тургенев.

Получил я твое письмо и обрадовался, что ты скоро приедешь.[1] Я воображал не увидать тебя ранее декабря. Ты так расхваливал «Артель» Писемского,[2] что эта вещь никого не удовлетворила, в том числе и меня. Впрочем, я не думаю, что на меня подействовали преувеличенные ожидания или — что также может тебе прийти в голову — журнальные отношения: по крайней мере я старался вооружиться всем беспристрастием, к какому только способен. Мужики точно очень хороши, но как тяжело читается эта вещь. Она *скучна*. Безвкусие и претензия так в ней грубо высунулись и заняли большую часть страниц. Длиннейший и ненужный *приступ*, а потом предлинная — и еще менее нужная — *развязка*, с попами, попадьями, убийством и пошлыми деревенскими бедными барышнями, заслуживающими более сожаления и теплого слова, чем презрения, которыми так самодовольно обременил их автор. Но все-таки мужики отличные — вещь замечательная, — и жаль, что хорошее в ней перемешано с мусором.[a]

Хорошо ты делаешь, что везешь нам повесть.[3] «Современник» вообще не совсем еще покинут счастьем; нечего было печатать в X № (ибо Григорович надул — не поспел),[4] на днях приходит ко мне незнакомый юноша — из Одессы — с тетрадкой солдатских рассказов, которые он записал со слов солдат раненых, беспрестанно привозимых в Одессу.[5] — В числе этих рассказов один оказался удивительный. Юноша-то бездарен (что видно по другим рассказам), но солдат (Таторский по фамилии), рассказавший ему о своем восьмимесячном плене у французов (после Альмы), должно быть, человек с большим талантом — наблюдательность, юмор, меткость — и бездна *русского*. Я в восторге.[6] Получил огромную повесть Нарской — «Все к лучшему»,[7] читаю, начало хорошо.

---

[a] *Далее было*: Однако испорчено (интересное) лучшее, тем более ужасно.

Посылаю тебе мои стихи — хотя они и набраны, но вряд ли будут напечатаны. Как-то вспомнил старину — просидел всю ночь и страшно потом жалел, — здоровья-то больше ухлопал, чем толку вышло. Тут есть дурные стихи — когда-нибудь поправлю их, а мне все-таки любопытно знать твое мнение об этой вещи. Прочитав, перешли лоскуток братьям Карповым.[8]

Новая метода лечения моего попадает прямо в цель, но болезнь страшно медленно уступает и уступит ли — бог весть. Будь здоров.

Твой Н. Некрасов.

17 сентября
СПб.

Поклон Колбасину. Сочинил ли он что-нибудь — для «Современника»?[9]

227. В. П. БОТКИНУ

18 сентября 1855. Петербург

Воскресенье 18 сент⟨ября⟩ 1855 г.

Сейчас получил твое письмо (об «Артели»),[1] а вчера послал тебе свое о том же.[2] Не сговариваясь (ты увидишь), мы пришли к заключению довольно сходному — только ты взглянул глубже на самые характеры мужиков, которые меня, признаюсь, подкупили своей внешней верностью так, что я не подумал о сущности их. Да, Петр неверен или не дорисован автором. Сергей[3] — скучнейшая мертвечина, да и о Пузиче, кажется, ты прав, хотя об этом характере можно еще спорить. Вообще суждение твое (особенно о Петре, об его истории, о влиянии фантастического) так дельно и тонко, что все это я намерен поместить в отзыв об «Артели» (ибо взялся писать фельетон на X №).[4] Не поможешь ли мне еще в чем? Ты, я думаю, читал в «Санкт-п⟨етербургских⟩ ведом⟨остях⟩», какую бурю поднял Жихарев?[5] Этого скота теперь щадить нечего, и не худо бы поднять его на смех.[6] Теперь пропустят и очень резкий отзыв после его письма.

Повесть Григоровича в «Библиотеке для чтения» — просто прелесть![7] Как я жалею, что она не попала в «Современник». Прочти, посмеешься от

души. Жаль только, что он вывел Чернышевского, даже почти не изменив фамилии. Писателю с талантом, с именем, которого деятельность доныне была так благородна, — не след пускаться в такие пакости. Это я бы сказал в глаза самому Григоровичу.

А между тем — я в сию минуту уже убежден в этом — Черныш⟨евский⟩ *честный и хороший человек*. У меня на это есть факты. А что он пишет иногда глупости — кто же этого иногда не делает? Только его глупости *виднее*, ибо принадлежат к области критики.

Счастье не забыло еще «Современника» — на днях Бог нанес ко мне какого-то юношу, который жил в Одессе, куда беспрестанно привозят раненых, — и вздумал записывать рассказы солдат.[8] В числе их попался ему солдатик по фамилии Таторский, который рассказал ему свой *8-ми месячный плен у французов, после Альмского дела*: это целая повесть, исполненная юмора, наблюдательности, чисто русской родниковой соли — просто прелесть! Прочтешь в X №.[9]

Приехал Дружинин,[10] я видел его еще только на минутку; заметил, что он пополнел... Тургенев писал мне, что будет сюда к 10 октября.[11] А ты когда?[12]

Весь твой
Н. Некрасов.

Я вчера все читал огромную повесть Нарской (для «Совр⟨еменника⟩», название «Все к лучшему»).[13] У этой госпожи есть талант — и, главное, не холодный и резонерский, а симпатичный и страстный, — но искусства в изложении недостает. Повесть отличная, но местами растянута или изложена слабо и пошловато. Хочу послать ей, чтоб эти места починила. Статья твоя[14] у духовного цензора — в среду (т. ⟨е.⟩ 22) обещал возвратить. Что-то будет? Как мне хочется, чтоб она не погибла!

228. В. П. БОТКИНУ

24 сентября 1855. Петербург

Ну, брат, поп поступил с тобой довольно милостиво,[1] выкинул только место, что между великими много фальшивых ассигнаций, да слова Новалиса[2] — помнишь? а то все вещи уже менее значительные: по

словцу, по два — и нигде не более 2-х строк. Так подписал и Бекетов[3] — и теперь присылай свои корректуры;[4] я постараюсь, чтоб статья напечатана была исправно. Послал бы к тебе ценз⟨орские⟩ кор⟨ректуры⟩, да, боюсь, пропадут, а если послать как посылку, то долго.

Не поверишь, как я рад, что статья спасена. Теперь X № будет отличный. Некогда мне писать — я оканчиваю фельетон.[5] Но о Писемском ни слова:[6] отложил до тебя — вместе напишем дельный отзыв. — Письмо твое третьего дня прочел[7] с наслаждением — я рад и сам, что мы, не сговариваясь, сошлись в впечатлении: это лучшая поверка его истинности. Об остальном скажу, что мы с тобой — несмотря, что давно знакомы — только нынешний год узнали друг друга. И что до меня, я почитаю просто счастием для себя, что судьба свела нас нынче летом под одну крышу.[8] Об этом при случае. Будь здоров, голубчик мой, и пиши мне. Ты, верно, кой-что уже прочел в IX № «Совр⟨еменника⟩».[9]

Весь твой
Н. Некрасов.

Сентябрь 1855
24, утро. 9-ть часов

P. S. Кор⟨ректуры⟩ шли как письмо — и прямо в д⟨ом⟩ Имзена.

229. К. Т. СОЛДАТЕНКОВУ

Конец сентября—начало октября 1855

(*Отрывок*)

⟨...⟩ Я приготовил уже другую рукопись моих стихотворений (несравненно полнее данной мною Вам летом) и эту рукопись жду удобного случая представить в цензуру... Итак, погодите, во всяком случае обещаю Вам, что постараюсь устроить так, чтоб к Новому году Вы могли выпустить мою книжку. Впрочем, я могу только просить, и если б Вам захотелось поступить по условию, то в претензии не буду. Примите только в соображение, что это промедление во времени в результате отразится выгодно на самой книжке (между прочим), потому что я успею окон-

чить множество новых пьес, которые давно начаты. Дополнительную тетрадь для Вас готовлю ⟨...⟩

230. В. П. БОТКИНУ

4 октября 1855. Петербург

Милый Боткин, сегодня выпустил 10 к⟨нигу⟩ «С⟨овременника⟩»,[1] которая, кажется, хороша. Завтра она поедет в Москву, и ты скоро ее увидишь. — Твоя статья[2] напечатана, надеюсь, без ошибок. А что это за чудесный мастер Карлейль, так и говорить нечего, — я еще раз, читая в корректуре, истинно им наслаждался. Жду тебя сюда[3] и не пишу более. Будь друг, привези 1000[4] руб⟨лей⟩, ты ее получишь обратно в конце декабря от Базунова[5] — за это отвечаю. А теперь мне необходимо — нечем расплачиваться.

Весь твой
Н. Некрасов.

4 окт⟨ября⟩ 1855
СПб.

Тургеневу кланяюсь, если он уже прибыл в Москву.[6] Дружинина статья о Краббе[7] очень хороша, а сам Крабб — прелесть!

231. Д. В. ГРИГОРОВИЧУ

4 октября 1855. Петербург

4 октября. СПб.

Любезнейший друг
Дмитрий Васильевич.

Сегодня выпустил X книгу «С⟨овременника⟩», которая, по счастью, составилась недурно, — и ныне напомнит Вам, что XI книжка ждет Вашей повести.[1] Напишите, к какому числу вышлете, а еще лучше высылайте сейчас по получении сего письма.

Знаете ли, что Ваша «Школа гостеприимства»[2] очень хороша, нельзя читать без смеху этого живого и веселого рассказа. Легкость его удивительна. Я пожалел, что он не попал в «Современник», это, в сущности, самый трудный род, но, наконец, Вы им овладели, и теперь советую Вам не бросать его. Вы,

без любезностей, можете дать нашей литературе русского Пикк-Вика.[3]

Весь Ваш
Некрасов.

P. S. Ждем сюда Василия Петровича.[4] Пробыл уже с неделю Дружинин. Посылаю Вам кусочек из объявления Краевского.[5] Для возбуждения задора в подписчиках он публикует, что Вы взяли роман этот,[6] ⟨чтобы⟩ придать ему возможное совершенство. Смотрите же! Вот что значит продавать товар не готовый; не шутя велите Краевскому тотчас выкинуть эту глупость из объявления, иначе будут ее повторять еще три месяца. Для успокоения Вашей совести сообщаю Вам, что Кр⟨аевский⟩ купил еще роман у Потехина,[7] которого... ...[8]неизвестно с чего начал тянуть в гении, а Кр⟨аевский⟩ поверил. Итак, вот Вам целый короб сплетен.

232. В. П. БОТКИНУ

8 октября 1855. Петербург

Боткин, ради бога, напиши мне о Грановском.[1] Сегодня принесли газету — я нечаянно прочел[2] — и опомниться не могу. Ни о ком я так не жалел после Б⟨елинского⟩, даже о Гоголе, может быть, потому, что лично его не знал. Словно как я одурел, — все мараю то стихи, то прозу[3] — у меня так всегда, не могу оставаться в бездействии, когда сильно потрясен. Но нет силы привести в порядок стихи, а то бы тебе прислал. И никто ко мне нейдет — вот уж 4-й час сижу один — измаялся, думая, жалея, припоминая. К этой скорби примешивается другая — понятная. Нет! не живется у нас людям, которые всего нам нужнее! Я никак не думал пережить Грановского. Последнее мое свидание с ним[4] живо помню. В день его отъезда в деревню я пришел к Шевалье,[5] где они втроем (с Кетч⟨ером⟩[6] и Пик⟨улиным⟩[7]) обедали, и принес — ему на дорогу — только что полученный 6 № «Современника». Он прочел стих⟨и⟩ «Русскому писателю»,[8] очень похвалил и сказал несколько слов по поводу мысли, в них высказанной. И слова эти помню: их можно назвать его завещанием русским литераторам — по крайней мере, я им останусь верен.

Немного написал Грановский, но не писателя в нем жаль, в нем жаль профессора,[9] и еще более человека — он поощрял людей быть честными — вот его заслуга! Его влияние далеко простиралось.

В деятельности писателя не последнюю роль играет так называемое духовное сродство, которое существует между людьми, служащими одному делу, одним убеждениям. Иногда у изнемогающего духом писателя в минуты сомнения, борьбы с соблазном, в самых муках творчества встает в душе вопрос: да стоит ли мне истязать себя? Если и добьюсь чего-нибудь путного, кто оценит мой труд? Кто поймет, чего мне это стоило? Кто будет ему сочувствовать?

Так, по крайней мере, бывало со мной. Смешно приводить в пример себя, но я пишу, чтоб поверить мое чувство чувством другого. И в эти минуты к кому с любовью, с верой обращалась мысль моя? К тебе, к Тургеневу, к Грановскому. В эти же минуты я всегда глубже жалел Б⟨елинского⟩ (человек никогда не может отделаться от самолюбия!). Если это не мое только личное чувство, то вот где самое сильное, широкое и поистине чудное влияние чистой и прекрасной личности на современников! О Грановском можно сказать, что он уже тем был полезен, что жил, и это не будет преувеличено, а как вдумаешься в эти слова, так ведь это величайшая похвала, какую можно сказать человеку!

Напиши или приезжай сам скорее.

Твой Н. Некрасов.

8-го октября 1855
СПб.

233. В. П. БОТКИНУ

9 октября 1855. Петербург

Любезный Боткин, спешу тебе написать, что ты *мне* своим сожительством можешь доставить только удовольствие. Итак, вопрос будет в том только: понравится ли *тебе* и найдешь ли ты достаточными удобства, которые можешь иметь в моей квартире. Если нет, то, конечно, ты церемониться не будешь и возьмешь другую. Итак, приезжай прямо ко мне, поживи — увидишь. Я же, зная тебя и твои привыч-

ки, полагаю, что ни со стороны удобств, ни со стороны спокойствия тебе у меня не предстоит ничего неприятного. Поверь, что мне, собственно, ты будешь несказанно приятен — уже по тому одному, что сегодня 52-ой день, как я сижу один в четырех стенах с самим собою да книгою, лишь изредка навещаемый немногими приятелями. Кстати, горло у меня вовсе не болит,[1] как у здорового, ранки в нем очень уменьшились, но не исчезли вовсе, — беда в том, что из 50-ти дней я только 25, и то в разбивку, мог принимать лекарство, поминутно портится желудок, — тощ я очень стал, но духом бодр. Грановск⟨ого⟩ смерть[2] меня ужасно срезала. (Письмо твое получил, отдавши на почту свое[3]). Как мне его жаль, и сказать не умею.

Подушек довольно, а одеяло привози свое. У меня *двое* людей, но если б тебе пришла фантазия взять своего человека, то для него место найдется. Впрочем, это, кажется, будет лишнее, ибо известный тебе мой Василий[4] может служить нам обоим удовлетворительно.

Деньги привези с собою.[5] Мне они не нужны ранее 15-го, да и после этого срока еще можно дня два-три промешкать. Тургеневу поклон.

Твой Н. Некрасов.

234. М. Е. КУБЛИЦКОМУ

20 октября 1855. Петербург

Любезнейший
Михаил Егорович.

Я надеюсь, что Вы давным-давно уже совершенно здоровы,[1] и потому обращаюсь к Вам с просьбою — напишите небольшой фельетон о Москве и ее новостях к XI № «Современника»[2] и пришлите мне его к 26 или 27 числу октября. — Все это, разумеется, в таком случае, если подобное занятие в настоящее время Вас не отяготит. Во всяком случае, отзовитесь на эту цидульку.

Душевно Вам преданный
Н. Некрасов.

10 октября 1855
СПб.

P. S. У вас в Москве все похваляются какой-то комедией Сухова-Кобылина. Напишите мне, что это такое?[3]

Адрес мой: в Малой Конюшенной, дом Имзена.

235. В. П. БОТКИНУ

14 ноября 1855. Петербург

14 ноября.

Голубчик Вася, здравствуй! Напиши о себе слово.

Вообрази, что Корш[1] *воспретил* фотографу дать нам портрет Грановского! Где ж я его возьму? Хочу писать к Лизавете Богдановне.[2]

Мое желание приложить к «Современнику» портрет Гр⟨ановского⟩[3] было совершенно бескорыстное, основанное на уважении к нему и личной любви и благодарности. И неужели Лизавета Богдановна воспротивится этому на том основании, что новый журнал желает удержать за собою эту *привилегию*?

Я этого не думаю. Однако ж время идет, благодаря тому что Корш не любит выражаться прямо, — и если нам придется выпускать портрет *после* нового журнала, то это уже будет неудобно.

Посылаю письмо, полученное на твое имя. Григорович *прислал* повесть[4] и поклон тебе. Будь здоров. Я эти дни нехорош.

Весь твой
Н. Некрасов.

№3. Письма я не читал, но обнажил его, ибо не лезло в конверт.

236. В. П. БОТКИНУ

24 ноября 1855. Петербург

Спасибо тебе за твое письмо,[1] а за все остальное и спасибо говорить не умею: это выше всяких благодарностей, и очень мало я это заслужил. Но ты, кажется, не умеешь ничему предаваться вполовину. Хотел бы тебе сказать много, да как-то неловко, потому что тут вмешалась существенная сторона,[2] а не за нее, как она ни важна в моих обстоятельствах, я тебе особенно

благодарен. В последнее время лучшие биения моего сердца принадлежат тебе — прими это как хочешь и как знаешь. — Не писал потому сначала, что хворал, а потом приехал — Л. Н. Т., то есть Толстой,[3] и отвлек меня. Что это за милый человек, а уж какой умница! И мне приятно сказать, что, явясь прямо с железной дороги к Тургеневу, он объявил, что желает еще видеть меня. И тот день мы провели вместе и уж наговорились! Милый, энергический, благородный юноша — сокол!.. а может быть, и — орел. Он показался мне выше своих писаний, а уж и они хороши. Тебе он, верно, понравится. Приехал он только на месяц, но есть надежда удержать его здесь совсем. Некрасив, но приятнейшее лицо, энергическое, и в то же время мягкость и благодушие: глядит, как гладит. Мне он очень полюбился.

Читал он мне 1-ую часть своего нового романа[4] — в необделанном еще виде. Оригинально, в глубокой степени дельно и исполнено поэзии. Обещал засесть и написать для 1-го № «Современника» «Севастополь в августе».[5] Он рассказывает чудесные вещи. «Юность» еще не окончена.[6]

А Тургенев славно обделывает «Рудина».[7] Ты дал ему лучшие страницы повести, натолкнув его на мысль развить студенческие отношения Лепицина и Рудина. Прекрасные, сердечно-теплые страницы и — необходимейшие в повести!.. Теперь Тург⟨енев⟩ работает за концом, который также должен выйти несравненно лучше. Словом, повесть будет и развита и закончена. Выйдет замечательная вещь. Здесь в первый раз Тург⟨енев⟩ явится самим собою — еще все-таки не вполне, — это человек, способный дать нам идеалы, насколько они возможны в русской жизни. Ты это сам увидишь, прочитав, каков теперь вышел Лепицин. Умница-то он большой, но и ветрогон изрядный и вывихнут сильно... Вырывая из себя фразерство, он прихватил и неподдельные живые цветы поэзии и чуть тоже не вырвал их! Всякий порыв лиризма — его пугает, безоглядная преданность чувству — для него невозможна. Все проклятая боязнь расплыться![8] Этим только я объясняю, почему поэзия его природы так мало отражалась доныне в его писаниях. Авось эта похабная боязнь пройдет, по крайней мере начинает проходить.

Спасибо ему. Он словно почувствовал, что после твоего отъезда — мне тяжеленько, и похаживает-таки и посиживает.

Привел он раз ко мне Писемского да сам скоро и ушел. А Пис⟨емский⟩ просидел долго за полночь, уничтожив все запасы вина, какие были. Уж говорил, говорил! Признался, что тебя не любит, но что читал твою статью о выставке[9] с наслаждением, ибо чувствовал-де, что человек пишет с любовью и кладет в работу часть своего сердца. Это его слова. А о Карлейле[10] Колбасин[11] приносит целые короба известий, так что я и не припомню. Но если тебя интересует, так я скажу ему, чтоб он сам тебе написал. Тургенев тоже что-то говорил — эта вещь точно шумит, и это показывает, что русскую публику еще можно расшевелить. Главное — статья много говорит молодому, не успевшему съежиться сердцу, а молодежь — мастерица трубить. С нее все начинается! — Вчера Тургенев прибежал ко мне впопыхах — сочини да сочини адрес Щепкину, а он тем временем побежал скликать литераторов, чтоб подписали, ибо юбилей в субботу и надо немедленно отправить. И отправили. Я думал, он пошлет к тебе, а сегодня узнал, что он послал к Погодину, — говорит, что Погодин по телеграфу просил его об этом. Сочинил-то я что-то довольно сносное и горячее, но дело приняло официальный характер, обрезали — и вышло что-то плосковатое.[12] Напиши нам, что будет на юбилее — и, если успеешь, напиши так, чтоб можно было напечатать в XII №.[13] Будь здоров. Спасибо, что работаешь, и целую за ответ твой новым журналистам.[14]

Некрасов.

Ноябрь,
24-го, ночь

P. S. Не сглазить бы, подписка *повалила*! И сколько новых, — понять не могу, что из этого выйдет.

237. В. Н. БЕКЕТОВУ

17 декабря 1855. Петербург

Добрейший
Владимир Николаевич.

Боткин здесь и остановился у меня;[1] ежели, паче чаяния, какая-нибудь фраза в «Данте»[2] Вас затруднит, то будьте столь добры — покажите нам. Боткин сам выправит, и дело с концом.

Мы давно Вас не видали. Во вторник к обеду у меня соберется вся компания,[3] — очень обяжете, присоединившись к ней.

Душевно преданный Вам
Н. Некрасов.

17 дек⟨абря⟩

238. Я. П. ПОЛОНСКОМУ

22 декабря 1855. Петербург

Чтоб не сбиваться в счетах, посылаю 40 р⟨ублей⟩ к выданным на днях 10-ти, т. е. это будет значить, что к 1-му января за Вами 50 р⟨ублей⟩, которые зачтутся за Ваши работы в «Совр⟨еменнике⟩»,[1] начиная с первой книжки 1856 года *включительно*.

Весь Ваш
Н. Некрасов.

22 дек⟨абря⟩

239. К. Т. СОЛДАТЕНКОВУ

24 декабря 1855. Петербург

(*Отрывок*)

⟨...⟩ Не думайте, чтоб я дремал касательно издания моих стихов — все они переписаны начисто в особую тетрадь, и если б какой-нибудь московский цензор пропустил Вам мою тетрадку с теми дополнениями, которые я вышлю к ней, то это было бы всего короче и проще.[1] Не вздумаете ли попробовать это? ⟨...⟩

КОММЕНТАРИИ

Полный свод сохранившихся и выявленных писем Н. А. Некрасова издается впервые. Начало целенаправленной работы по сбору эпистолярия поэта, которому предшествовал ряд частных публикаций, следует относить к 1902—1903 гг., когда в связи с широко отмечавшимся 25-летием со дня кончины Некрасова проводились выставки книг и рукописей, разыскивались и регистрировались подлинники писем поэта, готовились публикации. В 1905 г. в свет вышла книга бывшего помощника Некрасова по редакции «Современника» академика А. Н. Пыпина «Н. А. Некрасов», в которой опубликована большая подборка писем Некрасова. Письма Некрасова к разным лицам и письма к нему составили целую книгу, подготовленную Н. С. Ашукиным и племянником поэта К. Ф. Некрасовым, «Архив села Карабихи» (М., 1916). За этими изданиями последовали «Некрасовский сборник. Неизданные письма и воспоминания, стихи, библиография. Под ред. В. Е. Евгеньева-Максимова и Н. К. Пиксанова» (Пг., 1918) и «Некрасов по неизданным материалам Пушкинского Дома» (Пг., 1922).

Впервые отдельной книгой и с научным комментарием письма поэта были изданы под редакцией В. Е. Евгеньева-Максимова в первом многотомном «Собрании сочинений» Некрасова (т. V. М.—Л., 1930). Здесь помещено около семисот писем Некрасова, из которых более двухсот напечатаны впервые. Большая подборка вновь обнаруженных писем Некрасова под редакцией С. А. Рейсера вошла в один из трех посвященных Некрасову томов «Литературного наследства» (т. 51—52. М., 1949).

В двенадцатитомном «Полном собрании сочинений и писем» Некрасова письма общим числом 1048 составили два тома этого издания (т. X, XI. М., 1952). Там же (в т. XI) приложен список не включенных в издание писем Некрасова (146 единиц), как публиковавшихся ранее, так и остававшихся тогда ненапечатанными, с указанием их местонахождения. После этого издания и затем в процессе подготовки академического собрания работу по разысканию и публикации новых писем Некрасова небольшими подборками и отдельными единицами продолжили Ю. П. Благоволина, М. Я. Блинчевская, Б. Л. Бессонов, В. П. Вильчинский, Б. В. Мельгунов, Ф. Я. Прийма, М. В. Теплинский,

Т. С. Царькова и др. Некоторые из этих новых писем вошли в восьмитомное «Собрание сочинений» Некрасова (т. VIII. М., 1967), хотя в него включены лишь избранные письма поэта.

* * *

Эпистолярное наследие Некрасова, составившее XIV и XV тома настоящего издания (каждый в двух книгах), насчитывает сегодня 1220 писем к 167 адресатам. Из них 199 включается в собрание сочинений Некрасова впервые, а 19 писем в нашем издании впервые увидели свет. Однако исследователи, привыкшие пользоваться сводом писем Некрасова по двенадцатитомному «Полному собранию сочинений и писем», не найдут в XIV и XV томах нашего издания многих записок, бывших в корпусе писем прошлого издания. В соответствии с жанровым делением, принятым в настоящем издании, более 40 записок Некрасова в конторы его журналов (большей частью адресованные И. А. Панаеву), содержание которых ограничивается распоряжением о выплатах, включено в состав X раздела книги 2-й т. XIII. Более 30 записок, многие из которых также входили в состав писем двенадцатитомного издания, представляющие собою ходатайства, отчеты, объяснения в Комитет Литературного фонда, вошли в состав XII раздела книги 2-й т. XIII.

Из корпуса писем перенесены в соответствующие разделы книги 2-й т. XIII и такие материалы, как например «Реестр бумагам, оставшимся после Белинского» (см.: ПСС, т. X, с. 122—124) и редакторские замечания Некрасова по статье Н. Г. Чернышевского «В изъявление признательности...» на полях корректуры этой статьи (см.: ПСС, т. X, с. 468—469).

Представленный в настоящем издании свод писем Некрасова, разумеется, и сейчас нельзя считать полным или хотя бы близким к полноте. И приложенный к XV тому «Список несохранившихся и ненайденных писем Некрасова» лишь частично дополняет наши представления о подлинном объеме эпистолярия Некрасова. Многие его письма, о которых не осталось даже упоминаний, очевидно, погибли, были уничтожены еще при жизни поэта и его адресатов — такова судьба писем к В. Г. Белинскому, И. А. Гончарову, Ф. М. Достоевскому (до его ареста в 1848 г.), А. Я. и И. И. Панаевым, М. Е. Салтыкову, Н. Г. Чернышевскому и многим другим.

Авторские даты, проставленные Некрасовым над текстом или под ним, воспроизводятся соответственно в правом верхнем или левом нижнем углу с сохранением формулировки подлинника, причем ошибки в них не устраняются. Однако независимо от наличия или отсутствия на письме авторской даты каждое письмо снабжено редакторской датой, печатающейся перед ним в виде подзаголовка вслед за наименова-

нием адресата. При этом письма, написанные в России, датируются старым стилем, а письма из-за границы — по старому и новому стилю (последняя дата дается в круглых скобках). Здесь же, после редакторской даты, дается указание на место написания письма.

Письма с неопределенными датировками располагаются в конце возможного для них периода. При этом 1—5-е числа обозначаются как «начало», 13—17-е — как «середина», а 25—31-е как «конец» месяца; 1—3-й годы обозначаются как «начало», 4—6-й — как «середина», 7—9-й — как «конец» десятилетия.

Письма, датированные несколькими числами, вводятся в общий хронологический ряд писем согласно последней дате. Все редакторские даты (при отсутствии или неточности авторских) обосновываются в комментариях к письмам. Сомнительные или предположительные редакторские даты отмечаются знаком вопроса в круглых скобках.

Письма, местонахождение автографов которых в настоящее время известно, печатаются по подлинникам (за исключением отдельных писем, находящихся в зарубежных архивохранилищах; эти письма воспроизводятся по фото- или ксерокопиям). Остальные письма — в случаях, когда автограф утрачен или недоступен редакции, — печатаются по копии или предшествующим публикациям. Источники, по которым печатаются письма, а также время и место первой их публикации указываются в текстологической части комментария к письму. Для всех писем, печатаемых по автографу, здесь же наряду с указанием архивохранилища дается шифр подлинника.

Ко второй книге обоих томов писем прилагаются «Указатель писем по адресатам» и «Указатель имен», которые являются частью реального комментария: имена адресатов Некрасова, а также имена, упоминаемые в текстах писем, во всех случаях, когда это возможно, снабжаются биографическими справками; имена, упоминаемые только в комментариях, входят в эти указатели без аннотаций. В комплекс указателей к каждому тому входят также «Указатели мест пребывания Н. А. Некрасова» соответствующего периода. В конце каждого тома помещены списки условных сокращений.

* * *

Книга 1 тома XIV «Полного собрания сочинений и писем» Н. А. Некрасова, открывающая свод его писем, содержит 239 писем 1840—1855 гг. Тексты писем книги 1 тома XIV подготовили и комментарии к ним составили: *О. Б. Алексеева* (П. В. Анненкову, В. П. Гаевскому, Д. В. Григоровичу, А. В. Дружинину, Ег. П. Ковалевскому, А. Л. Крылову, А. Н. Майкову, Ф. Ф. Цветаеву); *А. М. Березкин* (И. К. Баб-

сту, Н. В. Кукольнику, М. Л. Огаревой, Н. М. Сатину); *В. П. Вильчинский* (М. Л. Михайлову — № 170, 194); *Г. В. Краснов* (Л. Н. Толстому); *Б. В. Мельгунов* (М. В. Авдееву, А. Н. Афанасьеву, В. Н. Бекетову, М. В. Белинской, В. Г. Белинскому, В. П. Боткину, А. А. Буткевич (Некрасовой), А. А. и Г. С. Буткевичам, В. Р. Зотову, Н. Х. Кетчеру, Ф. А. Кони, М. Е. Кублицкому, М. С. Куторге, И. А. Лебедеву, И. Т. Лисенкову, М. Л. Михайлову — № 158, 175, 208, Е. А. Некрасовой, А. В. Никитенко, В. Ф. Одоевскому, Я. П. Полонскому, М. М. Попову, К. Т. Солдатенкову, С. М. Соловьеву, В. А. Солоницыну, И. И. Срезневскому, Н. А. Степанову, Г. М. Толстому, Н. М. Щепкину, Н. Ф. Щербине); *О. В. Миллер* (Б. И. Ордынскому); *Н. Н. Мостовская* (письма к группе адресатов — В. Г. Белинскому, И. С. Тургеневу и П. В. Анненкову; И. С. Тургеневу и П. В. Анненкову; И. С. Тургеневу, В. Г. Белинскому и П. В. Анненкову; письма А. Д. Галахову, Т. Н. Грановскому, М. Н. Лонгинову, Н. П. Трушковскому, И. С. Тургеневу, В. Д. Яковлеву).

В работе над XIV томом и в подготовке его к печати принимали участие Б. Л. Бессонов, Е. Г. Васильева, М. Ю. Степина, М. Е. Устинов.

1840

1. Е. А. НЕКРАСОВОЙ

(С. 29)

Подлинник, принадлежавший до первой публикации К. С. Звягину, ныне утрачен. Печатается по тексту первой публикации.
Впервые: РС, 1889, № 2, с. 349—351.

[1] Это письмо неизвестно.
[2] Это обещание Некрасов выполнить не смог. Он приехал в Ярославль на свадьбу сестры Елизаветы в июле 1841 г.
[3] Осенью 1840 г. Некрасов — сотрудник журнала Ф. А. Кони «Пантеон» стал также постоянным сотрудником «Литературной газеты», перешедшей под редакцию Кони.
[4] Это приложение остается неизвестным.
[5] Имеется в виду первая книжка Е. В. Саблина «Полевой цветок. Стихотворение» (Ярославль, 1840). Это графоманское произведение было подвергнуто уничтожающе-издевательской критике П. Н. Кудрявцева в «Отечественных записках» (1840, № 8, отд. VI, с. 41).

1841

2. Ф. А. КОНИ

(С. 32)

Подлинник: ИРЛИ, № 2487.
Впервые: Евгеньев, с. 104.
Датируется по календарным данным письма и содержанию (между датой цензурного разрешения № 4 «Пантеона» 1841 г. и названной в письме датой выхода этого номера в свет).

[1] Весной 1841 г. Кони уехал в Москву, оставив «Пантеон» на попечение Некрасова как ближайшего своего помощника по журналу.
[2] Имеется в виду, очевидно, подготовка к свадьбе сестры поэта Елизаветы (ср. п. 3).
[3] Апрельский номер «Пантеона» разрешен к печати цензурой 10 июля (четверг) 1841 г.
[4] О предстоящей в апрельском номере «Пантеона» публикации перевода этой драмы Герстенберга Некрасов информировал читателей в фельетоне «Что нового у нас?», помещенном в № 66 «Литературной газеты» (см.: наст. изд., т. XII, кн. 1, с. 382).

[5] Водевиль П. С. Федорова, напечатан в № 5 «Пантеона» 1841 г. Некрасов информировал читателей о предстоящей публикации этого водевиля в фельетоне «Новости» (см.: наст. изд., т. XII, кн. 1, с. 14).

[6] К. А. Некрасов, который в это время учился в 1-м Московском кадетском корпусе и, очевидно, тоже готовился к поездке в Ярославль на свадьбу сестры.

[7] Возможно, имеется в виду анонимная «Фельетонная заметка», напечатанная в «Северной пчеле», в ответ на протест театрального обозревателя «Отечественных записок» против раскрытия Межевичем псевдонима Некрасова — автора водевиля «Шила в мешке не утаишь...» (Белинский, т. XIII, с. 96) еще до собственно некрасовского протеста (см.: наст. изд., т. XIII, кн. 2, с. 5). «...Что дурного в том, если газета объявила настоящее имя автора, имевшего успех на сцене? — возражал фельетонист „Северной пчелы", возможно, именно Межевич. — Иное дело, если б автор означенного водевиля был редактором какого-нибудь журнала и хотел бы чужими руками загребать жар, чужими трудами составлять себе известность, о, тогда была бы причина бояться гласности! Бывают примеры, что иные с величайшею таинственностию скрывают от самых задушевных приятелей своих — кому принадлежит такая-то или такая безымянная статья в их журнале, и на все вопросы отвечают загадочными словами и значительным выражением лица, в котором в одно время заметны скромность и гордость; но случись бы только, что эта статья признана дурною — журналист тотчас переменяет тон, восклицая: „Да ведь эту статью написал вот *такой-то*, нелепый человек, пошляк, идиот" 〈...〉 И действительно, это средство как нельзя лучше может удаваться журналисту: многие будут считать его умным, ученым человеком, заслуженным литератором, хотя бы он не что иное был, как корректор, правда очень исправный, своего журнала, составленного из чужих статей и чужих трудов» (СП, 1841, 6 июня, № 123, с. 490).

3. Ф. А. КОНИ

(С. 32)

Подлинник неизвестен. Печатается по копии А. Н. Пыпина: ИРЛИ, № 21132, л. 11—12.

Впервые: Некр. сб., I, с. 42—43.

[1] Это письмо неизвестно.

[2] В № 4 «Пантеона» 1841 г. помещены статья Некрасова «Летопись русского театра. Май, июнь» (см.: наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 270) и фельетон «Новости» (см.: наст. изд., т. XII, кн. 1, с. 12).

[3] В № 5 «Пантеона» 1841 г. анонимно напечатана повесть Некрасова «Несчастливец в любви, или Чудные любовные похождения русского Грациозо» (см.: наст. изд., т. VII, с. 195) и «Летопись русского театра. Июнь, июль» (см.: наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 278).

[4] Фельетоны под рубрикой «Что нового у нас?», напечатанные в № 57 и 66 «Литературной газеты» 1841 г. (см.: наст. изд., т. XII, кн. 1, с. 9).

[5] Статья Некрасова «Сто русских литераторов» напечатана в № 82—84 «Литературной газеты» 1841 г. (см.: наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 13). Статья Некрасова об Иматре неизвестна.

[6] К. Е. Вельсберг заведовал редакцией «Литературной газеты» во время поездки Ф. А. Кони в Москву.

[7] Под названием «Актер» водевиль напечатан в № 8 «Текущего репертуара русской сцены» — приложения к «Пантеону» (см.: наст. изд., т. VI, с. 116).

[8] Водевиль «Вот что значит влюбиться в актрису!», опубликованный в № 12 «Репертуара русского театра» 1841 г. (см.: наст. изд., т. VI, с. 251).

[9] В. В. Самойлов, в бенефис которого 10 ноября 1841 г. этот водевиль был поставлен впервые на сцене Александринского театра.

[10] Имеется в виду, очевидно, открытое письмо Некрасова к В. С. Межевичу после публикации письма «В редакцию „Литературной газеты"» (см.: наст. изд., т. XIII, кн. 2, с. 8 и 394), которое он пытался поместить в № 4 «Пантеона».

[11] См. об этом: наст. изд., т. XIII, кн. 2. с. 394.

[12] А. А. Краевский был владельцем «Литературной газеты» и с осени 1840 г. сдал ее в аренду под редакцию Ф. А. Кони.

[13] См. с. 244.

4. Ф. А. КОНИ

(С. 35)

Подлинник: ИРЛИ, № 2487, л. 3—4.
Впервые: Евгеньев, с. 105—110.
Ответ на не дошедшее до нас письмо Кони.

[1] О ком идет речь, установить не удалось.

[2] Ср. призыв В. С. Межевича к Некрасову в рецензии на водевиль «Шила в мешке не утаишь...»: «Смелее, г-н Некрасов! Идите своей дорогой; зачем вам покровительство людей, которые едва ли сами не нуждаются в вашем покровительстве, в вашем таланте, по крайней мере ведь это знают все, читавшие „Пантеон" и „Литературную газету"» (СП, 1841, 20 мая, № 108, с. 431).

[3] О чем идет речь, установить не удалось.

[4] Ср. п. 3.

[5] Имеется в виду открытое письмо Некрасова «В редакцию „Литературной газеты"» (см.: наст. изд., т. XIII, кн. 2, с. 5 и 391).

[6] Ср. п. 3.

[7] Это письмо неизвестно.

[8] Как театральный обозреватель «Пантеона» Некрасов должен был посещать спектакли в Петербургских театрах за счет редакции журнала.

[9] См. п. 3.

[10] Ср. п. 5.

[11] Публикации Некрасова в «Литературной газете» августа—декабря 1841 г. неизвестны.

[12] Судя по данным комментируемого письма и другим документам, события, связанные с поездкой Некрасова в Ярославль, происходили в такой последовательности: в начале 20-х чисел июля 1841 г. поэт выехал из Петербурга в Ярославль; по пути он останавливался в Москве для свидания с Кони и получения у него причитающихся за работу в «Литературной газете» и «Пантеоне» денег. Некрасов, очевидно, не застал Кони дома и оставил ему упоминаемое в конце комментируемого письма и неизвестное нам «несколько

грубое письмо». Некрасов приехал в Ярославль не позднее 26 июля 1841 г. Это подтверждается следующим документом, хранящимся в «Деле дворянского рода Звягиных, внесенного во 2-ю часть дворянской родословной книги»:

«Свидетельство

о состоявшемся в Ярославской градской Воскресенской церкви 27 июля сего 1841 года браке подполковника, служившего в 3-м учебном карабинерском полку Семена Григорьевича Звягина с дочерью майора Алексея Сергеевича Некрасова девицей Елисаветой. В метрических тетрадях означенной церкви значится:

Вступившие в брак подполковник, служивший в 3-м учебном карабинерском полку Семен Григорьев Звягин и ярославского помещика майора Алексея Сергеева Некрасова дочь Елисавета Алексеевна, оба православного исповедания, и сочетались первым браком; жених 39 лет, а невеста 20-ти. Таинство брака совершил священник Иларион Тихомиров с диаконом Тимофеем Андреевым и дьячком Александром. Поручителями были: со стороны жениха титулярный советник Михаил Степанов Скрипицын и лекарь Карл Карлов Шенберх; со стороны невесты дворянин Николай Алексеев Некрасов и 3-го учебного карабинерского полку капитан Философов, о чем выпискою из метрических тетрадей сим свидетельствует воскресенский священник Иларион Тихомиров» (ГАЯО, ф. 213, оп. 1, № 1504, л. 14).

Очевидно, сразу после свадьбы 28 июля 1841 г. Некрасов вновь вернулся в Москву для встречи с Кони. Мать поэта Елена Андреевна скончалась 29 июля, «за три дня» до его второго приезда в Ярославль (он приехал, таким образом, 2 или 3 августа 1841 г.).

[13] К. А. Некрасов и Ф. А. Некрасов.

[14] Драма в четырех действиях под этим названием напечатана в № 9 «Пантеона» 1841 г. за подписью «Ф. Неведомский» (псевдоним Ф. М. Руднева). Перевод этого произведения Ж. Бушарди («Le Sonneur de Saint—Paul». Paris, 1838) был осуществлен неизвестным автором, очевидно, по заказу Ф. А. Кони и затем передан Некрасову для обработки. Текст некрасовской обработки неизвестен. На сцене Александринского театра эта пьеса не ставилась.

[15] А. П. Толченов.

[16] Это письмо неизвестно.

[17] См. об этом: наст. изд., т. VI, с. 705.

[18] Это письмо неизвестно.

[19] Ныне — дом, расположенный на углу улиц Угличской и Некрасова. В нижнем этаже этого дома, в квартире из восьми комнат, поселились после свадьбы сестра поэта Елизавета и ее муж С. Г. Звягин.

5. Ф. А. КОНИ

(С. 39)

Подлинник: ИРЛИ, № 2487, л. 5—6.
Впервые: Евгеньев, с. 110—111.
Ответ на неизвестное письмо Кони.

[1] Возможно, это первоначальное название «Повести о бедном Климе» (см.: наст. изд., т. VIII, с. 700).

[2] О судьбе этих произведений сведений нет.

[3] В 1839 г. антрепренер и актер Ярославского театра М. Я. Алексеев, получив наследство умершего отца своего, петербургского купца, купил ветхие здания ярославского и рыбинского (летнего) театров, принадлежавших ярославскому архитектору П. Я. Панькову. В течение 1840 г. и первой половины 1841 г. оба театра были построены заново. Краткая информация об открытии нового ярославского театра была помещена в первой книжке «Репертуара русского и Пантеона всех европейских театров» 1842 г. под заголовком «Ярославский театр»:

«Нам сообщают из Ярославля известия о вновь открытом там 27-го ноября театре, построенном санктпетербургским купцом Михаилом Яковлевичем Алексеевым, — без всяких корыстных видов, из чистой любви к искусству. Постройка театра начата в 1841 году, и весь он поспел в шесть месяцев. Зала вмещает в себе 74 кресла, до 80-ти мест за креслами, два яруса лож, устроенных без колонн, и над ними галерею и парадиз. Полный сбор простирается до 1000 рублей асс. Для открытия театра г-н Алексеев со всею труппою своею, состоящею человек из двадцати, на сцене пропел народный гимн, и затем начался спектакль. Давали водевиль „Лев Гурыч Синичкин". На следующий день представлена драма „Иголкин" и водевили „Дом на петербургской стороне" и „Представление французского водевиля в русской провинции". 30-го числа давали драму „Стенька Разин". В группе г-на Алексеева хвалят комика Громова, артиста Орлова, трагика Полякова и актрису Соловьеву. На Ярославском театре есть и танцовщица с Московского театра г-жа Кузнецова, танцевавшая в одном спектакле качучу. Но всего достойнее удивления, что труппа г-на Алексеева ставит оперы: к декабрю она приготавливала „Цампу" и, мало того, намерена приступить к постановке „Роберта"» (РиП, 1842, № 1, отд. V, с. 66).

Статья о театре, обещанная Некрасовым в комментируемом письме, была написана и включена Кони в № 7 «Пантеона» 1841 г. Однако в последний момент по неизвестным нам причинам редактор исключил ее из номера. В оглавлении к «Текущему репертуару» этой книжки, разрешенной цензурой 25 марта 1842 г., есть название «Ярославский театр — Н. П⟨ерепельско⟩го». К нему сделано примечание: «Упомянутая в оглавлении седьмого номера „Текущего репертуара" статья „Ярославский театр" не могла быть напечатана по независящим от редакции обстоятельствам». Эта статья остается до сих пор неразысканной. Однако есть основания предполагать, что приведенная выше заметка из «Репертуара русского и Пантеона всех европейских театров» принадлежит Некрасову и является кратким вариантом утраченной статьи о Ярославском театре. (Подробнее см.: НБЛГ, с. 62—79).

[4] В число этих книг входили, по всей вероятности, следующие издания: *Майков Михаил*. Басни. Ярославль, 1836; *Праволамский П.* Стихотворения. Ярославль, 1838; *Саблин Евгений*. Полевой цветок. Стихотворение. Ярославль, 1840; *Саблин Е.* Кавказская сцена. Ярославль, 1841. Первый из этих авторов баснописец М. А. Майков (1770—1848) некоторое время (1824—1828 гг.) был директором Демидовского лицея в Ярославле; Петр Праволамский — один из ярославских приятелей Некрасова, приезжавший к нему в Петербург в 1840 г., — прототип «Без вести пропавшего пииты» (1840); Евгений Иванович Саблин — поэт-графоман, упоминаемый Некрасовым в письме к сестре Елизавете (см. с. 31). Статья

«Ярославская литература» остается до сих пор неизвестной (подробнее см.: НБЛГ, с. 80—100).

[5] С начала 1842 г. Некрасов возобновил свое постоянное сотрудничество в «Литературной газете» под редакцией Кони.

[6] С. С. Глинка — сын писателя и журналиста С. Н. Глинки, приятель Некрасова.

[7] Ср. п. 4. Вспоминая о жизни Некрасова в одной квартире с С. С. Глинкой, его брат Ф. С. Глинка утверждал, что квартира была обставлена собственной мебелью Глинки. «Вся мягкая мебель была обита материей красного цвета, — указывает мемуарист, — упоминаю об этом потому, что по отъезде моего брата из Петербурга Некрасов при встречах со мною постоянно требовал эту мебель, хотя по словам брата она вовсе ему не принадлежала» (ИВ, 1891, № 2, с. 586).

[8] С конца 1840 г. до отъезда в Ярославль в июле 1841 г. Некрасов жил на углу Невского и Владимирского проспектов (ныне — Невский, 49), на третьем этаже; по возвращении в Петербург в конце 1841 г. он поселился в доме Головкина на Разъезжей, на третьем этаже (ныне — Разъезжая, 24; см.: *Ломан О. В.* Некрасов в Петербурге. Л., 1985, с. 243).

[9] Речь идет, очевидно, о водевилях Некрасова «Актер» (первая постановка на сцене Александринского театра — 13 октября 1841 г.) и «Вот что значит влюбиться в актрису!» (первая постановка на сцене Александринского театра — 10 ноября 1841 г.). «Актер» опубликован в № 8 «Текущего репертуара русской сцены» — приложения к журналу Ф. А. Кони «Пантеон»; «Вот что значит влюбиться...» — в № 12 «Репертуара русского театра» 1841 г., издававшегося И. П. Песоцким.

[10] Повесть Некрасова, напечатанная в № 10 «Отечественных записок» 1841 г. (см.: наст. изд., т. VII, с. 217).

[11] Имеется в виду, очевидно, отрицательная рецензия в № 108 «Литературной газеты» от 25 сентября 1841 г. на пьесу Ф. В. Булгарина «Шкуна Нюкарлеби».

[12] Имеется в виду, очевидно, отрицательный отзыв Кони на драмы Н. В. Кукольника «Дуняша» и «Эдуард и Кунигунда» (ЛГ, 1841, 11 ноября, № 128).

[13] В рецензии на постановку водевиля «Актер» на сцене Александринского театра в бенефис В. В. Самойлова 1-го В. С. Межевич писал: «„Актер, оригинальный водевиль, сочинение Н. А. Перепельского"... Странное, и грустное, и тяжкое чувство пробудилось в душе моей, когда из-под пера вылилась у меня эта строка: мне стало что-то неловко... Я хотел промолчать о новом произведении г. Перепельского, но надобно же высказать — une fois pour toutes, то, что запало на душу. Прошу позволения у моих читателей ввести маленький эпизод. Г-н Перепельский есть псевдоним автора небольшой книжки стихотворений, изданных им под названием „Мечты и звуки"; он же написал два водевиля: „Шила в мешке не утаишь" и „Феоклист Онуфриевич Боб" — и несколько легоньких повестушек, как весьма выразительно нынче называют произведения такого рода. В одно прекрасное утро является ко мне на квартиру молодой человек с книгою в руках, которую он просит принять меня как знак своего ко мне уважения и замолвить за него словечко в газете. Я принял его со всею ласкою, как обыкновенно делается в таких случаях, поблагодарил за внимание и обещал высказать со всем чистосердечием и снисхождением мнение свое о его стихотворени-

ях, когда удосужусь прочесть их. Молодой человек ушел. Раскрываю книгу, — на внутренней стороне обертки обыкновенная подпись: „Милостивому государю такому-то" и пр. Название книги „Мечты и звуки".

Я прочел все стихотворения; особенных признаков дарования нет, видно, однако ж, что автор их — человек не совершенно бездарный. Что сказать о такой книге? — Я пишу, что стихи г-на Н. Н. гладки, звучны, но и только; в них нет ничего ни положительно дурного, ни положительно хорошего; что мы не ставим в вину г-ну Перепельскому стихотворений его, однако же лучше советовали бы ему учиться да учиться... Такие стихи, какие он пишет, очень легко не только писать, а импровизировать, например... и для шутки, подделываясь под тон молодого стихотворца, я написал две-три пиески на одни с ним темы. Многие смеялись этой шутке, в которой, однако ж, не было никакой злобы, никакого желания огорчить молодого писателя. Нельзя же сказать юноше прямо в глаза и притом печатно: учись, братец, учись, а не торопись печатать свои стишонки...» (СП, 1841, 3 ноября, № 246, с. 982).

Далее следует (см.: наст. изд., т. VI, с. 674) ложное обвинение в присвоении автором «Актера» сюжета французского драматурга А. Монье.

[14] Этот замысел не был осуществлен.

1842

6. И. Т. ЛИСЕНКОВУ

(С. 42)

Печатается по факсимиле с подлинника: Некрасовский альбом. Пг., 1921, с. 27. Местонахождение подлинника, принадлежавшего П. А. Картавову, в настоящее время неизвестно. Надпись адресов воспроизводится по копии П. А. Картавова: РНБ, ф. 341, оп. 1, № 37, л. 164.

Впервые: ЛН, т. 51—52. М., 1949, с. 5—6.

[1] Рецензия Некрасова на «Альбомы избранных стихотворений, посвященные прекрасному полу» (см.: наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 27) была напечатана в № 4 «Литературной газеты» 1842 г.

[2] Указания на магазин Лисенкова содержатся в рецензиях Некрасова, помещенных в № 4 и 5 газеты 1842 г.

7. И. Т. ЛИСЕНКОВУ

(С. 43)

Подлинник: РГАЛИ, ф. 1106, оп. 2, № 4.

Впервые: ЛН, т. 51—52, с. 57.

[1] Рецензия Некрасова на книгу «Человек с высшим взглядом, или Как выйти в люди» (см.: наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 32) напечатана в № 6 «Литературной газеты» 1842 г. Книги, затребованные Некрасовым в этом письме, в «Литературной газете» не рецензиро-

вались. В «Отечественных записках» рецензии на эти издания помещены в январском номере (вып. в свет — 2 января 1842 г.).

8. И. Т. ЛИСЕНКОВУ

(С. 43)

Печатается по копии П. А. Картавова: РНБ, ф. 341, оп. 1, № 37, л. 125. Местонахождение подлинника, принадлежавшего Картавову, в настоящее время неизвестно.

Впервые: ПСС, т. XI, с. 418.

Датируется временем работы Некрасова над рецензиями для № 5 (1 февраля) и 7 (15 февраля) «Литературной газеты» 1842 г., где помещены два его отзыва на «дорожники» (Указатель губернских и уездных почтовых дорог в Российской империи... СПб., 1842; Расписание трактов от С.-Петербурга до Москвы и других важнейших мест Российской империи... СПб., 1842 — см.: наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 31 и 38).

[1] О каком произведении идет речь, установить не удалось. В «Звездочке» А. О. Ишимовой с основания журнала (1842 г.) по 1846 г. произведения Некрасова не печатались.

[2] Рецензия на роман И. Штевена «Солнечный луч. Происшествие из времен Екатерины II» (СПб., 1841—1842) появилась в № 16 «Литературной газеты» от 26 апреля 1842 г. и без достаточных оснований приписывалась Некрасову (см.: наст. изд., т. XII, кн. 2, с. 418).

[3] Имеется в виду книга «О толстоте или неумеренной тучности человеческого тела в физиологическом, патологическом и терапевтическом отношениях. Соч. Ивана Брыкова» (СПб., 1841). В «Литературной газете» не рецензировалась.

9. Ф. А. КОНИ

(С. 43)

Подлинник: ИРЛИ, № 2487, л. 7.

Впервые: Евгеньев, с. 118—119.

[1] Имеется в виду комедия «Похождения Петра Степанова сына Столбикова», переделанная Некрасовым, П. И. Григорьевым и П. С. Федоровым из романа Г. Ф. Квитки-Основьяненко «Жизнь и похождения Петра Степанова сына Столбикова» (см.: наст. изд., т. VI, с. 381). Ф. А. Кони в работе над этим произведением участия не принимал.

[2] Комедия поставлена на сцене Александринского театра 4 мая 1842 г. в бенефис П. И. Григорьева.

[3] Весной 1842 г. Ф. А. Кони уехал в Москву, передав Некрасову свои редакторские обязанности по «Литературной газете». Обязанности корректора исполнял К. Е. Вельсберг.

[4] Это письмо неизвестно.

[5] С 1842 г. Кони отказался редактировать журнал «Пантеон», который был соединен с «Репертуаром русского театра» в журнал «Репертуар русского и Пантеон всех европейских театров». Не вышедшие в 1841 г. № 5—12 «Пантеона» издавались в течение 1842 г.

[6] А. А. Краевский как владелец и издатель «Литературной газеты» в отсутствие Кони помогал Некрасову своими консультациями по составлению и редакторской подготовке номеров газеты.

10. А. А. НЕКРАСОВОЙ (БУТКЕВИЧ)

(С. 44)

Подлинник: ИРЛИ, ф. 134, оп. 11, № 6, л. 1—2. Места, заключенные в публикуемом тексте в угловые скобки, в подлиннике повреждены и восстанавливаются предположительно.

Впервые: ЛГ, 1938, 5 янв., № 1 (708); перепечатано с факсимильной репродукцией: ЛН, т. 51—52, с. 11—15.

[1] Имеется в виду кончина сестры поэта Е. А. Звягиной от чахотки 25 июня (похоронена 28 июня) 1842 г. (ГАЯО, ф. 230, оп. 2, № 230, л. 416 об. — Указано Г. В. Красильниковым).

[2] А. М. Наумов.

[3] Ю. А. Носачевская.

[4] Л. Д. Маслов. Упоминание о переписке с ним см. в письме к К. А. Некрасову от 2 декабря 1873 г.

[5] Г. А. Носачевский, в первой половине 1840-х гг. учитель российской словесности в Новгород-Северской гимназии.

[6] А. А. Некрасова, очевидно, училась в Ярославском женском благородном пансионе М. К. Буткевич (см. о нем: Мельгунов, с. 72—79) и в 1842 г., возможно, исполняла в пансионе обязанности гувернантки.

[7] 8 октября 1842 г. Некрасов представил в цензуру свой водевиль «Кольцо маркизы, или Ночь в хлопотах», поставленный впервые на сцене Александринского театра 2 ноября 1842 г. (см.: наст. изд., т. VI, с. 705). По-видимому, именно с этими обстоятельствами Некрасов связывал надежду на некоторое улучшение своего материального положения.

[8] Сведений о поездке Некрасова на лечение в 1843 г. нет.

[9] В конце 1830-х—1840-е гг. А. С. Некрасов выиграл несколько тяжб о наследствах, в результате чего из мелкопоместного дворянина с 52 крепостными душами превратился в помещика «средней руки» с 400 душами. (Подробно об этом см.: *Тарасов А. Ф.* Новые архивные материалы о семье Некрасовых (Грешнево). — О Некр. I, с. 259—276).

[10] Об отношениях Некрасова с отцом см. его автобиографические заметки (см.: наст. изд., т. XIII, кн. 2, с. 55—56). Ср. также свидетельство А. А. Буткевич об этих отношениях (Некр. в восп., с. 386).

[11] Этот план не был осуществлен. Ср. п. 15.

[12] Ф. А. Некрасов.

[13] Некрасов был в Ярославле и Грешневе с конца июля до конца 1841 г.

[14] В августе 1842 г. К. А. Некрасов окончил обучение в Московском кадетском корпусе и, не получив офицерского чина, был выпущен в артиллерию «юнкером с выслугою в этом звании до производства в офицеры шести лет». До отправления к месту службы Константин, очевидно, получил отпуск и приезжал домой в Ярославль и Грешнево. Для получения перспективного назначения нужны были протекции влиятельных военных и значительные уси-

лия родных. С 1 января 1843 г. юнкер К. А. Некрасов был зачислен в Куринский егерский полк Отдельного Кавказского корпуса, где прослужил, участвуя в боевых действиях против отрядов Шамиля, до конца 1850 г., так и не получив офицерского чина (подробно см.: Мельгунов, с. 150—177).

[15] Известно, что А. С. Некрасов, страстный любитель псовой охоты и лошадей, во второй половине 1830-х—начале 1840-х гг. содержал «по Ярославской губернии почтовых и для земских судов лошадей», торговал собаками и лошадьми. Эту фамильную страсть унаследовал и его младший сын, который в свои юные годы был, очевидно, причастен к этой хозяйственной деятельности отца (подробнее см.: Мельгунов, с. 178—182). См. также п. 15.

[16] С. Г. Звягин.

1844

11. В. Р. ЗОТОВУ

(С. 47)

Подлинник: ИРЛИ, ф. 357, оп. 3, № 52, л. 1—2.
Впервые: С, 1913, № 1, с. 235.

[1] Летом 1844 г. Некрасов жил на даче в Кушелевой деревне. Его деловые поездки в город и обратно были связаны с расписанием движения омнибуса. «Вторник» — 6 июня 1844 г. Посещение Зотова в этот день связано, очевидно, с началом работы по составлению альманаха «Физиология Петербурга». Ср. п. 12.

[2] См. о нем: наст. изд., т. XII, кн. 2, с. 388.

12. В. Р. ЗОТОВУ

(С. 48)

Подлинник: ИРЛИ, ф. 548, оп. 1, № 191, л. 4.
Впервые: С, 1913, № 1, с. 235.
На обороте письма почтовый штемпель: «июль 19, 4 час».

[1] Будущий альманах «Физиология Петербурга». Судя по содержанию п. 13, до 1 августа Зотов уведомил Некрасова о готовящихся им материалах для альманаха.

[2] В «Отечественных записках» Некрасов сотрудничал с 1841 г.

13. В. Р. ЗОТОВУ

(С. 48)

Подлинник: ИРЛИ, ф. 357, оп. 3, № 52, л. 4.
Впервые: Собр. соч. 1930, т. V, с. 59—60.
Год устанавливается по связи с п. 12.

[1] Благодарность, очевидно, за положительный ответ на п. 12. Ср. п. 14.

14. В. Р. ЗОТОВУ

(С. 49)

Подлинник: ИРЛИ, ф. 357, оп. 3, № 52, л. 3.

Впервые: факсимиле в изд.: *Полевой П. Н.* История русской словесности с древнейших времен до наших дней, т. III. СПб., 1900, с. 564; текст — ПСС, т. X, с. 40.

Датируется по содержанию.

[1] Рецензия Некрасова на эту драму Ф. Сулье в переводе Д. В. Григоровича помещена в № 35 «Литературной газеты» от 7 сентября 1844 г. (см.: наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 334, 465).

[2] Газета с рецензией Некрасова вышла в четверг (7 сентября), значит, понедельник был 4 сентября.

[3] Имеется в виду очерк Григоровича «Петербургские шарманщики», включенный в часть первую альманаха «Физиология Петербурга» (ср.: наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 188).

[4] В одной из первых печатных информаций о содержании готовящейся первой части «Физиологии Петербурга» названа: «6. „Петербург зимой и летом", статья г. В. З⟨отова⟩» (РИ, 1844, 9 ноября, № 256, с. 1009). О возможной принадлежности фельетона «Журнальные отметки» с этой информацией самому Некрасову см.: наст. изд., т. XII, кн. 2, с. 423. По неизвестным причинам (ср.: НЖ, с. 34) участие Зотова в «Физиологии Петербурга» не состоялось.

15. А. А. БУТКЕВИЧ

(С. 49)

Подлинник: ИРЛИ, ф. 203, № 54, л. 1—2.

Впервые: КиР, 1921, № 2 (14), с. 63.

[1] Названные письма к А. С. Некрасову неизвестны. Если верить воспоминаниям А. А. Буткевич, после 1841 г. Некрасов впервые гостил в Грешневе летом 1844 г. (Некр. в восп., с. 398; ср.: О Некр., II, с. 274). Однако в это лето Некрасов снимал дачу под Петербургом (см. п. 12) и, очевидно, не ездил в родные места (ср. другие письма этого периода). Предыдущая поездка поэта на родину предположительно была в июне—августе 1843 г. (ср. в комментируемом письме: «...не пишу и тебе по году»; см. также: Н. А. Некрасов и Ярославский край. Ярославль, 1953, с. 12).

[2] Г. С. Буткевича.

[3] Эта поездка не состоялась. Переписка поэта с отцом, относящаяся к этому времени, неизвестна.

[4] Фраза начинается измененной цитатой из Летописи Нестора. См. также: наст. изд., т. IX, кн. 1, с. 29—30; кн. 2, с. 342; т. XIII, кн. 2, с. 137. Речь идет о нереализованном намерении Некрасова поступить на службу (ср. п. 10).

[5] С середины июня до сентября 1845 г. Некрасов жил в Грешневе. Ср. п. 19, написанное, вероятно, после поездки.

[6] Лицо неустановленное.

[7] С. Я. Полозова.

[8] Содержание упоминаемой «цидулки» для Ф. А. Некрасова неизвестно. Возможно, она имела отношение к подготовке младшего

брата поэта к поступлению на военную службу. В начале октября 1844 г. А. С. Некрасов готовил документы для поступления Федора в кавалерию и пытался получить протекцию бывшего своего сослуживца генерала А. Н. Лидерса. Эта попытка оказалась безуспешной, главным образом из-за низкого образовательного уровня Федора. Подробно см.: Мельгунов, с. 182—183.

1845

16. Ф. А. КОНИ

(С. 51)

Подлинник неизвестен. Печатается по копии А. Н. Пыпина: ИРЛИ, № 21132, л. 13.

Впервые: Некр. сб., I, с. 44.

[1] Имеется в виду издание: «Дедушка Крылов. Книга для подарка детям. С портретом Крылова и картинками, изображающими сцены из его жизни. Картинки рисованы г. Агиным» (СПб., 1845). Книга была написана Д. В. Григоровичем по заказу Некрасова, который осуществил это издание.

[2] Эта рекламная рецензия Некрасова помещена в № 14 «Литературной газеты» от 12 апреля 1845 г. (см.: наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 206).

[3] В 1845 г. Ф. А. Кони после годичного перерыва (в 1844 г. он не участвовал в газете, и фактическим ее редактором был Некрасов) вновь взял «Литературную газету» под свою редакцию, а Некрасов с апреля того же года перестал быть постоянным сотрудником этого издания.

[4] Напечатана в № 14 «Литературной газеты» 1845 г. (см.: наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 195).

17. А. В. НИКИТЕНКО

(С. 51)

Подлинник: ИРЛИ, № 18607, л. 1.

Впервые: Летопись Дома литераторов, 1921, № 3, с. 4.

[1] «Петербургский сборник», разрешенный цензурой к печати 12 января 1846 г. Цензоры: И. А. Ивановский, А. В. Никитенко, А. Л. Крылов.

[2] Имеется в виду Н. П. Огарев. В «Петербургском сборнике» не участвовал. Кроме указанных в письме И. И. Панаева, В. Г. Белинского, А. Н. Майкова, И. С. Тургенева в альманахе участвовали: А. И. Герцен, Ф. М. Достоевский, А. И. Кронеберг, Н. А. Некрасов, А. В. Никитенко, В. Ф. Одоевский, В. А. Соллогуб.

[3] Помещена в альманахе под заглавием «Помещик. Рассказ в стихах».

[4] Обстоятельства, связанные с публикацией первого романа Достоевского, описаны Некрасовым в незавершенной повести «В тот же день часов в одиннадцать утра...» (см.: наст. изд., т. VIII, с. 411, 766).

[5] Об истории названия и самой подготовке альманаха см.: наст. изд., т. XIII, кн. 1, с. 348—349.

[6] Оставив дела по сбору в Петербурге материалов для альманаха на попечение В. Г. Белинского, Некрасов в июле 1845 г. выехал в Москву, а затем в Ярославль, где пробыл до конца сентября 1845 г. Результатом этой поездки стала договоренность с А. И. Герценом, в имении которого (Соколово, под Москвой) Некрасов некоторое время гостил, о передаче для «Петербургского сборника» его статьи «Капризы и раздумье».

18. Н. Х. КЕТЧЕРУ

(С. 52)

Подлинник: РГБ, ф. 476, М. 5185, № 16, л. 4—5.

Впервые: Записки Отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, вып. 9, 1940, с. 5—6.

Год определяется по упоминанию романа А. Дюма «Королева Марго» и карандашной помете Кетчера (?) на подлиннике: «10 окт. 1845, кажется».

[1] Лето 1845 г. Некрасов провел в Москве и Ярославле и вернулся в Петербург в начале октября (Достоевский, т. XXVIII, кн. 1, с. 112).

[2] Кетчер гостил у Белинского в феврале 1845 г. (см.: Оксман. Летопись Белинского, с. 398, 400).

[3] Ср. п. 23.

[4] А. С. Комаров.

[5] Роман А. Дюма «Королева Марго» в переводе А. И. Кронеберга первоначально был напечатан в № 7—9 «Отечественных записок» 1845 г. В сентябре того же года А. А. Краевский выпустил эту книгу отдельным изданием в двух томах (см. рецензию: Белинский, т. IX, с. 322—323).

[6] Ср. описание этой «позорной истории», окончившейся исключением Кронеберга из состава сотрудников «Отечественных записок» Краевского, в письме Белинского к А. И. Герцену от 2 января 1846 г. (Белинский, т. XII, с. 253—254; см. также: *Тютчев Н. Н.* Мое знакомство с Белинским. — В кн.: Белинский в воспоминаниях современников. М., 1962, с. 497—498).

[7] К. А. Горбунов был доверенным лицом А. И. Герцена в его сношениях с Краевским во время печатания в «Отечественных записках» «Писем об изучении природы» Герцена (Герцен, т. XXII, с. 243, 407).

[8] Эта статья Герцена, отосланная автором Белинскому для «Петербургского сборника» около 30 октября 1845 г. (см.: Оксман. Летопись Белинского, с. 414), по-видимому, не была пропущена цензурой и впервые напечатана в 1862 г. в т. III лондонского издания «Былое и думы».

[9] По-видимому, имеется в виду статья Герцена «По разным поводам» из цикла «Капризы и раздумье», напечатанная впервые в «Петербургском сборнике».

19. А. А. и Г. С. БУТКЕВИЧАМ

(С. 53)

Подлинник: ИРЛИ, ф. 203, № 54, л. 3.
Впервые: Нива, 1918, № 21, с. 329 (текст и факсимиле).

Первое письмо после летней поездки в Ярославль, где поэт познакомился и сблизился с Г. С. Буткевичем.

[1] Возможно, имеется в виду надежда Некрасова встретиться (по просьбе Г. С. и А. А. Буткевичей?) с Александром (Адольфом) Станиславовичем Буткевичем (братом Генриха Станиславовича), который с 1844 г. служил в Кронштадте (указано Б. Л. Бессоновым). Письмо о результатах этой поездки неизвестно.

[2] В доме А. Д. Тулубьева (Поварской переулок, 12) Некрасов жил в 1845—1846 гг. (Некр. сб., I, с. 208—209).

[3] Путятино — волостной центр по соседству с родовым имением Некрасовых Грешневым под Ярославлем. Описано поэтом под названием «Кузьминское» («богатое 〈...〉 торговое село») в главе «Сельская ярмонка» поэмы «Кому на Руси жить хорошо».

[4] «Петербургский сборник» (СПб., 1846). — Ср. п. 17.

[5] М. А. Языков.

20. Н. В. КУКОЛЬНИКУ

(С. 54)

Подлинник: РНБ, ф. 402, № 28.
Впервые: Отчет имп. Публичной библиотеки за 1884 г. СПб., с. 144—145 (частично); ЕС, 1903, № 1, с. 62—63 (полностью).

Письмо Некрасова редактору «Иллюстрации» Н. В. Кукольнику было отправлено в момент очередного обострения полемики между «Северной пчелой» и «Иллюстрацией», шедшей на протяжении всего 1845 г. Так, в № 27 «Иллюстрации» от 13 октября 1845 г. (с. 431) Кукольник упрекал Булгарина в отсутствии систематического образования и художественного вкуса, на что Булгарин через неделю отвечал: «...главную черту *европейского образования* составляет знание литературы и светских приличий 〈...〉 умеренность в выражениях и отсутствие всякого самохвальства. Вот вам и объяснение *загадки для вас*: что такое *европейское образование*» (СП, 1845, 20 окт., № 237, с. 947). Употребив слово «загадка», Булгарин имел в виду постоянный в «Иллюстрации» раздел «Загадка», где помещались шарады. Сатира Некрасова «Он у нас осьмое чудо...», посланная Кукольнику, была построена также в форме загадки, отгадка которой подсказывалась подразумеваемыми рифмами (барин — Булгарин, лакей — Фаддей).

Возможно, желание Некрасова выступить против редактора «Северной пчелы» непременно в ближайшем (от 27 октября) номере «Иллюстрации» было вызвано появлением незадолго до того в «Северной пчеле» резко отрицательной рецензии Л. В. Бранта на «Физиологию Петербурга» (СП, 1845, 17—19 окт., № 234—236; подпись: «Я. Я. Я.»), содержавшей ряд выпадов против Некрасова.

На обращение Некрасова Кукольник откликнулся в № 29 «Иллюстрации» от 27 октября 1845 г. (с. 463) в разделе «Переписка»:

«Г-ну Н-ову. Странно, если думаете, что „Иллюстрация" увлекается духом личности, и потому только, что творец всякой всячины («Журнальная всякая всячина» — информационно-полемический отдел в «Северной пчеле», который вел Булгарин. — *Ред.*) с приличною ему горячностью нападает на наших наборщиков, мы уже готовы поместить все, чем только раздраженное самолюбие авторов желает поразить творца всякой всячины. Таким образом, пожалуй, еще творец всякой всячины рассердится и перестанет писать об „Иллюстрации"; остановится подписка; с тех пор как после каникул всякая всячина вооружилась противу „Иллюстрации", прибавилось сто пятьдесят подписчиков. Это факт, а не шутка! Так неужели вы хотите рассорить нас со всякой всячиной? — Что мы вам сделали такого? Чем обидели? Извините!»

См. также: *Гаркави А. М.* Заметки о Н. А. Некрасове. — Некр. сб., III, с. 266—269; *Эльзон М. Д.* Об эпиграмме «Он у нас осьмое чудо...». — Некр. сб., VIII, с. 109—110; наст. изд., т. I, с. 579.

21. В. Ф. ОДОЕВСКОМУ

(С. 55)

Подлинник: РНБ, ф. 539, оп. 2, № 803, л. 1—2.

Впервые: Летопись Дома литераторов, 1921, № 3, с. 4; см. также: Некр. по мат. ПД, с. 171—172.

Упоминаемый в записке Ф. М. Достоевский в конце 1845 г. был особенно близок Некрасову, Белинскому и их окружению. К 1 декабря 1845 г. готовился 1-й выпуск альманаха «Зубоскал», задуманного Некрасовым и Достоевским. Достоевский, только что написавший для «Зубоскала» «Роман в девяти письмах», в эти дни был занят работой над повестью «Двойник» (см. письмо Ф. М. Достоевского к брату Михаилу от 16 ноября 1845 г. — Достоевский, т. XXVIII, кн. 1, с. 115—116, 429).

22. В. Ф. ОДОЕВСКОМУ

(С. 55)

Подлинник: РНБ, ф. 539, оп. 2, № 803, л. 5—6.

Впервые: Собр. соч. 1930, т. V, с. 603.

Год определяется предположительно, по времени наиболее тесного творческого сотрудничества обоих писателей (ср. п. 24 и 25) и по возможной связи с п. 21.

[1] Эта записка, содержащая, очевидно, приглашение на обед, неизвестна.

23. Н. Х. КЕТЧЕРУ

(С. 55)

Подлинник: РГБ, ф. 476, М. 5185, № 16, л. 1.

Впервые: Записки Отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, вып. 9. М., 1940, с. 6.

[1] Речь идет о Н. П. Огареве. По-видимому, Некрасов, нуждавшийся в «оригинале» для своих изданий, предполагал поместить стихи Огарева в одном из готовившихся им в это время альманахов. Однако ни в «Петербургском сборнике», ни в альманахе «Первое апреля» стихов Огарева нет. В «Современнике» 1847 г., где впервые печатались многие произведения, собранные Белинским и Некрасовым для альманаха «Левиафан» (см. с. 259—260), помещены 3 стихотворения Огарева: «Бываю часто я смущен внутри души» (№ 1), «Отъезд» (№ 2), «Монологи» (№ 6).

[2] Речь идет о повести А. И. Герцена «Кто виноват?», начало которой помещено в декабрьском номере «Отечественных записок» 1845 г.

[3] Письмо Некрасова Кетчеру с упоминанием «Зубоскала» неизвестно. Сатирический альманах «Зубоскал» был задуман Некрасовым совместно с Д. В. Григоровичем и Ф. М. Достоевским в октябре 1845 г. как периодическое издание (см.: Достоевский, т. XXVIII, кн. 1, с. 113). В юмористическом объявлении об этом альманахе, написанном Достоевским при возможном участии Некрасова (опубликовано в № 11 «Отечественных записок» 1845 г.), в частности, был обещан «смех над всеми, над всем». Автор обещал высмеивать «весь ⟨...⟩ Петербург с его блеском и роскошью, громом и стуком, с его бесконечными типами, с его бесконечною деятельностью, задушевными стремлениями, с его господами и сволочью ⟨...⟩ позлащенной и непозлащенной, аферистами, книжниками, ростовщиками». «„Зубоскал" будет, — говорилось в объявлении, — отголоском правды, трубою правды, будет стоять день и ночь за правду, будет ее оплотом, хранителем...» (Достоевский, т. XVIII, с. 7, 8).

Первый выпуск альманаха должен был выйти в свет в ноябре 1845 г., но был, по-видимому, запрещен цензурой. «Одна неосторожная фраза в объявлении, — вспоминал Д. В. Григорович, — „Зубоскал" „будет смеяться над всем, что достойно смеха" послужила поводом к отставке издания» (Григорович, с. 76).

[4] Материалы «Зубоскала» вошли в состав некрасовского альманаха «Первое апреля» (1846 г.) — см.: наст. изд., т. VII, с. 616—617.

[5] Московские авторы в альманахе «Первое апреля» не участвовали.

[6] Возможно, имеется в виду подготовленный Кетчером 14-й выпуск драматических произведений В. Шекспира (Все хорошо, что хорошо кончилось. М., 1846) в его переводе.

[7] В ноябре—декабре 1845 г. И. С. Тургенев жил в Петербурге, где в это время гастролировала П. Виардо.

[8] Ср. п. 18. П. В. Анненков выехал из Петербурга за границу 8 января 1846 г. (Белинский, т. XII, с. 257).

[9] А. С. Комаров.

[10] Прозвище И. И. Маслова, данное ему И. С. Тургеневым.

24. В. Ф. ОДОЕВСКОМУ

(С. 56)

Подлинник: РНБ, ф. 539, оп. 2, № 803, л. 3—4.

Впервые: Летопись Дома литераторов, 1921, № 3, с. 4; см. также: Некр. по мат. ПД, с. 172.

[1] Письмо Некрасова написано во вторник.

[2] Речь идет, очевидно, о печатании «Петербургского сборника» (ценз. разр. — 12 января 1846 г.), в котором помещен рассказ Одоевского «Мартингал. (Из записок гробовщика)».

25. В. Ф. ОДОЕВСКОМУ

(С. 57)

Подлинник: РНБ, ф. 539, оп. 2, № 803, л. 7—8.

Впервые: Летопись Дома литераторов, 1921, № 3, с. 4; см. также: Некр. по мат. ПД, с. 172.

Год устанавливается по связи с п. 24.

[1] Речь идет, очевидно, о рассказе Одоевского «Мартингал» для издаваемого Некрасовым «Петербургского сборника» (см. также п. 24 и комментарий к нему).

[2] «Петербургский сборник» цензуровался И. А. Ивановским, А. В. Никитенко и А. Л. Крыловым. Вошедшие в сборник стихотворения Некрасова («Пьяница», «Отрадно видеть...» и «Колыбельная песня») цензуровал Никитенко, который был для Некрасова «опорным» при издании «Петербургского сборника».

1846

26. А. В. НИКИТЕНКО

(С. 57)

Подлинник: ИРЛИ, № 18607, л. 3.

Впервые: Некр. по мат. ПД, с. 176.

[1] Имеется в виду, очевидно, статья Никитенко «О характере народности в древнем и новейшем искусстве», вошедшая в состав «Петербургского сборника».

[2] Кроме упоминаемой в п. 17 поэмы И. С. Тургенева «Помещик» в «Петербургском сборнике» помещены стихотворения А. Н. Майкова «Машенька» (поэма), «Для чего природа...» и «Первый поцелуй»; И. С. Тургенева «Тьма (*Из Байрона*)» и «Римская элегия» (*Гёте, XII*); Н. А. Некрасова «В дороге», «Пьяница», «Отрадно видеть...» и «Колыбельная песня».

27. В. Г. БЕЛИНСКОМУ

(С. 58)

Подлинник: РГБ, ф. 195, М. 5184. 20.

Впервые: Белинский. Письма, т. III, с. 359—360.

[1] Это письмо Некрасова неизвестно. С начала 1846 г. Белинский не продлил договора с редактором «Отечественных записок» А. А. Краевским о постоянном сотрудничестве в журнале, обязавшись, однако, возместить долг (взятые вперед деньги) статьями для этого издания. Для укрепления своего материального положения и

под впечатлением успеха «Физиологии Петербурга» и «Петербургского сборника», изданных Некрасовым в 1845—1846 гг., критик решил собрать и издать весной 1846 г. огромный альманах (около 50 печатных листов) под названием «Левиафан». С этой целью он обратился к ближайшим своим петербургским и московским друзьям с просьбой дать материалы для этого издания. К весне в распоряжении Белинского уже были произведения В. П. Боткина, А. И. Герцена, К. Д. Кавелина, Н. А. Мельгунова, С. М. Соловьева, М. С. Щепкина и др. Готовили свои произведения для «Левиафана» А. Д. Галахов, И. А. Гончаров, Т. Н. Грановский, Ф. М. Достоевский, П. Н. Кудрявцев, А. Н. Майков, И. И. Панаев, И. С. Тургенев. Некрасов предложил в «Левиафан» юмористическую поэму «Семейство» (см.: Белинский, т. XII, с. 254), однако вскоре решил поместить «два отрывка» из нее в «Петербургский сборник» (см.: наст. изд., т. XIII, кн. 1, с. 44), а в «Левиафан» дать повесть, которую еще весной 1845 г. обещал А. А. Краевскому для журнала (Белинский, т. XII, с. 260). Поэма «Семейство» остается неизвестной; повесть — по-видимому, «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» (ср.: наст. изд., т. XIII, кн. 1, с. 48). В одной из своих последних статей в «Отечественных записках» Белинский анонсировал на осень «огромный сборник статей литературного и ученого содержания, в котором 〈...〉 будет до восьми оригинальных повестей и несколько поэм в стихах» (Белинский, т. IX, с. 591). В конце апреля 1846 г. Белинский уехал в Симферополь, поручив продолжение работы над «Левиафаном» Некрасову. Однако поступление целого ряда обещанных для альманаха материалов оттягивалось на неопределенное время или становилось проблематичным. «...Сборник Белинского и не мог состояться, — писал И. И. Панаев Н. Х. Кетчеру 1 октября 1846 г. — Господа здешние просто без церемоний объявили, что они не могут отдать Белинскому статей, обещанных ими (Достоевский, Гончаров и др.), ибо-де они люди бедные и им нужны деньги сейчас, а от Белинского они имеют еще только отдаленные надежды на деньги...» (Белинский. Письма, т. III, с. 362).

[2] Летом 1846 г. Некрасов с И. И. и А. Я. Панаевыми гостил в казанском имении Г. М. Толстого Ново-Спасском.

[3] Рукопись романа И. А. Гончарова «Обыкновенная история» была передана автором Белинскому через М. А. Языкова в конце марта 1846 г. (Сборник Российской публичной библиотеки, т. II. Л., 1924, с. 7). Гончаров в конце концов согласился отдать роман Некрасову с оплатой 200 руб. за печатный лист (Белинский. Письма, т. III, приложение, с. 362).

[4] Первого апреля 1846 г. Ф. М. Достоевский писал брату: «Явилась целая тьма новых писателей. Иные мои соперники. Из них особенно замечателен Герцен (Искандер) и Гончаров. 〈...〉 второй начинающий и не печатавшийся нигде. Их ужасно хвалят» (Достоевский, т. XXVIII, кн. 1, с. 120).

[5] М. А. Языков.

[6] В «Отечественных записках» А. А. Краевского 1846 г. (№ 10) напечатана повесть Достоевского «Господин Прохарчин». Из обещанных Белинскому повестей «Сбритые бакенбарды» и «Повесть об уничтоженных канцеляриях» (Достоевский, т. XXVIII, кн. 1, с. 120) на первую критик рассчитывал как на одну из «капитальных вещей в будущем альманахе» (Белинский, т. XII, с. 261).

[7] И. С. Тургенев, живший летом в Спасском, вернулся в Петербург во второй половине октября 1846 г. (Тургенев 2, Письма, т. 1,

с. 544). Он обещал для альманаха «Левиафан» повесть и поэму (Белинский, т. XII, с. 54), имея в виду, вероятно, рассказ «Петр Петрович Каратаев» (опубл. в «Современнике» 1847 г., № 2) и оставшуюся ненаписанной поэму «Маскарад» (ср.: п. 40; наст. изд., т. XIII, кн. 1, с. 48). Предположение о том, что Белинскому был обещан рассказ «Петр Петрович Каратаев», высказано М. А. Ванюшиной (Учен. зап. Саратовского университета, 1952, т. XXXI, с. 268); Л. М. Долотова опровергла его на том основании, что Белинский не был знаком с рассказом до его публикации (это подтверждается письмами Некрасова от 15 (27) февраля и Белинского от 19 февраля (3 марта) 1847 г. к Тургеневу), «хотя к осени 1846 г. в его распоряжении находились все материалы, собранные для альманаха» (Тургенев 2, Соч., т. III, с. 494). Однако содержание комментируемого письма и другие приведенные выше материалы свидетельствуют о том, что основные вкладчики альманаха — Достоевский, Некрасов, Панаев, Тургенев и к концу сентября 1846 г. не доставили своих произведений в редакцию альманаха. Неблагополучное положение «Левиафана» имел в виду и Панаев, писавший Н. Х. Кетчеру 26 сентября 1846 г.: «Не задерживайте Белинского в Москве и объясните ему выгоды для него нашего журнала. С альманахом своим он решительно бы сел. Об этом уже и писали к нему» (Белинский. Письма, т. III, с. 361). Косвенное упоминание в письме Панаева комментируемого письма Некрасова — основание для его второй крайней даты.

[8] «Родственники», напечатанная в двух первых номерах «Современника» 1847 г.

[9] История перехода «Современника» П. А. Плетнева в руки Некрасова, Белинского и Панаева подробно изложена в комментарии к объявлению «Об издании „Современника" в 1847 году» (см.: наст. изд., т. XIII, кн. 1, с. 354—357).

[10] По расчетам Некрасова, изложенным в его письме к В. П. Боткину от 11 апреля 1847 г. (см. п. 38), Белинский получил за статьи, собранные им для «Левиафана» и переданные в «Современник», 1500 руб. ассигнациями. В неотправленном письме к М. Е. Салтыкову от апреля 1869 г. (вариант 4-й) Некрасов указывал: «Из статей, перешедших в „Современник" из предполагавшегося сборника, кроме двух, все оплачены были деньгами журнала» (наст. изд., т. XV, кн. 1). Однако расчет с Некрасовым и Панаевым за материалы «Левиафана», их обещание обеспечить ему «условия самые лучшие» (см. ниже) означал для них выход Белинского из числа пайщиков «Современника». Имея в виду, очевидно, комментируемое письмо, Некрасов писал в том же письме к Салтыкову (вариант 2-й): «Об этом (об аренде журнала у Плетнева. — *Ред.*) и об условиях, на коих он может вступить в дело, было ему написано, он отвечал согласием».

[11] Одним из важнейших условий Некрасова и Панаева, приобретавших свой журнал, было «исхитить Белинского ⟨...⟩ из железных лап бессовестного и бесстыдного спекулятора» Краевского (Белинский. Письма, т. III, с. 362), обеспечить ему возможность избирать темы статей по его собственному желанию, укрепить материальное положение критика. См. также письмо Некрасова к Тургеневу от 15 февраля 1847 г. (п. 34). Уязвленный на первых порах невключением его в число пайщиков «Современника» (Белинский, т. XII, с. 334—335; 342—344), критик скоро оценил все преимущества своего нового положения. «...Я был спасен „Современником", —

писал он В. П. Боткину 5 ноября 1847 г. — Мой альманах, имей он даже большой успех, помог бы мне только временно. Без журнала я не мог существовать. Я почти ничего не сделал нынешний год для „Современника", а мои 8 тысяч давно уже забрал. Поездка за границу, совершенно лишившая „Современник" моего участия на несколько месяцев, не лишила меня платы. На будущий год я получаю 12 000. Кажется, есть разница в моем положении, когда я работал в „Отечественных записках". Но эта разница не оканчивается одними деньгами: я получаю много больше, а делаю много меньше. Я могу делать, что хочу. Вследствие своего условия с Некрасовым мой труд больше качественный, нежели количественный; мое участие более нравственное, нежели деятельное 〈...〉 Не Некрасов говорит мне, что я должен делать, а я уведомляю Некрасова, что я хочу или считаю нужным делать» (Белинский, т. XII, с. 415).

[12] Накануне окончательного разрыва с «Отечественными записками» Белинский писал Герцену (20 марта 1846 г.) о Краевском: «Он говорит обо мне как о потерянном мальчике, которого ему жаль; говорит, что я никогда не умел покориться никакому долгу, никакой обязанности. Теперь через Некр〈асова〉 пытает о моих делах, делает вид, что принимает участие, и, кажется, ему хочется, чтоб я взял у него денег 〈...〉 Вообще ему, как видно, неловко, и он сконфужен. Слышал я, что он распространяет слухи, что хочет мне отказать, как человеку беспокойному и его изданию опасному» (Белинский, т. XII, с. 268).

В очередном доносе Ф. В. Булгарина в III отделение (март 1846 г.), озаглавленном «Социализм, коммунизм и пантеизм в России в последние 25 лет» и посвященном преимущественно «Отечественным запискам» Краевского и «первому его министру» Белинскому, в частности, говорилось: «...декабрьская книжка „Отечественных записок", на которую правительство обратило внимание 〈...〉 гораздо безвиннее других книжек, потому что вышла в свет в то время, когда новый попечитель Мусин-Пушкин обратил на журнал некоторое внимание. Тут Краевский сыграл мастерски комедию. Пришел сам к попечителю, которому прежде был рекомендован князьями Вяземским, Одоевским и правителем канцелярии министра народного просвещения Комовским, и объявил, что в журнале находится кое-что не так, как бы следовало, но виноват в том сотрудник Белинский, которого он якобы удаляет от журнала, и, чтоб замять дело, дал Белинскому денег на поездку в Крым, якобы лечиться, обязав его, однако ж, писать оттуда» (*Лемке Мих.* Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. СПб., 1909, с. 308).

Одним из первых сигналов охлаждения Краевского к Белинскому стала заметка «„Северная пчела" в июле 1846 года», вызванная статьей Булгарина с выпадами против «Отечественных записок» и его ведущих сотрудников. «Гений новой школы, — писал Булгарин, — это г. Некрасов и все сотрудники „Отечественных записок"! А этот журнал распространен или, правильнее сказать, навязан почти всем провинциальным чиновникам, которые почитают г. Белинского верховным судьею в литературе!!!!» (СП, 1846, 9 июля, № 151, с. 604).

Выписав обширную цитату из «Северной пчелы», включающую и вышеприведенные строки, публицист «Отечественных записок» не счел нужным защищать бывших сотрудников журнала и потре-

бовал лишь объяснения, «из каких источников и при чьем содействии почерпнул он (Булгарин. — *Ред.*) сведения о том, будто бы „Отечественные записки" навязаны почти всем провинциальным чиновникам?» (ОЗ, 1846, № 8, отд. VIII, с. 153).

[13] Последнее дошедшее до нас письмо Белинского к Герцену датировано 6 сентября 1846 г. Первая часть романа Герцена «Кто виноват?» печаталась в «Отечественных записках» 1845 г. (№ 12) и 1846 г. (№ 4). Отдельное издание этого романа в 2 частях было приложено к январской книжке «Современника» 1847 г.

[14] А. А. Краевскому. В объявлении «„Современник". Литературный журнал на 1847 год» подписчикам был обещан «безденежно вполне оконченный роман г. Искандера „Кто виноват?", начало которого печаталось в „Отечественных записках"» (см.: наст. изд., т. XIII, кн. 1, с. 48).

[15] По-видимому, «Иван Саввич Поджабрин», напечатанная в № 1 «Современника» 1848 г. Ср. п. 63.

[16] А. Я. Панаева.

[17] Агентство и комиссионерство Языкова и К°, открытое в 1846 г., находилось на Невском проспекте у Аничкова моста, в доме Лопатина; занималось, в частности, подпиской на книги и периодические издания для провинциальных подписчиков. Здесь же с 1847 г. была петербургская контора «Современника». Рекламе этого предприятия Некрасов посвятил специальный фельетон «Выбранные места из приятельских писем» (см.: наст. изд., т. XII, кн. 1, с. 279—288).

28. А. В. НИКИТЕНКО

(С. 60)

Подлинник: ИРЛИ, № 18607, л. 58—59.

Впервые: Некр. по мат. ПД, с. 176—179.

Дата устанавливается путем сопоставления датирующей пометы на письме Некрасова («Суббота»), даты дневниковой записи (12 октября 1846 г.) Никитенко о его окончательном согласии быть официальным редактором «Современника» (Никитенко, т. I, с. 298) и даты (29 октября 1846 г.) официального утверждения С.-Петербургским цензурным комитетом передачи «Современника» под редакцию Никитенко по прошению П. А. Плетнева (НЖ, с. 74).

[1] Это принципиальное положение отражено в объявлении новой редакции о подписке на «Современник» 1847 г. (см.: наст. изд., т. XIII, кн. 1, с. 281).

[2] И. И. Панаев, основной вкладчик средств для финансирования журнала, его издатель.

[3] Имеется в виду Г. М. Толстой (см. п. 35).

[4] В договоре Панаева с П. А. Плетневым арендная плата владельцу журнала была определена в размере 3000 руб. серебром в год.

[5] Договор Панаева с Плетневым об аренде «Современника» сроком на пять лет был официально подписан 23 октября 1846 г. (Евгеньев-Максимов. Совр I, с. 36).

[6] Этот документ неизвестен.

[7] Имеется в виду, очевидно, первое, не дошедшее до нас объявление о подписке на новый «Современник», которое было отпечатано к 26 октября 1846 г. (см. п. 29).

29. Н. М. ЩЕПКИНУ

(С. 61)

Подлинник: ГИМ, ф. 276, оп. 1, № 51, л. 1.
Впервые: Огни, с. 285—286.

[1] Имеется в виду один из вариантов объявления об издании «Современника» в 1847 г. под новой редакцией (А. В. Никитенко, И. И. Панаев, Н. А. Некрасов и В. Г. Белинский) в виде красочной афиши (подробнее см.: наст. изд., т. XIII, кн. 1, с. 356—357).

30. А. В. НИКИТЕНКО

(С. 61)

Подлинник: ИРЛИ, № 18607, л. 5.
Впервые: Некр. по мат. ПД, с. 179—181.

[1] «Хорь и Калиныч», первый рассказ И. С. Тургенева из его цикла «Записки охотника», помещенный в отделе «Смесь» первого номера «Современника» 1847 г.
[2] Имеется в виду статья В. Г. Белинского «Взгляд на русскую литературу 1846 года», помещенная также в № 1 журнала 1847 г.
[3] Январский номер «Современника» 1847 г., разрешенный к печати цензорами И. А. Ивановским и С. С. Куторгой 30 декабря 1846 г., вышел в свет 1 января 1847 г.

1847

31. А. В. НИКИТЕНКО

(С. 62)

Подлинник: ИРЛИ, № 18607, л. 7.
Впервые: Некр. по мат. ПД, с. 181—182.

[1] Статья министра просвещения С. С. Уварова «Исследование об элевсинских таинствах», помещенная в № 2 «Современника» 1847 г. с предисловием «От редакции», написанным, очевидно, А. В. Никитенко.
[2] Напечатан анонимно в «Смеси» № 3 «Современника» 1847 г.
[3] В февральском номере журнала 1847 г. напечатаны стихотворения «Псовая охота» Некрасова и «Отъезд» Н. П. Огарева, в «Смеси» этого номера помещен анонимно рассказ А. В. Станкевича «Из переписки двух барышень».

32. Н. Х. КЕТЧЕРУ

(С. 62)

Подлинник: РГБ, ф. 476, М. 5185, № 27.3, л. 6.
Впервые: ПСС, т. X, с. 58—59.
Представляет собой приписку к письму И. И. Панаева Кетчеру от 11 января 1847 г.

[1] Речь идет о трудностях (недостаток средств, материалов, цензурные препятствия, конкурентная борьба и пр.), с которыми столкнулся Некрасов в начале издания «Современника» под его редакцией.

[2] В Москве в это время было две конторы «Современника»: на Страстном бульваре, в доме университетской типографии, и на Никольской, при книжных магазинах И. В. Базунова и О. Л. Свешникова.

[3] Этот документ неизвестен.

[4] Эта записка неизвестна.

[5] В «Современнике» 1847 г. такой статьи нет. Публикации Ваненко (псевдоним И. И. Башмакова) в «Современнике» также неизвестны. Ср. «физиологический очерк» «Петербургское купечество», помещенный с астронимом*** в № 6 журнала того же года (отд. I, с. 177—183).

[6] Возможно, имеется в виду фельетон Некрасова «Выбранные места из приятельских писем» (С, 1847, № 12; наст. изд., т. XII, кн. 1, с. 279—288), содержащий меткие характеристики петербургских книгопродавцев.

33. А. В. НИКИТЕНКО

(С. 63)

Подлинник: ИРЛИ, № 18607, л. 39—40.
Впервые: Некр. по мат. ПД, с. 182—184.
Год устанавливается по содержанию.

[1] Имеется в виду, очевидно, рецензия Никитенко «Полное собрание сочинений И. Крылова с биографиею его, писанною П. А. Плетневым. Три тома. СПб., 1847. Жизнь и сочинения И. А. Крылова. Соч. акад. М. Лобанова. СПб., 1847» в февральском номере «Современника».

[2] О статье см. с. 264.

[3] Имеются в виду «Воспоминания о плене в Испании и у варварийцев с 1811-го по 1814-ый год. (Из записок одного немецкого офицера, доставленных в редакцию самим автором)» в переводе А. И. Кронеберга и неустановленного лица, помещенные в «Смеси» № 2 «Современника» 1847 г.

[4] Эта статья К. Д. Кавелина не была напечатана в «Современнике». Магистерская диссертация К. С. Аксакова «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» была издана в Москве в 1846 г. и защищена 6 марта 1847 г. Выраженные в диссертации мысли о Петре Великом и его политических преобразованиях были причиной задержки акта защиты диссертации (*Барсуков Н.* Жизнь и труды Погодина, т. VIII. СПб., 1894, с. 343), что, очевидно, стало известно и в Петербурге.

[5] В отделе III «Критика и библиография» февральского номера «Современника» 1847 г. из восьми рецензий четыре принадлежат Белинскому.

[6] Имеется в виду, очевидно, экземпляр 2-го издания поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» (М., 1846). Рецензия Белинского на эту книгу помещена в № 1 «Современника» 1847 г.

34. И. С. ТУРГЕНЕВУ

(С. 64)

Подлинник: ИРЛИ, № 21194, л. 6—7.
Впервые: ВЕ, 1903, № 12, с. 569—570.
Датируется по содержанию.

[1] «Ермолай и мельничиха», один из рассказов «Записок охотника». Одобрительный отзыв о нем Белинского содержится в письме к Тургеневу от 19 февраля (3 марта) 1847 г. (Белинский, т. XII, с. 336).

[2] 5 мая 1847 г. Белинский поехал лечиться в Зальцбрунн.

[3] О конфликте Белинского с Некрасовым, связанном с невключением Белинского в число пайщиков и издателей «Современника», см.: *Евгеньев-Максимов В.* Некрасов и его современники. М., 1930, с. 70—92.

[4] Контора агентства и комиссионерства для провинциальных жителей, открытая Н. Н. Тютчевым и М. А. Языковым в 1846 г. в Петербурге.

[5] Положительный отзыв Белинского о «Каратаеве» содержится в его письме к Тургеневу от 19 февраля (3 марта) 1847 г. (Белинский, т. XII, с. 336); см. также одобрительные высказывания В. П. Боткина (Литературная мысль, вып. II. Пг., 1923, с. 191), Н. П. Огарева (ЛН, т. 61, с. 756). О цензурных исключениях в «Каратаеве» см.: Тургенев, Соч., т. IV, с. 253, 255, 285.

[6] Неосуществленный замысел Тургенева.

[7] Статья Тургенева «Письма из Берлина. Письмо первое, 1 марта н. ст. 1847» опубликована в № 3 «Современника» за 1847 г., в отделе «Смесь».

[8] Рассказ «Мой сосед Радилов» опубликован в № 5 «Современника» за 1847 г.

[9] «Маскарад» — не дошедшая до нас и, вероятно, незаконченная поэма Тургенева. См. о ней: Тургенев, Письма, т. I, с. 265.

[10] Критическое отношение Белинского к четырем стихотворениям Н. П. Огарева, объединенным названием «Монологи» («гамлетовское направление», «бесцветно и вяло в эстетическом отношении»), высказано в его письме к В. П. Боткину от 29 января 1847 г. (Белинский, т. XII, с. 319). По-видимому, под влиянием Некрасова и И. И. Панаева три стихотворения этого цикла были опубликованы в «Современнике» позднее (1847, № 5).

[11] В конце февраля 1847 г. Тургенев посетил А. И. Герцена в Берлине. Герцен уехал из Берлина 23 февраля (7 марта) 1847 г. См.: Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. 1812—1850. М., 1974, с. 384, 386.

35. Г. М. ТОЛСТОМУ

(С. 65)

Подлинник (черновой вариант, оставшийся в архиве Некрасова): ИРЛИ, PI, оп. 20, № 62.

Впервые: фрагменты — Евгеньев-Максимов, Совр I, с. 39—41; полностью (окончательный текст без вариантов) — ПСС, т. X.

Подлинник, отосланный Г. М. Толстому, неизвестен.

Датируется в связи с письмом В. Г. Белинского к И. С. Тургеневу от 19 февраля 1847 г., где, в частности, сообщалось: «...так как Толстой вместо денег прислал ⟨...⟩ только вексель, и то на половинную сумму, и когда уже и в деньгах-то журнал почти не нуждался, — то он и отстранен от всякого участия в „Современнике", а вексель ему возвращен» (Белинский, т. XII, с. 335).

[1] См. об этом: наст. изд., т. XIII, кн. 1, с. 355.
[2] Эти письма неизвестны.
[3] Эти письма неизвестны.
[4] Лицо неустановленное.
[5] А. Я. Панаева.
[6] Кроме 25 000 руб. И. И. Панаева, полученных Некрасовым на основание журнала, он был вынужден взять взаймы у Н. А. Захарьиной-Герцен 5000 руб. (ср. п. 38) и, возможно, у А. Я. Панаевой (см. п. 283 и комментарий к нему).

36. А. В. НИКИТЕНКО

(С. 67)

Подлинник: ИРЛИ, № 18607, л. 9.
Впервые: Некр. по мат. ПД, с. 184—187.

К письму Некрасова приложена записка (л. 11) редактора «Журнала Министерства народного просвещения» К. С. Сербиновича от 31 марта 1847 г. к Никитенко, в которой «доводится до сведения его», что редакция «Современника» не ответила на письменное предложение редакции «Журнала Министерства народного просвещения» об обмене экземплярами журналов и не прислала ни одного из вышедших номеров своего журнала. Полный текст см.: Некр. по мат. ПД, с. 184—185.

[1] А. Н. Очкин, редактор «С.-Петербургских ведомостей» (1836—1862) и цензор.
[2] См. о них в п. 27.
[3] М. Д. Ольхин, владелец книжного магазина в Петербурге, в котором помещалась контора «С.-Петербургских ведомостей».

37. А. В. НИКИТЕНКО

(С. 69)

Подлинник: ИРЛИ, № 18607, л. 13.
Впервые: Некр. по мат. ПД, с. 187—188.

[1] Повесть П. В. Анненкова, напечатанная анонимно в № 5 «Современника» 1847 г. «Письма из Парижа» Анненкова печатались в «Современнике» 1847—1848 гг.
[2] А. Л. Крылов, цензор «Современника».

38. В. П. БОТКИНУ

(С. 69)

Подлинник: ИРЛИ, ф. 203, № 63.
Впервые: Красная новь, 1928, № 1, с. 180—181.
Год устанавливается по содержанию.

Ответ на неизвестное письмо Боткина из Москвы от начала апреля 1847 г. Комментируемое письмо, по-видимому, не было отправлено по назначению и осталось в бумагах Некрасова.

[1] Упоминаемое здесь письмо Боткина к Белинскому, которое, вероятно, относится к середине февраля 1847 г., также не найдено. Боткин взял на себя хлопоты по сбору денег для поездки Белинского за границу на лечение еще в начале февраля 1847 г. (Литературная мысль, вып. II. Пг., 1923, с. 188—189). По свидетельству К. П. Барсова, А. И. Герцен, готовившийся к отъезду за границу, распорядился в порядке помощи Белинскому о передаче ему 1000 руб. ассигнациями из долга Некрасова (ЛН, т. 56. М., 1950, с. 187). «...Что касается до 300 р. серебром Н⟨екрасо⟩ва, — сообщал Белинский в письме к Боткину от 28 февраля 1847 г., — то это дело плохо и на него нельзя рассчитывать. Н⟨екрасов⟩ сказал мне, что у него денег ни копейки, но что он может отдать мне эти 300 р. с., взявши их из кассы „Современника“ ⟨...⟩ Положим, Некр⟨асов⟩ отдаст тебе 300 р. с.; тогда мне меньше можно будет забирать, а без забору мне хоть умирать» (Белинский, т. XII, с. 337—338).

Информируя П. В. Анненкова о своих хлопотах по сбору денег на поездку Белинского, Боткин писал 29 марта 1847 г.: «Герцен, верно, теперь с вами; я ему писал насчет оставленного им на Некрасова перевода в 300 рублей серебром, что денег этих теперь Некрасов заплатить Белинскому не может. Пусть Герцен распорядится так, чтоб мне поверенный его выдал здесь хоть 100 или 150 рублей серебром на поездку Белинского...» (*Боткин В. П.* Литературная критика. Публицистика. Письма. М., 1984, с. 268).

[2] В документе под названием «Счет „Современника” с г. Белинским (на ассигнации)», составленном Некрасовым после кончины критика, в колонке сумм, выданных Некрасовым Белинскому — сотруднику «Современника», значится: «1050 р. за Герцена, которые в этот счет нейдут» (наст. изд., т. XIII, кн. 2, с. 174).

[3] Речь идет о работе Белинского в редакции «Современника» и в качестве ведущего сотрудника критического отдела журнала. Ср. названный выше «Счет „Современника”...».

[4] Имеются в виду материалы, заготовленные Белинским для альманаха «Левиафан» (см. с. 259—261) и переданные им в портфель «Современника».

[5] К этому решению после долгих колебаний Белинский пришел в середине февраля 1847 г. 17 февраля он писал Боткину: «Я спросил у Некрасова, мог ли бы я удержать мое жалованье в случае моей поездки за границу, и он отвечал утвердительно и даже советовал мне непременно ехать, обещая, что, несмотря на то что я много забрал вперед, жена моя в мое отсутствие может брать у них сколько ей нужно» (Белинский, т. XII, с. 382).

[6] «От „Современника” я и так забрал страшно, — писал Белинский Боткину 7 февраля 1847 г., — за полгода вперед, а заработал только ⟨за⟩ два месяца» (Белинский, т. XII, с. 325).

[7] К марту 1847 г. число подписчиков «Современника» составляло 1700 (Белинский, т. XII, с. 346), а к концу года достигло 2000 (Евгеньев-Максимов. Совр I, с. 107). Годовая подписка на экземпляр «Современника» стоила 15 руб. серебром.

[8] Письмо Боткина к Герцену с исполнением просьбы Некрасова неизвестно.

[9] П. А. Захарьин.

[10] «Письма об Испании» В. П. Боткина впервые напечатаны в «Современнике» 1847 (№ 3, 10, 12), 1848 (№ 11) и 1849 (№ 1, 11) гг.

39. М. Л. ОГАРЕВОЙ

(С. 71)

Подлинник: РГАЛИ, ф. 359, оп. 1, № 163, л. 12 об. Шутливая приписка (видимо, незавершенная) в письме А. Я. Панаевой к М. Л. Огаревой. Ниже следует текст, написанный Панаевой: «За эту тираду ⟨?⟩ Некрасов был прибит, другой раз я ему не позволю, конечно, позволять *писать* к вам в моем письме».

Впервые: Черняк, с. 353 (отнесено к 1848 г.).

Письмо Панаевой не датировано — очевидно, потому, что оно было отправлено вместе с неизвестным нам письмом к С. М. Воробьеву. Предположительно может быть отнесено к первой половине июня 1847 г. на основании следующих соображений: 1) упоминается о беременности М. А. Кронеберг, что находит соответствие в письме Панаевой к Огаревой от 9 августа 1847 г. (см.: Черняк, с. 326—327); 2) сообщается о жизни в течение какого-то времени на городской квартире вместо переезда на дачу, который обычно совершался в начале лета; при этом известно, что в 1847 г. Панаева была недовольна дачей, снятой в «Колонии за Средней Рогаткой», в отличие от Парголовской дачи 1848 г. (ср.: Черняк, с. 323—324, 349, 351).

40. В. Г. БЕЛИНСКОМУ, И. С. ТУРГЕНЕВУ и П. В. АННЕНКОВУ

(С. 71)

Подлинник: РГБ, ф. 21, папка 5184, № 21.

Впервые: Белинский. Письма, т. III, с. 373—375.

Год определяется временем пребывания В. Г. Белинского, И. С. Тургенева и П. В. Анненкова в Зальцбрунне.

В конце письма четыре приписки — М. С. Щепкина, И. И. Панаева, А. И. Кронеберга, И. А. Гончарова, адресованные преимущественно Белинскому.

[1] Коллективное письмо В. Г. Белинского, И. С. Тургенева и П. В. Анненкова этого времени к Некрасову неизвестно.

[2] Романы Ж. Санд «Піччинино» и «Леоне-Леони», так же как и «Манон Леско» Прево, не были пропущены цензурой в связи с ужесточением цензурной обстановки после разгрома Кирилло-Мефодиевского общества в марте 1847 г. В июльском номере «Современника» редакция извещала на обложке журнала: «Продолжение романа Жорж Санда „Пиччинино" не могло быть напечатано по причинам, независящим от редакции» (наст. изд., т. XIII, кн. 1,

с. 53). В сентябрьском номере в отделе «Смесь» напечатан пересказ окончания романа Ж. Санд «Пиччинино».

[3] Речь идет о постоянном соперничестве А. А. Краевского и его журнала «Отечественные записки» с Некрасовым, организатором «Современника».

[4] «Энциклопедический лексикон» — неосуществленный замысел А. А. Краевского и А. В. Никитенко возродить «Энциклопедический словарь» А. А. Плюшара, выпуск которого прекратился на 17-м томе в 1841 г. Об истории гибели плюшаровского «Лексикона» см.: *Греч Н. И.* Записки о моей жизни. М., 1930, с. 615—622; Никитенко, т. 1, с. 203—204. Возродить «Энциклопедический словарь» не удалось из-за отсутствия финансов и незаинтересованности его участников.

[5] Некрасов ездил в Москву в мае 1847 г. за материалами для «Современника»; в своем письме он перечисляет московских литераторов и обещанные ими материалы.

[6] Упоминаемые Некрасовым статьи Е. Ф. Корша в «Современнике» не публиковались.

[7] Под статьей «*о проклятых народах*» Некрасов имел в виду статью Т. Н. Грановского «Историческая литература во Франции и Германии в 1847 году», опубликованную в «Современнике» (1847, № 9; 1848, № 1). В статье содержались многочисленные аллюзии на общественную жизнь России 40-х гг. и обосновывалась мысль о связи истории с современностью (см.: *Мостовская Н. Н.* Т. Н. Грановский и русская литература его времени. — В кн.: Литература и история. СПб., 1992, с. 146—147). Статья Грановского о Валленштейне в «Современнике» не публиковалась. Возможно, речь шла о переводческой деятельности, которой Грановский также занимался.

[8] По-видимому, имеется в виду И. К. Бабст.

[9] «Мысли москвичей о „Современнике"» были, очевидно, связаны и с сотрудничеством в журнале Белинского, и с неровным отношением к самому Некрасову в литературных кругах Москвы, издавна соперничавших с Петербургом и его литераторами.

[10] Имеются в виду пространные статьи Н. А. Мельгунова, публиковавшиеся в «Современнике»: «Силуэты провинциальной жизни. Иван Филиппович Вернет, швейцарский уроженец и русский писатель. Из воспоминаний обыкновенного человека» (подпись: «Л.») в отделе «Словесность» (1846, № 2); «Народная одежда и европейская мода»в отделе «Смесь» (1847, № 4); «Современные заметки» в соавторстве с Р. Р. Штрандманом в отделе «Смесь» (1847, № 4); «Современные заметки» в соавторстве с В. Г. Белинским в отделе «Смесь» (1847, № 5) и др.

[11] Некрасов раскрывает авторов анонимной рецензии на книгу «Дон-Жуан. Поэма лорда Байрона», вольный перевод В. Любича-Романовича, в двух частях (СПб., 1847) (С, 1847, № 6): В. Н. Майков и А. И. Кронеберг.

[12] Какие два романа должны были публиковаться в № 6 «Современника», неизвестно, вместо них опубликованы рассказ И. Бартенева «Из записок провинциала» и рассказ, подписанный *** (автор не установлен), «Петербургское купечество. Физиологический очерк».

[13] Рассказ Тургенева «Жид», задержанный цензурой, был опубликован в № 11 «Современника» за 1847 г.

[14] Одобрительная оценка Некрасовым рассказов Тургенева из «Записок охотника» (С, 1847, № 1, 2, 5) содержится в его письме к Тургеневу от 15 февраля 1847 г.

[15] Тургенев не прислал в «Современник» статью о немецкой литературе и, по-видимому, не написал ее.

[16] Некрасов пишет об успехе рассказов Тургенева из цикла «Записок охотника», затмивших, по его мнению, успех романов А. И. Герцена «Кто виноват?» (ОЗ, 1845, № 12; 1846, № 4; полностью — как приложение к «Современнику» (1847, № 1)), И. А. Гончарова «Обыкновенная история» (С, 1847, № 3, 4), статьи К. Д. Кавелина «Взгляд на юридический быт древней России» (С, 1847, № 1).

[17] Речь идет о рассказах Тургенева «Бурмистр» или «Контора», оконченных им в Зальцбрунне в июле 1847 г.

[18] Возможно, речь идет о Карле Мюллере, немецком писателе, переводчике, журналисте. Его статьи в «Современнике» не печатались.

[19] По-видимому, рассказ «Петушков» Некрасов должен был выслать Тургеневу для исправлений. 14 (26) ноября Тургенев писал Белинскому: «Так как они мне его («Петушкова». — *Ред.*) не вышлют, то будьте великодушны, отметьте карандашом места слабые и попросите от меня Некрасова в нескольких словах их исправить ⟨...⟩ Совестно мне его утруждать — у него, чай, и без того хлопот полон рот — да делать нечего» (Тургенев 2, Письма, т. 1, с. 230—231).

[20] Рассказ Тургенева «Каратаев» при публикации в «Современнике» подвергся цензурной правке («...два-три места досадные (хоть и небольшие) выкинуты, да что же делать!» — см. письмо Тургеневу от 15 февраля 1847 г.). Авторский экземпляр сохранялся у Некрасова.

[21] «Письма из Парижа» П. В. Анненкова публиковались в «Современнике» в 1847 (№ 1—6, 9, 11, 12) и 1848 (№ 1) гг. С № 3 за 1847 г. они печатались под названием «Парижские письма». Положительный отзыв Некрасова относится к шестому «Парижскому письму» (С, 1847, № 6).

41. И. С. ТУРГЕНЕВУ, В. Г. БЕЛИНСКОМУ и П. В. АННЕНКОВУ

(С. 74)

Подлинник: РГБ, ф. 21, папка 5184, № 38 (М 5184/38).
Впервые: Белинский. Письма, т. III, с. 376.

[1] О «неудобстве» публикаций в «Современнике» французских романов см. п. 40, примеч. 2; об обещанных приложениях к журналу см.: Объявление об издании «Современника» в 1847 г. (С, 1846, № 11); наст. изд., т. XIII, кн. 1, с. 281). Книга Бенвенуто Челлини «Записки флорентийского золотых дел мастера и скульптора» (ч. 1—2. СПб., 1848) была опубликована в приложении к № 1 «Современника» за 1848 г.

[2] Имеется в виду задуманный Некрасовым, изданный в 1848 г. им и И. И. Панаевым «Иллюстрированный альманах» как приложение к «Современнику» 1847 г. Подробно о нем см.: наст. изд., т. XIII, кн. 1, с. 59—62, 370—374. Из названных Некрасовым имен в «Иллюстрированном альманахе» не участвовали И. А. Гончаров, П. В. Анненков, И. С. Тургенев. Написал ли Тургенев поэму «Маскарад», неизвестно (см. письмо Тургеневу от 15 февраля 1847 г.).

[3] По-видимому, имеются в виду стихотворения, написанные Некрасовым в 1847 г.: «Если мучимый страстью мятежной» (С, 1847,

№ 7), «Еду ли ночью по улице темной» (С, 1847, № 9), «Ты всегда хороша несравненно» (С, 1850, № 9).

[4] Замысел с парижскими политипажами не осуществился. См. письмо к Тургеневу от 11 декабря 1847 г.

[5] В. Г. Белинский ничего не писал для «Иллюстрированного альманаха».

[6] Это письмо Некрасова к А. И. Герцену неизвестно.

42. И. К. БАБСТУ

(С. 76)

Подлинник: ГИМ, ф. 44, № 6, л. 1—1 об.
Впервые: ВЛ, 1963, № 9, с. 196 (публ. Э. Бакста).

[1] О каких именно статьях И. К. Бабста идет речь, неизвестно: заметки в отделе «Критика и библиография» печатались анонимно. Бабст был привлечен к сотрудничеству в «Современнике» с июля 1847 г. (см. письмо Некрасова к Белинскому, Тургеневу и Анненкову от 24 июня 1847 г. и примеч. 8 к нему, а также: Боград. Совр, с. 484—485).

[2] Статьи о Кальвине в «Современнике» нет; см. также письмо Некрасова к Бабсту от 15 августа 1847 г.

[3] «Статьи об Австралии» в «Современнике» нет.

[4] М. С. Щепкину.

43. А. В. НИКИТЕНКО

(С. 77)

Подлинник: ИРЛИ, № 18607, л. 15.
Впервые: Некр. по мат. ПД, с. 188—190.

[1] Речь идет, очевидно, о материалах для сентябрьского номера «Современника» 1847 г.

[2] Анонимная рецензия на книгу русского историка Д. Н. Бантыш-Каменского «Словарь достопамятных людей русской земли. Три части. СПб., 1847» помещена в № 9 «Современника» 1847 г.

[3] Лицо неустановленное.

[4] Имеется в виду рецензия Никитенко на «Курс теории словесности в двух частях» (СПб., 1847) М. Б. Чистякова, помещенная в № 8 «Современника» 1847 г.

[5] Это письмо неизвестно.

[6] Напечатаны в № 10 и 11 «Современника» 1847 г. под заглавием «Письма из Avenue Marigny», подписанные криптонимами «И» и «И-р» (в оглавлении № 10 — «Искандер»).

44. И. К. БАБСТУ

(С. 77)

Подлинник: ГИМ, ф. 44, № 6, л. 2—2 об.
Впервые: ВЛ, 1963, № 9, с. 196—197.
Год (1847-й) определяется по контексту (см. примеч.).

[1] См. письмо Некрасова Бабсту от 5 августа 1847 г.

[2] 1-я часть статьи В. А. Милютина «Мальтус и его противники. Обзор различных мнений об отношениях производительности к развитию народонаселения», напечатанная в отделе «Науки и художества» № 8 «Современника» (публикация была завершена в № 9).

[3] Это письмо неизвестно.

45. А. В. НИКИТЕНКО

(С. 78)

Подлинник: ИРЛИ, № 18607, л. 17.

Впервые: Некр. по мат. ПД, с. 190—191.

[1] В «Современнике» не печаталась.

[2] Статья профессора С.-Петербургского университета В. Ф. Диттеля. Ср. п. 57.

[3] В сентябрьском номере «Современника» редакция извещала читателей о подготовленных к публикации еще четырех рассказах из цикла И. С. Тургенева «Записки охотника» (см.: наст. изд., т. XIII, кн. 1, с. 58). В № 10 журнала напечатаны два рассказа Тургенева: «Бурмистр» и «Контора».

[4] И. И. Срезневский — новый (с № 10 1847 г.) цензор «Современника».

46. А. Н. МАЙКОВУ

(С. 79)

Подлинник: ИРЛИ, ф. 341 (М. А. Шляпкина), оп. 2, № 344, л. 1—1 об. На автографе рукою Майкова: «В 1855 или 1856 году».

Адресат определяется по месту нахождения подлинника.

Впервые: Некр. по мат. ПД, с. 298—299.

Год определяется по следующим соображениям: 20 сентября приходилось на субботу в 1847, 1852 и 1858 гг. (при жизни И. И. Панаева); знакомство с А. А. Комаровым относится к раннему периоду жизни Некрасова в Петербурге; именно в 1847 г. Некрасов встречался с Ф. М. Достоевским у А. Н. Майкова (Достоевский, т. XXVIII, кн. 1, с. 142), он пытался привлечь Достоевского к более тесному сотрудничеству (в письме от 9 сентября 1847 г. Достоевский замечает: с Некрасовым «я сойдусь для этого окончательно, чего он донельзя желает» (Достоевский, т. XXVIII, кн. 1, с. 144).

47. А. В. НИКИТЕНКО

(С. 79)

Подлинник: ИРЛИ, № 18607, л. 60.

Впервые: Некр. по мат. ПД, с. 192.

Год устанавливается по связи с письмом Никитенко к Срезневскому от 21 сентября 1847 г. об этой повести (Звенья, т. V, с. 495).

[1] В «Современнике» эта повесть не напечатана.

48. А. В. НИКИТЕНКО

(С. 80)

Подлинник: ИРЛИ, № 18607, л. 62.
Впервые: Некр. по мат. ПД, с. 192—193.
Год устанавливается по времени участия Никитенко в редактировании «Современника».

[1] О какой «неисправности» идет речь в письме, установить не удалось.

49. Д. В. ГРИГОРОВИЧУ

(С. 80)

Подлинник: ИРЛИ, ф. 82, № 114, л. 1.
Впервые: Собр. соч. 1930, т. V, с. 229.
Год определяется по времени напечатания в «Современнике» (1847, № 11) повести Григоровича «Антон Горемыка», единственной повести писателя, открывающей журнальный номер («пойдет первой статьей»).

50. А. В. НИКИТЕНКО

(С. 80)

Подлинник: ИРЛИ, № 18607, л. 50.
Впервые: Некр. по мат. ПД, с. 193—194.
Год устанавливается по содержанию.

[1] Имеется в виду, очевидно, № 2 журнала «Москвитянин» 1847 г. (см. п. 54).

[2] Эта поэма И. С. Тургенева, так и не напечатанная при жизни автора, была обещана редакцией «Современника» читателям еще в объявлении об издании журнала на 1847 год (см.: наст. изд., т. XIII, кн. 1, с. 48 и 359); ср. п. 52.

[3] Имеется в виду статья Н. М. Сатина «Ирландия», опубликованная в № 11 «Современника» 1847 г. Ср. п. 51.

[4] Имеется в виду статья «Общие понятия о холере с приведением медицинских и домашних средств ее лечения», подписанная: «Н. Н-ий» (в оглавлении: «И. Н-ский»), помещена в № 11 «Современника» 1847 г. Тема этой статьи была чрезвычайно актуальной ввиду эпидемии холеры в России 1847—1848 гг.

51. А. В. НИКИТЕНКО

(С. 81)

Подлинник: ИРЛИ, № 18607, л. 52.
Впервые: Некр. по мат. ПД, с. 194—195.
Год определяется по содержанию и связи с п. 50.

[1] См. примеч. 3 к п. 50.

52. А. В. НИКИТЕНКО

(С. 81)

Подлинник: ИРЛИ, № 18607, л. 19.
Впервые: Некр. по мат. ПД, с. 195—196.

[1] Имеется в виду повесть Д. В. Григоровича «Антон Горемыка», напечатанная в № 11 «Современника» 1847 г. (ср. п. 49). «С повестью „Антон Горемыка", — вспоминал Григорович, — произошел казус, который сразу было подкосил меня на корню. Некрасову и Панаеву она очень понравилась, но не понравилась цензуре, которая остановила ее печатание; она нашла, что бедственное состояние крестьянина представлено в слишком мрачных красках. К счастью моему, близким лицом к „Современнику" был А. В. Никитенко, имевший сильный голос в Цензурном комитете. Он горячо взялся за спасение погибающего. ⟨...⟩ Хлопоты его привели к тому, что повесть решились пропустить, но под непременным условием выбросить из нее последнюю главу. Она кончалась у меня тем, что крестьяне, доведенные до крайности злоупотреблениями управляющего, зажигают его дом и бросают его в огонь. А. В. Никитенко, не сказав никому ни слова, сочинил конец, в котором управляющий остается неприкосновенным, а возмутившиеся крестьяне, перед тем чтобы быть отправленными на поселение, каются в своих действиях и просят у мира прощения.

Благодаря этому повесть, за мелкими цензурными вымарками, благополучно вышла в печати» (Григорович, с. 100).

В. Г. Белинский писал В. П. Боткину 8 ноября 1847 г.: «Вероятно, ты уже получил XI-ю книжку „Современника". Там повесть Григоровича, которая измучила меня — читая ее, я все думал, что присутствую при экзекуциях. Страшно! ⟨...⟩ Цензура чуть ее не прихлопнула; конец переделан — выкинута сцена разбоя, в которой Антон участвует» (Белинский, т. XII, с. 421—422). О характере и размерах исправлений Никитенко свидетельствует его письмо к цензору И. И. Срезневскому от 16 октября 1847 г., где он перечисляет собственноручные исправления: «1) сцену убийства я уничтожил всю и вообще убийства у меня не будет; 2) Антон добрый и терпеливый человек, никого не режет и не грабит, а только случайно попадается к двум бродягам, которые обирают прохожих, и так как из этих бродяг один оказывается его братом, то он по родственному чувству не выдает их и вследствие этого с ними заодно и должен подвергнуться заслуженному наказанию. ⟨...⟩ 3) Слишком резкие фразы об управителе мною или смягчены или изменены. 4) В заглавии повести слова „сельские сцены" я исключил, чтобы не подумали, что такие сцены у нас обыкновенны. К самому Антону я прибавил эпитет „Горемыка", чтобы видно было, что тут дело идет об общей участи людей, подвергающихся разным превратностям в жизни» (Звенья, т. V, с. 496—497).

[2] Второе письмо из цикла «Письма из Avenue Marigny» (см. о них с. 272). Никитенко пришлось по требованию цензора устранить некоторые «опасные» места в тексте Герцена. 10 октября 1847 г., посылая исправленную рукопись И. И. Срезневскому, он писал: «Теперь они («Письма...». — *Ред.*) не только не содержат ничего недолжного или сомнительного, но даже очень скромны и благообразны. Все, что могло подать повод к каким-нибудь применениям, неудобным к печати, или могло казаться намеками — все, как вы

видите, безжалостно мной вырвано или изменено...» (Звенья, т. V, с. 496).

[3] См. о ней с. 274.

[4] Ср. п. 50.

[5] См. о нем п. 40. Ср. п. 50.

[6] И. А. Ивановский совместно с С. С. Куторгой был цензором «Современника» (1847, № 1—10).

53. А. В. НИКИТЕНКО

(С. 82)

Подлинник: ИРЛИ, № 18607, л. 21.
Впервые: Некр. по мат. ПД, с. 198—200.

[1] См. о нем п. 40. Ср. п. 52.

[2] Ср. п. 52.

[3] Это письмо неизвестно.

[4] Указанные Некрасовым цензурные искажения в четвертом из «Писем из „Avenue Marigny"» устранить не удалось. В опубликованном тексте нет выражения «официальная Франция», а характеристика публициста Гранье де Кассаньяка (1806—1880) сократилась до: «Друг лжи поехал в Италию» — с семью точками перед этой фразой (С, 1847, № 11, отд. I, с. 136).

54. А. В. НИКИТЕНКО

(С. 83)

Подлинник: ИРЛИ, № 18607, л. 23.
Впервые: Некр. по мат. ПД, с. 197—198.

[1] Статья «Ответ „Москвитянину"» печаталась в двух номерах «Современника» 1847 г. (в № 11 — «статья первая», написанная Белинским, и в № 12 — «статья вторая», написанная К. Д. Кавелиным). Этой публикацией «Современник» отвечал на помещенную в № 2 «Москвитянина» 1847 г. статью Ю. Ф. Самарина (под криптонимом: «М...З...К...») «О мнениях „Современника" исторических и литературных», содержащую остро полемическую оценку антиславянофильской позиции петербургского журнала, которая была выражена в программных статьях Белинского, Кавелина и Никитенко в № 1 «Современника» 1847 г. (ср. п. 50).

В письме К. Д. Кавелину от 22 ноября 1847 г. Белинский сетовал на то, что его статья «искажена цензурою варварски и — что всего обиднее — совершенно произвольно. Вот Вам два примера, — продолжал критик. — Я говорю о себе, что, опираясь на инстинкт истины, я имею на общественное мнение больше влияния, чем многие из моих *действительно ученых* противников; подчеркнутые слова не пропущены, а для них-то и вся фраза составлена. Я метил на ученых ослов — Надеждина и Шевырёва. Самарин говорит, что согласие князя с вече было идеалом новгородского правления. Я возразил ему на это, что и теперь в конституционных государствах согласие короля с палатою есть осуществление идеала их государственного устройства: где же особенность новгородского правления? Это вычеркнуто. Целое место о Мицкевиче и о том, что Европа и не

думает о славянофилах, тоже вычеркнуто. От этих помарок статья лишилась своей ровности и внутренней диалектической полноты» (Белинский, т. XII, с. 432).

[2] Перевод романа Ч. Диккенса «Торговый дом под фирмою „Домби и сын"» печатался в качестве приложения к «Современнику» 1847 (№ 1—5) и 1848 (№ 2, 3, 7, 8) гг.

[3] Под этим названием в «Современнике» (1847, № 11) были переведены фрагменты книги австрийского экономиста и юриста А. Гакстгаузена «Исследования внутренних отношений в народной жизни и в особенности сельских учреждений России». Первая часть этого труда австрийского ученого, путешествовавшего по России в 1843 г., вышла в Германии в 1847 г. 13 мая 1843 г. А. И. Герцен, встречавшийся с ученым-путешественником, записал в своем дневнике о Гакстгаузене: «Он находит важным элементом, сохранившимся из глубокой древности, общинность, его-то надобно развивать сообразно требованиям времени...» (Герцен, т. II, с. 281). О возможном использовании некоторых наблюдений Гакстгаузена Некрасовым в его художественном творчестве см.: *Мельгунов Б. В.* Некрасов и крестьянская утопия. — РЛ, 1980, № 1, с. 73—88.

55. И. С. ТУРГЕНЕВУ и П. В. АННЕНКОВУ

(С. 83)

Подлинник: ИРЛИ, № 21. 194, л. 8—10.

Впервые: ВЕ, 1903, № 12, с. 571.

На подлиннике (л. 9 об.) приписка рукой И. И. Панаева: «Кланяйтесь Анненкову и благодарите его от меня за его хлопоты по части политипажей. — Это дело, вероятно, так и останется. Впрочем, все к лучшему. — Наши все Вам кланяются. Бел⟨инский⟩ ни то, ни сё. То легче, то хуже. Впрочем, пишет к XI книжке. Ваши рассказы ужасно нравятся всем. Получили ли Вы наконец XI №, посланный на имя посольства, и X, посланный по адресу Анненкова?».

Датируется по содержанию и по связи с письмами к В. Г. Белинскому, И. С. Тургеневу и П. В. Анненкову от 24 июня 1847 г. и А. В. Никитенко от 18 октября 1847 г.

[1] Это письмо Тургенева неизвестно.

[2] Имеется в виду Н. С. Тургенев.

[3] Речь идет о статье П. В. Анненкова «Письма из Парижа» (см. также п. 40, примеч. 21).

[4] См. п. 41.

[5] См. п. 34, примеч. 9.

[6] Этот замысел Некрасова не осуществился.

[7] Эти письма Тургенева и Анненкова к Некрасову неизвестны.

[8] Статья Белинского «Ответ „Москвитянину"», опубликованная в «Современнике» (1847, № 11).

[9] Рассказ Тургенева «Жид» был опубликован в № 11 «Современника» за 1847 г. под астронимом:***.

56. Н. Х. КЕТЧЕРУ

(С. 85)

Подлинник: РГБ, ф. 486, М. 5185, № 16, л. 6—7.
Впервые: Белинский. Письма, т. III, с. 380—382.

[1] Ср. п. 69.

[2] Объявление «Об издании „Отечественных записок" в 1848 году», приложенное к ноябрьской книжке журнала Краевского, печаталось в № 111, 124 и 140 «Московских ведомостей» соответственно 16 сентября, 16 октября и 22 ноября 1847 г. В нем были названы сотрудниками многие участники «Современника»: В. П. Боткин, А. Д. Галахов, И. А. Гончаров, Т. Н. Грановский, В. И. Даль, Ф. М. Достоевский, К. Д. Кавелин, С. М. Соловьев, И. С. Тургенев. В объявлении Краевский злорадствовал по этому поводу, в издевательском тоне писал о «Современнике» и его редакции. См. также п. 57 и комментарий к нему.

[3] В письме к В. П. Боткину Белинский писал 5 ноября 1847 г.: «Вчера я увидел в „Отечественных записках" страницу, наполненную обещанием статей для будущего года: она меня, что называется, положила в лоск. ⟨...⟩ Кавелин и Грановский как будто уговорились с тобою губить „Современник", отнимая у него своим участием в „Отечественных записках" возможность стать твердо на ноги» (Белинский, т.XII, с. 405—406).

[4] С 5 мая по 24 сентября 1847 г. Белинский был за границей и не участвовал в «Современнике».

[5] Этот документ неизвестен.

[6] Эти слова вставлены на полях.

[7] В. Х. Кетчер.

57. А. В. НИКИТЕНКО

(С. 87)

Подлинник: ИРЛИ, № 18607, л. 54.
Впервые: Некр. по мат. ПД, с. 200.
Год устанавливается по времени выхода в свет упоминаемой в письме брошюры Н. Н-ского (ср. п. 50) о холере, разрешенной к печати (цензор — А. В. Никитенко) 10 ноября 1847 г.

58. А. В. НИКИТЕНКО

(С. 87)

Подлинник: ИРЛИ, № 18607, л. 56.
Впервые: Некр. по мат. ПД, с. 201—202.
Год устанавливается по связи с п. 45.

[1] Очерки В. Ф. Диттеля о путешествии по Персии, Малой Азии и Греции печатались в «Финском вестнике» 1847 г. (№ 9) и в «Журнале Министерства народного просвещения» 1847 г. (т. 55—56). Публикация в «Современнике» не состоялась.

59. А. В. НИКИТЕНКО

(С. 88)

Подлинник: ИРЛИ, № 18607, л. 64.
Впервые: Некр. по мат. ПД, с. 202—204.
Год устанавливается по времени сотрудничества Никитенко в редакции «Современника».

[1] Речь идет о второй редакции объявления «Об издании „Современника" в 1848 году» (см.: наст. изд., т. XIII, кн. 1, с. 283).

[2] Обещание редакции «Современника» напечатать повесть Я. П. Буткова «Черный день» было дано в первой редакции объявления «Об издании „Современника" в 1848 году» (см.: наст. изд., т. XIII, кн. 1, с. 57). В «Современнике» повесть Буткова не появилась. См. также: наст. изд., т. XIII, кн. 1, с. 283.

[3] Первая повесть А. В. Дружинина, напечатанная в № 12 «Современника» 1847 г. В первых числах декабря 1847 г. Белинский писал В. П. Боткину: «Любопытно мне знать, что ты скажешь о „Полиньке Сакс". Эта повесть мне очень понравилась. ⟨...⟩ Некр⟨асов⟩ давал мне читать в рукописи. Прочтя, я сказал: если это произведение молодого человека, от него можно многого надеяться; но если зрелого — ничего или почти ничего. Оказалось, что это человек 25 лет, а повесть эта написана им три года назад; но что всего более меня порадовало, так это то, что автор очень недоволен своею первою повестью. Эта повесть нежданно прислана нам цензором Куторгою и пришлась кстати: Бутков надул Некрасова и конца своей повести не доставил» (Белинский, т. XII, с. 444). Ср. п. 63.

[4] Статья историка М. С. Куторги — брата цензора С. С. Куторги, упоминаемая в письме, неизвестна. Сотрудничество М. С. Куторги в «Современнике» началось в 1850 г. (см. п. 111).

[5] Очевидно, имеются в виду романы А. И. Герцена «Кто виноват?» и Ж. Санд «Лукреция Флориани» (в переводе А. И. Кронеберга), впервые изданные в качестве приложения к № 1 «Современника» 1847 г. Это обеспечило успех в подписке на журнал. Чтобы развить этот успех, Некрасов предпринял «второе издание» первого номера преобразованного «Современника» вместе с приложением к нему (см.: наст. изд., т. XIII, кн. 1, с. 52).

60. Н. А. СТЕПАНОВУ

(С. 89)

Подлинник: ИРЛИ, № 4230. Письмо пронумеровано Степановым: «1».
Впервые: НА, с. 49—50.
Год определяется временем подготовки «Иллюстрированного альманаха» (см. о нем: наст. изд., т. XIII, кн. 1, с. 370—374), в котором принимал участие Степанов.

[1] Возможно, Е. Е. Бернардский или М. Л. Невахович, также принимавшие участие в иллюстрированных изданиях Некрасова (см. по указателю к т. XIII наст. изд.).

61. А. В. НИКИТЕНКО

(С. 89)

Подлинник: ИРЛИ, № 18607, л. 25.
Впервые: Некр. по мат. ПД, с. 204—206.

[1] Это письмо неизвестно.

[2] Речь идет о полемической фельетонной подборке «Современные заметки» в № 12 «Современника» 1847 г., направленной главным образом против основного журнального конкурента — «Отечественных записок» А. А. Краевского. Текст и подробный комментарий к нему см.: наст. изд., т. XII, кн. 2, с. 227 и 390.

[3] См.: наст. изд., т. XIII, кн. 1, с. 285.

[4] Имеется в виду трехтомное сочинение экономиста А. И. Бутовского «Опыт о народном богатстве, или О началах политической экономии» (СПб., 1847). В № 10—12 «Современника» 1847 г. помещена отрицательная рецензия В. А. Милютина на этот труд. Бутовский отвечал на критику в специальной брошюре, которая также рецензировалась Милютиным в № 9 «Современника» 1848 г.

62. И. К. БАБСТУ

(С. 90)

Подлинник: ИРЛИ, № 134. I м.
Впервые: Памяти В. Г. Белинского. М., 1899, с. 385.

[1] Описка (вместо «Иван Кондратьевич»).

[2] Какие именно из публиковавшихся в «Современнике» анонимных рецензий принадлежат Бабсту, пока не установлено (ср. письмо Некрасова Бабсту от 5 августа 1847 г. и примечание к нему).

[3] Сотрудничество Бабста в «Современнике» продолжилось и в 1848 г. (ср. письма Некрасова Бабсту от 9 марта и 6 апреля 1848 г.).

[4] Книжный магазин И. В. Базунова в Москве был и московской конторой «Современника», где рецензент мог получать новые книги для последующих критических разборов на страницах журнала.

[5] Ср. замечание В. П. Боткина о Бабсте в письме Некрасову от 22 августа 1847 г.: «Между нами будь сказано, Вам будут с ним частые хлопоты: самолюбие у этого господина очень большое» (ЛН, т. 51—52, с. 166).

63. И. С. ТУРГЕНЕВУ

(С. 91)

Подлинник: ИРЛИ, № 21.194, л. 12—12 об.

На подлиннике приписка карандашом к первому абзацу рукой Н. Н. Тютчева: «Вероятно, будет напечатано». В конце письма приписка: «Все наши вам очень кланяются. Жму вам руку. В⟨аш⟩ Н. Т⟨ютчев⟩».

Впервые: ВЕ, 1903, № 12, с. 572—573.

[1] В № 1 «Современника» за 1848 г. рассказы Тургенева не публиковались. В № 2 напечатаны шесть рассказов из «Записок охот-

ника»: «Малиновая вода», «Уездный лекарь», «Бирюк», «Лебедянь», «Татьяна Борисовна и ее племянник», «Смерть».

[2] «Иван Саввич Поджабрин. Очерки». Повесть опубликована в № 1 «Современника» за 1848 г.

[3] «Рассказ лезгинца Асана о похождениях своих. Писано со слов рассказчика» (С, 1848, № 1).

[4] Об «Иллюстрированном альманахе» см.: п. 41; наст. изд., т. XIII, кн. 1, с. 59—62, 369—374.

[5] См. п. 34, примеч. 9.

[6] Перечень карикатур, выполненных Н. А. Степановым для «Иллюстрированного альманаха» см.: наст. изд., т. XIII, кн. 1, с. 60, 62, 370—371; п. 65.

[7] Речь идет о повести Анненкова «Она погибнет!», опубликованной в «Современнике» (1848, № 8) за подписью: «П. А-в».

[8] Николай Петрович Боткин охотно исполнял комиссии литераторов. Некрасов посвятил ему стихотворение «Праздник жизни — молодости годы», вошедшее в IV раздел «Стихотворений» 1856 г. под заглавием «Сознание». В дальнейшем печаталось без посвящения и с измененным заглавием (см.: наст. изд., т. I, с. 630).

[9] См. письмо Тургенева Белинскому от 14(26) ноября 1847 г. Тургенев писал по поводу стихотворения «Еду ли ночью по улице темной»: «...скажите от меня Некрасову, что его стихотворение в 9-й книжке меня совершенно с ума свело; денно и нощно твержу я это удивительное произведение — и уже наизусть выучил» (Тургенев, Письма, т. I, с. 264).

[10] В № 12 «Современника» за 1847 г. опубликована повесть А. В. Дружинина «Полинька Сакс».

[11] Речь идет о «Парижских письмах» П. В. Анненкова, публиковавшихся в «Современнике» (1847, № 1—6, 9, 11, 12; 1848, № 1).

[12] Речь идет о долге Тургенева А. А. Краевскому в связи с участием в «Отечественных записках». Письмо Тургенева к А. А. Краевскому неизвестно.

64. Н. А. СТЕПАНОВУ

(С. 93)

Подлинник: ИРЛИ, № 4230. Пометы Степанова: «Некрасов 1847», «2». На обороте рукой Степанова колонка имен с цифровым обозначением имеющегося количества карикатур на этих лиц:

2 Кукольник
2 Брюллов
1 Булгарин
2 [Каратыгин-Старший]
1 Мартынов
1 Соллогуб
1 Щепкин

Впервые: НА, с. 50.

Год определяется по помете Степанова.

[1] А. Н. Очкин был цензором «Иллюстрированного альманаха».

65. Н. А. СТЕПАНОВУ

(С. 94)

Подлинник: ИРЛИ, № 4230. Пометы Степанова: «1847 Некрасов», «3». На обороте карандашные наброски карикатур.
Впервые: НА, с. 50.
Год определяется по помете Степанова.

[1] Вместо этой карикатуры в «Иллюстрированный альманах» была включена карикатура на Булгарина «Мазурка», где редактор «Северной пчелы» изображен «толкующим» во время танца с дамой о своей ветреной молодости.
[2] Карикатура, где изображены беседующие Панаев и Некрасов, была литографирована (см.: Н. А. Некрасов в портретах и иллюстрациях. М.—Л., 1938, с. 45) без названия и подписи. В «Иллюстрированный альманах» не вошла.
[3] Речь идет, вероятно, о включенном в альманах рассказе В. И. Даля «Смотрины и рукобитье», к которому Степанов сделал два рисунка.

66. Н. А. СТЕПАНОВУ

(С. 94)

Подлинник: ИРЛИ, № 4230. Карандашные пометы Степанова: «1847», «4».
Впервые: НА, с. 50—51.
Год определяется по помете Степанова.

[1] Литография в Петербурге, в которой печатались иллюстрации к «Иллюстрированному альманаху».
[2] См. примеч. 3 к письму от 15 декабря 1847 г.
[3] В «Иллюстрированном альманахе» помещен рассказ Ф. М. Достоевского «Ползунков» с иллюстрациями П. А. Федотова.

67. А. В. НИКИТЕНКО

(С. 95)

Подлинник: ИРЛИ, № 18607, л. 66—67.
Впервые: Некр. по мат. ПД, с. 207—208.
Год устанавливается временем сотрудничества Никитенко в редакции «Современника».

[1] Речь идет, очевидно, о статье первой «Взгляда на русскую литературу 1847 года» В. Г. Белинского, помещенную в № 1 «Современника» 1848 г.
[2] Это письмо И. И. Срезневского к Никитенко неизвестно. В этот же день Никитенко написал Срезневскому: «Я прочитал с новым вниманием отмеченные Вами, почтеннейший Измаил Иванович, места статьи Белинского и по совести, по глубокому убеждению не нахожу в них совершенно ничего противного цензуре. Одно место касается выскочек псевдоаристократов, забывающих о простоте своего происхождения, не только никого не оскорбляет ⟨...⟩ но еще должно быть приятно истинной аристократии, основанной на роде и заслугах. Другое — ссылка на божественное учение Иисуса Христа в

деле любви к страждущим еще менее представляет поводов к опасению. Дай Бог, чтобы чаще вспоминали нравственное значение Евангелия. Итак, да будет Ваше благословение над сими строками, как и надо всем прочим, — и да встретите Вы Новый год с улыбкою и надеждами» (Звенья, т. V, с. 498—499). В тексте «Современника» второй упоминаемый Никитенко фрагмент отсутствует.

[3] О каком стихотворении идет речь, установить не удалось. В № 1 и других ближайших номерах «Современника» 1848 г. стихи Некрасова не печатались.

68. Н. А. СТЕПАНОВУ

(С. 96)

Подлинник: ИРЛИ, № 4230. Пометы Степанова: «Некрасов 1847—1848», «5».

Впервые: НА, с. 51.

Дата устанавливается предположительно по месту письма под номером 5, между письмами от 18 декабря (№ 4) и начала 1848 г. (№ 6).

[1] В «Иллюстрированном альманахе» помещены три рисунка А. А. Агина «История капитана Копейкина в лицах», гравированные Е. Е. Бернардским.

[2] В проспекте «Иллюстрированного альманаха», опубликованном в начале 1848 г., в числе материалов были обещаны «стихотворения Некрасова» и карикатура Степанова «Поэт» (см.: наст. изд., т. XIII, кн. 1, с. 61—62). В окончательный состав альманаха эти материалы не вошли.

[3] Повести Д. В. Григоровича в альманахе нет.

[4] В «Иллюстрированном альманахе» помещены две карикатуры М. Л. Неваховича: «Остроумный бенефициант», «Господин и слуга».

1848

69. Н. М. САТИНУ

(С. 97)

Подлинник: РГАЛИ, ф. 476, оп. 1, № 146, л. 12—12 об.

Впервые: РМ, 1902, № 12, с. 174—175.

Год устанавливается по контексту (упоминание произведений, опубликованных в «Современнике» в 1848 г.).

[1] В № 1—4 «Современника» за 1848 г. были опубликованы первые четыре главы труда С. М. Соловьева «Обзор событий русской истории от кончины царя Феодора Иоанновича до вступления на престол Дома Романовых». Публикация продолжалась в «Современнике» в 1849—1851 гг.

[2] Статья В. Ф. Корша «Испанская драматическая литература», опубликованная в № 4 и 5 «Современника» за 1848 г.

[3] Статья Н. П. Арапетова о Кольбере, предназначавшаяся, повидимому, для № 2 и 3 «Современника» за 1848 г. (ср. письмо Некрасова к А. В. Никитенко от 22 января 1848 г.), в журнале не появилась.

[4] Статья Н. Г. Фролова «Александр фон Гумбольдт и его „Космос"» печаталась в «Современнике» в 1847—1851 гг.; в 1848 г. она была помещена в № 2 и 7.

[5] Статья Н. М. Сатина «Ирландия» была помещена в № 11 «Современника» за 1847 г. См. также письмо Некрасова к А. В. Никитенко от 13 октября 1847 г. и примечание к нему.

[6] Статья Сатина о Швейцарии в «Современнике» не появилась.

[7] По-видимому, И. Надеждин, священник принадлежавшего Н. П. Огареву села Белоомут, отец критика Н. И. Надеждина (ср.: ПСС, т. X, с. 101).

[8] О каком переводе Кетчера идет речь, неизвестно. Ср. письмо Некрасова Кетчеру от 4 ноября 1847 г.

70. Н. А. СТЕПАНОВУ

(С. 98)

Подлинник: ИРЛИ, № 4230. Пометы Степанова: «1848», «6».
Впервые: НА, с. 51.
Датируется предположительно по пометам Степанова.

[1] В «Иллюстрированный альманах» стихотворения Некрасова не вошли.

71. Н. А. СТЕПАНОВУ

(С. 98)

Подлинник: ИРЛИ, № 4230. Над текстом письма пометы Степанова: «1848», «7». Второй абзац отчеркнут карандашом, на полях помета: «По поводу альбома».
Впервые: НА, с. 52.
Год устанавливается по помете Степанова.

[1] Все семь рисунков Степанова в «Иллюстрированном альманахе» литографированы, рисунки других художников гравированы на дереве.

72. А. В. НИКИТЕНКО

(С. 99)

Подлинник: ИРЛИ, № 18607, л. 27.
Впервые: Некр. по мат. ПД, с. 210—211.

[1] Повесть А. Я. Панаевой (псевд. «Н. Станицкий») по цензурным условиям в «Современнике» напечатана не была, и Некрасов перенес ее затем в «Иллюстрированный альманах» (цензурная история альманаха и повести Панаевой изложена: наст. изд., т. XIII, кн. 1, с. 370—374). Предисловие к этой повести, упоминаемое в письме и остающееся до сих пор неизвестным, очевидно, было написано самим Некрасовым, принимавшим какое-то участие и в авторской работе над повестью.

[2] Это связано главным образом с ухудшением здоровья В. Г. Белинского, почти ничего не написавшего для названных Некрасовым отделов февральского номера «Современника» 1848 г.

[3] В февральском номере журнала 1848 г. помещены рассказы И. С. Тургенева из цикла «Записки охотника»: «Малиновая вода», «Уездный лекарь», «Бирюк», «Лебедянь», «Татьяна Борисовна и ее племянник», «Смерть».

[4] К № 2 «Современника» 1848 г. приложена лишь одна глава перевода романа Диккенса «Торговый дом под фирмою „Домби и сын"».

[5] 20 января 1848 г. к Никитенко обратился с письмом И. И. Панаев, пытавшийся спасти «Семейство Тальниковых» для «Современника»: «...мне непонятна Ваша строгость к „Семейству Тальниковых". Этот рассказ, разумеется, можно отложить и переделать слишком резкие места по Вашим указаниям, но 2-й № ужасно отощает... вот в чем беда!» (*Панаева А.* Семейство Тальниковых. Л., 1928, с. 99—100).

73. А. В. НИКИТЕНКО

(С. 100)

Подлинник: ИРЛИ, № 18607, л. 41.
Впервые: Некр. по мат. ПД, с. 212—213.
Год устанавливается по содержанию.

[1] Статья вторая «Взгляда на русскую литературу 1847 года» В. Г. Белинского помещена в № 3 «Современника» 1848 г.

[2] Напечатана в № 2 журнала.

[3] Ср. п. 69.

74. Н. А. СТЕПАНОВУ

(С. 101)

Подлинник: РГАЛИ, ф. 338, оп. 1, № 53.
Впервые: ЛН, т. 51—52, с. 70.

[1] Карикатуры и иллюстрации Степанова для «Иллюстрированного альманаха». Речь идет, вероятно, о двух карикатурах, изображающих В. Г. Белинского. Возражение А. В. Никитенко вызвала, по-видимому, карикатура, на которой растерянный критик стоит перед тучным господином (Никитенко?). В комментарии ПСС (т. X, с. 104) и ЛН эта карикатура названа «Белинский и Некрасов» (под тем же названием репродуцирована в изд.: В. Г. Белинский в воспоминаниях современников. Л., 1929, с. 309), что явно ошибочно (см.: Описание изобразительных материалов Пушкинского Дома, [вып.] VII. М.—Л., 1962, с. 23). Этот рисунок в «Иллюстрированный альманах» не попал. Вторая карикатура, которую Никитенко столь неохотно согласился печатать, вероятно, «Типографские превращения», изображающая огорченного Белинского с цензурованной корректурой, с подписью: «Своей собственной статьи не узнаю в печати!» (см.: В. Г. Белинский в воспоминаниях современников. Л., 1929, с. 243). Первоначальное ее название «Огорченный литератор» см. в содержании «Иллюстрированного альманаха», опубликованном в № 2 «Современника» 1848 г. (ценз. разр. — 31 января 1848 г.; см.: наст. изд., т. XIII, кн. 1, с. 62). Под измененным названием «Типографские превращения» карикатура имеется в не-

которых экземплярах разрешенного цензором А. Н. Очкиным 26 февраля 1848 г. «Иллюстрированного альманаха» (см. об этом: *Пыпин А. Н.* Белинский, его жизнь и переписка. 2-е изд. СПб., 1908, с. 574). В некоторых экземплярах «Иллюстрированного альманаха» под названием «Типографские превращения» помещена карикатура, изображающая расстроенного Некрасова и И. И. Панаева с изуродованной рукописью в руке. В большей части сохранившихся экземпляров альманаха карикатуры под № 3 («Типографские превращения») вообще нет.

75. А. В. НИКИТЕНКО

(С. 101)

Подлинник: ИРЛИ, № 18607, л. 43.
Впервые: Некр. по мат. ПД, с. 209—210.
Год устанавливается по связи с п. 76 и 77.

[1] Статья вошла в «Современные заметки» в № 2 «Современника» 1848 г. в слегка исправленном Никитенко виде. Ср. п. 76.

[2] Очевидно, имеется в виду помещенная в отделе «Критика и библиография» рецензия: «О начале беспокойства в Северном и Среднем Дагестане. СПб., 1847; Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях. Отрывок из рукописи полковника Неверовского. СПб., 1847».

76. И. И. СРЕЗНЕВСКОМУ

(С. 102)

Подлинник: РГАЛИ. ф. 436, оп. 1, № 1312, л. 1.
Впервые: Звенья, т. V с. 500.

[1] А. В. Никитенко, официальный редактор «Современника».

[2] Речь идет о статье В. П. Боткина об итальянской опере для февральского номера «Современника» 1848 г., которую Срезневский требовал отправить в театральную цензуру. По просьбе Некрасова (см. письмо Некрасова к А. В. Никитенко от 27 января 1848 г.) Никитенко внес в статью некоторые поправки и включил ее в состав «Современных заметок» (раздел о театральных новостях — С, 1848, № 2, отд. IV, с. 158—162), избавившись, таким образом, от формального требования пропустить этот материал через театральную цензуру.

77. А. В. НИКИТЕНКО

(С. 103)

Подлинник: ИРЛИ, № 18607, л. 29.
Впервые: Некр. по мат. ПД, с. 213—215.

[1] «Рассказ Алексея Дмитриевича». Ср. п. 73.

[2] См. п. 75.

[3] См.: наст. изд., т. XIII, кн. 1, с. 61.

78. А. В. НИКИТЕНКО

(С. 103)

Подлинник: ИРЛИ, № 18607, л. 31.
Впервые: Некр. по мат. ПД, с. 215—220.

[1] Об отдельном издании этого романа см.: наст. изд., т. XIII, кн. 1, с. 60 и 368.

[2] Повесть А. В. Станкевича в № 3 «Современника» 1848 г. за подписью: «А. С-ъ» (в оглавлении: «А. С-ча»).

[3] Повесть А. Я. Марченко «Поздно!». Помещена в № 4 «Современника» 1848 г. с подписью: «Т. Ч.».

[4] «Картины из русского быта» В. И. Даля, помещенные в № 4 «Современника» 1848 г.

[5] В мартовском номере журнала напечатаны: «Обзор событий русской истории от кончины царя Феодора Иоанновича до вступления на престол Дома Романовых» (гл. III) С. М. Соловьева; «Несколько замечаний об историческом развитии чести» А. И. Герцена; статья вторая «Взгляд на русскую литературу 1847 года» В. Г. Белинского; статья А. И. Кронеберга «Драматическая литература в Германии» и др.

[6] «Иллюстрированный альманах», обещанный подписчикам в специальном объявлении (см.: наст. изд., т. XIII, кн. 1, с. 61) в январском номере журнала.

[7] Рассказ Д. В. Григоровича, помещенный в № 3 «Современника» за 1848 г.

[8] Имеется в виду, очевидно, очередная статья большой работы Т. Н. Грановского «Историческая литература во Франции и Германии в 1847 году» (две первые напечатаны в «Современнике»: 1847, № 9; 1848, № 1). Статья третья в «Современнике» не появилась, очевидно, по цензурным условиям, резко изменившимся в феврале 1848 г.

[9] В. С. Порошин, профессор политической экономики и статистики С.-Петербургского университета. Его публикации в «Современнике» неизвестны.

[10] В начале ноября 1847 г. больной В. Г. Белинский сообщал В. П. Боткину о совместных с Некрасовым попытках привлечь к сотрудничеству в критическом отделе «Современника» новых и перспективных критиков: «От Краевского все переходят к нам. Покойник Майков перед смертью решительно перешел было к нам. Пронюхавши о Дудышкине, Некрасов сейчас же бросился в Царское Село, поехал туда для порядка, а воротился пьян, но и Дудышкина оставил в веселом расположении духа. Я, с своей стороны, тотчас же поспешил с ним познакомиться, расхвалил ему его статьи, и он сказал мне, да я и сам это ясно видел, что ничья похвала не могла польстить его самолюбию столько, как моя. Теперь он наш. Он уже взял сочинения Муравьева, Хемницера, Кантемира (в новом издании Смирдина), чтобы писать о них. Он человек умный и с характером, сразу понял Андрюшку и в глаза язвил его ловкими выходками. Мы даже имеем причину надеяться, что ни одной строки Дудышкина не будет в „Отечественных записках"» (Белинский, т. XII, с. 408). А. А. Краевскому удалось удержать ведущего сотрудника своего критико-библиографического отдела, связав его договором. В «Современнике» 1848, 1849 и 1851 гг. было напечатано всего несколько статей Дудышкина.

[11] Ср. п. 72.

79. Н. А. СТЕПАНОВУ

(С. 105)

Подлинник: ИРЛИ, № 4230. Карандашные пометы Степанова: «Некрасов», «9».

Впервые: НА, с. 52.

Датируется предположительно, согласно порядковому номеру 9-го письма, полученного после письма от 24 января 1848 г. Вторая крайняя дата — день цензурного разрешения альманаха.

[1] Речь идет, по-видимому, о цензурном запрещении карикатуры на Л. В. Бранта. В. А. Панаев указывает, что Брант был изображен «в виде Наполеона I, потому что претендовал на некоторое с ним сходство» (РС, 1901, № 9, с. 483). Цензор Крылов протестовал против помещения в альманахе карикатур на Кукольника, Булгарина, Краевского, Бранта, Каратыгина и др., даже не принимая во внимание заверения редакции «Современника» о согласии со стороны этих лиц: «Допустив однажды карикатуры литераторов и артистов, цензура встретит несомненно большое затруднение впоследствии. Пущенные в ход карикатуры не остановятся на одних литераторах и артистах. Любители изданий этого рода захотят потом выводить в них администраторов...» (РС, 1903, № 8, с. 411). Карикатура Степанова на Бранта «в виде Наполеона» была пропущена Очкиным с надписью: «Петербургский Том Пус».

80. И. К. БАБСТУ

(С. 106)

Подлинник: ГИМ, ф. 44, № 6, л. 3—4.

Впервые: ВЛ, 1963, № 9, с. 197.

Год (1848-й) определяется по контексту (см. примеч.).

[1] Очевидно, анонимная рецензия на «Предварительный курс астрономии» Д. Перевощикова в № 3 «Современника» за 1848 г. (ср. письмо Некрасова к Бабсту от 6 апреля 1848 г.).

[2] В № 3 «Современника» была опубликована анонимная рецензия «Двойная жизнь. Очерк К. Павловой». По-видимому, статья Бабста также была посвящена только что вышедшему роману К. Павловой.

[3] Рецензия «Обозрение Киева в отношении к древностям, изд. И. Фундуклеем. Киев, 1847» напечатана в том же номере «Современника».

[4] См. письма Некрасова Бабсту от 5 и 15 августа 1847 г. и примеч. к ним.

[5] М. С. Щепкин.

81. Н. А. СТЕПАНОВУ

(С. 106)

Подлинник: ИРЛИ, № 4230.

Впервые: НА, с. 52.

Год определяется по упоминанию Очкина, цензуровавшего «Иллюстрированный альманах».

[1] Речь идет, вероятно, о деятельности Некрасова, направленной на сохранение «Современника» как печатного органа. В связи с революционными событиями в Европе в феврале—марте 1848 г. последовал ряд доносов и репрессивных мер правительства против «вредного направления» журналов и в особенности «Современника». 11 марта редакторам периодических изданий от имени Николая I было объявлено, «что долг их не только отклонять все статьи предосудительного направления, но содействовать своими журналами правительству в охранении публики от заражения идеями, вредными нравственности и общественному порядку» (Евгеньев-Максимов. Совр I, с. 238).

[2] По свидетельству Некрасова, в 1848 г. умер младенцем его первый сын от гражданского брака с А. Я. Панаевой (см.: Ст. 1879, IV, с. XXIII). Возможно, здесь идет речь именно об этой утрате.

82. А. В. НИКИТЕНКО

(С. 107)

Подлинник: ИРЛИ, № 18607, л. 45.
Впервые: Некр. по мат. ПД, с. 220—221.
Год устанавливается по содержанию.

[1] Четвертый номер «Современника» 1848 г. вышел в свет 1 апреля 1868 г.

[2] Имеется в виду анонимная статья «О меланхолии и меланхоликах. По поводу мнения Аристотеля, что большая часть замечательных людей подвергается меланхолии», помещенная в отделе «Науки и художества» (С, 1848, № 4).

[3] Имеется в виду статья первая В. Ф. Корша (?) «Испанская драматическая литература» в том же разделе.

[4] Очевидно, речь идет о цензурном запрете в 1848 г. анонимных публикаций в журналах. С июньского номера и до конца 1848 г. редакция «Современника» подавала в С.-Петербургский цензурный комитет сведения об авторах неподписанных статей (Боград. Совр, с. 490).

[5] Имеется в виду анонимная рецензия А. Н. Афанасьева «История финансовых учреждений России со времени основания государства до кончины Екатерины II. Соч. гр. Дм. Толстого. СПб., 1848» (С, 1848, № 4).

83. М. М. ПОПОВУ

(С. 107)

Подлинник: ГАРФ, ф. 109, 1-я экспедиция, 1848, № 4, л. 6.
Впервые: Былое, 1906, № 10, с. 285.

[1] Вызов, текст которого неизвестен, был связан с попыткой жандармов установить по почерку авторскую принадлежность полученного III отделением в середине марта 1848 г. анонимного письма, в котором некий «Истый русский» указывал, что «судьбы раздраженного народа вступили ныне в славную борьбу с судьбою царей». Подозрение на Некрасова пало по доносу Ф. В. Булгарина, характеризовавшего издателя «Современника» как «самого отъявленного коммуниста».

[2] Это, вероятно, следует объяснять уважительным отношением Попова к В. Г. Белинскому, также приглашенному в III отделение,

он был школьным учителем Попова в Пензе. Подозрения жандармов не подтвердились, и автор «пашквиля» не был установлен. Подробнее см.: *Щеголев П.* Эпизод из жизни Белинского (по неизданным данным). — Былое, 1906, № 10, с. 285—287; Евгеньев-Максимов. Совр I, с. 240—241; *Бельчиков Н. Ф.* Новые автографы писем Белинского и Некрасова. — Некр. сб., III, с. 246—251.

84. И. К. БАБСТУ

(С. 108)

Подлинник: ГИМ, ф. 44, № 6, л. 5.
Впервые: ВЛ, 1963, № 9, с. 197 (публ. Э. Бакста).

[1] Упоминаемые далее в письме рецензии «Предварительный курс астрономии. Д. Перевощикова. Изд. второе, испр. М., 1847» (С, 1848, № 3) и «О климате Москвы. Критическое исследование М. Спасского. М., 1847» (С, 1848, № 4). Третья неизвестна. По предположению М. Я. Блинчевской, ею могла быть «Теория равновесия тел, погруженных в жидкость. Рассуждение, написанное для получения степени магистра А. Давидовым. М., 1848» (С, 1848, № 4) (см.: Собр. соч. 1965—1967, т. VIII, с. 73).

[2] По предположению В. Э. Боград, в № 5 «Современника» за 1848 г. Бабсту принадлежат рецензии на «Историческую хрестоматию церковнославянского и русского языка» А. Д. Галахова и на 2-й и 3-й выпуски 1-го тома «Живописной энциклопедии» (см.: Боград. Совр, с. 93).

[3] Сведения об авторах требовались для представления в цензуру.

85. А. В. НИКИТЕНКО

(С. 108)

Подлинник: ИРЛИ, № 18607, л. 47.
Впервые: Некр. по мат. ПД, с. 221—222.
Датируется предположительно, временем сотрудничества Никитенко в редакции «Современника».

86. В. А. СОЛОНИЦЫНУ

(С. 109)

Подлинник: РГБ, ф. 608, собрание И. В. Помяловского.
Впервые: Собр. соч. 1930, т. V, с. 120.
Главы книги английского писателя и политического деятеля А. В. Кинглека «Eothen» (Лондон, 1844) под редакционным заглавием «Путешествие английского туриста» печатались в № 3—8 «Современника» за 1848 г., что и позволяет установить точную дату письма.

87. М. Л. ОГАРЕВОЙ

(С. 109)

Подлинник: РГАЛИ, ф. 359, оп. 1, № 16, л. 2.
Впервые: Русские пропилеи, т. IV. М., 1917, с. 85 (публ. М. О. Гершензона).

Датируется по связи с письмом А. Я. Панаевой к М. Л. Огаревой от 3 сентября 1848 г., в котором Панаева отговаривала Огареву давать доверенность на ведение ее дел А. А. Столыпину, предлагая другой вариант: «Я прошу тебя прислать полную доверенность с правом передать кому я пожелаю», — и далее советовала в качестве поверенного Н. Н. Тютчева. Письмо Некрасова, содержавшее точные формулировки предполагаемой доверенности, уточняет письмо Панаевой и, по всей вероятности, было отправлено одновременно с ним; вероятно, этим объясняется и отсутствие даты в письме Некрасова.

[1] М. Л. Огарева была обеспокоена задержками в получении обещанных денежных сумм от своего мужа Н. П. Огарева и намеревалась, следуя советам А. Я. Панаевой, предъявить ему иск об оплате выданных ей в 1846 г. заемных писем (см.: Черняк, с. 422—423, 449—451). М. Л. Огарева находилась в это время в Эмсе.

[2] Ср. в письме Панаевой к Огаревой от 3 сентября 1848 г.: «Я уж переговорила с одним деловым и благородным в полном смысле человеком — это Тютчевым, который посвятил себя труду и уже два года, как деятельно занимается. Ему я верна, и ты, если согласишься, то не будешь раскаиваться» (Черняк, с. 355).

[3] Под «капиталом» подразумевается сумма в 300 000 руб. ассигнациями, на которую Огаревым были выданы заемные письма.

[4] С. М. Воробьеву.

88. И. С. ТУРГЕНЕВУ

(С. 110)

Подлинник: ИРЛИ, № 21.194, л. 10—11.
Впервые: ВЕ, 1903, № 12, с. 573—575.

[1] 10 сентября ст. ст. 1848 г. Анненков читал на вечере у Некрасова комедию Тургенева «Где тонко, там и рвется». Комедия с посвящением Н. А. Тучковой была опубликована в № 11 «Современника» за 1848 г. Из журнальной редакции цензурой был полностью изъят текст сказки о трех женихах царевны (см.: Тургенев, Соч., т. II, 570—571).

[2] Ср. с п. 40.

[3] Имеются в виду рассказы Тургенева «Гамлет Щигровского уезда» и «Чертопханов и Недопюскин», опубликованные в № 2 «Современника» за 1848 г.

[4] По-видимому, речь идет о недовольстве Тургенева редкими корреспонденциями Некрасова к нему в этот период, особенно по поводу смерти В. Г. Белинского. Об этом же, очевидно, сообщил Некрасову и П. В. Анненков, вернувшийся из-за границы в Петербург.

[5] Белинский умер 26 мая 1848 г. Имеется в виду письмо А. П. Тютчевой к Тургеневу от 23 июня 1848 г. (см.: ЛН, т. 56, с. 196—197).

[6] К. Д. Кавелин переехал в 1848 г. из Москвы в Петербург; с 1848 г. служил в Министерстве внутренних дел.

[7] С середины апреля 1848 г. А. В. Никитенко оставил редакцию «Современника». После ухода официальным редактором стал И. И. Панаев, издателями — И. И. Панаев и Некрасов.

[8] См. п. 34, примеч. 4.

[9] См. п. 41, примеч. 4.

[10] И. И. Маслов.

[11] В начале сентября 1848 г. Анненков приехал из-за границы в Петербург.

[12] И. А. Гончаров.

[13] Роман «Три страны света», написанный Некрасовым в соавторстве с А. Я. Панаевой для «Современника» (1848, № 10—12; 1849, № 1—5).

[14] Это письмо Герцена к Некрасову неизвестно. Вероятно, оно было послано с П. В. Анненковым, встречавшимся с Герценом в Париже (Герцен, т. X, с. 229).

[15] «После грозы» — вторая глава «С того берега» Герцена. Датирована 24 июля 1848 г. Рукопись привезена в Россию П. В. Анненковым (см.: ЛН, т. 62, с. 45—46).

89. А. В. НИКИТЕНКО

(С. 112)

Подлинник: ИРЛИ, № 18607, л. 33.
Впервые: Некр. по мат. ПД, с. 222—223.

В письме идет речь о расчете с Никитенко, отказавшегося в апреле 1848 г. от поста официального редактора «Современника». Газетная экспедиция почтамта, хранящая подписные суммы периодических изданий, выдавала издателям помесячно в виде аванса суммы, соответствующие одному номеру издания. Ср.: наст. изд., т. XIII, кн. 2, с. 343. См. также п. 90.

90. А. В. НИКИТЕНКО

(С. 113)

Подлинник: ИРЛИ, № 18607, л. 48.
Впервые: Некр. по мат. ПД, с. 223—224.
Год устанавливается по связи с п. 89.

[1] Эта записка, очевидно ответ на п. 89, неизвестна. Ср. п. 91.

91. А. В. НИКИТЕНКО

(С. 113)

Подлинник: ИРЛИ, № 18607, л. 35.
Впервые: Некр. по мат. ПД, с. 224.

[1] Ср. п. 90.

92. Ег. П. КОВАЛЕВСКОМУ

(С. 114)

Подлинник: РНБ, ф. 356 (Ег. П. Ковалевского), № 278, л. 7.
Впервые: Огни, с. 287—288.

Год определяется по статье Ег. П. Ковалевского «Из путешествия во внутреннюю Африку» (статья первая), опубликованной в № 12 «Современника» за 1848 г.

[1] Вторую публикацию этого же цикла — «II. От большой Нубийской пустыни до соединения Белого Нила с Голубым»; «III. Картуш и Сенаар» — см.: С, 1849, № 2.

93. И. С. ТУРГЕНЕВУ

(С. 114)

Подлинник: ИРЛИ, № 21.194, л. 15—15 об.
Впервые: ВЕ, 1903, № 12, с. 575—576.

[1] Рассказ «Лес и степь», опубликованный в № 2 «Современника» за 1849 г. вместе с рассказами «Гамлет Щигровского уезда», «Чертопханов и Недопюскин».

[2] См. п. 88, примеч. 1.

[3] На полях подлинника против этого абзаца рукой Некрасова сделаны цифровые пометы:

$$\begin{array}{r} 1200 \\ 1050 \\ 210 \\ \hline 2460 \end{array}$$

[4] По-видимому, речь идет о замысле романа «Два поколения». См. ⟨План романа «Два поколения»⟩: Тургенев, Соч., т. VI, с. 379—388; 594—598. В объявлении об издании «Современника» в 1849 г. роман Тургенева не назван.

[5] Некрасов имеет в виду цензурные гонения на «Современник». См. об этом п. 66, 81, 88, примеч. 13.

[6] Комедия «Нахлебник», присланная Тургеневым в конце 1848 г. в Москву М. С. Щепкину. О чтении комедии М. С. Щепкиным см. письмо М. В. Станкевич к родным (РГБ, М 8.421 (36)). Одобрительные отзывы о комедии Тургенева содержатся в письме А. И. Герцена к московским друзьям — Т. Н. Грановскому, Н. Х. Кетчеру, Е. Ф. и М. Ф. Коршам, Н. М. Сатину (Герцен, т. XXIII, с. 114).

1849

94. Ег. П. КОВАЛЕВСКОМУ

(С. 115)

Подлинник: РНБ, ф. 356 (Ег. П. Ковалевского), № 278, л. 1.
Впервые: ЕС, 1903, № 1, с. 65—66.
Адресат определяется местом нахождения подлинника.

[1] См. п. 92, примеч. 1.

[2] Очевидно, речь идет о второй статье цикла «Путешествие во внутреннюю Африку».

[3] Книга Ег. П. Ковалевского «Путешествие во внутреннюю Африку» вышла в 1849 г. (СПб.; ценз. разр. — 7 января 1849 г.).

[4] Речь идет о Конторе агентства и комиссионерства, которую в 1847 г. основали Н. Н. Тютчев и Н. М. Языков.

95. И. И. СРЕЗНЕВСКОМУ

(С. 116)

Подлинник: РГАЛИ, ф. 436, оп. 1, № 1312, л. 2.
Впервые: Звенья, т. V, с. 500.

Речь идет о драме В. А. Соллогуба «Местничество», включенной в состав приложенного к «Современнику» 1849 г. «Литературного сборника» (ценз. разр. — 22 марта 1849 г.), который редакция «Современника» выпустила взамен запрещенного цензурой «Иллюстрированного альманаха».

96. М. Л. ОГАРЕВОЙ

(С. 117)

Подлинник: РГАЛИ, ф. 359, оп. 1, № 163, л. 50 об. Приписка к письму А. Я. Панаевой к М. Л. Огаревой от 15 марта 1849 г.
Впервые: РМ, 1902, № 12, с. 173.
Датируется 15 марта 1849 г. в соответствии с датой, проставленной А. Я. Панаевой в первой части письма (л. 49).

[1] С. М. Воробьев.
[2] К. М. Воробьев. Ср. в написанной Панаевой части письма: «Ксенофонт молчит; письмо твое получил, но причину не пишет о своем упорном молчании к вам. — Я думаю, что это одна леность и больше ничего» (Черняк, с. 368).

97. И. С. ТУРГЕНЕВУ

(С. 117)

Подлинник: ИРЛИ, № 21.194, л. 13—14.
На обороте письма Некрасова приписка А. П. Тютчевой и письмо Н. Н. Тютчева.
Впервые: ВЕ, 1903, № 12, с. 576—578.

[1] Это письмо Тургенева неизвестно.
[2] Н. Н. Тютчев.
[3] Намек на цензурные гонения и в связи с этим ухудшение содержания журнала «Современник».
[4] См. п. 40, примеч. 13.
[5] Этот счет, составленный Некрасовым, неизвестен.
[6] В 1849 г. редакцией «Современника» был издан в качестве приложения к журналу «Литературный сборник с иллюстрациями» взамен запрещенного цензурой в 1848 г. «Иллюстрированного альманаха». В его состав вошли историческая драма В. А. Соллогуба «Местничество», «Сон Обломова» Гончарова, «Египетская сказка» М. А. Гамазова, «Дурак-Федя» А. В. Станкевича и др. О приложении к «Современнику» 1849 г. см.: С, 1849, № 4, с. 96; наст. изд., т. XIII, кн. 1, с. 72—75, 382—384.
[7] О цензурных искажениях в журнальной публикации рассказов Тургенева «Гамлет Щигровского уезда» и «Чертопханов и Недопюскин» см.: Тургенев, Соч., т. IV, с. 590, 596—597.
[8] 22 февраля 1849 г. комедия Тургенева «Нахлебник» была запрещена цензурой в типографских гранках. См.: Тургенев, Соч.,

т. IV, с. 580, 588—590. О желании Некрасова опубликовать комедию в «Современнике» В. П. Боткин писал А. А. Краевскому 9 февраля 1849 г.: «Спешу вам послать пьесу Тургенева, которую вчера взял я от Щепкина. Он был в недоумении, кому послать ее: вам или „Современнику”. Хотя он и получил письмо от Тургенева, где он пишет, чтобы пьесу послать вам, но вместе с этим Щепкин получил письмо и от Некрасова, в котором Некрасов просит прислать пьесу ему. Я разрешил эти сомнения, присоветовав следовать письму самого автора» (Отчет ИПБ за 1889 год, прилож., с. 94).

[9] Н. С. Тургенев.

98. Н. М. САТИНУ

(С. 119)

Подлинник: РГАЛИ, ф. 476, оп. 1, № 16, л. 1—1 об. На бланке редакции «Современника».

Впервые: РМ, 1902, № 12, с. 175—176.

[1] Эти письма неизвестны.

[2] Рецензия на книгу И. В. Вернадского «Критико-историческое исследование об итальянской политико-экономической литературе до начала XIX века» (М., 1849) была опубликована анонимно в № 5 «Современника» за 1849 г.

[3] Речь идет о неосуществленном плане приобретения Некрасовым (очевидно, вместе с Сатиным) «Литературной газеты», издание которой было прекращено В. Р. Зотовым из-за недостаточного числа подписчиков.

[4] Выпуск еженедельника «Иллюстрация» был прекращен на № 3 в 1849 г. Приобретение его Некрасовым не состоялось.

[5] Н. П. Огарев приехал в Петербург 20 февраля (см.: ЛН, т. 61, с. 783) для переговоров о разводе с М. Л. Огаревой и прожил там до начала лета.

[6] О какой рукописи идет речь, неизвестно.

[7] Имеется в виду альманах «Литературный сборник с иллюстрациями. Издан редакцией „Современника”» (СПб., 1849; ценз. разр. — 22 марта 1849 г.). См. также письмо Некрасова к Тургеневу от 27 марта 1849 г.

99. М. В. АВДЕЕВУ

(С. 120)

Подлинник неизвестен.

Печатается по первой публикации.

Впервые: РС, 1902, № 8, с. 267—268.

Ответ Некрасова на письменное обращение к И. И. Панаеву от 14 мая 1849 г. (АСК, с. 274—275).

[1] «Варинька», первая часть трилогии «Тамарин», была напечатана в № 9 «Современника» 1849 г.

[2] Ответное письмо Авдеева неизвестно.

[3] С 1842 г. выпускник Института путей сообщения М. В. Авдеев служил в Нижегородской губернской строительной и дорожной комиссии, в 1849 г. был начальником дистанции строительства нижегородского шоссе.

100. Б. И. ОРДЫНСКОМУ

(С. 121)

Подлинник неизвестен.

Печатается по тексту первой публикации: Варшавские университетские известия, 1903, № 8, с. 3.

Датируется предположительно маем—августом 1849 г., так как, по всей вероятности, является ответом на письмо Ордынского, написанное в мае 1849 г. (см. письмо Ордынского А. А. Краевскому от 28 августа 1849 г.: РНБ, ф. 391, № 591).

[1] Б. И. Ордынский учился в Ярославской гимназии в 1833/34 г. (см.: *Бобров Е. А.* Борис Иванович Ордынский. Варшава, 1904, с. 2). Некрасов в это время учился в IV классе той же гимназии.

[2] А. Я. Панаева писала со слов Некрасова, что в гимназические годы они с братом убегали по ночам в трактир, где маркером был крепостной их отца, «и практиковались в игре на биллиарде» (Панаева, с. 367). О том же свидетельствует и «ходячий рассказ», записанный П. Мизиновым (см.: ГМ, 1914, № 7, с. 69). См. также записки В. А. Панаева (ЛН, т. 49—50, с. 199).

101. И. С. ТУРГЕНЕВУ

(С. 122)

Подлинник: ИРЛИ, № 21.194, л. 17.
Впервые: ВЕ, 1903, № 12, с. 579.

[1] «Завтрак у предводителя» был отправлен Тургеневым в Москву М. С. Щепкину для передачи Некрасову. Первая редакция пьесы «Завтрак у предводителя», предназначенная для октябрьского номера «Современника», была задержана цензурой в корректурных листах и в печати при жизни Тургенева не появилась.

[2] Развернутый отзыв Некрасова о «Холостяке» опубликован в № 11 «Современника» за 1849 г. (см.: наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 341—345). См. также письмо Тургеневу от 8 ноября 1849 г.

[3] Н. Н. Тютчев.

[4] Джеймс Ротшильд, банкир, вел денежные дела А. И. Герцена.

[5] Тургенев приехал в Петербург из Парижа 20 июня (2 июля) 1850 г. (см.: Никитина. Летопись Тургенева, с. 164).

102. И. И. СРЕЗНЕВСКОМУ

(С. 122)

Подлинник: РГАЛИ, ф. 436, оп. 1, № 1312, л. 3—4.
Впервые: Звенья, т. V, с. 501.

[1] Цензурное разрешение № 10 «Современника» за 1849 г. — 30 сентября 1849 г.

[2] А. Л. Крылов.

103. И. К. БАБСТУ

(С. 123)

Подлинник: ГИМ, ф. 44, № 6, л. 6

Впервые: ВЛ, 1963, № 9, с. 198 (публ. В. Э. Бакста).

[1] Статья «об Англии» Бабста в «Современнике» не публиковалась.

104. М. С. КУТОРГЕ

(С. 123)

Подлинник: ИРЛИ, ф. 357, оп. 2, № 246, л. 1.

Впервые: Собр. соч. 1930, т. V, с. 134.

Год устанавливается по штемпелю городской почты на обороте письма: «1849, ноя⟨бря⟩ 4, 4 час.».

Первое из дошедших до нас писем Некрасова к М. С. Куторге. Цель предполагаемого визита Некрасова — по-видимому, переговоры о сотрудничестве Куторги в «Современнике». См. также письмо Куторге от 10 января 1850 г. (п. 111).

105. И. С. ТУРГЕНЕВУ

(С. 124)

Подлинник: ИРЛИ, № 21.194, л. 21—21 об. На обороте письма (л. 21 об.) приписка рукой Некрасова: «И. С. Тургеневу».

Впервые: ВЕ, 1903, № 12, с. 580, с ошибочной датой: «1851».

Год устанавливается по содержанию.

[1] Это письмо Тургенева неизвестно.

[2] Премьера «Холостяка» состоялась 14 октября 1849 г. в бенефис М. С. Щепкина на сцене Александринского театра в Петербурге. Статья Некрасова об этой постановке опубликована в № 11 «Современника» за 1849 г. в отделе «Смесь» без подписи (см.: наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 341—345).

[3] Речь идет о комедии «Студент», явившейся первой редакцией комедии, названной впоследствии «Месяц в деревне». «Месяц в деревне» опубликован лишь в № 1 «Современника» за 1855 г. Ср. письмо Тургеневу от 9 января 1850 г.; письмо Тургенева к А. А. Краевскому от 13 (25) декабря 1849 г. (Тургенев, Письма, т. I, с. 378).

[4] «Завтрак у предводителя» был разрешен театральный цензурой 11 октября 1849 г. (РГИА, ф. 780, № 26). Первая постановка комедии состоялась в Москве 23 ноября 1849 г.; 9 декабря 1849 г. — в Петербурге в бенефис П. А. Каратыгина. Предназначенная для октябрьской книжки «Современника», комедия была запрещена цензурой в корректурных гранках. Появилась лишь в № 8 «Современника» за 1856 г.

106. А. Н. АФАНАСЬЕВУ

(С. 125)

Подлинник: ГАРФ, ф. 279, оп. 1, № 1124, л. 5.

Впервые: ЛН, т. 25—26, с. 356.

Дата устанавливается путем сопоставления времени сотрудничества Афанасьева в «Современнике», его продолжительного перерыва (второе полугодие 1849 г.) и календарных данных письма.

[1] Последняя в 1849 г. статья Афанасьева о первом томе «Дневника генерала Гордона» (М., 1849) напечатана в июньской книжке «Современника». См. также комментарии к п. 107.

[2] Ср. п. 107.

[3] Книжный магазин И. В. Базунова, в котором была московская контора «Современника», находился на Никольской улице, д. 4.

[4] Эта записка неизвестна.

[5] Ср. п. 107.

107. А. Н. АФАНАСЬЕВУ

(С. 125)

Подлинник: ГАРФ, ф. 279, оп. 1, № 1124, л. 1. Вторая половина двойного листа, содержавшая, очевидно, записку к И. В. Базунову, упоминаемую в комментируемом письме и ныне утраченную, небрежно оторвана. На неоторванном клочке второго листа сохранилась часть почтового штемпеля с датой: «6 декабря».

Впервые: ЛН, т. 25—26, с. 354—355.

Год устанавливается по содержанию письма и его связи с п. 106.

[1] В январской книжке «Современника» 1850 г. Афанасьеву принадлежит историографическая часть «Обозрения русской литературы за 1849 год» (Боград. Совр, с. 136, 500).

[2] Это общее и другие частные пожелания Некрасова, высказанные далее, были выполнены Афанасьевым. В «Обозрении...» подробно рассмотрены издания правительства, ученых обществ, частных лиц и журналов.

[3] Археографическая комиссия — один из органов (основан в 1834 г. при Министерстве народного просвещения), занимавшийся изданием документальных источников, в частности памятников древнерусской истории. Существовала до 1922 г. Афанасьев включил в свой обзор издания этого учреждения за 1849 г.

[4] «Временник Императорского московского общества истории и древностей российских» издавался в Москве в 1849—1857 гг. под редакцией И. Д. Беляева. Рецензия Афанасьева на первые четыре его выпуска была задержана цензурным ведомством (РГИА, ф. 777, оп. 26, № 129) и появилась лишь в июльской книжке «Современника». Рецензия на изданный Археографической комиссией 1-й том «Писем русских государей и других особ царского семейства» (М., 1848) в «Современнике» не появилась.

[5] И. В. Базунов.

[6] И. И. Срезневский.

[7] А. Л. Крылов.

[8] В «Современнике» 1849 г. напечатаны рецензии на вышедшую в 1847—1848 гг. «Историю русской церкви» рижского епископа Филарета (№ 4, 5) и на первый том «Дневника генерала Гордона» (М., 1849 — в № 6). Третья, заключительная статья Афанасьева об «Истории русской церкви» 18 мая 1849 г. была запрещена духовным цензором архимандритом Иоанном. 19 сентября того же года

Некрасов представил новый, переработанный, по-видимому, автором, вариант этой статьи, сопроводив его официальным письмом в духовную цензуру с «всепокорнейшею просьбой» о разрешении напечатать (см.: наст. изд., т. XIII, кн. 2, с. 138). Духовно-цензурный комитет в связи с этим обратился за разъяснениями к архимандриту Иоанну, который в докладной записке от 22 сентября 1849 г. ответил, что статья Афанасьева «наполнена неосновательными мыслями, неуместными выходками с неприличным тоном» (*Гаркави А. М.* Н. А. Некрасов в борьбе с царской цензурой. Калининград, 1966, с. 65). Статья осталась под запретом и в «Современнике» не появилась, что стало, вероятно, одной из причин долгого молчания Афанасьева. Ср. п. 106.

[9] Цензурные репрессии против «Современника» в 1850 г. нанесли журналу еще больший урон (Евгеньев-Максимов. Совр I, с. 249—276).

[10] В истекшем 1849 г. в связи со смертью В. Г. Белинского и началом цензурного террора Некрасов был вынужден сокращать объем и изменить характер критико-библиографического отдела «Современника», заполняя его статьями о старых русских писателях. В новых условиях руководитель журнала считал наиболее безопасным расширение этого отдела за счет историографических обзоров. Вместе с тем, эта вынужденная мера отвечала возрастающему интересу русских читателей к отечественной и европейской истории. В «Современнике» 1850 г. рецензии Афанасьева печатались в № 1, 3—7, 9, 10, 12 (см.: Боград. Совр, с. 136—161).

[11] В 1850 г. Афанасьев рецензировал в «Современнике» лишь московские и провинциальные издания по русской истории.

[12] Речь идет, возможно, об издававшемся в Москве П. Перевлесским собрании сочинений известных русских писателей. В апрельской книжке «Современника» за 1850 г. появилась рецензия Афанасьева на второй и третий выпуски этого издания: «Избранные сочинения князя А. Д. Кантемира» и «Избранные сочинения В. К. Тредиаковского» (М., 1849).

[13] В упомянутом выше справочнике В. Э. Боград к Афанасьеву отнесена 21 рецензия на книги по истории. Эпизодически в критико-библиографическом отделе «Современника» 1850 г. участвовали К. Д. Кавелин, И. Е. Забелин и, возможно, другие московские историки. Афанасьев по поручению Некрасова должен был привлекать авторов к сотрудничеству в журнале и редактировать заказываемые им материалы. Авторская принадлежность подавляющего большинства рецензий на труды по русской истории в «Современнике» 1850 г. остается неустановленной. Комментируемое письмо может, вероятно, служить серьезным аргументом для атрибуции Афанасьеву других рецензий 1850 г. на книги по русской истории.

[14] Это обещание Афанасьева не было выполнено. Ряд его историко-литературных работ был напечатан в других периодических изданиях 1850—1860-х гг., в том числе статьи о Кантемире, Новикове, Фонвизине, Батюшкове и др. (см.: Перечень трудов А. Н. Афанасьева... — РА, 1871, № 11, стб. 1848—1855).

[15] Речь идет о статье С. М. Соловьева «Очерки истории Малороссии до подчинения ее царю Алексею Михайловичу», напечатанной в февральском номере «Отечественных записок» 1849 г. Отзывом Афанасьева об этой работе начинается часть его «Обозрения...», относящаяся к журнальным статьям (С, 1850, № 1, отд. III, с. 8—9).

[16] В письме к Афанасьеву от ноября 1849 г. (см. п. 106) Некрасов обещал выслать ему остаток долга в конце ноября или начале декабря. Не дошедшей до нас запиской (вероятно, отосланной для передачи И. В. Базунову) Некрасов выполнил свое обязательство.

108. И. И. СРЕЗНЕВСКОМУ

(С. 127)

Подлинник: РГАЛИ, ф. 436, оп. 1, № 1312, л. 5.
Впервые: Звенья, т. V, с. 501—502.

[1] Рецензия А. Н. Афанасьева на книгу Д. Шеппинга «Мифы славянского язычества» (М., 1849) помещена в № 2 «Современника» 1850 г. (отд. V, с. 80—86).

1850

109. И. И. СРЕЗНЕВСКОМУ

(С. 128)

Подлинник: РГАЛИ, ф. 436, оп. 1, № 1312, л. 6—7.
Впервые: Звенья, т. V, с. 502.

[1] Произведение с таким названием в «Современнике» не печаталось. Предположение, что речь идет о рассказе Н. Станицкого (А. Я. Панаевой) «Необдуманный шаг», напечатанном в № 1 «Современника» за 1850 г. (Звенья, т. V, с. 502—503; ПСС, X, с. 139), неосновательно. Январский номер «Современника» 1850 г. был разрешен цензурой 31 декабря 1849 г. Название «Случайность» к упомянутой повести Панаевой немотивированно.

[2] Имеется в виду председатель Петербургского цензурного комитета М. Н. Мусин-Пушкин.

110. И. С. ТУРГЕНЕВУ

(С. 129)

Подлинник: РГБ, ф. 306.3.5.
Впервые: Пыпин, с. 101—104.

[1] Возможно, речь идет о романе И. А. Панаева «Напрасная жертва», который Некрасов безуспешно пытался провести через Петербургский цензурный комитет в середине 1850 г.

[2] № 1 «Современника» за 1850 г. с цензурным разрешением от 31 декабря 1849 г. вышел в свет в начале января 1850 г.

[3] О конторе Языкова и Тютчева см. письмо Белинскому между 15 и 26 сентября 1846 г.

[4] Имеется в виду Ф. А. Некрасов.

[5] Комедия Тургенева «Студент» (первая редакция «Месяца в деревне») напечатана в «Современнике» (1855, № 1).

[6] О «Завтраке у предводителя» Тургенева см. п. 105, примеч. 4.

[7] Имеется в виду цензор И. И. Срезневский. См.: *Оксман Ю. Г.* И. С. Тургенев: Исследования и материалы. Одесса, 1921, вып. 1, с. 92.

[8] Речь идет о рецензии Некрасова «Театральные новости. 1849. „Холостяк"» (С, 1849, № 11; см.: наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 341—345).

111. М. С. КУТОРГЕ

(С. 131)

Подлинник: ИРЛИ, ф. 357, оп. 2, № 246, л. 3.
Впервые: Собр. соч. 1930, т. V, с. 138.

[1] Речь идет о статье Куторги «Перикл. Статья первая», которая впоследствии была напечатана под рубрикой «Исторические очерки» в февральской книжке «Современника» 1850 г. (ценз. разр. — 31 января 1850 г.). В афишке «Подписка на „Современник" 1850 года», разрешенной цензурой к печати 9 января 1850 г., редакция журнала сообщала, в частности: «Мы имеем уже статьи профессоров СПб. университета 〈...〉 М. С. Куторги...» (наст. изд., т. XIII, кн. 1, с. 83).

[2] Каждый новый сотрудник «Современника» становился и его подписчиком. Оплата за подписку, как правило, вычиталась из первого гонорара.

[3] Письма М. С. Куторги к Некрасову неизвестны.

[4] Ср. п. 110.

112. М. В. АВДЕЕВУ

(С. 132)

Подлинник неизвестен.

Печатается по первой публикации с исправлением явно ошибочного прочтения в постскриптуме (в публикации — «иногородним подписчикам»).

Впервые: PC, 1902, № 8, с. 268—269.

[1] Вторая часть трилогии Авдеева «Тамарин», печатавшаяся в № 1, 2 «Современника» 1850 г. под заглавием «Я. Записки Тамарина».

[2] А. В. Дружинин с 1849 г. вел в журнале Некрасова фельетонное обозрение «Письма иногороднего подписчика в редакцию „Современника" о русской журналистике». Эпизодически в фельетонах этой рубрики участвовали и другие сотрудники журнала, в том числе Некрасов (см.: НЖ, с. 205—222). В 6-м «Письме» Дружинин посвятил несколько страниц первой повести Авдеева. Отметив «замечательный талант» автора «Вариньки», «легкий язык», оригинальность мысли и наблюдательность Авдеева, фельетонист писал: «Но я не могу одобрить основной идеи произведения, набросившей на всю повесть оттенок чужих и не вполне усвоенных идей. Влияние Лермонтова и „Героя нашего времени" видно на каждой странице и просвечивает в каждом персонаже повести» (С, 1849, № 10, отд. IV, с. 316—317).

Очевидно, в не дошедшем до нас письме Авдеева к Некрасову, ответом на которое и является комментируемое письмо, автор «Вариньки» интересовался автором приведенного отзыва.

113. М. С. КУТОРГЕ

(С. 132)

Подлинник: ИРЛИ, ф. 357, оп. 2, № 246, л. 5.
Впервые: Собр. соч. 1930, т. V, с. 140.

[1] Письма М. С. Куторги к Некрасову неизвестны.
[2] Письма П. А. Ильенкова к Некрасову неизвестны.
[3] Имеется в виду, очевидно, рецензия М. М. Стасюлевича на книгу Т. Н. Грановского «Аббат Сугерий» (М., 1849). Рецензия была впоследствии отклонена Некрасовым (см. п. 115). В апрельской книжке «Современника» 1850 г. напечатана статья М. М. Стасюлевича «Критические исследования о речи Иперида против Демосфена, недавно найденной в египетских катакомбах».

114. М. Л. ОГАРЕВОЙ

(С. 133)

Подлинник: РГАЛИ, ф. 359, оп. 1, № 16, л. 1.
Впервые: РМ, 1902, № 12, с. 173; факсимиле: Черняк, после с. 154.

[1] Из денег, которые А. Я. Панаева по доверенности Огаревой взыскивала с Н. П. Огарева. Ср. в письме Панаевой к Огаревой от 24 февраля 1850 г.: «Ты, верно, получила 300 рублей серебром? или нет? так получишь на днях» (Черняк, с. 489).
[2] С. М. Воробьев.
[3] Н. С. Шаншиев был приглашен Панаевой вести дела по взысканию денег с Н. П. Огарева. Ср. письма Панаевой к Огаревой от 29 мая и 19 июля 1849 г. (Черняк, с. 377 и 382).
[4] Ср. в письме Панаевой к Огаревой от 24 февраля 1850 г.: «На будущей неделе Шаншиев едет опять в Москву и, может быть, все кончит» (Черняк, с. 489).
[5] Имеются в виду переговоры о мировом соглашении, предложенном Н. Т. Грановским (представлявшим интересы Огарева) еще летом 1849 г., по которому Огарев обязывался уплатить сумму меньшую, чем указанная в первоначальном иске: 50 000 руб. серебром вместо 85 815 руб. серебром. Сложность окончательного решения дела состояла в том, что и эта меньшая сумма не могла быть внесена наличными — в качестве уплаты выступали недвижимость (орловское имение Огарева «Уручье») и векселя Н. Ф. Павлова и К. И. Яниша (см.: Черняк, с. 384, 386—387, 389, 500—503). Дело завершилось только в начале 1851 г., когда «Уручье» перешло наконец к Шаншиеву — поверенному М. Л. Огаревой.
[6] Тургенев в этом время жил в Париже.

115. М. С. КУТОРГЕ

(С. 134)

Подлинник: ИРЛИ, ф. 357, оп. 2, № 246, л. 15—16.
Впервые: Собр. соч. 1930, т. V, с. 141—142.
Год определяется по связи с п. 113.

[1] 16 марта 1850 г. редакция «Современника» в объявлении о выходе № 3 журнала и о планах на будущее назвала в числе заготовленных статью М. С. Куторги (МВ, 1850, 16 марта, № 32). Имеется в виду, очевидно, статья «История папской власти до смерти Карла Великого и восстановления Западной Римской империи», напечатанная впоследствии в майской книжке «Современника» 1850 г. Ср. также п. 116.

[2] В отделе «Библиография» (с. 67—80) февральской книжки «Современника» 1850 г. напечатана рецензия К. Д. Кавелина на книгу Т. Н. Грановского «Аббат Сугерий» (М., 1849).

[3] Рецензия М. М. Стасюлевича на указанную книгу Грановского напечатана в № 10 (май, кн. 2, отд. «Критика и библиография», с. 67—96) журнала «Москвитянин» 1850 г.

116. М. С. КУТОРГЕ

(С. 134)

Подлинник: ИРЛИ, ф. 357, оп. 2, № 246, л. 7.

Впервые: Собр. соч. 1930, т. V, с. 142.

[1] Рано умерший (1846 г.) товарищ Куторги по учебе и службе в Петербургском университете, преподаватель славянской истории и филологии П. И. Прейс оставил Куторге большую часть своего архива, в том числе и рукопись лекций, читанных им на кафедре истории и литературы славянских наречий Петербургского университета в 1843—1846 гг. Лекции остались ненапечатанными. (См.: *Срезневский И. И.* На память о Бодянском, Григоровиче и Прейсе, первых преподавателях славянской филологии. СПб., 1878, с. 4—14).

[2] Речь идет о предназначенной для № 5 «Современника» 1850 г. (ср. п. 115) статье Куторги «История папской власти до смерти Карла Великого...», которая в это время была у цензора «Современника» И. И. Срезневского. См. также п. 120.

[3] Эта записка в контору «Современника» неизвестна.

117. В. П. ГАЕВСКОМУ

(С. 135)

Подлинник: РНБ, ф. 171 (В. П. Гаевского), № 198, л. 1.

Впервые: Собр. соч. 1930, т. V, с. 144.

Год определяется по времени публикации рецензии Гаевского на комедию П. И. Григорьева «Житейская школа» (С, 1850, № 5).

[1] Речь идет о комедии П. И. Григорьева «Житейская школа» (БдЧ, 1849, № 11, 12; 1850, № 1; отд. изд. СПб., 1849).

[2] Ср. п. 119.

118. А. Н. МАЙКОВУ

(С. 135)

Подлинник: ИРЛИ, ф. 341 (ф. М. А. Шляпкина), оп. 2, № 111, л. 1—1 об.

Впервые: Некр. по мат. ПД, с. 299—300.

Год определяется публикацией серии статей «Русские второстепенные поэты» в «Современнике» (1850, № 1, 2, 3, 7).

Ответ, очевидно, на не дошедшее до нас письмо Майкова с предложением каких-то материалов в критико-библиографический отдел «Современника». Предложение Некрасова Майковым также не было реализовано.

119. В. П. ГАЕВСКОМУ

(С. 136)

Подлинник: РНБ, ф. 171 (В. П. Гаевского), № 198, л. 2.
Впервые: Собр. соч. 1930, т. V, с. 144—145.
Год определяется на тех же основаниях, что и в п. 117.

[1] См. комм. к п. 117.

120. М. С. КУТОРГЕ

(С. 137)

Подлинник: ИРЛИ, ф. 357, оп. 2, № 246, л. 9—10.
Впервые: Собр. соч. 1930, т. V, с. 145—146.

[1] Комедия И. С. Тургенева «Студент» (первоначальное название комедии «Месяц в деревне») предназначалась для майского номера «Современника» 1850 г., но в апреле, уже набранная в корректуре, была запрещена цензурой (Тургенев 2, Соч., т. 2, с. 637).
[2] Ср. п. 110, содержащее обещание выслать Тургеневу 200 руб., как только будет прислана комедия.
[3] И. С. Тургенев вернулся в Россию в июне 1850 г.
[4] Получение денег от подписчиков, рассылка очередных номеров журнала и расчеты с официальным владельцем «Современника» П. А. Плетневым осуществлялись через газетную экспедицию Санкт-Петербургского почтамта, который выдавал Некрасову и Панаеву соответствующие суммы по выходе каждой книжки журнала.
[5] Статья Куторги «История папской власти до смерти Карла Великого и восстановления Западной Римской империи» напечатана в майской книжке «Современника» 1850 г.
[6] Это объясняется тем, что наиболее «дорогостоящие» материалы, произведения лучших авторов, заказывались, печатались и оплачивались в зимний период — наиболее благоприятный для повышения престижа журнала и привлечения подписчиков.
[7] Ср. п. 128.

121. В. П. ГАЕВСКОМУ

(С. 138)

Подлинник: РНБ, ф. 171 (В. П. Гаевского), № 198, л. 3, карандашом.
Впервые: Собр. соч. 1930, т. V, с. 146.
Датируется по содержанию: Гаевский и Некрасов прожили вместе в Парголове лето 1850 г.

[1] Возможно, речь идет о переводе из романа У. Теккерея «Ярмарка тщеславия», печатавшегося в это время в № 4—7 «Современника».

122. Н. Ф. ЩЕРБИНЕ

(С. 138)

Подлинник: РГАЛИ, ф. 570, оп. 1, № 15, л. 1.
Впервые: ПСС, т. X, с. 150.

[1] Подборка стихов Щербины под общим заголовком «Дополнение к „Греческим стихотворениям"» помещена в № 8 «Современника» 1850 г. В № 9 того же года напечатан «Эпилог к „Греческим стихотворениям"». Ср. п. 139.

[2] «Греческие стихотворения Н. Щербины» (Одесса, 1850). Положительная рецензия А. В. Дружинина на эту книгу помещена в № 6 «Современника» 1850 г.

123. А. Л. КРЫЛОВУ

(С. 139)

Подлинник: РНБ, ф. 171 (В. П. Гаевского), № 366, л. 1—3.
Впервые: Собр. соч. 1930, т. V, с. 147—149.

[1] Роман У. Теккерея печатался в «Современнике» в 1850 г. (№ 4—9); 7-я и 8-я части романа, о которых идет речь в письме, печатались в № 8 журнала.

[2] Некрасов имеет в виду «Отечественные записки».

[3] Цензурное разрешение для № 8 «Современника» дано 4 августа 1850 г.

[4] Автограф с помарками и кляксой.

124. В. П. ГАЕВСКОМУ

(С. 140)

Подлинник: РНБ, ф. 171 (В. П. Гаевского), № 198, л. 6.
Впервые: Собр. соч. 1930, т. V, с. 149—150.
Год определяется по связи с п. 123.

125. В. П. ГАЕВСКОМУ

(С. 141)

Подлинник: РНБ, ф. 171 (В. П. Гаевского), № 198, л. 4—5.
Впервые: Собр. соч. 1930, т. V, с. 146—147.
Датируется на тех же основаниях, что и п. 121.

[1] Ф. А. Некрасов.

126. В. П. ГАЕВСКОМУ

(С. 142)

Подлинник: РНБ, ф. 171 (В. П. Гаевского), № 200, л. 38—39; на л. 38 сверху помета Гаевского: «1850».

Впервые: Собр. соч. 1930, т. V, с. 597.

Датируется на основании пометы Гаевского и времени публикации его «Писем».

[1] Речь идет об одном из четырех «Писем», по всей вероятности, принадлежавших Гаевскому (письма шестнадцатое—девятнадцатое; вопрос об авторстве последних двух писем остается открытым). Эти письма входили в цикл фельетонов А. В. Дружинина, публиковавшихся под названием «Письма Иногороднего подписчика в редакцию „Современника" о русской журналистике» и печатались журналом в 1850 г. (№ 7—10).

127. П. В. АННЕНКОВУ

(С. 142)

Подлинник: ИРЛИ, № 5697, л. 1—1 об. Конверт был запечатан печатью «Современника» (л. 2).

Впервые: Анненков и его друзья, с. 623—633.

[1] Речь идет о «Провинциальных письмах» Анненкова, седьмое из которых напечатано в № 9 «Современника» за 1850 г. (первое—третье письма — С, 1849, № 8, 10, 12; четвертое—шестое — С, 1850, № 1, 3, 5; восьмое — С, 1851, № 1).

[2] Некрасов имеет в виду цензурные притеснения 1850 г.

[3] О каких произведениях идет речь, не установлено. Возможно, о повести Евг. Тур «Долг» (С, 1850, № 11) и повести Дружинина «Петергофский фонтан» (опубл.: БдЧ, 1850, № 12). Ближайшее по времени произведение Дружинина на страницах «Современника» (1850, № 11) — комедия «Не всякому слуху верь».

[4] Цитата из стих. Лермонтова «Памяти А. И. Одоевского».

[5] Статья Б. И. Ордынского «„Характеры" Феофраста» (С, 1850, № 9).

[6] Статья Я. И. Костенецкого (С, 1850, № 9 (часть первая); № 11 (части вторая и третья)).

[7] Статья А. Д. Галахова «Полное собрание сочинений русских авторов. Сочинения Измайлова (Александра Ефимовича). Изд. А. Смирдина. СПб., 1849. Два тома» (С, 1849, № 12; 1850, № 10, 11).

[8] Речь идет о повестях К. Мытищева «История двух приятелей» и М. В. Авдеева «Ясные дни» (С, 1850, № 10).

[9] Мать И. С. Тургенева, разочарованная отказом сына от карьеры государственного чиновника, перестала оказывать ему материальную поддержку.

[10] Возможно, речь идет о «Свидании» Тургенева.

[11] Авторы «Обозрения русской литературы за 1850 год» — А. Н. Афанасьев, В. П. Гаевский, П. В. Анненков и Некрасов (С, 1851, № 1, 2).

[12] Речь идет о Н. Н. Тютчеве.

[13] Речь идет о М. А. Языкове.

[14] И. И. Панаев.

128. М. С. КУТОРГЕ

(С. 144)

Подлинник: ИРЛИ, ф. 357, оп. 2, № 246, л. 11—12.
Впервые: Собр. соч. 1930, т. V, с. 152—153.
Год устанавливается по упоминанию статьи о Перикле и связи с п. 120.

[1] Письма Куторги к Некрасову неизвестны. По-видимому, в этом письме Куторга напоминал Некрасову о невыполненном обещании в его письме от 16 мая 1850 г. уплатить гонорар за статью «История папской власти...» до 15 июня.

[2] Этот номер журнала был разрешен цензурой 26 сентября, выпущен в свет 15 октября (ср. п. 129).

[3] «Статья первая» работы Куторги «Перикл» была напечатана в февральской книжке «Современника» 1850 г. Окончание в «Современнике» не появилось.

[4] Это обещание Некрасов не выполнил (см. п. 129).

129. М. С. КУТОРГЕ

(С. 145)

Подлинник: ИРЛИ, ф. 357, оп. 2, № 246, л. 13—14.
Впервые: Собр. соч. 1930, т. V, с. 153.
Год устанавливается по связи с п. 128.

[1] Билет государственного казначейства, вид кратковременных государственных займов, выпускавшийся разрядами (сериями) на определенную сумму. Серии достоинством в 50 руб. серебром начали выпускаться в 1840-х гг. сроком на 8 лет. Взамен погашения этих серий производился новый выпуск серий. В данном случае речь идет, очевидно, о серии 1847 или 1849 гг.

[2] Намек на цензурные препятствия (ср. п. 128).

[3] Ср. п. 128.

130. А. Д. ГАЛАХОВУ

(С. 145)

Подлинник неизвестен.
Впервые: ПСС, т. XI, с. 419.
Печатается по копии (неизвестной рукой) РГИА.
Год устанавливается по упоминанию в письме статьи Галахова «Полное собрание сочинений русских авторов. Сочинения Измайлова (Александра Ефимовича). Изд. А. Смирдина. СПб., 1849. Два тома» (С, 1849, № 12; 1850, № 10, 11).

[1] Это письмо Некрасова к А. Д. Галахову неизвестно.

[2] Первая статья Галахова, посвященная выходу в свет в 1849 г. двухтомного издания сочинений А. Е. Измайлова, была опубликована без подписи в № 12 «Современника» за 1849 г.; вторая — в № 10 за 1850 г., также без подписи (ценз. разр. — 26 сентября 1850 г.).

[3] Письмо Некрасова написано накануне выхода № 11 «Современника» за 1850 г., и, по-видимому, Галахов ответил согласием: «Статья третья и последняя» в № 11 журнала подписана А. Д. Галаховым.

131. Б. И. ОРДЫНСКОМУ

(С. 146)

Подлинник: ИРЛИ, ф. 677, № 344, с пометой Б. И. Ордынского: «26 окт. 1850 от Некрасова».
Впервые: РЛ, 1966, № 1, с. 151.

[1] Предыдущее письмо Некрасова неизвестно.
[2] Ко времени комментируемого письма в «Современнике» были опубликованы две статьи Б. И. Ордынского — «„Одиссея" В. А. Жуковского и журнальные толки о ней» (1850, № 3 и 4) и «„Характеры" Феофраста. Историко-литературная статья» (1850, № 9). Вероятно, речь идет о гонораре за эти статьи или за вторую из них.
[3] В письме А. А. Краевскому от 9 августа 1846 г. (РНБ, ф. 391, № 591) Ордынский предлагал написать статью о воспитании в Древней Греции. Однако эта статья Ордынского в печати не появилась.
[4] Статья Ордынского «О древнегреческом театре» была помещена в № 2 «Современника» за 1851 г.
[5] 10 октября 1850 г. Некрасов по просьбе М. С. Куторги, желавшего навестить его, сообщил ему свой адрес (см. п. 128).
[6] Имеется в виду полемика, разгоревшаяся по поводу книги Т. Н. Грановсокго «Аббат Сугерий» (М., 1849). С отрицательными рецензиями на нее выступили М. П. Погодин (М, 1850, № 2, янв., кн. 2, отд. 4, с. 4—16) и М. М. Стасюлевич (там же, № 10, май, кн. 2, отд. 4, с. 67—96). Рецензия Стасюлевича была одной из тех, о которых с одобрением отозвался Погодин. «Это их лучшая рекомендация, — писал об этом сам Стасюлевич, — надеюсь, что скоро и другие убедятся в моей благонамеренности» (*Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1897, кн. 11, с. 426). С возражениями Стасюлевичу выступили И. К. Бабст (ОЗ, 1850, № 7, отд. 8, с. 54—67), П. М. Леонтьев (М, 1850, ч. 3, № 11, июнь, отд. IV, с. 131) и анонимный автор (ОЗ, 1850, № 8, отд. 8, с. 265—273. Подпись: «N»). В «Современнике» была помещена положительная рецензия К. Д. Кавелина на книгу Грановского (1850, № 2, отд. 5, с. 67—80), а в «Обозрении русской литературы за 1850 год» (1851, № 4, отд. 3, с. 77) убедительно доказывалась несостоятельность нападок Погодина и Стасюлевича.
[7] В «Обозрении русской литературы за 1850 год. I. Обзор русской исторической литературы за 1850 год» (№ 1, отд. III) нет ничего об античной литературе. Видимо, Ордынский не воспользовался предложением Некрасова.

132. П. В. АННЕНКОВУ

(С. 147)

Подлинник: ИРЛИ, № 5697, л. 4—5.
Впервые: Анненков и его друзья, с. 634.

[1] «Певцы» и «Свидание» (из «Записок охотника»).

[2] Речь идет о повести под названием «Приемыш», которую собирался послать Григорович в «Современник» (см. п. 133).

[3] Имеется в виду статья «Осенние толки о русских журналах» (ОЗ, 1850, № 10, отд. «Смесь», «Журнальные заметки»), где «Современник» обвинялся в печатании тех же переводных романов, что помещаются и на страницах «Отечественных записок».

[4] См.: наст. изд., т. XIII, кн. 1, с. 12—21.

[5] И. И. Маслов.

[6] М. А. Языков.

133. Д. В. ГРИГОРОВИЧУ

(С. 148)

Подлинник: РНБ, ф. 222 (Д. В. Григоровича), № 11, л. 1.
Впервые: ЕС, 1903, № 1, с. 59.

[1] Письмо и ответ неизвестны.

[2] Повести Григоровича под таким названием в «Современнике» нет; ближайшая по времени повесть — «Светлое Христово воскресенье» (С, 1851, № 1), следующим был рассказ «Мать и дочь» (С, 1851, № 11). Возможно, «Приемыш» — первоначальное название повести «Рыбаки», которая печаталась в 1853 г. (С, № 3—6, 9).

[3] Речь идет о романе «Проселочные дороги», опубликованном в 1852 г. в «Отечественных записках» (№ 1—7). Этот роман Григорович, по собственному признанию, писал около года (см.: Григорович, с. 119).

134. В. П. ГАЕВСКОМУ

(С. 148)

Подлинник: РНБ, ф. 171 (В. П. Гаевского), № 198, л. 7.
Впервые: Собр. соч. 1930, т. V, с. 156.
Год определяется по календарной дате письма: за время цензорской работы А. Л. Крылова с «Современником» (1849—1853 гг.) 19 ноября приходилось на воскресенье лишь в 1850 г.

135. М. С. КУТОРГЕ

(С. 149)

Подлинник: ИРЛИ, ф. 357, оп. 2, № 246, л. 17—18.
Впервые: Собр. соч. 1930, т. V, с. 157.
Год устанавливается по связи с п. 129.

[1] Записка является, по всей вероятности, ответом на неизвестное нам письмо Куторги с требованием выплатить сполна причитающийся ему гонорар (ср. п. 129).

136. С. М. СОЛОВЬЕВУ

(С. 149)

Подлинник: РНБ, Сол. I.31.
Впервые: 30 дней, 1938, № 1, с. 98.

Год устанавливается на основании даты под упоминаемой в письме и лишь год спустя допущенной цензурой к печати статьей Соловьева «Обзор царствования Михаила Феодоровича Романова» — «1 ноября 1850 г.» (С, 1852, № 2, отд. II, с. 122) и объявления редакции С (1850, № 12, отд. VI, с. 267—268. — См.: наст. изд., т. XIII, кн. 1, с. 96) о получении «нового, довольно обширного сочинения по русской истории профессора Московского университета С. М. Соловьева».

[1] Статью «Обзор событий русской истории от кончины царя Феодора Иоанновича до вступления на престол Дома Романовых. Гл. X» Некрасову удалось напечатать в № 9 «Современника» за 1851 г. (отд. II, с. 1—48).

137. М. С. КУТОРГЕ

(С. 150)

Подлинник: ИРЛИ, ф. 357, оп. 2, № 246, л. 19—20.
Впервые: Собр. соч. 1930, т. V, с. 157—158.
Год устанавливается по связи с п. 129 и 135.

Последнее из дошедших до нас писем Некрасова к Куторге, который прекратил свое сотрудничество в «Современнике» в результате денежного конфликта с его редактором.

[1] См. п. 129 и 135.
[2] Речь идет о статье «Перикл», начало которой напечатано в февральской книжке «Современника» 1850 г. Ср. п. 128.
[3] Это письмо неизвестно.

138. В. П. ГАЕВСКОМУ

(С. 151)

Подлинник: РНБ, ф. 171 (В. П. Гаевского), № 199, л. 32.
Впервые: Некр. сб., II, с. 425.
Адресат определяется местом нахождения подлинника.
Датируется по письму В. В. Бутузова В. П. Гаевскому от 24 декабря 1850 г., где Бутузов пишет: «Не знаю участи моего перевода „Копперфильда"; слышал, что в 1-й книж⟨ке⟩ будет в печати, — но доволен ли им Некрасов?» (Некр. сб., II, с. 426).

[1] Речь идет о переводе В. В. Бутузовым части романа Ч. Диккенса «Приключения, опыты и наблюдения Давида Копперфильда-младшего», другая часть романа переводилась А. Н. Николаевым и Циммером (см. Боград. Совр, с. 535).

1851

139. Н. Ф. ЩЕРБИНЕ

(С. 152)

Подлинник: ИРЛИ, № 7088, л. 1.
Впервые: Собр. соч. 1930, т. V, с. 159—160.

Датируется по почтовому штемпелю на обороте письма: «С.-Петербург. 2 янв. 1851 г.».

[1] Это письмо неизвестно. С конца 1850 г. Щербина жил в Москве и был редактором «Московских губернских ведомостей».

[2] Ср. п. 122. В «Современнике» 1851 г. стихотворения Щербины печатались в № 1 и 3.

[3] Беллетристическая часть «Обозрения русской литературы за 1850 год», составленная В. П. Гаевским и другими неустановленными критиками, напечатана в № 2 «Современника» 1851 г. «Улик» журналу «Сын отечества» в этой статье нет.

[4] В № 7 «Сына отечества» 1850 г. помещены стихотворения «Эллада», «Древняя колонна», «Меня томит тяжелое сомненье...», «Когда колыбельную песню пою...» и «Греческая мелодия» с грубыми искажениями в текстах. Под редакционным названием «Эллада» без согласования с автором и с произвольным восстановлением цензурной купюры перепечатано стихотворение «Невольная вера», опубликованное впервые в «Москвитянине» (1846, № 9—10) и входившее в сборник «Греческие стихотворения Н. Щербины» (Одесса, 1850).

[5] Повесть О. А. Рабиновича «Мориц Сефарди» напечатана в одесском альманахе Н. Фумели «Литературные вечера. Вечер второй» (Одесса, 1850). Отзыв Некрасова об этом альманахе, повести Рабиновича и стихах Щербины в нем см.: наст. изд., т. XII, кн. 2, с. 127—133. Единственное произведение Рабиновича в «Современнике» — повесть «Бродячие артисты» (1856, № 7).

140. М. В. АВДЕЕВУ

(С. 153)

Подлинник: РНБ, ф. 6, № 44.

Впервые: *Прийма Ф. Я.* Неизданное письмо Некрасова к М. В. Авдееву. — Научн. бюллетень ЛГУ, 1947, № 16—17, с. 23—28. Здесь же (с. 24—25) — факсимиле подлинника.

Подлинник, писанный чернилами на двойном листе почтовой бумаги, дошел до нас в сильно поврежденном виде: правый верхний угол листа отсутствует, нижняя часть листа, содержавшая некрасовские примечания, истлела и выкрошилась. Реконструированная часть текста дается в угловых скобках. Отточиями в угловых скобках обозначены части текста, не поддающиеся реконструкции. Письмо, очевидно, является ответом на неизвестное письмо Авдеева к Некрасову, содержавшее напоминание об уплате гонорара и упрек за допущенные искажения в публикации повести Авдеева «Ясные дни. Идиллия».

Адресат устанавливается по упоминанию в тексте «Идиллии» и дате письма.

[1] Вышел 13 января 1851 г.

[2] Ср. п. 127.

[3] Цензор «Современника» в 1848—1853 гг.

[4] Ср. п. 136.

[5] Гонорар за повесть Авдеева «Ясные дни. Идиллия» (С, 1850, № 10).

[6] Следующая публикация Авдеева в «Современнике» — последняя часть трилогии о Тамарине, повесть «Иванов» (1851, № 9).

141. В. П. ГАЕВСКОМУ

(С. 153)

Подлинник: РНБ, ф. 171 (В. П. Гаевского), № 198, л. 4—5; на л. 4 сверху помета Гаевского: «1851—1852».

Впервые: Собр. соч. 1930, т. V, с. 591.

Год определяется по времени получения Гаевским чина надворного советника.

[1] А. Л. Крылов. Ср. п. 124 и 125.

142. Н. Ф. ЩЕРБИНЕ

(С. 154)

Подлинник: ИРЛИ, № 7088.

Впервые: Собр. соч. 1930, т. V, с. 608.

Год устанавливается предположительно (время наилучших отношений редакции «Современника» с Щербиной). Уже осенью 1851 г. их дружеские встречи маловероятны (см.: наст. изд., т. XII, кн. 2, с. 405—406).

143. В. П. ГАЕВСКОМУ

(С. 154)

Подлинник: РНБ, ф. 171 (В. П. Гаевского), № 198, л. 8—9.

Впервые: Собр. соч. 1930, т. V, с. 160.

Год определяется по письму А. Н. Серова Гаевскому от 27 февраля 1851 г. (РНБ, ф. 171, № 256, л. 9. — Указ. Р. Б. Заборовой).

[1] Речь идет о статье А. Н. Серова «Итальянская опера в Петербурге. Сезон 1850—1851» (С, 1851, № 3).

[2] Гаевский на следующий день напомнил Серову о необходимости скорейшего представления статьи в редакцию «Современника». В ответом письме Гаевскому Серов сообщал: «Сегодня же утром, не получивши Ваших напоминаний, я отвез Некрасову статью об итальянской опере» (РНБ, ф. 171, № 256, л. 9. Письмо от 27 февраля 1851 г.).

144. В. П. ГАЕВСКОМУ

(С. 155)

Подлинник: РНБ, ф. 171 (В. П. Гаевского), № 198, л. 10. Приписка на письме Гаевского от 18 апреля 1851 г.:

«Нельзя ли отложить поездку к Дружинину до завтра? Сегодня сестра просила ехать с нею на выставку, и потому Вы не застанете меня дома. К Дружинину я готов ехать завтра или послезавтра: день и час зависит от Вас совершенно.

Весь Ваш В. Гаевский».

Впервые: Собр. соч. 1930, т. V, с. 161, примеч.

145. В. П. ГАЕВСКОМУ

(С. 155)

Подлинник: РНБ, ф. 171 (В. П. Гаевского), № 198, л. 12.

Впервые: Собр. соч. 1930, т. V, с. 161.

Адресат определяется по месту нахождения подлинника и по связи с п. 144; год — также по связи с этим письмом и запиской Гаевского от 18 апреля 1851 г. (см. комментарий к п. 144).

[1] В. П. Гаевский в это время служил в канцелярии Департамента народного просвещения, в должности старшего столоначальника.

[2] А. В. Дружинин.

146. А. Н. АФАНАСЬЕВУ

(С. 155)

Подлинник: ГАРФ, ф. 279, оп. 1, № 1124, л. 9.

Впервые: ЛН, т. 25—26, с. 355.

Год устанавливается по упоминанию «Обозрения...» за 1851 г.

[1] В настоящее время известны две статьи Афанасьева, напечатанные в некрасовском журнале второй половины 1851 г.: рецензии на IX и X книги «Временника Императорского московского общества истории и древностей российских» (С, 1851, № 8, отд. V, с. 64—69; № 10, отд. V, с. 54—61).

[2] Отголосок конфликта Афанасьева с редакцией «Современника», причины которого пока не прояснены. В целях спасения объема и качества той или иной книжки «Современника» Некрасов в иных случаях прибегал к правке и некоторым сокращениям материалов иногородних авторов, оказавшихся под угрозой цензурного запрета.

[3] Последние перед присланными в июле (см. примеч. 1) рецензии Афанасьева на «Временник Императорского общества истории и древностей российских» (М., 1850, кн. 8) и «Древние грамоты... касающиеся Воронежской губернии» были напечатаны в апрельском номере «Современника» 1851 г.

[4] Годовые обозрения исторической литературы Афанасьева печатались в январских номерах «Современника» 1850 и 1851 гг.

[5] Статья Афанасьева «Русская историческая литература в 1851 году» напечатана в февральском номере «Современника» 1852 г.

[6] Отзыв Афанасьева на книгу В. Я. Шульгина «О состоянии женщин в России до Петра Великого» (Киев, 1850) содержался, по-видимому, в рукописи его «Обозрения русской литературы за 1850 год».

[7] В декабрьском номере «Современника» 1850 г. была напечатана рецензия В. А. Милютина на эту книгу.

147. Д. В. ГРИГОРОВИЧУ

(С. 156)

Подлинник: РГАЛИ, ф. 138 (Д. В. Григоровича), оп. 1, № 76, л. 1—1 об.

Впервые: Известия АН СССР. Отделение языка и литературы, 1951, т. X, вып. 5, с. 491—492 (в отрывках); ПСС, т. X, с. 168 (полностью).

Год определяется временем публикации отзыва Некрасова о Григоровиче в XXIII «Письме Иногороднего подписчика...» (С, 1851, № 2).

[1] Вероятно, речь идет о 19-м «Письме» дружининских «Писем Иногороднего подписчика» (С, 1850), № 10, где дан иронический отзыв о повести Григоровича «Неудачи».
[2] Некрасов имеет в виду принадлежащий ему отзыв о повести Григоровича «Прохожий», включенный в состав XXIII «Письма Иногороднего подписчика...» (см.: наст. изд., т. XII, кн. 1, с. 304—307).
[3] Речь идет о повести «Мать и дочь». См. п. 148.

148. Д. В. ГРИГОРОВИЧУ

(С. 157)

Подлинник: РНБ, ф. 222 (Д. В. Григоровича), № 11, л. 2—2 об. На л. 2 об. письмо И. И. Панаева Григоровичу с той же, что и у Некрасова, просьбой.
Впервые: ЕС, 1903, № 1, с. 59—60.

[1] Вероятно, речь идет о повести «Мать и дочь» (С, 1851, № 11).
[2] Очевидно, повесть «Рыбаки» (1853, № 3—6, 9).

149. И. С. ТУРГЕНЕВУ

(С. 157)

Подлинник: ИРЛИ, № 21.194, л. 19.
Впервые: ВЕ, 1903, № 12, с. 579—580.
Датируется по упоминанию в письме романа «Мертвое озеро», опубликованного в «Современнике» за 1851 г.

[1] После публикации в № 3 «Современника» 1851 г. рецензии на «Поэтические эскизы. Альманах стихотворений, изданных Я. М. Позняковым и А. П. Пономаревым» Тургенев прислал в «Современник» (1852, № 1) статью «„Племянница". Роман. Соч. Е. Тур. М., 1851».
[2] Публикация романа Некрасова и А. Я. Панаевой «Мертвое озеро» завершилась в № 10 «Современника» за 1851 г.
[3] Намек на цензурные искажения в рассказах из цикла «Записки охотника», опубликованных в «Современнике», и на цензурный запрет комедии «Завтрак у предводителя». См. п. 127, примеч. 10; п. 110, примеч. 6.
[4] Некрасов арендовал под Ораниенбаумом дачу, выстроенную екатерининским вельможей И. Ф. Беком, куда и выезжал охотиться (см.: *Мельгунов Б. В.* Ораниенбаумские дни поэта. — Аврора, 1977, № 12, с. 58—60).

150. В. Д. ЯКОВЛЕВУ

(С. 158)

Подлинник: ИРЛИ, ф. 93, оп. 3, № 892.
Впервые: С, 1913, № 1, с. 236—237.

[1] В «Библиотеке для чтения» печаталась серия статей В. Д. Яковлева «Письма из Италии» (1849, № 4, 6; 1850, № 1, 10; 1851, № 3).

[2] Первая статья, которую В. Д. Яковлев дал в «Современник», — «Милан. Заметки туриста» — опубликована в № 3 за 1852 г.

151. В. П. ГАЕВСКОМУ

(С. 159)

Подлинник: РНБ, ф. 171 (В. П. Гаевского), № 198, л. 29.

Впервые: Собр. соч. 1930, т. V, с. 595.

Год определяется по времени публикации библиографической заметки об «Указателе замечательных открытий по физическим и естественным наукам, сост. М. Хотинским ⟨...⟩ СПб., 1851» (С, 1852, № 1).

152. Н. М. ЩЕПКИНУ

(С. 159)

Подлинник: ГИМ, ф. 276, оп. 1, № 51, л. 2.

Впервые: Огни, с. 286—287.

[1] Имеется в виду роман И. А. Панаева «Напрасная жертва», который Некрасов готовил к изданию отдельной книгой в Петербурге еще в конце 1849 г. (см. п. 110 и комментарий к нему). Под этим названием редакция «Современника» обещала напечатать его в объявлении об издании журнала в 1854 г. (см.: наст. изд., т. XIII, кн. 1, с. 115). В № 5—7 журнала были напечатаны I, II и III части этого романа под названием «Бедная девушка» (в общей сложности — более 300 журнальных страниц). В редакционном фельетоне «Несколько журнальных заметок», помещенном в ноябрьской книжке «Современника», Некрасов был вынужден объяснять причину приостановки публикации романа: «Что касается до романа „Бедная девушка", то первая половина его, имеющая отдельное целое и оканчивающаяся браком героини («Бедная девушка», часть III), напечатана вполне. Второй половины, замедлившейся по причинам, зависящим от автора, чего, к сожалению, редакция не указала вовремя (так как автор не в Петербурге), напечатано только несколько глав. Не читавшим романа ⟨...⟩ советуем прочесть его до 6 главы III части, где оканчивается первая половина его, имеющая, как уже сказано, отдельную целость; а кто прочел начало второй половины, любопытство того удовлетворит автор, когда позволят ему личные дела его» (наст. изд., т. XIII, кн. 1, с. 29). Продолжение романа в «Современнике» не печаталось. В искаженной форме эта история воспроизводится в воспоминаниях А. А. Фета, где он «в пример обычной его (Некрасова. — *Ред.*) бесцеремонности» вспоминает случай «с длинной повестью некрасовского приятеля, тянувшейся через несколько книжек „Современника". Повесть надоела Некрасову, громогласно зевавшему над ее корректурой, и вдруг на самом патетическом месте, не предупредив ни словом автора, он надписал: „она умерла" и сдал в печать» (*Фет А. А.* Литературные воспоминания. М., 1890, ч. I, с. 307). Полностью под криптонимом

Ипполит П-в роман «Бедная девушка» был выпущен в Петербурге в двух книгах (ч. 1—2 и 3—4) в 1857 г.

[2] Железная дорога между Москвой и Петербургом только что (в конце 1851 г.) вошла в эксплуатацию.

[3] Н. Г. Фролов.

153. В. П. ГАЕВСКОМУ
(С. 160)

Подлинник: РНБ, ф. 171 (В. П. Гаевского), № 200, л. 8, чернилами и карандашом.

Впервые: Собр. соч. 1930, т. V, с. 592.

Датируется условно первыми годами сотрудничества Гаевского в «Современнике».

[1] А. В. Дружининым.

1852

154. Б. И. ОРДЫНСКОМУ
(С. 161)

Подлинник: ИРЛИ, ф. 677, № 344, с пометой Б. И. Ордынского: «Янв. 6 — 1852 от Некрасова».

Впервые: РЛ, 1966, № 1, с. 152.

[1] О денежных затруднениях редакции «Современника» в эти годы писала в своих воспоминаниях А. Я. Панаева (см.: Панаева, с. 193).

[2] 28 января 1851 г. Б. И. Ордынский записывал в дневнике: «...есть по кр⟨айней⟩ м⟨ере⟩ надежда этот год не перебиваться из-за копейки. Впрочем, еще увидим: для этого нужно получить от Некр⟨асова⟩ вперед 100 р. сер.» (ИРЛИ, ф. 677, № 311, с. 100).

[3] См.: «Лукиан» ⟨Статья вторая⟩ — С, 1852, № 4, отд. II, с. 55—84.

[4] Трагедия Эсхила «Персы» в переводе Ордынского и с его примечаниями появилась только в 1856 г. в «Москвитянине» (т. 4, кн. 13—16, с. 125—154). Предлагал ли Ордынский ее Краевскому, неизвестно.

[5] Вторая статья о Лукиане была последней публикацией Ордынского в «Современнике».

[6] Эта записка неизвестна.

[7] «О древнегреческом театре» (1851, № 2, отд. II, с. 129—150) и «Лукиан: Статья первая. Демонакт и Пир или Лапифы» (1851, № 11, отд. II, с. 1—14).

[8] Две рецензии Ордынского на книгу: Пропилеи, сборник статей по части классической филологии, изд. П. Леонтьевым. Кн. 1. М., 1851 (1851, № 3, отд. V, с. 25—26; № 6, отд. III, с. 33—60).

155. В. П. ГАЕВСКОМУ

(С. 162)

Подлинник: РНБ, ф. 171 (В. П. Гаевского), № 199, л. 30. На листе сверху помета Гаевского: «1850—1852».

Впервые: Собр. соч. 1930, т. V, с. 589.

Датируется по помете Гаевского.

156. Ф. Ф. ЦВЕТАЕВУ

(С. 162)

Подлинник: РГИА, ф. 686 (Милютиных), оп. I, № 1771, л. 1.

Впервые: ПСС, т. XI, с. 420.

Датируется по времени работы Н. А. Милютина для библиографического отдела «Современника».

[1] По всей вероятности, речь идет о книгах из библиотеки А. Ф. Смирдина (бывшей библиотеки В. А. Плавильщикова).

157. М. В. АВДЕЕВУ

(С. 162)

Подлинник: ИРЛИ, № 2389.

Впервые: Собр. соч. 1930, т. V, с. 164.

Год устанавливается по связи с п. 160.

Ответ на не дошедшее до нас письмо.

[1] Очевидно, имеются в виду объявления об издании отдельной книгой романа Авдеева «Тамарин». Одно из них помещено в январском номере «Современника» за 1852 г. (отд. VI, с. 173—174). Были, очевидно, и газетные перепечатки этого объявления.

[2] В № 6 «Современника» за 1852 г. помещен рассказ Авдеева «Нынешняя любовь». Ср. п. 160.

158. М. Л. МИХАЙЛОВУ

(С. 163)

Подлинник: ИРЛИ, ф. 547, № 15, л. 19.

Впервые: Книга, сб. XXIII. М., 1971, с. 187.

Принимается дата, предложенная М. Я. Блинчевской — автором первой публикации записки: в «Современнике» Некрасова известен один цикл фельетонов Михайлова «Хроника петербургских новостей и увеселений» (1852, № 4—8). Неофициальный характер обращения Некрасова к сотруднику позволяет думать, что речь идет не о первом фельетоне этого цикла, а выраженное в записке огорчение по поводу недоставки не только фельетона дает основание предположить, что речь идет о материалах для майского номера журнала (ценз. разр. — 30 апреля 1852 г.), где кроме второго фельетона названного цикла помещена повесть Михайлова «Кружевница».

159. И. С. ТУРГЕНЕВУ

(С. 163)

Подлинник: ИРЛИ, № 21.194, л. 23—23 об.

На подлиннике приписка И. И. Маслова к Тургеневу.

Впервые: ВЕ, 1903, № 12, с. 581.

Датируется по содержанию приписки И. И. Маслова к Тургеневу, в которой упоминается день освобождения Тургенева из-под ареста — 16 (28) мая 1852 г.: «Сегодня день твоего выхода? и мы, ради этого счастливого события, осушим бутылочку» (л. 23 об.— 24 об.).

[1] С 16 апреля по 16 мая ст. ст. 1852 г. Тургенев находился под арестом в Петербурге «на съезжей 2-ой Адмиралтейской части», затем был отправлен в ссылку в свое имение Спасское за публикацию в «Московских ведомостях» (№ 32, 13 марта) статьи памяти Гоголя «Письмо из Петербурга», запрещенной С.-Петербургским цензурным комитетом. Главной причиной ссылки явились «Записки охотника». Письма Тургенева к Некрасову этого времени неизвестны.

[2] Больной Некрасов приезжал отдохнуть и поохотиться в дворцовое имение Осьмино, где жил в это время И. И. Маслов. «Приезд Некрасова доставил мне невыразимое удовольствие, — писал И. И. Маслов Тургеневу. — ⟨...⟩ Я закидал его вопросами и, верно, не дал бы ему уснуть целую ночь, если бы он не был такой хворой! Теперь он вошел в азарт насчет охоты, местами для которой остался очень доволен, и если возвращался всегда с пустою сумкою, то в этом может винить себя. Надеюсь, что, проживя у меня, он поправится в своих силах и явится на страницах „Современника" свежим и юным» (ИРЛИ, № 21.194, л. 23 об.—24 об.; частично опубликовано в кн.: Собр. соч. 1930, т. V, с. 165).

[3] А. Овчинников — автор перевода второй части «Фауста» Гёте, изданного в Риге (1851). Овчинниковский перевод был темой для шуток в письме Некрасова, где он перефразирует следующую цитату из этого перевода:

Послаще ест и чивится малагой
В охоту с закадычным холостягой

(Фауст. Полная трагедия Гёте, вольнопереведенная по-русски А. Овчинниковым, с. 43).

См. ироническую рецензию Некрасова на другое произведение А. Овчинникова: Награда за откровенность. СПб., 1853 (наст. изд., т. XI, кн. 2, с. 98—100, 334). Об Овчинникове см.: *Званцев К. И.* А. Н. Серов в 1857—1871. Воспоминания о нем и его письма. — РС, 1888, № 8, с. 367.

[4] Речь идет о книге С. Т. Аксакова «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» (1852). Рецензию на 2-е издание ее Некрасов опубликовал в № 6 «Современника» за 1855 г. (см.: наст. изд., т. XI, кн. 2, с. 118—125).

[5] Очевидно, имеются в виду стихотворения Некрасова, опубликованные в «Современнике» позднее: «Старики» (1853, № 1) и «Муза» (1854, № 1). См. также комментарий к п. 167, примеч. 2.

160. М. В. АВДЕЕВУ

(С. 164)

Подлинник неизвестен.
Печатается по первой публикации.
Впервые: РС, 1902, № 8, с. 269.

[1] См. об этом в п. 157.
[2] В «Современнике» 1852 г. других художественных произведений Авдеева нет. С № 12 1852 г. по № 3 1853 г. в этом журнале печатались фельетоны Авдеева под рубрикой «Письма пустого человека в провинцию о петербургской жизни».
[3] П. В. Анненков.
[4] В «Современнике» произведения Авдеева такого рода не печатались. Путевые очерки «Поездка на кумыс» напечатаны в № 10—12 «Отечественных записок» 1852 г.

161. В. П. ГАЕВСКОМУ

(С. 165)

Подлинник: РНБ, ф. 171 (В. П. Гаевского), № 198, л. 13—14; на л. 14 штемпель городского почтамта: «27 июня 1852 г., 8 час.».
Впервые: Собр. соч. 1930, т. V, с. 166.

162. Л. Н. ТОЛСТОМУ

(С. 165)

Подлинник неизвестен.
Печатается по тексту первой публикации: Ежемесячные литературные приложения к «Ниве» на 1898 г., № 2, с. 340.
Датируется по записи в дневнике Л. Н. Толстого от 29 августа 1852 г.: «Получил письмо из Петербурга ⟨...⟩ от редактора, которое обрадовало меня до глупости» (Толстой, т. 46, с. 140).
В редакционном предисловии к публикации писем Некрасова Л. Н. Толстому (см. также п. 164, 165, 222) говорилось, что они печатаются «с разрешения» адресата. Некрасов отвечал на письмо Толстого от 3 июля 1852 г., в котором тот писал: «...я с нетерпением ожидаю вашего приговора. Он или поощрит меня к продолжению любимых занятий, или заставит сжечь все начатое» (Толстой, т. 59, с. 193—194). На письмо Некрасова Толстой ответил 15 сентября 1852 г. (см.: там же, с. 202—203).

[1] «Детство» было подписано инициалами «Л. Н.».

163. Л. Н. ТОЛСТОМУ

(С. 166)

Подлинник неизвестен.
Печатается по тексту первой публикации: Ежемесячные литературные приложения к «Ниве» на 1898 г., № 2, с. 340—341.

[1] См. п. 162.

[2] В. А. Панаев вспоминал о впечатлении, которое произвела повесть «Детство» на И. И. Панаева: «Я помню, в какой восторг пришел Иван Иванович от первого произведения Толстого. Помню, как он повсюду возглашал, что народился новый могучий талант» (Панаев В. А., с. 234).

[3] В письме Н. А. Некрасову от 3 июля 1852 г. Толстой предупреждал: «Я вперед соглашаюсь на все сокращения, которые вы найдете нужным сделать в ней, но желаю, чтобы она была напечатана без прибавлений и перемен» (Толстой, т. 59, с. 193). При публикации повести было изменено ее название: «История моего детства». Ряд сокращений, замен (в гл. XIII выпущено описание любви Натальи Савишны, в гл. I вместо «...задел образок моего ангела...» напечатано: «...задел потрет моей маменьки...» и т. п.) сделан по цензурным причинам. Толстой на эти перемены резко реагировал (см. его неотправленное письмо Некрасову от 18 ноября 1852 г..: Толстой, т. 59, с. 211—212), а затем смягчил свой ответ в письме от 27 ноября 1852 г. (там же, с. 213—214).

[4] См. п. 165.

164. И. С. ТУРГЕНЕВУ

(С. 166)

Подлинник: ИРЛИ, № 21.194, л. 25—26 об.
Впервые: ВЕ, 1903, № 12, с. 582—583.

[1] Это письмо Тургенева неизвестно. См. также п. 159, примеч. 1.

[2] Имеются в виду цензурные затруднения.

[3] Речь идет о Л. Н. Толстом. В ответом письме к Некрасову от 28 октября (9 ноября) 1852 г. Тургенев писал об авторе «Детства»: «Ты прав — это талант *надежный*» (Тургенев, Письма, т. II, с. 79).

[4] Имеется в виду украинский писатель П. А. Кулиш. Его повести «История Ульяны Терентьевны» и «Яков Яковлевич» напечатаны в № 8 и 10 «Современника» за 1852 г. с подписью «Николай М.». В ответном письме Некрасову от 28 октября (9 ноября) 1852 г. Тургенев писал по этому поводу: «Я было начал читать „Ульяну Терентьевну" — да что-то мне показалось, что это нашего поля ягода — старая погудочка на новый лад. Однако я теперь прочту всю эту повесть и скажу тебе мое мнение. Другой его повести я не прочел» (Тургенев, Письма, т. II, с. 80).

[5] Речь идет о повести А. Ф. Писемского «Monsieur Батманов», опубликованной в «Москвитянине» (1852, кн. 17—18). Ср. с отзывом Некрасова о комедии А. Ф. Писемского «Ипохондрик» (С, 1851, № 5, отд. V, с. 15; наст. изд., т. XI, кн. 2, с. 79). См. также п. 226.

[6] Имеется в виду рецензия Тургенева: «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии С. А⟨ксако⟩ва. М., 1852. Письмо к одному из издателей „Современника"» (С, 1853, № 1). См. также: Тургенев, Соч., т. V, с. 407—420.

[7] Речь идет о разговоре с цензором С.-Петербургского цензурного комитета А. Л. Крыловым о разрешении Тургеневу продолжать литературную деятельность в период ссылки. В ответном письме Тургенев писал по этому поводу Некрасову: «Я думаю, брат, мне надо эту зиму помолчать — по многим причинам» (Тургенев, Письма, т. II, с. 80).

[8] Работа над «Перепиской» продолжалась с 1844 по 1854 г. В письме от 10 (22) января 1850 г. Тургенев обещал прислать рассказ А. А. Краевскому в «Отечественные записки» (см.: Тургенев, Пись-

ма, т. I, с. 381). В феврале 1855 г. рукопись была отдана Некрасову в «Современник». Не согласившись с цензурными исправлениями, сделанными в корректуре, Тургенев передал рассказ в «Отечественные записки». Опубликован в № 1 за 1856 г. (см.: Тургенев, Письма, т. II, с. 279; письма И. И. Панаева к Тургеневу от 3 (15) и 15 (27) июня 1855 — ЛН, т. 73_2, с. 108, 109).

[9] См. п. 159, примеч. 5; п. 167, примеч. 2.

[10] И. И. Панаев и А. Я. Панаева.

[11] Имеется в виду В. П. Боткин.

165. Л. Н. ТОЛСТОМУ

(С. 168)

Подлинник неизвестен.

Печатается по тексту первой публикации: Ежемесячные литературные приложения к «Ниве» на 1898 г., № 2, с. 341—342.

Некрасов отвечает на письмо Толстого от 15 сентября 1852 г. (см.: Толстой, т. 59, с. 202—203). Толстой в свою очередь ответил письмом от 27 ноября 1852 г. (см.: там же, с. 213—214).

[1] Посылая рукопись «Детства» Толстой писал Некрасову: «...оцените ее, вышлите мне то, что она стоит по вашему мнению...» (Толстой, т. 59, с. 193). Эту же просьбу Толстой повторил в письме от 15 сентября 1852 г. (там же, с. 202).

[2] Вероятно, Некрасов имел в виду не только частные отзывы, но и сочувственные отклики в октябрьских номерах журналов «Отечественные записки» (С. С. Дудышкин), «Москвитянин» (Б. Н. Алмазов), «Пантеон», издаваемый Ф. А. Кони (см.: Гусев. Материалы I, с. 395—397).

[3] По получении письма от Некрасова Толстой записал в дневнике 26 ноября 1852 г.: «Мне дают 50 р. сер. за лист, и я хочу, не отлагая, писать рассказы о Кавказе» (Толстой, т. 46, с. 150).

[4] В ответном письме Некрасову Толстой открыл свое имя с условием, чтобы «это было известно одной редакции» (Толстой, т. 59, с. 214).

166. В. П. ГАЕВСКОМУ

(С. 170)

Подлинник: РНБ, ф. 171 (В. П. Гаевского), № 198, л. 29.

Впервые: Собр. соч. 1930, т. V, с. 589.

Датируется по времени публикации 4 статей Гаевского (при цензорстве А. Л. Крылова) — «Годичная выставка в императорской Академии художеств» в «Современнике» в 11 номерах за 1849—1852 гг.

167. И. С. ТУРГЕНЕВУ

(С. 170)

Подлинник: ИРЛИ, № 21.194, л. 1—2 об.

Впервые: ВЕ, 1903, № 12, с. 584—585.

Датируется днем выхода в свет № 11 «Современника» за 1852 г., упоминаемого в письме (см.: МВ, 1852, прибавл. к № 138, с. 1303). Цензурное разрешение — от 31 октября 1852 г. (Боград. Совр, с. 207).

[1] Письмо Тургенева к Некрасову от 28 октября (9 ноября) 1852 г. из Спасского в ответ на письмо Некрасова от 21 октября 1852 г., в котором он писал: «Пожалуйста — заведем переписку — все не так мне скучно будет» (Тургенев, Письма, т. II, с. 79).

[2] Стихотворение «Муза» было напечатано в № 1 «Современника» за 1854 г. См. о нем п. 159, а также: наст. изд., т. I, с. 99—100.

[3] В ответном письме от 23 ноября (5 декабря) 1852 г. Тургенев высказал свое впечатление: «Твои стихи хороши — хотя не встречается в них того энергического и горького взрыва, которого невольно от тебя ожидаешь — притом конец кажется как бы пришитым — уничтожь также следующую небрежность:

И юношеских лет прекрасные мечты ...

а через два стиха опять:

Желанья и *мечты* и т. д.

Но первые 12 стихов отличны и напоминают пушкинскую фактуру» (Тургенев, Письма, т. II, с. 88). Это замечание учтено Некрасовым. При публикации «Музы» в «Современнике» четверостишие со словами «Желанья и мечты» исключено (см.: наст. изд., т. I, с. 488, 607).

[4] Речь идет о комедии А. М. Жемчужникова «Сумасшедший».

[5] «Очерки английских нравов. Английские снобсы» У. Теккерея опубликованы в приложении к № 11 и 12 «Современника» за 1852 г.

[6] И. И. Маслов.

[7] М. А. Языков.

[8] Возможно, речь идет о генерал-лейтенанте П. А. Алединском, общем знакомом Некрасова и Тургенева.

[9] Резко критическое высказывание Тургенева по поводу лирической сцены «Ифигения в Тавриде» Н. Ф. Щербины и его примечаний к ней (М, 1852, т. V, № 19) содержится в его письме к Некрасову от 28 октября (9 ноября) 1852 г. (см.: Тургенев, Письма, т. II, с. 86).

[10] Статья Е. Ф. Корша «Япония и японцы», опубликованная в № 9—12 «Современника» за 1852 г., вызвала одобрительный отзыв Тургенева (см.: Тургенев, Письма, т. II, с. 86, 93).

168. Д. В. ГРИГОРОВИЧУ

(С. 172)

Подлинник: РНБ, ф. 222 (Д. В. Григоровича), № 11, л. 3.
Впервые: ЕС, 1903, № 1, с. 60.

[1] Некрасов, очевидно, называет романом повесть «Рыбаки», печатать которую «Современник» начал с № 3 1853 г.

169. В. П. ГАЕВСКОМУ

(С. 173)

Подлинник: РНБ, ф. 171 (В. П. Гаевского), № 200, л. 1; с пометой Гаевского: «1850—1852».
Впервые: Собр. соч. 1930, т. V, с. 590.

Датируется по содержанию и упоминанию А. В. Никитенко о встрече с Некрасовым (в воскресенье) 14 декабря 1852 г. на обеде у И. И. Панаева (Никитенко, т. I, с. 412).

[1] Вероятно, список иностранных романов, разрешенных отделом иностранной цензуры к публикации.
[2] Записка неизвестна.

170. М. Л. МИХАЙЛОВУ

(С. 173)

Подлинник: ИРЛИ, ф. 547, № 13.
Впервые: Некр. сб., III, с. 253.

[1] Речь, вероятно, идет о статье С. М. Соловьева «Русский город в XVII веке», напечатанной в январском номере «Современника» за 1853 г. Цензурное разрешение получено 31 декабря 1852 г. Это обстоятельство является обоснованием датировки письма.
[2] Возможно, подразумеваются рассказы Михайлова «Голубые глазки» или «Деревня и город»; они были напечатаны в февральских номерах «Современника» за 1855 и 1856 гг. Мнение Некрасова о последнем произведении см. в письме к В. П. Боткину от 7 февраля 1856 года (п. 243).

171. В. П. ГАЕВСКОМУ

(С. 174)

Подлинник: РНБ, ф. 171 (В. П. Гаевского), № 199, л. 31. Приписка на недатированном письме Гаевского Некрасову: «Как зовут Каменского, и не сочтет ли он санфасонством, если я, несмотря на наше недавнее знакомство, обращусь к нему письменно с просьбою по нужному делу, которое от него зависит? В. Гаевский». На л. 31 помета Гаевского: «1850—1852».
Впервые: Собр. соч. 1930, т. V, с. 590.
Датируется предположительно 1852 г., так как именно в это время Д. И. Каменский был членом совета Главного управления по делам печати.

1853

172. И. С. ТУРГЕНЕВУ

(С. 174)

Подлинник: ИРЛИ, № 21.194, л. 27—27 об. На подлиннике приписка И. И. Панаева к Тургеневу с датой: «20 января».
Впервые: ВЕ, 1903, № 12, с. 585—586.
Датируется по содержанию и дате приписки И. И. Панаева.

[1] Речь идет о статье-рецензии Тургенева «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии С. А⟨ксако⟩ва. М., 1852. Письмо к одному из издателей „Современника“» (С, 1853, № 1). Ср. письмо Тургеневу от 21 октября 1852 г.

[2] В письме к С. Т. Аксакову от 5, 9 (17, 21) февраля 1853 г. Тургенев писал по поводу цензурных исправлений в своей рецензии: «Не упоминаю уже о множестве отдельных мест, ослабленных и выкинутых ею ⟨цензурой. — *Ред.*⟩: посылаю Вам целые полторы страницы, выкинутые — после слов: „рассуждениями по их поводу" — на стр. 39 ⟨...⟩ Что г-н цензор подозревал в этом отрывке — пантеизм, что ли — или вообще мое имя на него подействовало, не знаю» (Тургенев, Письма, т. II, с. 123—124).

[3] Комедия А. Ф. Писемского «Раздел», опубликованная в № 1 «Современника» за 1853 г. В ответном письме к И. И. Панаеву и Н. А. Некрасову от 6 (18) февраля 1853 г. Тургенев сообщал: «Комедию Писемского я принялся читать вслух и одолел только два акта — это очень дюжинная и топором сляпанная вещь» (Тургенев, Письма, т. II, с. 122).

[4] В отделе «Словесность» № 1 «Современника» за 1853 г. были опубликованы также стихотворения Некрасова «Старики», «Ах, были счастливые годы», А. Н. Майкова «Размен», исторический роман П. А. Кулиша «Алексей Однорог» за подписью: «Николай М.», стихотворения Гейне в переводе М. Михайлова, Байрона в переводе А. В. Дружинина, Шиллера в переводе Н. Гербеля. В письме к Анненкову от 2 (14) апреля 1853 г. Тургенев назвал стихотворения, опубликованные в февральском номере «Современника», «антиподом всякой поэзии» (Тургенев, Письма, т. II, с. 141).

[5] Повесть В. Ф. Соколова «Рыженькая» (Посв. Н. П. Панфилову), опубликованная в № 2 «Современника» за 1853 г. Отзыв о ней Тургенева неизвестен.

[6] Роман Д. В. Григоровича «Рыбаки» печатался в «Современнике» (1853, № 3—6, 9). Одобрительный отзыв о нем Некрасова см. в письме к Григоровичу от 10 апреля 1853 г.

[7] О завершении работы над подготовкой издания «Сочинений Пушкина» в 7-ми томах П. В. Анненков извещал Тургенева лишь в июле 1853 г. (ИРЛИ, ф. 7, № 7, л. 31). В письме к Тургеневу от 1 (13) мая 1853 г. Анненков писал: «Биография переписывается и теми, которые слышали ее, похваливается» (Литературный архив. Материалы по истории русской литературы и общественной мысли. СПб., 1994, с. 204; публ. Н. Н. Мостовской). Издание Пушкина вышло лишь в 1855—1857 гг. Первый том включал в себя написанные П. В. Анненковым «Материалы для биографии Пушкина».

[8] Четыре статьи В. П. Гаевского под названием «Дельвиг. (Полное собрание сочинений русских авторов. Сочинения Нелединского-Мелецкого и Дельвига. Изд. А. Смирдина. СПб., 1850)» публиковались в «Современнике» (1853, № 2, 5; 1854, № 1, 9).

173. В. П. ГАЕВСКОМУ

(С. 175)

Подлинник: РНБ, ф. 171 (В. П. Гаевского), № 198, л. 16.

Впервые: Собр. соч. 1930, т. V, с. 176—177.

Датируется по календарным данным письма и цензурному разрешению для № 2 «Современника» за 1853 г., где печаталась первая статья Гаевского о Дельвиге.

[1] Речь идет о статье «Дельвиг. (Полное собрание русских авторов. Сочинения Нелединского-Мелецкого и Дельвига. Изд. А. Смирдина. СПб., 1850). Статья первая» (С, 1853, № 2).
[2] Статья в журнале не публиковалась.

174. В. П. ГАЕВСКОМУ

(С. 175)

Подлинник: РНБ, ф. 171 (В. П. Гаевского), № 200, л. 2 с пометой Гаевского: «1850—1853».
Впервые: Собр. соч. 1930, т. V, с. 591.
Годы определяются по помете Гаевского.

[1] П. А. Ширинский-Шихматов.
[2] Объявления о подписке на «Современник».

175. М. Л. МИХАЙЛОВУ

(С. 176)

Подлинник: РНБ, ф. 124, № 3012.
Впервые: Собр. соч. 1930, т. V, с. 177.
Датируется временем публикации в «Современнике» переводов из Ч. Диккенса (1853, № 3) в период сотрудничества в журнале Михайлова и цензурования «Современника» А. Л. Крыловым.

[1] Имеется в виду, очевидно, корректура одного из произведений Диккенса, помещенных в февральском номере «Современника» за 1853 г.: «Страшная кровать» (перевод М. П. Веселовского), «Путешествие по улице Кодор» и «Призраки лондонского Сити».

176. В. П. ГАЕВСКОМУ

(С. 176)

Подлинник: РНБ, ф. 171 (В. П. Гаевского), № 198, л. 17—18, чернилами, приписка — карандашом.
Впервые: Собр. соч. 1930, т. V, с. 177—178.

[1] Д. А. Оболенский читал неизданные главы «Мертвых душ» Гоголя 9 и 20 февраля 1853 г. (см. об этом: Никитенко, т. I, с. 415—416).
[2] Речь, по-видимому, идет о второй статье Гаевского «Дельвиг. (Полное собрание русских авторов. Соч. Нелединского-Мелецкого и Дельвига. Изд. А. Смирдина. СПб., 1850)», которая была опубликована в № 5 «Современника» за 1853 г.

177. Л. Н. ТОЛСТОМУ

(С. 177)

Подлинник: ГМТ, ф. Некрасова, № 1.
Впервые: Круг, с. 188.

Письмо связано с публикацией рассказа «Набег» (С, 1853, № 3), отправленного Толстым в журнал 26 февраля 1852 г. Толстой при этом просил: «Ежели, против чаяния, цензура вымарает в этом рассказе слишком много, то, пожалуйста, не печатайте его в изувеченном виде...» (Толстой, т. 59, с. 221).

[1] Толстой записал в дневнике 28 апреля 1853 г.: «Получил книгу с своим рассказом, приведенным в самое жалкое положение. Это расстроило меня» (Толстой, т. 46, с. 160).

[2] В частности, убраны в гл. I реплика Хлопова: «В Дарги ходили, на неделю сухарей взяли, а пробыли чуть не месяц!», — мысли волонтера о трусости; в гл. IV — выражение: «выразив на полном лице степень своего чина» (о батальонном командире) и др. (см.: Толстой, т. 3, с. 201—203).

178. Д. В. ГРИГОРОВИЧУ

(С. 177)

Подлинник: ГАНО, ф. 1825 (коллекция автографов), оп. 1, № 111, л. 1—1 об.

Впервые: ЛН, т. 51—52, с. 22.

Год определяется по времени пребывания Некрасова в Алешунине на реке Оке, близ Мурома Владимирской губ.: с конца апреля до середины августа 1853 г.

[1] См. письмо И. И. Панаева Григоровичу от 4 апреля 1853 г., где он пишет о поездке Некрасова в Москву (Литературная мысль. II. Пг., 1923, с. 194).

[2] Речь идет о романе «Рыбаки», печатавшемся в «Современнике» (1853, № 3, 5, 6, 9).

[3] Ср. в письме И. И. Панаева Григоровичу от 10 июля 1853 г.: «Нет человека, нет Вашего врага, который не отзывался бы о „Рыбаках" как о замечательной вещи...» (Литературная мысль. II. Пг., 1923, с. 196).

[4] В. П. Боткин.

179. В. П. ГАЕВСКОМУ

(С. 178)

Подлинник: РНБ, ф. 171 (В. П. Гаевского), № 198, л. 19.

Впервые: Собр. соч. 1930, т. V, с. 179.

Датируется по упоминанию комедии Плавта «Стих», печатавшейся в № 6 «Современника» (ценз. разр. — 3 июня 1853 г.) и времени отъезда Некрасова из Петербурга в Алешунино в конце апреля 1853 г. (см. п. 180 И. С. Тургеневу), а также по упоминанию «Сборника статей по классической древности» — «Пропилеи», 3-я книга которого вышла в середине мая (ценз. разр. — 11 мая 1853 г.).

[1] С. Д. Шестаков, статьи и переводы которого публиковались в «Пропилеях», переводчик комедии Плавта «Стих».

180. И. С. ТУРГЕНЕВУ

(С. 178)

Подлинник: ИРЛИ, № 21.194, л. 29—30.
Впервые: ВЕ, 1903, № 12, с. 586—587.
Дата уточняется по содержанию.

[1] Письма Тургенева к Некрасову этого периода неизвестны.
[2] Вместе с Некрасовым в Алешунине была А. Я. Панаева и ее брат А. Я. Брянский (см.: *Бессонов Б.* Некрасов в Алешунине. — ВЛ, 1978, № 8, с. 318—319).

181. М. Н. ЛОНГИНОВУ

(С. 180)

Подлинник: ИРЛИ, № 23227, л. 2.
Впервые: Некр. по мат. ПД, с. 229.
Год устанавливается по содержанию: с конца апреля и в начале июля 1853 г. Некрасов жил в Алешунине близ г. Мурома, затем уехал из Владимирской деревни в Ярославскую, к отцу; возвращался из Ярославля в Петербург через Москву. См. письма к Тургеневу от 6—9 июня 1853 г. и от 26 сентября 1853 г.

[1] Состоялась ли предполагаемая встреча Некрасова с М. Н. Лонгиновым в гостинице Мореля в Москве 14 августа 1853 г., неизвестно.

182. И. С. ТУРГЕНЕВУ

(С. 180)

Подлинник: ИРЛИ, № 21.194, л. 31 об.—32. Письмо предваряет записка И. И. Панаева к Тургеневу, датированная «22 сентября».
Впервые: ВЕ, 1903, № 12, с. 587—588.
Год устанавливается по сопоставлению с письмом Некрасова к Тургеневу от 6—9 июля 1853 г.

[1] Это письмо Тургенева неизвестно.
[2] Очевидно, Некрасов имеет в виду нового цензора «Современника» В. Н. Бекетова, заменившего умершего в 1853 г. А. Л. Крылова. И. И. Панаев писал по этому поводу Тургеневу: «Теперь, скажу по секрету — у меня цензор отличный. Это может оживить журнал. Крылов умер от холеры, а после него цензоровал Фрейганг два номера и исказил их немилосердно» (ИРЛИ, № 21.194, л. 31).
[3] Речь идет о незавершенном Тургеневым романе «Два поколения». Сохранился лишь ⟨План романа «Два поколения»⟩. Отрицательный отзыв В. П. Боткина о первой части романа содержится в его письме к Тургеневу от 18 (30) июня 1853 г.: «Читается без увлечения, потому что ни одно из лиц не возбуждает ни большого участия, ни большого любопытства» (Боткин и Тургенев, с. 40). Критическое мнение Н. Х. Кетчера, «изъявившего совершенное свое неудовольствие» романом, известно из писем Тургенева к Ан-

ненкову от 9 (21) июля, 15 (27) октября 1853 г. (Тургенев, Письма, т. II, с. 172, 194). См. также комментарии Л. Н. Назаровой к Плану романа «Два поколения»: Тургенев, Соч., т. VI, с. 602—605; ЛН, т. 73, кн. 1, с. 52—58.

[4] Кроме В. П. Боткина и Н. Х. Кетчера первую часть романа Тургенева читали также П. В. Анненков (см. его письмо к Тургеневу от 12 (24) июня 1853 г.: Русское обозрение, 1894, № 10, с. 489—491), С. Т. и К. С. Аксаковы (см. письмо С. Т. Аксакова к Тургеневу от 4 (16) августа 1853 г. (там же, с. 482)), Е. Ф. Корш. И. И. Панаев сообщал по этому поводу Григоровичу 10 июля 1853 г.: «Тургенев написал первую часть своего романа и прислал для прочтения Коршу. Анненков, разумеется, в восторге от романа, но Корш и другие поговаривают, что с большими произведениями он справляется не так ловко» (Литературная мысль, т. II. Пг., 1923, с. 195).

[5] Очевидно, Некрасов познакомился с рукописью романа Тургенева позднее и отнесся к «Двум поколениям» одобрительно. См. об этом п. 217.

183. В. П. БОТКИНУ

(С. 181)

Подлинник: РНБ, ф. 391, № 206, л. 34—35.

Впервые: *Бычков И. А.* Бумаги А. А. Краевского. Опись их собраний... СПб., 1893, с. 105—106. Повторная публикация в качестве «неизданного»: ГМ, 1915, № 9, с. 55—56.

Дата уточняется по содержанию и связи с п. 182.

[1] Летом 1853 г. Некрасов отдыхал в родовом имении Алешунине Владимирской губернии. На обратном пути в Петербург в первой половине августа останавливался в Москве (см. п. 181).

[2] Боткин был одним из лучших знатоков и ценителей драматургии Шекспира (см.: Шекспир и русская культура. М.—Л., 1965, с. 347—357). Первая его работа о Шекспире — перевод статьи немецкого эстетика Г.-Т. Ретшера «Четыре новые драмы, приписываемые Шекспиру» (ОЗ, 1840, № 11). В том же журнале (1841, № 2) напечатана статья «Женщины, созданные Шекспиром. Юлия и Офелия» (боткинский перевод ряда глав из книги английской писательницы Анны Джемсон «Женские характеры у Шекспира»). В следующем году там же были напечатаны еще две статьи Боткина о Шекспире (1842, № 4 и 9). В последней из них — «Шекспир как человек и лирик» — содержалось обещание автора напечатать ряд статей об отдельных произведениях драматурга, однако это обещание не было выполнено. Боткин вернулся к этому замыслу только в начале 1850-х гг.

Являясь постоянным сотрудником «Отечественных записок» с 1839 г. и перейдя в 1847 г. в «Современник» из солидарности с Белинским, Боткин все же не порывал связи с А. А. Краевским (см., например, его статью «Об эстетическом значении новой фортепьянной школы» — ОЗ, 1849, № 1). 15 февраля 1853 г. он обратился к Краевскому с предложением: «У нас до сих пор не было ничего обстоятельного о Шекспире и его произведениях; его время, предшествовавший ему английский театр, литературное направление, господствовавшее до него и при нем и условившее некоторым

образом манеру его, — все это вовсе неизвестно у нас, и от этого Шекспир представляется нам какою-то загадкою искусства» (*Бычков И. А.* Бумаги А. А. Краевского..., с. 102).

Неподписанная статья Боткина «Литература и театр в Англии до Шекспира» появилась в ноябрьской книжке «Современника» за 1853 г. и впоследствии была включена Некрасовым в первый том изданного им четырехтомного «Полного собрания драматических произведений Шекспира...» (СПб., 1865) (см.: наст. изд., т. XIII, кн. 1, с. 515).

[3] Статья Боткина «Литература и театр в Англии до Шекспира» явилась переводом-компиляцией вводных глав из четырехтомного труда немецкого историка литературы и политического деятеля Г. Г. Гервинуса «Шекспир», изданного в Лейпциге в 1849—1850 гг. Возможно, Некрасов имел в виду эти книги и идею о форме использования их для журнала.

[4] Объявление об издании «Современника» в 1853 году (см.: наст. изд., т. XIII, кн. 1, с. 109) печаталось в прибавлениях к № 120 (4 октября), 131 (30 октября) и 148 (9 декабря) «Московских ведомостей» 1852 г. В двух последних публикациях среди других материалов читателям были обещаны: «Шекспир, его жизнь и сочинения (несколько статей)».

184. А. Н. АФАНАСЬЕВУ

(С. 182)

Подлинник: ГАРФ, ф. 279, оп. 1, № 1124, л. 7.
Впервые: ЛН, т. 25—26, с. 355.

[1] С апреля 1853 г. Некрасов жил в Алешунине, Грешневе и Москве. Вернулся в Петербург в конце сентября. Ср. п. 179—182.

[2] В январском номере «Современника» за 1853 г. напечатана рецензия Афанасьева на «Памятники, изданные временною комиссиею для разбора древних актов...» (т. 3. Киев, 1852). На этом его сотрудничество в журнале Некрасова прекратилось.

185. И. С. ТУРГЕНЕВУ

(С. 182)

Подлинник: ИРЛИ, № 21. 194, л. 33—33 об.
Впервые: ВЕ, 1903, № 12, с. 588—590.

[1] Некрасов тяжело заболел с весны 1853 г. Подробнее об этом см.: *Белоголовый Н. А.* Воспоминания. М., 1897, с. 438—439.

[2] В 1853 г. Некрасов работал над рядом стихотворений: «Памяти ⟨Асенков⟩ой», «Последние элегии», «В деревне», «Памяти приятеля» (окончательное название «Памяти Белинского»), «Филантроп» и другие (см.: наст. изд., т. I, с. 115—119, 121, 127—129, 146—148, 166—168).

[3] Беловой автограф «Филантропа» датирован: «1853, ноябрь». Стихотворение опубликовано позднее в «Современнике» (1856, № 2). В начале февраля 1856 г. Тургенев сообщал В. П. Боткину: «2-ая книжка „Совр⟨еменник⟩а" немного запоздала, но будет очень хороша («Филантропа» пропустили)» (Тургенев, Письма, т. II, с. 337).

[4] Некрасов вспоминает о сближении с Тургеневым, которое произошло в 40-е гг. в кружке Белинского. См. об этом автобиографическую запись Некрасова от 7 июня 1872 г.: наст. изд., т. XIII, кн. 2, с. 46—49.

[5] Лишь 23 ноября (5 декабря) Тургенев получает от гр. Орлова письмо с «объявлением свободы и позволения въезжать в столицы» (см.: Тургенев, Письма, т. II, с. 211). С 16 мая ст. ст. 1852 г. Тургенев находился в ссылке в своем имении Спасское.

[6] См. п. 182, примеч. 3.

[7] См. п. 182, примеч. 5.

[8] Тургенев работал над «Постоялым двором» с 18 (30) октября по 14 (26) ноября 1852 г. В письме к Некрасову от 28 октября (9 ноября) 1852 г. Тургенев обещал прислать ему рукопись (Тургенев, Письма, т. II, с. 80). Повесть была опубликована в «Современнике» позднее (1855, № 11).

[9] Стихотворение «Восторг души, или Чувства души в высокоторжественный день праздника» Тургенев прислал в октябре 1853 г. Анненкову. Здесь его прочитал и Некрасов. «Пьеса сама по себе чудо, — писал Анненков Тургеневу 22 октября 1853 г. об этом стихотворении. — У меня сейчас был Некрасов и повторяет — чудо!» (Литературный архив. СПб., 1994, с. 211; публ. Н. Н. Мостовской). По поводу авторства этого стихотворения у Анненкова и Некрасова были сомнения, несмотря на то что Тургенев отрицал свое участие в его создании и называл в числе его авторов своего крепостного маляра Н. Ф. Градова (Федосеева), а затем малоархангельского попа Ивана Розова (см. об этом письма Тургенева к П. В. Анненкову от 14 (26), 15 (27) октября и 2 (14) ноября 1853 г.: Тургенев. Письма, т. II, с. 189—193, 197—198). Публикация этого стихотворения в «Современнике» не состоялась, очевидно из-за несогласия Тургенева. Под заглавием «Христос воскресе» это стихотворение было опубликовано за 13 лет до того в «Литературной газете» (1840, 13 апреля, № 30) с подписью: «Л». Авторство этого стихотворения до сих пор не установлено. На этом основании оно включено в раздел Dubia во 2-е академическое издание Тургенева (см.: Тургенев 2, Соч., т. XII, с. 553—555, 710—711; комментарии И. С. Чистовой). Как приписываемое Тургеневу, оно опубликовано И. Г. Ямпольским в кн.: Тургенев. Стихотворения и поэмы. Л., 1970, с. 381—383. (Б-ка поэта. Большая сер., 2-е изд.).

[10] Стихотворение А. Н. Майкова под заглавием «Дурочка Дуня. Идиллия» было опубликовано в «Отечественных записках» (1854, № 1, отд. I, с. 1—6). Беловой автограф с подзаголовком «Идиллия» датирован 24 октября 1853 г. См.: *Майков А. Н.* Избранные произведения. Л., 1977, с. 830. (Б-ка поэта).

[11] В № 1 «Современника» за 1854 г. была опубликована повесть Тургенева «Два приятеля».

[12] См. п. 164, примеч. 8.

186. В. П. ГАЕВСКОМУ

(С. 184)

Подлинник: РНБ, ф. 171 (В. П. Гаевского), № 198, л. 20—21.

Впервые: Собр. соч. 1930, т. V, с. 185—186.

Год определяется по времени публикации третьей статьи Гаевского о Дельвиге в «Современнике» (С, 1854, № 1; ценз. разр. — 31 декабря 1853 г.).

[1] Речь идет о статье «Дельвиг. (Полное собрание русских авторов. Сочинения Нелединского-Мелецкого и Дельвига. Изд. А. Смирдина. СПб., 1859.) Статья третья» (С, 1854, № 1).

[2] С. Д. Пономарева, о литературном салоне которой идет речь в статье Гаевского.

[3] В. Матвеев.

187. А. Н. МАЙКОВУ

(С. 185)

Подлинник: РГБ, ф. 195, М. 8553а.1, л. 1.

Впервые: Собр. соч. 1930, т. V, с. 185.

Год определяется публикацией в «Современнике» (1853, № 3) стихотворения Майкова «Полно притворяться», день — по календарной помете.

[1] А. К. Толстой.

[2] В числе присутствовавших на обеде в редакции журнала были С. М. Воробьев, В. А. Милютин, А. А. Фет, Д. В. Григорович, П. В. Анненков, М. Н. Лонгинов, А. В. Дружинин и др.

[3] Речь идет о стихотворении «Полно притворяться» (С, 1853, № 3).

[4] Опубликована: ОЗ, 1854, № 1.

1854

188. П. В. АННЕНКОВУ

(С. 185)

Подлинник: ИРЛИ, № 5697, л. 7.

Впервые: Анненков и его друзья, с. 635.

Речь идет о статье П. В. Анненкова «По поводу романов и рассказов из простонародного быта» (С, 1854, № 2 и 3).

189. Л. Н. ТОЛСТОМУ

(С. 185)

Подлинник неизвестен.

Печатается по тексту первой публикации: ГМ, 1915, № 5, с. 211—212, где опубликовано Н. Клестовым по копии из архива В. А. Гольцева.

Ответ на письмо Толстого от 14 января 1854 г., которое утрачено. Письмо Некрасова Толстой получил 13 февраля 1854 г., будучи в Ясной Поляне (см.: Толстой, т. 46, с. 236).

[1] По-видимому, до Некрасова дошло письмо Толстого от 17 сентября 1853 г., с которым посылался рассказ Толстого «Записки маркера» (напечатан в январском номере «Современника» 1855 г., см.: Толстой, т. 59, с. 246). Некрасов отвечал Толстому на адрес его брата, Николая.

[2] Неясно, о чем речь. После № 3 за 1853 г., где появился «Набег» с цензурными искажениями, новое произведение Толстого в журна-

ле появилось лишь в октябре 1854 г. (повесть «Отрочество»). Возможно, что это описка Некрасова или ошибка первой публикации.

190. В. П. ГАЕВСКОМУ

(С. 187)

Подлинник: РНБ, ф. 171 (В. П. Гаевского), № 198, л. 22—23; на л. 22 помета Гаевского: «27 февраля 1854 г.».

Впервые: Собр. соч. 1930, т. V, с. 188.

[1] 27 февраля 1854 г. у Е. Н. Ахматовой был званый ужин, на котором присутствовали А. В. Никитенко, В. П. Гаевский, И. С. Тургенев, Некрасов, В. В. Стасов, О. И. Сенковский, Н. М. Еропкина, Е. А. Хвостова и др. (см.: Дружинин. Дневник, с. 280).

191. М. В. БЕЛИНСКОЙ

(С. 187)

Подлинник: РГБ, ф. 195, М. 5184.37/1—3, л. 1—2.

Впервые: Записки Отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, вып. 9. М., 1940, с. 13.

[1] Речь идет, вероятно, о деньгах, следующих Белинской от продажи первого издания «Стихотворений Кольцова» (см. ниже). Упоминаемая Некрасовым расписка неизвестна.

[2] По смерти В. Г. Белинского Некрасов и Панаев приняли на себя какие-то обязательства о материальной помощи семье покойного (ср. п. 318 и 324), размеры которой, по-видимому, ставились в зависимость от доходов журнала «Современник». Так, 12 мая 1852 г. Некрасов передал вдове критика через Н. Н. Тютчева 345 руб. (АСК, с. 82—83).

[3] Начавшаяся в 1853 г. Крымская война послужила причиной временного охлаждения читающей публики к литературно-художественным журналам, не имевшим политических отделов. Это привело к резкому падению подписки на журналы и росту популярности газет и некоторых официальных изданий, печатающих известия с театра военных действий. Констатацией этих неблагоприятных обстоятельств начиналось объявление об издании «Современника» на 1855 г. (см.: наст. изд., т. XIII, кн. 1, с. 120). См. также п. 199.

[4] Судя по п. 318 и 324 Некрасов выполнял это обещание неисправно, но искал и другие средства для помощи семье Белинского. О московской конторе «Современника» см. с. 298.

[5] Некрасов останавливался в Москве, возвращаясь от И. С. Тургенева (из Спасского) в начале октября 1854 г. (Тургенев 2, Письма, т. II, с. 297). Встреча с Белинской могла состояться и во второй половине сентября (до 20-го), если Некрасов останавливался в Москве по пути в Спасское (см.: там же, с. 297).

[6] В феврале 1846 г. Некрасов совместно с Н. Я. Прокоповичем издал «Стихотворения Кольцова. С портретом автора, его факсимиле и статьею о его жизни и сочинениях, писанною В. Белинским». Право на это издание принадлежало А. В. Станкевичу, который подарил его Белинскому, намеревавшемуся издать книгу у книгопродавца и издателя М. Д. Ольхина, уступая ему половину дохода

(Белинский, т. XII, с. 256). Сделка с Некрасовым и Прокоповичем, по-видимому, была более выгодной для Белинского.

[7] На полях письма сделана карандашная помета Станкевича (?), относящаяся к этим словам: «Передал одно первое издание Некрасову и Прокоповичу». Права на издание «Стихотворений» Кольцова со вступительной статьей Белинского к ним, очевидно, были переданы М. В. Белинской Н. Х. Кетчеру. Позднее Кетчер завещал их К. Т. Солдатенкову как свою собственность (*Аруин М.* В. Г. Белинский и литературное наследие А. В. Кольцова. — РЛ, 1966, № 3, с. 111).

[8] Второе и третье издания «Стихотворений Кольцова» осуществлены в 1856 и 1859 гг. К. Т. Солдатенковым и Н. М. Щепкиным.

192. В. П. ГАЕВСКОМУ

(С. 188)

Подлинник: РНБ, ф. 171 (В. П. Гаевского), № 198, л. 24—25.

Впервые: Собр. соч. 1930, т. V, с. 188—189.

Год определяется по времени появления в «Современнике» рецензии Гаевского на книгу Н. Булича о Сумарокове (С, 1854, № 7).

[1] Речь идет о статье Гаевского «Сумароков и современная ему критика. Соч. Н. Булича. СПб., 1854» (С, 1854, № 7, без подписи).

[2] Анонимная статья «Труды по части русской словесности в 1853 году» опубликована в № 8 «Современника» за 1854 г.

193. Л. Н. ТОЛСТОМУ

(С. 188)

Подлинник: ГМТ, ф. Некрасова, № 2.

Впервые: Круг, с. 189—190.

Ответное письмо Некрасова на неизвестное письмо Толстого от 23 июня 1854 г. (см.: Толстой, т. 47, с. 4).

[1] № 9 за 1852 г. («Детство»), № 3 за 1853 г. («Набег»).

[2] Толстой в дневнике от 24 августа 1854 г. записал: «Получил лестное об „Отрочестве" письмо от Некрасова, которое, как и всегда, подняло мой дух и поощрило к продолжению занятий...» (Толстой, т. 47, с. 23).

[3] Повесть была напечатана в кн. X за 1854 г.

[4] Толстой тогда служил в Дунайской армии. 11 июля 1854 г. он записал в дневнике: «...нынче получил „Современник"» (Толстой, т. 47, с. 11).

194. М. Л. МИХАЙЛОВУ

(С. 189)

Подлинник: ИРЛИ, ф. 547, № 13.

Впервые: Некр. сб., III, с. 253.

[1] Речь идет об одном из произведений, печатавшихся в «Современнике».

[2] Эдуард Праң — владелец типографии, в которой некрасовский «Современник» печатался с 1847 по 1854 г. Это обстоятельство, а также упоминание об аресте Тургенева и романе Михайлова (см. примеч. 4 и 5) служат обоснованием датировки данного письма.

[3] Михайлов жил в это время в Петербурге, на Офицерской ул., в доме Китнера, в квартире № 13.

[4] За небольшую статью «Письмо из Петербурга» о смерти Н. В. Гоголя, напечатанную в «Московский ведомостях», в которой Гоголь был назван великим человеком, обозначившим целую эпоху в истории русской литературы, Николай I приказал посадить Тургенева под арест, который писатель отбывал с 16 апреля по 16 мая 1852 г. «на Съезжей 2-й Адмиралтейской части».

[5] Речь идет об одном из романов Михайлова, опубликованных впоследствии в «Отечественных записках» (1853, № 6—8 — «Марья Ивановна»; 1854, № 9—12 — «Перелетные птицы»). Невысокое мнение Некрасова о подобных произведениях выражено в его письме к Боткину от 7 февраля 1856 г.

195. И. С. ТУРГЕНЕВУ

(С. 190)

Подлинник: ИРЛИ, № 21.194, л. 34—35 об.

Впервые: ВЕ, 1903, № 12, с. 590—591.

Датируется по содержанию. Среда в октябре 1854 г. приходилась не на 5, а на 6 октября.

[1] Некрасов гостил у Тургенева в Спасском-Лутовинове несколько дней— с 22 сентября по 4 октября ст. ст. 1854 г. 4 октября 1854 г. Некрасов выехал в Москву (см. письма Тургенева к П. В. Анненкову от 28 сентября (10 октября) 1854 г., к С. Т. Аксакову и Некрасову от 8 (10) октября 1854 г.: Тургенев, Письма, т. II, с. 226—227, 228).

[2] Речь идет о генерале В. А. Меншикове, сыне адмирала А. С. Меншикова.

[3] А. А. Закревский.

[4] Некрасов сообщает Тургеневу о событиях Крымской войны.

[5] М. Н. Лонгинов.

[6] П. И. Бартенев.

[7] Шевалье — владелец гостиницы в Москве.

[8] Речь идет о стихотворении «Послание к Лонгинову» — коллективном сочинении Тургенева, Некрасова и А В. Дружинина. Стихотворение написано в двадцатых числах июля 1854 г., когда Тургенев и Некрасов гостили у А. В. Дружинина. Проездом через Москву Некрасов собирался передать «Послание к Лонгинову» адресату. И. И. Панаев в письме к М. Н. Лонгинову от 29 сентября 1854 г. сообщал по поводу «Послания»: «стихи удивительные» (Сборник Пушкинского Дома на 1923 г. Пг., 1922, с. 216). См. также: наст. изд., т. I, с. 428—430.

[9] Это стихотворение при жизни Некрасова не публиковалось. Написано по дороге из Спасского в Москву. Датировано «началом октября 1854».

[10] Н. С. Тургенев.

196. И. С. ТУРГЕНЕВУ

(С. 191)

Подлинник: ИРЛИ, № 21.194, л. 36—36 об.

Впервые: ВЕ, 1903, № 12, с. 591—592.

Датируется по содержанию и связи с письмом к Тургеневу от 6 октября 1854 г.

[1] 7 октября 1854 г. Некрасов приехал в Петербург из Москвы, где он останавливался проездом по дороге из Спасского. См. п. 195.

[2] См. п. 195.

[3] Речь идет о главнокомандующем французской армии в период Крымской войны.

[4] Повесть У. Теккерея «Жизнь и приключения майора Гагагана» была опубликована в качестве приложения к № 10 «Современника» за 1854 г.

[5] А. В. Дружинин подразумевал под «чернокнижием» сочинение развлекательных, юмористических произведений. Примером «чернокнижия» являются «Послание к Лонгинову», написанное А. В. Дружининым, Некрасовым и Тургеневым, «Песнь Васеньке» — в соавторстве А. В. Дружинина с Некрасовым, шуточная повесть «Сантиментальное путешествие Ивана Чернокнижникова по петербургским дачам», принадлежащая преимущественно А. В. Дружинину (С, 1850, № 7, 8, 12). Автором некоторых стихотворений в ней является, вероятно, Некрасов (см.: наст. изд., т. I, с. 452—455).

[6] И. В. Базунов.

[7] В № 11 «Современника» за 1854 г. была опубликована положительная рецензия Чернышевского на сборник переводов Н. В. Берга «Песни разных народов». Тургенев, получив книгу Н. В. Берга, очевидно, от самого Некрасова, отозвался о ней критически: «Выбор пиес сделан очень дурно — и перевод большей частью вял и плох — и даже, где я могу судить, неверен» (см. письмо Тургенева к Некрасову от 22 октября (3 ноября) 1854 г.: Тургенев, Письма, т. II, с. 236).

[8] Эта записка Некрасова к И. В. Базунову неизвестна.

197. И. С. ТУРГЕНЕВУ

(С. 193)

Подлинник: ИРЛИ, № 21.194, л. 37—37 об.

Впервые: ВЕ, 1903, № 12, с. 593.

Датируется по содержанию и по соответствию с письмом к Тургеневу от 9 октября 1854 г.

[1] Письмо Тургенева к Некрасову от 8 (20) октября 1854 г. (Тургенев, Письма, т. II, с. 228).

[2] Прозвище П. В. Анненкова в дружеском кругу.

[3] В письме к Некрасову от 8 (20) октября 1854 г. Тургенев интересовался каталогом книг библиотеки Белинского, который некоторое время находился у П. В. Анненкова. 11 октября 1854 г. Анненков сообщал Тургеневу: «Реестр точно у меня был, возился в Москву и, вероятно, остался у меня в деревне, куда с этой же почтой пишу об отыскании его в бумагах» (ЛН, т. 55, с. 432).

[4] Речь идет о подготавливаемом П. В. Анненковым издании «Сочинений Пушкина». Цензурное разрешение на т. I—II подписано 22 октября 1854 г. Подробнее об этом см.: *Модзалевский Б. Л.* Работы П. В. Анненкова о Пушкине.— В кн.: Модзалевский Б. Л. Пушкин. Л., 1929, с. 304.

[5] Речь идет о стихотворении Некрасова «Признания труженика», напечатанном без подписи в «Современнике» (1854, № 11, «Литературный Ералаш», тетрадь седьмая, с. 103—110) под названием «Труженик». См.: наст. изд., т. I, с. 132—134.

[6] Имеется в виду очерк И. П. Панаева «Опыт о хлыщах. (Мои воспоминания о петербургской жизни). I. Великосветский хлыщ», опубликованный в № 11 «Современника» за 1854 г.

[7] Речь идет об известиях, касающихся Крымской войны. Некрасов писал о них Тургеневу в письмах от 6 и 9 октября ст. ст. 1854 г.

[8] В 1854 г. Некрасов намеревался поехать за границу для лечения. Препятствием для поездки могли явиться обстоятельства «огаревского дела», задерживавшего Некрасова. См.: *Бессонов Б. Л.* К истории «огаревского дела» (по новонайденным материалам). — РЛ, 1978, № 3, с. 139—144.

[9] П. Т. Кудряшов.

[10] Некрасов гостил у Тургенева в Спасском с 22 сентября (4 октября) по 4 (16) октября 1854 г. См. п. 195, примеч. 1.

[11] Сборник «Песни разных народов» в переводе Н. В. Берга (М., 1854). О получении этого сборника Тургенев уведомлял Некрасова в письме от 22 октября (3 ноября) 1854 г. (Тургенев, Письма, т. II, с. 236). Ср. п. 196.

198. И. С. ТУРГЕНЕВУ

(С. 193)

Подлинник: ИРЛИ, № 21.194, л. 39—39 об.
Впервые: ВЕ, 1903, № 12, с. 594.
Датируется по содержанию.

[1] Письмо Тургенева к Некрасову от 15(27) октября 1854 г. (Тургенев, Письма, т. II, с. 230—231). Тургенев в это время работал над статьей о Баратынском, оставшейся незаконченной. В № 10 «Современника» за 1854 г. (с. 147—148) в качестве примечаний к стихотворениям Баратынского опубликовано письмо Тургенева в редакцию журнала от 12 сентября 1854 г. о стихотворениях и письмах Баратынского (Тургенев 2, Соч., т. IV, с. 530).

[2] Очевидно, речь идет о романе «Переселенцы», над которым Д. В. Григорович работал в 1854—1855 гг. Роман предназначался для «Отечественных записок». См. п. 218.

[3] В № 1 «Современника» за 1855 г. опубликована комедия Тургенева «Месяц в деревне».

[4] Имеется в виду повесть А. В. Дружинина «Легенда о кислых водах. (Посвящается доброму другу и товарищу Д. В. Григоровичу)», опубликованная в № 3, 4 «Современника» за 1855 г.

[5] Возможно, речь идет о романе «Тысяча душ», над которым А. Ф. Писемский работал с 1853 по 1858 г. (см. о нем: *Писемский А. Ф.* Письма. М.—Л., 1936, с. 77, 83). Несмотря на предварительную договоренность о публикации его в «Современнике», к неудовольствию Некрасова Писемский продал роман Краевскому за более высокую цену и напечатал в «Отечественных записках» (1858, № 1—6). См. п. 218.

[6] Речь идет о рассказе Н. А. Основского «Петров день. Из воспоминаний охотника», опубликованном в «Современнике» (1854, № 12).

[7] Имеется в виду занятость Анненкова подготовкой «Сочинений Пушкина». См. об этом: *Модзалевский Б. Л.* Работы П. В. Анненкова о Пушкине. — В кн.: Модзалевский Б. Л. Пушкин. Л., 1929,

с. 304; см. также п. 172, примеч. 7; п. 197; письма Анненкова к Тургеневу 1853 г. (Литературный архив. СПб., 1994, с. 188—216).

199. Л. Н. ТОЛСТОМУ

(С. 194)

Подлинник: ГМТ, ф. Некрасова, № 3.
Впервые: Круг, с. 190—191.

[1] А. В. Никитенко писал в дневнике 1 октября 1854 г. о ведавшем цензурой министре народного просвещения А. С. Норове: «На него напал какой-то панический страх. Он привязывается к самым невинным фразам, и стоит только кому-нибудь ⟨...⟩ указать на самое безупречное место в книге или журнале, чтоб взволновать его, и у него тотчас готово строгое предписание, выговор» (Никитенко, т. I, с. 386).

[2] Ряд изъятий, сделанных цензором В. Н. Бекетовым, Некрасов называет в письме к Толстому от 17 января 1855 г. (см. п. 204).

[3] К публикации «Отрочества» было сделано редакционное примечание: «В „Современнике" 1852 г., № 9, помещен был рассказ под названием „Детство", без сомнения, оставшийся в памяти у читателей журнала. Этот рассказ был собственно началом романа, которого общее заглавие „Четыре эпохи развития". Ныне мы представляем вторую часть этого романа, имеющую, подобно первой, интерес и как отдельное целое» (наст. изд., т. XIII, кн. 1, с. 236).

[4] Некрасов мог иметь в виду похвалы критики в «Отечественных записках» (1854, № 11 — С. С. Дудышкин), в «Библиотеке для чтения» (1854, № 11), восторженные отзывы И. И. Панаева (см.: Сборник Пушкинского дома на 1923 год. Пг., 1922, с. 216), И. С. Тургенева (см.: Тургенев 2, Письма, т. II, 1987, с. 309—312).

[5] Речь идет о разгоравшейся в то время Крымской войне. Некрасов и И. И. Панаев писали («Об издании „Современника" в 1855 году»): «В настоящее время, когда важные политические события отодвинули все другие интересы на второй план, журналу литературному, скромно действующему в своей ограниченной среде, трудно удержать за собою и ту ступень внимания, какою он пользовался со стороны публики во времена, когда литература более интересовала читателей» (наст. изд., т. XIII, кн. 1, с. 120).

[6] В указанном выше объявлении повести Толстого названы среди произведений «не до такой степени обыкновенных в нашей литературе».

[7] Новый адрес Толстого Некрасову сообщил Тургенев. См. п. 200.

200. И. С. ТУРГЕНЕВУ

(С. 195)

Подлинник: ИРЛИ, № 21.194, л. 40.
Впервые: ВЕ, 1903, № 2, с. 594—595.

Год устанавливается по содержанию и связи с письмом к Тургеневу от 16 октября 1854.

[1] Это письмо В. П. Боткина к Некрасову неизвестно.

[2] В № 10 «Современника» за 1854 г. было опубликовано 25 стихотворений Е. А. Баратынского. В примечании к публикации напечатано письмо к редакторам «Современника» И. С. Тургенева от 12 сентября 1854 г. (см.: Тургенев 2, Соч., т. IV, с. 530).

[3] Это письмо Тургенева к Некрасову неизвестно. В письме к П. В. Анненкову от 1 (13) ноября 1854 г. Тургенев просит напомнить Некрасову, чтобы он выслал ему № 11 «Современника», «если он его еще не выслал» (Тургенев, Письма, т. II, с. 240).

201. П. В. АННЕНКОВУ

(С. 196)

Подлинник: ИРЛИ, № 5697, л. 8.

Впервые: Анненков и его друзья, с. 635.

Датируется по времени публикации статьи Анненкова «О мысли в произведениях изящной словесности. (Заметки по поводу последних произведений гг. Тургенева и Л. Н. Т⟨олстого⟩)» (С, 1855, № 1; ценз. разр. — 31 декабря 1855 г.). Ср. п. 204.

1855

202. А. Н. МАЙКОВУ

(С. 196)

Подлинник: РГБ, ф. 195, М. 8553а.2, л. 1—2 об.

Впервые: Собр. соч. 1930, т. V, с. 197.

[1] В № 1 «Современника» за 1855 г. опубликовано стихотворение Майкова «Арлекин».

203. П. В. АННЕНКОВУ

(С. 197)

Подлинник: ИРЛИ, № 5697, л. 9. Рядом с числом карандашная пометка, вероятно Анненкова: «1855». В верхней части листа приписка: «В контору „Современника". Прошу выдать 1 экз. „Современника" П. В. Анненкову. Н. Некрасов» (наст. изд., т. XIII, кн. 2, с. 176).

Впервые: Анненков и его друзья, с. 635.

Год определяется пометой на л. 9 и упоминанием статьи Анненкова (ср. п. 201) и его издания Пушкина («Сочинения А. С. Пушкина с приложением материалов для его биографии, портрета, снимков с его почерка и его рисунков и проч. Изд. П. В. Анненков». Т. I, II. СПб., 1855).

[1] Специальный билет — разрешение на бесплатное получение годового комплекта «Современника».

[2] Речь идет о статье «О мысли в произведениях изящной словесности...» (ср. п. 201).

[3] Некрасовский отзыв об этом издании дан в «Заметках о журналах за декабрь 1855 и январь 1856 года» (С, 1856, № 2, с. 201—

205, 210—218 и 223. — Остальные страницы обзора принадлежат В. П. Боткину и Н. Г. Чернышевскому). См. об этом: наст. изд., т. XI, кн. 2, с. 219—233.

204. Л. Н. ТОЛСТОМУ

(С. 197)

Подлинник: ГМТ, ф. Некрасова, № 4.

Впервые: Круг, с. 192—194.

Ответ на письмо Толстого от 19 декабря 1854 г. (см.: Толстой, т. 59, с. 286—287).

[1] Во второй половине февраля 1854 г. Толстой отбыл в Дунайскую армию.

[2] Эти письма неизвестны.

[3] См. письмо от 10 июля 1854 г.

[4] См письмо от 2 ноября 1854 г.

[5] Речь идет о письме Толстого от 19 декабря 1854 г. (см.: Толстой, т. 59, с. 286—287).

[6] Мария Николаевна Толстая и Валерьян Петрович Толстой.

[7] Цензурой была исключена гл. XVIII («Девичья»), сильно урезана гл. VI («Маша»); цензурное вмешательство коснулось также глав XII («Ключик») и XXIV («Я»). См.: Гусев. Материалы I, с. 517—518.

[8] См. комментарий к письму Некрасова Толстому от 2 ноября 1854 г.

[9] См. письмо от 6 февраля 1854 г.

[10] Сглажены были реплики маркера в адрес господ, исключены упоминания о том, что Нехлюдов «разорил мужиков», искажена была исповедь Нехлюдова и т. д. См.: *Гершензон М. О.* Литературное обозрение. — Научное слово, 1905, кн. II, с. 125—128; Гусев. Материалы I, с. 536.

[11] В. Н. Бекетов.

[12] О своей болезни Некрасов пишет Тургеневу 18 августа 1855 г. См.: *Скатов Н. Н.* Некрасов. М., 1994, с. 172—175. Отъезд Некрасова за границу не состоялся.

[13] Толстой писал Некрасову 19 декабря 1854 г. о своем плане издания «Солдатского листка» с материалами «современного, военного содержания». Николай I не разрешил издание и рекомендовал присылать указанные материалы в газету «Русский инвалид» (см.: Толстой, т. 59, с. 286—287).

[14] В статье «О мысли в произведениях изящной словесности. (Заметки по поводу последних произведений г. г. Тургенева и Л. Н. Т⟨олстого⟩)» Анненков отмечал особенности художественной идеи в произведениях обоих писателей, ее непосредственное выражение в «развитии психологических сторон лица или многих лиц».

205. В. П. ГАЕВСКОМУ

(С. 200)

Подлинник: РНБ, ф. 171 (В. П. Гаевского), № 198, л. 26—27.

Впервые: Собр. соч. 1930, т. V, с. 201.

206. Л. Н. ТОЛСТОМУ

(С. 200)

Подлинник: ГМТ, ф. Некрасова, № 5.
Впервые: Круг, с. 196—197.
Ответ на письмо Толстого от 11 января 1855 г.

[1] Толстой в письме от 11 января 1855 г. предлагал ежемесячно «доставлять от 2 до 5 и более печатных листов статей военного содержания...» (Толстой, т. 59, с. 297).

[2] Толстой в вышеупомянутом письме подробно излагал программу задуманного им журнала, «доступного всем сословиям военного общества», явно рассчитывая на весьма авторитетное для него мнение Некрасова.

[3] Толстой обещал для начала прислать «Письмо о сестрах милосердия», «Воспоминания о осаде Силистрии», «Письмо солдата из Севастополя». Судьба этих материалов неизвестна.

[4] Тургенев участвовал в торжествах по случаю столетия Московского университета, вернулся в Петербург 7 февраля.

207. А. Н. МАЙКОВУ

(С. 201)

Подлинник: РГБ, ф. 195, М. 8553а.3, л. 1.
Впервые: Собр. соч. 1930, т. V, с. 202.
Адресат определяется по месту нахождения подлинника.
Датируется по упоминанию о стихах на смерть Николая I (С, 1855, № 3).

[1] Речь идет о стихотворении «18 февраля 1855 г.» («Когда меж нас являлся он...»).

[2] Первоначальный вариант неизвестен. Окончательный вариант:

> Под похоронные молитвы,
> Гремя мечами, мы зовем:
> «Царь! Повели: мы жаждем битвы
> Под *Александровым орлом*».

[3] Неясно, о какой бумаге идет речь. В связи с тем что Некрасов упоминает об ответе, посланном М. Н. Мусину-Пушкину, председателю Петербургского цензурного комитета, возможно предположить, что речь идет о каком-либо предписании журналу о материалах, публикуемых в связи с кончиной Николая I и вступлением на престол нового государя.

208. М. Л. МИХАЙЛОВУ

(С. 201)

Подлинник: РГАЛИ, ф. 111, оп. 1, № 9, л. 1.
Впервые: ПСС, т. X, с. 220.

[1] Ближайшая публикация прозаического произведения Михайлова — рассказа «Африкан» состоялась в июльском номере «Современника» за 1855 г.

[2] Этот рассказ С. В. Максимова напечатан в № 4 журнала «Русское слово» за 1859 г.

[3] Очевидно, корректура повести А. В. Дружинина «Легенда о кислых водах» (С, 1855, № 3, 4).

209. И. С. ТУРГЕНЕВУ

(С. 202)

Подлинник: ИРЛИ, 21.194, л. 41.

Впервые: ВЕ, 1903, № 12, с. 595.

Год определяется по содержанию, временем смерти сына Некрасова и А. Я. Панаевой — Ивана.

[1] Е. Я. Колбасин.

210. К. Т. СОЛДАТЕНКОВУ

(С. 202)

Подлинник неизвестен. Печатается по подлиннику письма Солдатенкова к Некрасову от 8 апреля 1856 г. (ИРЛИ, 21.129), где комментируемый отрывок помещен в виде точной цитаты из не дошедшей до нас записки Некрасова.

Впервые: ГМ, 1916, № 9, с. 183—184.

В письме Солдатенкова цитата из некрасовской записки предваряется следующими словами: «Я никогда не искал приобретения права на издание Ваших стихотворений; я купил его у Вас только по Вашей же усиленной просьбе. И вот Ваши собственные выражения Вашего желания, чтоб они были изданы».

Речь идет о подготовленной Некрасовым по устной договоренности с Солдатенковым рукописи стихотворений (*Солдатенковская тетрадь*) для издания, осуществленного Солдатенковым в 1856 г. Некрасов привез ее в Москву в конце мая 1855 г. и передал Солдатенкову, очевидно, через посредника с запиской от 7 июня 1855 г. Вскоре, 11 июня того же года, между Солдатенковым и Некрасовым было заключено соглашение, по которому Солдатенков за 1500 руб. серебром получал право издать стихотворения Некрасова в течение двух лет (см.: наст. изд., т. XIII, кн. 26 с. 239). В соглашении было оговорено обязательство поэта передать издателю к сентябрю 1855 г. дополнение к рукописи объемом до тысячи строк. Это обязательство Некрасов не выполнил. См. также п. 229.

211. Л. Н. ТОЛСТОМУ

(С. 203)

Подлинник: ГМТ, ф. Некрасова, № 6.

Впервые: Круг, с. 197.

Толстой отвечал на это письмо попутно, в письме И. И. Панаеву (см.: Толстой, т. 59, с. 328).

[1] Это подтверждается многими фактами. И. И. Панаев писал Толстому 31 мая 1855 г.: «Статья эта с жадностью прочлась здесь всеми. От нее все в восторге — и между прочим Плетнев, который

отдельный ее оттиск имел счастье представить Государю Императору на сих днях» (Красная новь, 1928, № 9, с. 217). Толстой записал в дневнике 15 июня 1855 г.: «...получил письмо и статью от Панаева. Меня польстило, что ее читали Государю» (Толстой, т. 47, с. 46). «Русский инвалид» сразу же перепечатал «статью» Толстого со своим примечанием: «Редакция „Инвалида" считает долгом познакомить нашу военную публику с этой истинно превосходной статьею...» (№ 122, 5 июня).

[2] Ценз. разр. кн. VI журнала — 31 мая 1855 г.

[3] Некрасов уехал за границу лишь в августе 1856 г. Толстой отвечал Панаеву 8 августа 1855 г.: «К несчастию, я не ранее могу прислать Вам ее, как в половине сентября...» (Толстой, т. 59, с. 328). Однако работа над «Юностью» затягивалась, пересекалась другими планами, повесть была представлена в редакцию «Современника» лишь осенью 1856 г., напечатана в № 1 за 1857 г.

[4] Отъезд Некрасова вновь был отложен; о причинах см.: *Жданов В.* Некрасов. М., 1971, с. 254—255.

212. И. С. ТУРГЕНЕВУ

(С. 203)

Подлинник: ИРЛИ, № 21.194, л. 43—44 об.

Впервые: ВЕ, 1903, № 2, с. 595—598.

В конце письма Некрасов допустил неточность, пометив «31 июня» вместо «1 июля». Год устанавливается по содержанию и связи с п. 213.

[1] Ф. И. Иноземцев — врач, лечивший Некрасова в Москве с начала июня 1855 г.

[2] Желание Некрасова приехать в Севастополь связано с событиями Крымской войны 1853—1856 гг. и осадой этого города-крепости.

[3] В конце июля (между 23 и 31 июля) 1854 г. Некрасов вместе с Тургеневым охотился в окрестностях имения И. И. Маслова Осьмино и окрестностях имения А. В. Дружинина Мариинское (см.: *Дружинин А. В.* Дневник. — В кн.: Дружинин А. В. Повести. Дневник. М., 1986, с. 308—309). С 22 сентября по 4 октября 1854 г. охотился с Тургеневым в окрестностях Спасского. 28 сентября Тургенев писал П. В. Анненкову из Спасского: «Мы с Некрасовым здесь уже с неделю, каждый день ходим на охоту» (Тургенев, Письма, т. II, с. 226).

[4] Рассказ Л. Толстого «Рубка лесу. Рассказ юнкера. (Посв. И. С. Тургеневу)» (С, 1855, № 9).

[5] Поэма «Саша» с посвящением Тургеневу: «И--у Т--ву»— опубликована в «Современнике» (1856, № 1). Посвящение сохранилось и в «Стихотворениях Н. Некрасова» (1856), а во всех последующих изданиях Некрасова было снято (см.: наст. изд., т. IV, с. 10—27, 530). Отзыва Тургенева этого времени не сохранилось. Позднее в «Предисловии к романам» (1880) он утверждал, что, по признанию самого Некрасова, «Саша» написана «до некоторой степени» под влиянием «Рудина» (см.: Тургенев 2, Соч., т. IX, с. 390—391).

[6] В ответном письме от 10 (22) июля 1855 г. из Спасского Тургенев благодарил за посвящение Некрасова и Л. Толстого и одобрил намерение Некрасова написать автобиографию: «...твоя жизнь

именно из тех, которые, отложа всякое самолюбие в сторону, должны быть рассказаны — потому что представляют много такого, чему не одна русская душа глубоко отзовется» (Тургенев, Письма, т. II, с. 295). Лишь в 1872 г. Некрасов по просьбе М. И. Семевского продиктовал для «Русской старины» небольшие отрывки из своей биографии. Обращался он к этой теме и в период предсмертной болезни (см.: наст. изд., т. XIII, кн. 2, с. 46—49).

[7] В ответном письме от 10 (22) июля Тургенев просил Некрасова прислать ему экземпляр книги стихов Р. Бернса («найти его весьма легко»), обещал сделать для Некрасова «отличный выбор» и «метр приложить»: «Я уверен наперед, что ты придешь в восторг от Бернса и с наслаждением будешь переводить его ⟨...⟩ Бернс — это чистый родник поэзии». Тургенев процитировал одно из стихотворений Бернса с его любимым стихотворным ритмом (см.: Тургенев, Письма, т. II, с. 295—296). Переводы Некрасова из Бернса неизвестны.

[8] Один из развернутых отзывов Некрасова о Жуковском. Истоки противопоставления Жуковского-поэта переводчику восходят к Белинскому (см.: Белинский, т. V, с. 545—546). Эту точку зрения разделял и Чернышевский, высоко оценивая поэтические переводы Жуковского (особенно из Шиллера) и значительно сдержаннее — его оригинальные произведения (см.: Чернышевский, т. IV, с. 506).

[9] С 12 мая по 1 июня 1855 г. у Тургенева в Спасском гостили В. П. Боткин, Д. В. Григорович и А. В. Дружинин. Ими был написан и разыгран на домашнем театре фарс «Школа гостеприимства» (см.: Григорович, с. 123—128). Позднее этот фарс был сыгран в Петербурге, а затем переделан Д. В. Григоровичем в повесть (см. п. 231).

[10] Тургенев не приезжал охотиться в деревню под Ярославлем.

[11] Е. Я. Колбасин.

[12] По поводу присланного Некрасовым стихотворения К*** («Давно — отвергнутый тобою...») Тургенев писал (10 (22) июля 1855 г.): «Стихи твои к*** просто пушкински хороши — я их тотчас на память выучил» (Тургенев, Письма, т. II, с. 295). Стихотворение опубликовано в «Современнике» (1856, № 9).

[13] Слуга Тургенева.

213. И. С. ТУРГЕНЕВУ

(С. 207)

Подлинник: ИРЛИ, № 5799.

Впервые: Боткин и Тургенев, с. 64—65.

Датируется по дате письма В. П. Боткина к Тургеневу— «10—14 июля 1855 г.», — написанного одновременно с письмом Некрасова (см.: там же, с. 59—64), и по ответному письму Тургенева В. П. Боткину и Некрасову от 25 июля 1855 г. (см.: Переписка И. С. Тургенева, т. I, с. 357).

[1] См. п. 212.

[2] Тургенев работал в Спасском в июне—июле 1855 г. над «Рудиным» (см.: Тургенев, Письма, т. II, с. 295).

[3] В ответ на приглашение Некрасова приехать охотиться в ярославскую или владимирскую деревню Тургенев писал 10 (22) июля 1855 г.: «К сожалению, это совершенно невозможно — по многим

причинам, о которых нечего распространяться. Авось в следующем году удастся» (Тургенев, Письма, т. II, с. 296).

214. Н. П. ТРУШКОВСКОМУ

(С. 208)

Подлинник: Полтавский городской музей.
Копия: ИРЛИ, ф. 652, оп. 2, № 32.
Впервые: ЛН, т. 51—52, с. 71.

[1] Некрасов в это время лечился в Москве.

[2] Желание Некрасова познакомиться с Н. П. Трушковским «короче» было вызвано его интересом к книге «Сочинения Н. В. Гоголя, найденные после его смерти («Похождения Чичикова, или Мертвые души», том второй (5 глав), «Авторская исповедь»)», которую племянник Гоголя готовил в это время к печати. Кроме того, Некрасов с помощью Н. П. Трушковского намеревался опубликовать в «Современнике» некоторые главы из книги Гоголя, что не увенчалось успехом, так как Н. П. Трушковский не дал согласия. Об интересе Некрасова к этой книге Гоголя и знакомстве с ней см.: наст. изд., т. XI, кн. 2, с. 137. Письмо Н. П. Трушковского к В. И. Ламанскому от 18 июля 1855 г. из Москвы подтверждает, что Некрасов вел переговоры с ним по поводу публикации главы из второго тома «Мертвых душ». Н. П. Трушковский писал: «На днях у меня был Некрасов с предложением отдать ему главу из 2-го т⟨ома⟩ „М⟨ертвых⟩ д⟨уш⟩" для „Соврем⟨енника⟩"! Разумеется, я отказался. Сегодня приглашен к нему обедать, там будет также Анненков...» (ПФА РАН, ф. 35, оп. 1, № 1405, л. 4—5).

215. И. А. ЛЕБЕДЕВУ

(С. 208)

Подлинник: РГАЛИ, ф. 338, оп. 1, № 51.
Впервые: ПСС, т. X, с. 228.

Адрес и год устанавливаются на основании помет на об. л. 2 последнего владельца письма Андрея Лебедева, который относит письмо к 50-м гг. 16 июня в этом десятилетии падает на субботу один раз — в 1855 г., когда Некрасов действительно с мая до середины августа жил и лечился в Москве.

И. А. Лебедев в 1850—1860-х гг. жил в Москве, в Кривом переулке Пречистенской части, в собственном доме.

216. А. В. ДРУЖИНИНУ

(С. 209)

Подлинник: ИРЛИ, № 2355, л. 1—2 об.
Впервые: Памяти В. Г. Белинского. СПб., 1899, с. 386—387.

[1] 14 июня 1855 г. В. П. Боткин снял дачу в Петровском парке под Москвой, чтобы жить летом вместе с заболевшим Некрасовым. В районе парка находились источники с «железными» водами.

[2] Ф. И. Иноземцев.

[3] В. П. Боткин в трудное для «Современника» время (1855 г.) оказал журналу значительную финансовую поддержку, ссудив редакции 2000 руб. (см.: Т. Н. Грановский и его переписка, т. 2. М., 1897, с. 306).

[4] Речь идет о статьях А. В. Дружинина «А. С. Пушкин и последние издания его сочинений» (БдЧ, 1855, № 3—5).

[5] Статьи Н. Г. Чернышевского о Пушкине печатались в «Современнике» за 1855 г. (№ 2, 3, 7, 8).

[6] Шесть статей Дружинина под общим названием «Георг Крабб и его произведения» опубликованы в «Современнике» за 1855 г. (№ 11, 12) и за 1856 г. (№ 1—3, 5).

[7] См. п. 212 и ответ Тургенева от 10 июня 1855 г. (Тургенев 2, Письма, т. III, с. 45).

[8] И. И. Панаев.

217. И. С. ТУРГЕНЕВУ

(С. 211)

Подлинник: ИРЛИ, № 21. 194, л. 45—46.

Впервые: ВЕ, 1903, № 2, с. 598—599.

К письму Некрасова сделана приписка В. П. Боткина, датированная: «12 августа. Утро».

Датируется по содержанию и дате приписки В. П. Боткина.

[1] Имеется в виду письмо Тургенева В. П. Боткину и Некрасову от 25 июля (6 августа) 1855 г. из Спасского (Тургенев, Письма, т. II, с. 300—301).

[2] Речь идет о романе «Рудин», опубликованном в «Современнике» (1856, № 1, 2). К 7(19) октября Тургенев прибыл из Спасского в Москву, а 13 (25) октября выехал оттуда вместе с В. П. Боткиным в Петербург, где вскоре прочел «Рудина» редакционному кружку «Современника». На чтении присутствовали Боткин, Некрасов, И. И. Панаев. 17(29) октября 1855 г. Тургенев сообщал М. Н. и В. П. Толстым: «Повесть я свою прочел — она понравилась — но мне сделали несколько дельных замечаний, которые я принял к сведению» (Тургенев, Письма, т. II, с. 319).

[3] «Нахлебник» (под названием «Чужой хлеб») напечатан в «Современнике» (1857, № 3); «Постоялый двор» — там же (1855, № 11). Роман, над которым Тургенев работал с 1853 г., — «Два поколения».

[4] Это высказывание о личности и творчестве Гоголя соотносится с развернутой оценкой известных Некрасову страниц второго тома «Мертвых душ» в его статье «Заметки о журналах за октябрь 1855 г.» (С, 1855, № 11), в которой предвосхищены многие суждения Чернышевского о Гоголе в «Очерках гоголевского периода русской литературы» (С, 1855, № 12) и в статье «Сочинения и письма Гоголя. Изд. П. А. Кулиша, шесть томов...» (С, 1857, № 8). См. также: наст. изд., т. XI, кн. 2, с. 192—197.

[5] Имеются в виду «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя.

218. Д. В. ГРИГОРОВИЧУ

(С. 212)

Подлинник: РНБ, ф. 222 (Д. В. Григоровича), № 11, л. 4—4 об.

Впервые: ЕС, 1903, № 1, с. 61—62.

[1] Ср. п. 219 Тургеневу.

[2] Речь идет об особом отделе в «Современнике» — «Политические известия», об организации которого в это время хлопотал Некрасов.

[3] Цензурное разрешение для № 8 журнала было дано 31 июля, но разрешение на выход в свет — лишь 20 августа 1855 г.

[4] Обещанный для «Современника» роман «Тысяча душ» А. Ф. Писемский продал в «Отечественные записки» (ОЗ, 1858, № 1—6).

[5] В журнале Краевского был напечатан роман Григоровича «Переселенцы» (ОЗ, 1855, № 11, 12; 1856, № 4—8).

[6] Весну и лето 1855 г. Некрасов провел в с. Грешневе Ярославской губ., в середине июня приехал в Москву и прожил там около двух месяцев в Петровском парке вместе с В. П. Боткиным.

[7] В. П. Боткин.

[8] Письмо В. П. Боткина Краевскому с просьбой начинать печатать роман «Переселенцы» с января 1856 г. (см. п. 221 и 231).

219. И. С. ТУРГЕНЕВУ

(С. 213)

Подлинник: ИРЛИ, № 21. 194, л. 47—48.
Впервые: ВЕ, 1903, № 12, с. 599—600.
Год устанавливается по содержанию и связи с п. 217.

[1] Это письмо к Тургеневу неизвестно.

[2] Речь идет о «Севастопольских рассказах» Л. Н. Толстого. «Севастополь в мае» (первоначально: «Ночь весною 1855 года в Севастополе») подвергся цензурным искажениям; опубликован без подписи (С, 1855, № 9).

[3] Роман А. Ф. Писемского «Тысяча душ» опубликован: ОЗ, 1858, № 1—6. Ср. п. 198, примеч. 5.

[4] М. Л. Михайлов и Я. П. Полонский сотрудничали в «Современнике». По поводу первого Некрасов отзывался снисходительно в письме к В. П. Боткину от 7 февраля 1856 г.: «...на роман Мих⟨айлова⟩, конечно, не хватает, но талантик у него кой-какой есть». Оценивая поэзию Я. П. Полонского в целом благожелательно (в статье «Стихотворения Я. П. Полонского» (С, 1855, № 10)), Некрасов полагал, что его поэзии не хватает общественно значимого содержания (см.: наст. изд., т. XI, кн. 2, с. 135—137).

[5] См. письмо Тургеневу от 30 июня—1 июля 1855 г.

220. В. П. БОТКИНУ

(С. 215)

Подлинник: ГМТ, ф. В. П. Боткина, № 60850.
Впервые: ГМ, 1923, № 3, с. 83—84.

[1] Речь идет о фельетоне «Заметки о журналах за июль месяц 1855 года» (С, 1855, № 8), написанном Некрасовым совместно с Боткиным и содержащем критический отзыв о «Дневнике чиновника» — второй части «Записок современника» сенатора С. П. Жихарева, которые печатались в «Отечественных записках» (ОЗ, 1855, № 4, 5, 7—10). Этот отзыв, опубликованный с цензурными «вымар-

ками» (см.: наст. изд., т. XI, кн. 2, с. 354—355), содержит упреки в «старческом, резонерском изложении» (там же, с. 152) мемуариста, защищавшего репутацию С. А. Ширинского-Шихматова. 3 сентября 1855 г. Боткин отвечал Некрасову: «Фельетон наш-таки обрезали — все обрезки пали на мою долю, кажется. Мне не столько жаль того, что выкинуто о Жихареве, сколько нескольких фраз по поводу ученых. Я вспомнил по этому случаю, как, бывало, приводили меня в бешенство такого рода вымарки.Но теперь в душе уже убито и само чувство негодования — единственное чувство, последнее, после которого водворяется в душе совершенное равнодушие» (ГМ, 1916, № 9, с. 173). См. также п. 227.

[2] «О героях и героическом в истории» — первая статья, перевод с предисловием Боткина из цикла лекций Т. Карлейля «Герои, почитание героев и героическое в истории». Доцензурная корректура этой статьи в конце августа 1855 г. была послана Боткину в Нижний Новгород, но не застала его там (Боткин уехал в Москву около 28 августа) и была получена им 4 сентября 1855 г. «Огорчило меня твое известие о Бекетове и о статье моей, — отвечал Боткин в цитированном выше письме. — Бог знает, что из нее выйдет. Тогда едва ли будет стоить печатать ее. Не лучше ли в таком случае подождать» (ГМ, 1916, № 9, с. 172). Получив доцензурную корректуру, Боткин писал Некрасову 4 сентября 1855 г.: «Я мельком пробежал корректуру 〈...〉 Статья уже и так значительно ослаблена, — а после Фрейганга из нее выйдет одна скорлупа. Жаль будет печатать ее» (там же, с. 178).

[3] Причина «одурения» В. Н. Бекетова заключается в том, что 19 июля 1855 г. министр народного просвещения объявил ему «строжайший выговор» за пропуск в «Северной пчеле» статьи «Иркутск», в которой содержались данные, являвшиеся военной тайной. Бекетов был отстранен от цензурования газет (см.: *Гаркави А. М.* Н. А. Некрасов в борьбе с царской цензурой. Калининград, 1966, с. 247).

[4] М. Н. Мусин-Пушкин.

[5] А. И. Фрейганг.

[6] Некрасов вернулся из Москвы, где он лечился под дружеским наблюдением В. П. Боткина с конца мая и до середины августа 1855 г. Особую досаду вернувшегося редактора «Современника» вызвали цензурные мытарства очерка Л. Н. Толстого «Ночь в Севастополе» («Севастополь в мае» — см. п. 222).

[7] 27 августа 1855 г. пал Севастополь, что решило исход Крымской войны.

[8] Начало болезни Некрасова относится к 1853 г. (см.: Белоголовый, с. 376—377).

[9] Н. И. Пирогов.

[10] Ф. И. Иноземцев.

[11] См. п. 219.

[12] П. Д. Шипулинский.

[13] В конце августа 1855 г. Некрасов поселился в доме «антиквара и кавалера» Карла Имзена на Малой Конюшенной, ныне д. № 10.

[14] В первой половине февраля 1855 г. Боткин гостил у Тургенева в Петербурге по адресу: «Фонтанка, близ Аничкова моста, в доме Степанова».

[15] В ответ на приглашение Некрасова Боткин писал: «Относительно твоего приглашения — откровенно скажу, — я ему сильно обрадовался. Посуди сам, какое удовольствие жить в гостинице

одному, когда есть возможность возобновить наше житье в парке, где обоим нам было так тихо, хорошо и влажно на душе» (ГМ, 1916, № 9, с. 172). Ср. п. 223.

Высказывалось предположение об участии неустановленного лица в некрасовских «Заметках о журналах за октябрь 1855 г.» (Боград. Совр, с. 526; ср.: наст. изд., т. XI, кн. 2, с. 369—370).

[16] В сентябрьском номере «Современника» 1855 г. напечатаны «Заметки и размышления Нового поэта по поводу русской журналистики» И. И. Панаева.

[17] В одном из объявлений «От редакции „Современника"» (1855, № 7; наст. изд., т. XIII, кн. 1, с. 124) была обещана статья «Литературный вечер и домашний спектакль у Державина. (Из воспоминаний С. П. Ж-ва)». О конфликте Жихарева с редакцией журнала и отказе мемуариста представить статью в «Современник» см.: наст. изд., т. XIII, кн. 1, с. 423.

[18] В. М. Матвеев.

221. Д. В. ГРИГОРОВИЧУ

(С. 216)

Подлинник: РНБ, ф. 222 (Д. В. Григоровича), № 11, л. 5—5 об. Впервые: ЕС, 1903, № 1, с. 61—62.

[1] В письме от 25 августа 1855 г. Григорович просил Некрасова выслать ему «как можно скорее 75 руб. серебром» (Некр. сб. 1918, с. 99—100) и обещал для «Современника» повесть «Пахарь». (Опубликована лишь в № 3 за 1856 г.).

[2] Речь идет о статье П. В. Анненкова «О мысли в произведениях изящной словесности» (С, 1855, № 1).

[3] Роман «Переселенцы».

[4] «Плотничья артель» А. Ф. Писемского (ОЗ, 1855, № 9).

[5] См. п. 218, примеч. 8.

222. Л. Н. ТОЛСТОМУ

(С. 217)

Подлинник неизвестен.

Печатается по тексту первой публикации: Ежемесячные литературные приложения к «Ниве» на 1898 г., № 2, с. 342—344.

[1] Речь идет о рассказе «Ночь весною 1855 года в Севастополе» (С, 1855, № 9) — журнальный вариант названия рассказа «Севастополь в мае». Цензоры (В. Н. Бекетов и особенно председатель Петербургского цензурного комитета М. Н. Мусин-Пушкин) исказили текст рассказа, хотя Толстой, ожидая цензурного вмешательства, дал варианты для тех мест, которые могли показаться «опасными». «Ежели сверх того, что я отметил, — писал он Панаеву 4 июля 1855 г., — стали бы вымарывать, решительно не печатайте» (Толстой, т. 59, с. 324). Некрасов первоначально сомневался в возможности публикации новой вещи Толстого. См. его письмо к Тургеневу от 18 августа 1855 г. (п. 219). Редакция журнала все-таки напечатала рассказ без подписи автора. О цензурном вмешательстве первым сообщил Толстому Панаев в письме от 28 августа 1855 г. (см.: Крас-

ная новь, 1928, № 9, с. 223—224). Толстой по этому поводу записал в дневнике 17 сентября 1855 г.: «Я, кажется, сильно на примете у синих (жандармерии. — *Ред.*) за свои статьи. Желаю впрочем, чтобы всегда Россия имела таких нравственных писателей ⟨...⟩ Несмотря на первую минуту злобы, в которую я обещался не брать пера в руки, все-таки единственное, главное и преобладающее над всеми другими наклонностями и занятиями должна быть литература» (Толстой, т. 47, с. 60). О цензурной истории рассказа «Севастополь в мае» см.: *Мияковский В.* Неизданные строки. — Братство, Киев, № 2, с. 2—3; Гусев. Материалы I, с. 585—586.

[2] Из близких к редакции журнала литераторов с произведением Толстого до его публикации были знакомы, например, А. Ф. Писемский («Статья написана до такой степени безжалостно честно, что тяжело становится читать», — сообщал он А. Н. Островскому 26 июля 1855 г. См.: А. Ф. Писемский. Материалы и исследования. М.—Л., 1946, с. 82) и В. П. Боткин (см. его письмо к Тургеневу от 5 августа 1855 г.: Переписка И. С. Тургенева в 2-х т., т. I. М., 1986, с. 359).

[3] По цензурным обстоятельствам из 2-й главы были исключены рассуждение о «начальствующих политичных», упоминания, что к ним относился Михаил Дорофеич, что он занимался «кое-какими сделочками»; в 3-й главе исключено упоминание о том, что бомбардир Антонов «не признавал власти», и т. п.

[4] Рассказ Толстого был посвящен Тургеневу. Поясняя свое желание, Толстой писал Панаеву 14 июня 1855 г.: «Эта мысль пришла мне потому, что, когда я перечел статью, я нашел в ней много невольного подражания его рассказам» (Толстой, т. 59, с. 316). Вероятно, не без влияния толстовского признания Некрасов оценивал «Рубку леса» в письме к Тургеневу 18 августа 1855 г. (п. 219). Более точная оценка «Рубки леса» Некрасовым дана в «Заметках о журналах за сентябрь 1855 года» (С, 1855, № 10).

[5] Письмо Панаеву от 8 августа 1855 г. (см.: Толстой, т. 59, с. 328).

223. В. П. БОТКИНУ

(С. 219)

Подлинник: ГМТ, № 60851.
Впервые: ГМ, 1923, № 3, с. 84—85.
Год устанавливается по связи с п. 220 и 228.

Ответ на письма Боткина от 3 и 4 сентября 1855 г. (ГМ, 1916, № 9, с. 172—173, 177—179).

[1] Ср. п. 216 и комментарий к нему.

[2] См. п. 220 и 225.

[3] Перевод Боткина (с его же предисловием) лекций Т. Карлейля «О героях и героическом в истории» (см. п. 220 и комментарий к нему).

[4] См. п. 220 и комментарий к нему.

[5] Некрасов сообщил Боткину о самоубийстве В. А. Милютина в не дошедшем до нас письме от конца августа 1855 г. В ответном письме от 4 сентября Боткин писал: «Известие, сообщенное тобою, о смерти Владимира Милютина я узнал еще в Нижнем от Ребиндера. Меня сильно поразило оно — и до сих пор поражает, когда я

воображу себе процесс, который должен был дойти до такого ужасного акта. Мучительно хочу знать, что именно довело его до этого, какой роковой ряд мыслей и решений? Несмотря на свою внешнюю холодность и накрахмаленность, — я знаю, это была натура в высшей степени страстная и до такой степени, что даже самый эгоизм и самолюбие его, которые были у него необыкновенно сильны, все-таки подчинялись его страстности. Но мне не верится, что какая бы то ни было любовь довела его до такого отчаяния, — а скорее невыносимые физические страдания. Не оставил ли он письма к братьям? К сестре, которую он, кажется, любил? Или сделал свое дело молча, как делывали это древние римляне? Странное дело, — в последнее время мое чувство и мысли были очень далеки от него, — да и он, кажется, очень был далек от нас внутренне; но теперь мне его жаль искренно, и мне кажется, что я в нем потерял близкого человека. Всей душою мне жаль его. Боже мой! Сколько уже потерь невознаградим, все лучшее становится одним воспоминанием, и настоящее потом сделается таким пустым, что не из чего будет жить» (ГМ, 1916, № 9, с. 178). См. также редакционную некрологическую заметку о Милютине и комментарий к ней (наст. изд., т. XIII, кн. 1, с. 272 и 534).

[6] Е. И. Ламанскому.

[7] Императорское Русское географическое общество (1845—1917).

[8] Н. А. Милютин, брат В. А. Милютина.

[9] Цитата из письма И. С. Тургенева к Некрасову от 2 (14) сентября 1855 г. (Тургенев 2, Письма, т. III, с. 58).

[10] К. Т. Солдатенков.

[11] Речь идет о задатке К. Т. Солдатенкова Некрасову, согласно договору, за будущее издание «Стихотворений» Некрасова 1856 г. Боткин принимал активное участие в переговорах с Солдатенковым и был посредником поэта в этом деле. В письме от 3 сентября 1855 г. Боткин писал Некрасову: «Вчера Козьма Тер⟨ентьевич⟩ Сол⟨датенков⟩ спрашивал меня, кому здесь передать 1500 руб. Помнится, что было говорено им прежде, чтоб он передал эти деньги мне для доставления тебе. Но он, вероятно,об этом забыл, — а мне совестно было сказать: „Пожалуйте их мне". Поэтому ты напиши ему не медля, а я по получении от него тотчас же переведу к тебе. Впрочем, если ты предпочтешь, чтоб он их передал Базунову, то пусть будет и так» (ГМ, 1916, № 9, с. 173).

[12] Вероятно, текст договора с Солдатенковым от 11 июня 1855 г., на обороте которого имеется расписка Некрасова в получении 1500 руб. (см.: наст. изд., т. XIII, кн. 2, с. 239). В письме Боткина и Тургенева к Некрасову от 11 октября 1855 г. сообщалось, что они приедут к нему 14 октября и привезут с собой деньги (ГМ, 1916, № 5—6, с. 35).

[13] Издание сочинений Н. В. Гоголя в шести томах (1855—1856), осуществленное Н. П. Трушковским.

[14] Имеются в виду, очевидно, расходы по изданию «Современника».

[15] С. В. Энгельгардт (псевдоним: «Ольга Н.»). Ее повесть «Не так живи, как хочется, а так, как Бог велит» напечатана в декабрьской книжке «Современника» за 1854 г. В соответствии с принятым в то время правилом журнальной практики Некрасов не уплатил гонорар за первое произведение начинающего автора. 3 сентября 1855 г. Боткин сообщал о получении им письма от Ольги Н.: «Она, между прочим, говорит, что Панаев „очень окритиковал ее

пословицу" и что тон его критики заставляет ее опасаться — заплатит ли ей „Современник" деньги.

Она просит меня узнать об этом и известить ее, потому что от этих денег будет зависеть приезд ее в Москву. Я, право, не знаю, что ей отвечать. По-моему, всего бы лучше написать тебе к ней определительно, не давая ей повода изъявлять неумеренно претензии» (ГМ, 1916, № 9, с. 173).

На следующий день Боткин дополнил: «Вчера Е. Б. Грановская говорила мне о счете „Современника" с Ольгою Н. Она говорит, что ты сам просил писать к Ольге Н. о том, чтобы она дала свою повесть в „Соврем⟨енник⟩" и что только вследствие такой просьбы Ольга Н. дала вам свою повесть. И что ты наконец обещался скоро заплатить ей. ⟨...⟩ Ольга Н. основывалась на том, что „От⟨ечественные⟩ з⟨аписки⟩" заплатили бы ей по 50 р. за лист, хочет теперь от вас получить эту сумму» (ГМ, 1916, № 9, с. 178; ср. также: ГМ, 1916, № 10, с. 85—86).

Упоминаемое письмо Некрасова к С. В. Энгельгардт неизвестно.

[16] См. п. 224.

[17] В. М. Матвеев.

[18] С.-Петербургский цензурный комитет.

[19] Архимандрит Иоанн. В ответном письме Боткин выражал опасение, что духовный цензор «выбросит много, а если и не много, — то все-таки те существенные места, без которых не стоит и печатать статью» (ГМ, 1916, № 10, с. 85). См. также п. 228.

[20] 14 сентября 1855 г. Боткин сообщал Некрасову, что побывал у Д. Е. Мина, «который просит передать ⟨...⟩ что он никак не может приготовить к 10 № своего перевода из Байрона, да и вообще не может назначить срок, когда он его окончит» (ГМ, 1916, № 10, с. 85). Переводы Мина из Байрона в «Современнике» не печатались.

224. Т. Н. ГРАНОВСКОМУ

(С. 221)

Подлинник: ГИМ, ф. 345, оп. 1, № 4, л. 9—10.
Впервые: ЛН, т. 51—52, с. 20—21.

[1] Речь идет о повести «Ольги Н.» (псевдоним С. В. Энгельгардт) «Не так живи, как хочется». См. примеч. 15 к п. 223.

Судя по содержанию комментируемого письма, Некрасов написал С. В. Энгельгардт извинительное письмо (оно неизвестно) и, по-видимому, выслал ей гонорар.

[2] Критическое отношение к «драматическим пословицам» высказано Некрасовым в «Заметках за июль месяц 1855 года» (см.: наст. изд., т. XI, кн. 2, с. 153—155).

[3] Козьма Терентьич Солдатенков, одолживший Некрасову и Панаеву по рекомендации Т. Н. Грановского 3 тыс. руб. «на поддержание журнала» (см.: Т. Н. Грановский и его переписка, т. 2. М., 1897, с. 306).

[4] Т. Н. Грановский активно публиковался в «Современнике» в 1847, 1848 и 1850 гг.; в последующие годы здесь печатались рецензии на его труды и статьи о нем (см.: Боград. Совр). В сентябре 1855 г. он был уже серьезно болен, а 4 (16) октября 1855 г. умер в Москве.

[5] Последней публикацией И. Е. Забелина в «Современнике» была «Хроника общественной жизни в Москве с половины XVIII столетия» (1852, № 3).

225. В. П. БОТКИНУ

(С. 223)

Подлинник: ГМТ, ф. В. П. Боткина, № 60852.
Впервые: ГМ, 1923, № 3, с. 86—87.
Год устанавливается по связи с п. 228.

[1] Отражение начала полемики о пушкинском и гоголевском направлениях в литературе, возникшей в связи с посмертным изданием сочинений Н. В. Гоголя между сторонниками критико-реалистического метода во главе с Н. Г. Чернышевским и теоретиками «чистого искусства». В ответ на письмо к А. В. Дружинину от 6 августа 1855 г., в котором Боткин, испытывавший в то время сильное влияние Некрасова, излагал свое отношение к гоголевскому направлению, Дружинин писал: «Гоголя новых вещей я еще не получал, хотя знаю, что мое мнение о гоголевском направлении в применении к настоящей литературе вовеки нерушимо. Вообще, я упрям, как дьявол, и все, что ни вижу я, убеждает меня в том, что неодидактическое направление словесности, т. е. усилия к исправлению нравов и общества, может быть полезно для житейских дел, но никогда для искусства. Гомер не хотел править никого, а читая его, больше научишься, чем от всех последователей Гоголя. Гоголь, по моему мнению, есть художник чистый, только его последователи из него ⟨делают⟩ какого-то страдальца за наши пороки и нашего преобразователя. Чуть Гоголь сам вдается в дидактику — он вредит себе. Из этого следует, чтоб я проповедовал идиллию и был зол на юмор, — кого бог одарил сатирическим даром, тот смейся над обществом, клади теней сколько хочешь, — но горе тому, кто захочет надеть ризу Гоголя и идти по его следам из *принципа* и не по своему дарованию! ⟨...⟩

Взгляните теперь на все дело с другой точки зрения. За нами стоит молодое поколение, для которого *пахнущий клопами*[1] есть крайняя правая сторона, для этих заносчивых и неосторожных юношей — Пушкин есть фетюк, Лермонтов глупый офицер. Литература наша начинается с одного Гоголя. Эти юноши жаждут попасть в русские Берне и Гервеги, презирая всю осмотрительность. Если мы не станем им противодействовать, они наделают глупостей, повредят литературе и, желая поучать общество, нагонят на нас гонение и заставят нас лишиться того уголка на солнце, который мы добыли себе потом и кровью» (ГМ, 1916, № 10, с. 82—83).

Процитированные строки были выписаны Боткиным в его недатированном письме к Некрасову, относящемся ко времени между 4 и 14 сентября 1855 г. Полемический пафос Некрасова направлен не только против Дружинина, но и колеблющегося Боткина, который под влиянием Дружинина готов признать «совершенно справедливыми» доводы своего оппонента. Ср. п. 278.

---

[1] Выражение И. С. Тургенева о Н. Г. Чернышевском в письме к А. В. Дружинину и Д. В. Григоровичу от 10 июля 1855 г. (Тургенев 2, Письма, т. III, с. 42). — *Ред.*

[2] Повесть А. В. Дружинина (С, 1847, № 2), защищавшая права и достоинства женщины в духе популярных в то время идей Жорж Санд. В. Г. Белинский отметил в авторе этого произведения талант и «сознательное понимание действительности» (Белинский, т. X, с. 347; т. XII, с. 414). Ср. п. 59.

[3] Эти строки и все письмо в целом очень близки (не только по мысли, но и лексически) стихотворению Некрасова «Поэт и Гражданин» (1856), над которым поэт в это время уже работал.

[4] Некрасов имеет в виду, очевидно, Ч. Диккенса и У. Теккерея, романы которых он высоко ценил и пропагандировал в «Современнике».

[5] В «Заметках о журналах за сентябрь 1855 года» Некрасов писал: «Между современными литераторами нет Пушкиных и Гоголей, но ⟨...⟩ всякая деятельность, отмеченная стремлением к добру и правде, любовь к отечеству ⟨...⟩ не будет забыта ⟨...⟩ горе и стыд тем, кто принесет истину в жертву корысти и самолюбию!» (наст. изд., т. XI, кн. 2, с. 181—182).

[6] «Плотничья артель» А. Ф. Писемского была напечатана в сентябрьской книжке «Отечественных записок» 1855 г. и получила сдержанно-одобрительную оценку Некрасова в его «Заметках о журналах за сентябрь 1855 года» (см.: наст. изд., т. XI, кн. 2, с. 169). Ср. п. 227 и 228.

[7] От франц. *amateur* — любитель.

[8] И. С. Тургенев. Очевидно, имеется в виду какой-то устный его отзыв о произведении Писемского. В письме к Тургеневу от 5 августа 1855 г. Боткин пенял ему: «Я до сих пор не могу растолковать себе твоего удивительного восторга от Писемского; — в этом отношении, мне кажется, в тебе есть какое-то недоразумение с самим собой» (Боткин и Тургенев, с. 69).

[9] Сборник рассказов И. С. Тургенева, печатавшихся в «Современнике» 1847—1851 гг., изданный отдельной книгой в 1852 г.

[10] Имеются в виду строки из «Заметок о журналах за июль 1855 года» Некрасова и Боткина, где, в частности, говорилось: «Нет науки для науки, нет искусства для искусства» (наст. изд., т. XI, кн. 2, с. 151).

[11] Имеется в виду соперничество «Современника» и «Отечественных записок», нередко побуждавшее редакции этих журналов к взаимно необъективной оценке печатавшихся в них произведений.

[12] В «Заметках о журналах за сентябрь 1855 года», содержащих отзыв о «Плотничьей артели», Некрасов констатировал: «Рассказ г. Писемского „Питерщик" доныне остается лучшим его произведением» (наст. изд., т. XI, кн. 2, с. 169).

[13] Мнение о «Плотничьей артели» Писемского подробно изложено Боткиным в его письмах к Некрасову от 14 и 19 сентября 1855 г. (ГМ, 1916, № 10, с. 86—90). В первом из них Боткин подробно анализировал повесть и, кое в чем совпадая с Некрасовым, дал отрицательную оценку этому произведению и просил его сообщить свое мнение о «Плотничьей артели». Получив комментируемое письмо, Боткин радостно констатировал, что мнение Некрасова о повести Писемского «нисколько не разнится» с его собственным. «Факт этот, — писал Боткин, — как ни малозначительна причина его, радует меня потому, что показывает, что в наших душах лежит одинаковое чувство искусства, помимо всяких дружеских отношений и взаимных влияний личности. А это случается редко, так редко, что у меня эта одинаковость впечатлений была только с

одним Б⟨елинским⟩...» (ГМ, 1916, № 10, с. 88—89). См. также п. 227.

[14] См. п. 38 и 268. Отдельное издание «Писем об Испании» Некрасов осуществил в 1857 г.

[15] Ср. п. 224.

226. И. С. ТУРГЕНЕВУ

(С. 225)

Подлинник: ИРЛИ, № 21. 194, л. 49—50.

Впервые: ВЕ, 1903, № 12, с. 600—601.

Год устанавливается по содержанию и по связи с п. 228.

[1] Некрасов отвечает на письмо Тургенева от 2 сентября 1855 г. из Спасского, в котором Тургенев обещал приехать к 10 октября и привезти роман «Рудин» (Тургенев, Письма, т. II, с. 311). Тургенев приехал в Петербург 14(26) октября (см.: там же, с. 317).

[2] Письмо Тургенева с хвалебным отзывом об «Артели» А. Ф. Писемского неизвестно. Возможно, это мог быть и устный отзыв, ставший известным Некрасову через друзей: В. П. Боткина, П. В. Анненкова и др. См. п. 225.

[3] Роман «Рудин».

[4] Д. В. Григорович обещал «не отрываться от „Пахаря"» — см. письмо Григоровича Некрасову от 25 августа 1855 г. (Некр. сб. 1918, с. 99).

[5] Речь идет о рассказах, записанных Н. П. Сокальским со слов участников обороны Севастополя и затем отредактированных им. Семь рассказов, записанных Н. П. Сокальским (с указанием их авторов, солдат и матросов), опубликованы в «Современнике» (1855, № 10; 1856, № 1, 3, 5, 6).

[6] Имеется в виду рассказ солдата П. Таторского «Восемь месяцев в плену у французов (после Альмского дела). Рассказ рядового», опубликованный в «Современнике» (1856, № 10). Ср. отзыв Некрасова об этом рассказе в «Заметках о журналах за сентябрь 1855 года» (наст. изд., т. XI, кн. 2, с. 185). См. также: НЖ, с. 231—235.

[7] Повесть Е. Нарской (псевдоним Н. П. Шаликовой) напечатана в «Современнике» (1855, № 12). Ср. отзыв Некрасова о повести Е. Нарской в письме к В. П. Боткину от 18 сентября 1855 г.

[8] Некрасов отправил Тургеневу поэму «В. Г. Белинский». По цензурным условиям тех лет она не могла быть напечатана в России. Впервые опубликована анонимно в «Полярной звезде» (1859, кн. V, с. 48—52). Об истории публикации поэмы Некрасова в «Полярной звезде» и о «братьях Карповых» см.: наст. изд., т. IV, с. 524—528.

[9] Е. Я. Колбасин приготовил для «Современника» статью «Иван Иванович Мартынов, переводчик „Греческих классиков"» (С, 1856, № 3, 4).

227. В. П. БОТКИНУ

(С. 226)

Подлинник: РГБ, ф. 258, папка 1 доп., № 6, л. 3—4.

Впервые: Записки Отдела рукописей РГБ, вып. 32, М., 1971, с. 203—204.

[1] Письмо Боткина от 14 сентября 1855 г., содержавшее отзыв о «Плотничьей артели» А. Ф. Писемского (ГМ, 1916, № 10, с. 85—88.

[2] См. п. 225.

[3] Описка Некрасова. Имеется в виду один из героев «Плотничьей артели» — Сергеич.

[4] В «Заметках о журналах за сентябрь 1855 года» «Плотничья артель» Писемского только упоминается с обещанием в скором будущем напечатать специальную статью о Писемском (см.: наст. изд., т. XI, кн. 2, с. 169). Это обещание не было выполнено. См. также п. 228.

[5] Речь идет о «Письме к редактору „Современника"» С. П. Жихарева (СПбВ, 1855, 6 сентября, № 194). Ср. п. 220.

[6] Боткин не принял предложение Некрасова. В письме от 22 сентября 1855 г. он отвечал: «Насчет ответа Жихареву — скажу тебе, что я вовсе не смыслю в полемике и тем более в насмешке. Но на всякий случай посылаю тебе то, что я набросал. Состряпай из этого, что тебе вздумается, а не годится — брось. Нельзя ли воспользоваться тем, что тогда было выброшено цензурой. У тебя это, вероятно, осталось в корректуре» (ГМ, 1916, № 10, с. 97). Некрасов не воспользовался набросками Боткина (см.: наст. изд., т. XI, кн. 2, с. 360). Ответ Некрасова Жихареву — в «Заметках о журналах за сентябрь 1855 года» (наст. изд., т. XI, кн. 2, с. 169—173).

[7] Имеется в виду повесть Д. В. Григоровича «Школа гостеприимства», напечатанная в сентябрьской книжке «Библиотеки для чтения» за 1855 г. В образе Чернушкина автор сатирически изобразил Н. Г. Чернышевского. Ср. п. 231.

[8] Некрасов ошибался: рукопись собирателя рассказов Н. П. Сокальского принес его брат П. П. Сокальский. Ср. п. 226.

[9] Первая публикация из серии солдатских рассказов в записи Н. П. Сокальского «Восемь месяцев в плену у французов (после Альмского дела). Рассказ рядового пехотного полка Павла Таторского» появилась в октябрьском номере «Современника» за 1855 г.

[10] А. В. Дружинин.

[11] В письме из Спасского к Некрасову от 2 сентября 1855 г. Тургенев сообщал: «В Петербург я приеду непременно к 10 октябрю» (Тургенев 2, Письма, т. III, с. 57).

[12] Ср. п. 220 и все следующие письма к Боткину вплоть до письма от 9 октября 1855 г.

[13] Повесть Н. П. Шаликовой (псевдоним «Е. Нарвская») «Все к лучшему» напечатана в декабрьском номере «Современника» за 1855 г.

[14] Имеется в виду статья В. П. Боткина «О героях и героическом в истории». Ср. п. 201, 223 и 228.

228. В. П. БОТКИНУ

(С. 227)

Подлинник: РГАЛИ, ф. 54, оп. 1, № 73, л. 1.
Впервые: ПиР, 1928, № 1, с. 47—48.

[1] Имеется в виду духовный цензор архимандрит Иоанн, пропустивший статью Боткина «О героях и героическом в истории» с незначительными искажениями. Ср. п. 223 и 227.

[2] В журнальном тексте статьи (С, 1855, № 10, отд. II, с. 92—118) Новалис не упоминается.
[3] В. Н. Бекетов.
[4] Ср. п. 223.
[5] «Заметки о журналах за сентябрь 1855 года».
[6] Ср. п. 225 и 226 и комментарии к ним.
[7] Имеется в виду письмо Боткина к Некрасову от 19 сентября 1855 г. (ГМ, 1916, № 10, с. 98—90). Ср. п. 225.
[8] Ср. п. 220.
[9] Вышел в свет 7 сентября 1855 г.

229. К. Т. СОЛДАТЕНКОВУ

(С. 228)

Подлинник неизвестен. Печатается по подлиннику письма Солдатенкова к Некрасову от 8 апреля 1856 г. (ИРЛИ, № 21. 129), где комментируемый отрывок помещен в виде точной цитаты из не дошедшего до нас письма Некрасова.

Впервые: ГМ, 1916, № 9, с. 183—184.

Ответ на письмо Солдатенкова к Некрасову от 25 сентября 1855 г. (чем и мотивируется датировка комментируемого письма) с напоминанием о «приближающемся последнем сроке для представления в цензуру» рукописи Некрасова (ЛН, т. 51—52, с. 507). Ср. п. 210 и 239.

230. В. П. БОТКИНУ

(С. 229)

Подлинник: РГАЛИ, ф. 54, оп. 1, № 73, л. 2.

Впервые: ПиР, 1923, № 1, с. 48.

[1] Подписанный цензором 30 сентября октябрьский номер «Современника» выпущен в свет 6 октября 1855 г.
[2] «О героях и героическом в истории» (ср. п. 220, 223 и 228).
[3] Ср. письмо к Боткину от 1 сентября 1855 г. и следующие письма к нему от сентября того же года.
[4] В ответном письме от 6 октября 1855 г. Боткин, сообщая, что задерживается с отъездом в Петербург, так как ждет И. С. Тургенева, в частности, писал: «Уведомь, к которому числу тебе нужны деньги, потому что, если что-либо меня задержит здесь, так я к тебе пришлю деньги — с почтой или переводом» (ГМ, 1916, № 9, с. 179). В письме от 11 октября того же года Боткин сообщал о скором приезде в Петербург (14 октября), обещал привезти требуемые деньги (ГМ, 1916, № 5—6, с. 35. — Письмо ошибочно датировано 11 сентября 1855 г.).
[5] И. В. Базунов.
[6] И. С. Тургенев приехал из Спасского в Москву 6 октября 1855 г. (ГМ, 1916, № 9, с. 180). 14 октября он вместе с Боткиным прибыл в Петербург, предварительно уведомив в письме от 11 октября 1855 г. Некрасова (см.: Тургенев 2, Письма, т. III, с. 54).
[7] Большая работа А. В. Дружинина «Георг Крабб и его произведения» печаталась в «Современнике» (1855, № 11, 12; 1856, № 1—3, 5). Ср. п. 216.

231. Д. В. ГРИГОРОВИЧУ

(С. 229)

Подлинник неизвестен. Печатается по первой публикации.

Впервые: РА, 1915, № 1, с. 28—29.

Год определяется по связи с датированным письмом к В. П. Боткину (п. 230).

[1] Речь идет о повести «Пахарь» (ср. п. 221).

[2] Рассказ Григоровича был опубликован в «Библиотеке для чтения» (1855, № 9).

[3] Персонаж романа Диккенса «Записки Пиквикского клуба».

[4] В. П. Боткина.

[5] Речь идет об объявлении «Отечественных записок» о подписке на 1856 г.

[6] Роман «Переселенцы».

[7] А. А. Потехин.

[8] Так в первой публикации.

232. В. П. БОТКИНУ

(С. 230)

Подлинник: ГИМ, ф. 345, № 29, л. 37—38.

Впервые: отрывок — ЛГ, 1940, 26 марта, № 17(868); полностью — ЛН, т. 51—52, с. 9—10.

[1] Т. Н. Грановский скоропостижно скончался 4 октября 1855 г. в Москве. 6 октября Боткин писал Некрасову: «Лучшего человека не стало, Некрасов! Я не в состоянии отчетливо писать тебе, да ты лучше моих слов поймешь великость нашей потери. Ужасна была эта внезапность. Грановский умер от порвавшейся вены в животе. Накануне он был весел и хорошо себя чувствовал; на другой день встал в 9-м часу, велел дать себе бриться, был свеж и бодр, стал одеваться, — надел сапоги, и это ничтожное усилие окончательно разорвало вену в животе, вероятно, давно уже к тому готовую... Тотчас же он упал на кровать, лишился языка и через 25 минут от Грановского остался один труп. 〈...〉 Это был лучший человек, которого я знал в жизни. У меня еще от души оторвалась огромная часть, которая никогда не зарастет» (ГМ, 1916, № 9, с. 179).

В ответ на комментируемое письмо Боткин писал 11 октября 1855 г.: «Я не знаю, что и сказать о нашей потере. Все, что ты пишешь, я то же самое чувствую. Из твоего письма вижу, что ты сильно все принял к сердцу» (там же, № 5—6, с. 35).

[2] Некрасов имеет в виду, вероятно, «Московские ведомости» от 6 октября 1855 г., где помещен некролог Грановского, написанный М. Н. Катковым.

[3] О каких стихах идет речь, сказать затруднительно. В это время Некрасов завершал работу над «Забытой деревней» и поэмой «Саша», работал над стихотворением «Поэт и Гражданин», в каждом из которых могли отразиться мысли и чувства поэта в связи с кончиной Грановского. Впоследствии в «Сцены из лирической комедии „Медвежья охота"» вошли строки, посвященные Т. Н. Грановскому (см.: наст. изд., т. III, с. 18, 20—21). См. также фельетон

Некрасова «Заметки о журналах за октябрь 1855 года» (наст. изд., т. XI, кн. 2, с. 185—188).

[4] Судя по упоминанию июньской книжки «Современника» (выход в свет — 1 июля 1855 г.), эта встреча состоялась в первой половине июля 1855 г.

[5] Содержатель гостиницы в Москве, где в конце мая—начале июня 1855 г. жил Некрасов (Тургенев 2, Письма, т. III, с. 36).

[6] Н. X. Кетчер.

[7] П. Л. Пикулин.

[8] Стихотворение Некрасова, напечатанное в июньском номере «Современника» за 1855 г. (см.: наст. изд., т. II, с. 265). Впоследствии в переработанном виде вошло в состав стихотворения «Поэт и Гражданин». Об отношении Грановского к Некрасову и его поэзии свидетельствует его замечание, относящееся к 1853 г.: «...в нем много отталкивающего. Но раз стал он ⟨...⟩ читать стихи свои, и я был поражен неприятно противоречием между мелким торгашом и глубоко и горько чувствующим поэтом» (Т. Н. Грановский и его переписка, т. 2. М., 1897, с. 431). Ср.: наст. изд., т. XIII, кн. 2, с. 65.

[9] Ср. строки о Грановском из «лирической комедии» «Медвежья охота»:

> Грановского я тоже близко знал —
> Я слушал лекции его три года.
> Великий ум! Счастливая природа!
> Но говорил он лучше, чем писал.
> Оно и хорошо — писать не время было;
> Почти что ничего тогда не проходило.
>
> (Наст. изд., т. III, с. 20)

233. В. П. БОТКИНУ

(С. 231)

Подлинник: РГБ, ф. 258, папка 1 доп., № 6, л. 1—2.

Впервые: ПиР, 1928, № 1, с. 48—49.

Год устанавливается по связи с п. 226 и 230 и письмом Боткина от 6 октября 1855 г.

Ответ на письмо Боткина от 6 октября 1855 г., где он, в частности, говорил: «...я к 15-му думаю уже быть у тебя. Напиши, пожалуйста, есть ли у тебя одеяло и подушки лишние — я могу все это с собой привезти — а пуще всего сообрази — не стесню ли я как-нибудь тебя. Это пункт первейшей важности. Тут деликатность может окончиться тяжестью, которая будет тем больнее, что и ее очень легко избежать» (ГМ, 1916, № 9, с. 180). Боткин приехал в Петербург вместе с И. С. Тургеневым 14 октября 1855 г. и прожил у Некрасова до 10 ноября 1855 г.

[1] Ср. п. 226.

[2] Ср. п. 232.

[3] Имеются в виду письмо Боткина о смерти Грановского от 6 октября 1855 г. (ГМ, 1916, № 9, с. 179—180) и письмо Некрасова к нему от 8 октября 1855 г.

[4] В. М. Матвеев.

[5] См. об этом п. 230 и комментарий к нему.

234. М. Е. КУБЛИЦКОМУ

(С. 232)

Подлинник: ГИМ, ф. 446, № 40, л. 18.

Впервые: ПСС, т. X, с. 257, как письмо к «неизвестному».

Адресат устанавливается по имени и отчеству, месту жительства (Москва) и профессиональным данным Кублицкого, названным в письме.

[1] В середине августа 1855 г. Некрасов вернулся из Москвы, где провел лето и, вероятно, встречался с М. Е. Кублицким.

[2] Рубрика «Московские новости» в некрасовском «Современнике» была непостоянной, а ее авторы — случайны. В «Современнике» за 1848 г. (№ 12) и 1849 г. (№ 1, 4) печатались «Письма из Москвы и о Москве» приятеля молодого Некрасова А. В. Станкевича (атрибуция М. Я. Блинчевской — ВЛ, 1970, № 9, с. 252—254); в № 9, 10 журнала за 1856 г. напечатаны «Письма к редактору „Современника" из Москвы» М. Н. Лонгинова, подписанные псевдонимом «Москвич». «Письмо из Москвы», помещенное в № 7 «Современника» за 1855 г. (подпись: «N») написано, вероятно, М. Е. Кублицким, которого Некрасов привлек к сотрудничеству в журнале во время своего пребывания в Москве. Корреспонденция для ноябрьской книжки «Современника» за 1855 г. была прислана. Вторая половина «Известий петербургских и московских» в этом номере начинается словами: «Переходим к московским новостям, о которых мы получили следующее письмо» (отд. V, с. 113).

[3] В указанной корреспонденции из Москвы сообщается: «Поговаривают о какой-то пьесе г. Островского и новой пьесе г. Сухово-Кобылина, мы не знаем ни той ни другой и поэтому ничего сказать об них не можем» (С, 1855, № 9, отд. V, с. 114). Речь идет, вероятно, о комедии «Свадьба Кречинского», которая впоследствии была напечатана в майском номере «Современника» за 1856 г.

235. В. П. БОТКИНУ

(С. 233)

Подлинник: РГАЛИ, ф. 54, оп. 1, № 73, л. 3.

Впервые: ПиР, 1928, № 1, с. 49.

Год устанавливается по упоминанию о портрете Т. Н. Грановского, умершего 4 октября 1855 г., и о новом журнале «Русский вестник», издававшемся М. Н. Катковым с 1856 г.

[1] Е. Ф. Корш, который в ноябре 1855 г. по приглашению М. Н. Каткова вошел в состав редакции нового журнала «Русский вестник».

[2] Е. Б. Грановская. Письма Некрасова к ней неизвестны.

[3] Это желание не было осуществлено. Портрет не был напечатан и в «Русском вестнике», но был выпущен отдельно.

[4] «Пахарь». Ср. п. 221.

236. В. П. БОТКИНУ

(С. 233)

Подлинник: РГАЛИ, ф. 54, оп. 1, № 73, л. 4—5.
Впервые: ПиР, 1928, № 1, с. 49—50.

[1] Письмо от 18 ноября 1855 г. (ГМ, 1916, № 9, с. 180—181), в котором Боткин сообщал о своем нездоровье и московских новостях, спрашивал о ходе подписки на «Современник» 1856 г.

[2] Вероятно, речь идет о каких-то гостинцах заботливого Боткина или вещах, необходимых больному Некрасову. «Ты что-то захирел, брат, — писал Боткин Некрасову 18 ноября 1855 г., — теперь некому за тобой смотреть!» (ГМ, 1916, № 9, с. 180).

[3] Л. Н. Толстой, подписывавший свои первые произведения, которые печатались в «Современнике», своими инициалами, приехал в Петербург из действующей армии 19 ноября 1855 г. (*Гусев Н. Н.* Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого. М., 1958, с. 100).

[4] Речь идет, вероятно, о главах повести «Казаки», над которой Толстой работал в это время. Ср. п. 328.

[5] «Севастополь в августе 1855 года» — первое произведение Толстого, напечатанное (С, 1856, № 1) за его полной подписью.

[6] См. п. 261.

[7] Первое чтение романа И. С. Тургенева «Рудин» состоялось в редакции «Современника» в середине октября 1855 г., когда Тургенев вместе с Боткиным приехал в Петербург. Дальнейшая работа над романом продолжалась с учетом советов друзей, в том числе В. П. Боткина. По предложению последнего автор включил в шестую главу романа рассказ Лежнева (первоначально этот герой был известен под именем Леницына) о кружке Покорского и Рудине — участнике кружка. Заново были переписаны вторая половина главы двенадцатой и первая часть эпилога. Роман был завершен в декабре 1855 г. и напечатан в двух первых номерах «Современника» за 1856 г.

В письме к Некрасову от 18 ноября Боткин спрашивал: «Принялся ли Тургенев за отделку „Рудина"? Ведь, опять, пожалуй, доведет до последних дней декабря» (ГМ, 1916, № 9, с. 181).

[8] Ср. в статье Некрасова «Заметки о журналах за июль 1855 года», где он говорит о недостатке энергии в лучших представителях современной литературы: «Да исчезнет навсегда (характеризующая новейшие дарования) какая-то сдержанность или, вернее, осторожность, робость, может быть, недостаток веры в собственный ум и сердце — печальное качество, парализующее деятельность лучших и благороднейших наших дарований» (наст. изд., т. XI, кн. 2, с. 144).

В ответном письме от 22 ноября 1855 г. Боткин по-своему толковал причину, по которой Тургенев «не вошел ⟨...⟩ еще в собственную колею»: «Все оттого, что внешний мир еще сильно увлекает его, что рассеянность не дает ему хорошенько различить существенное от несущественного, оттого, что не привык он еще уединяться и жить самим собою и признать абсолютное право за своими лучшими задушевными стремлениями» (ГМ, 1916, № 9, с. 175).

[9] Статья Боткина «Выставка в Императорской Академии художеств. Октябрь 1855 года» (С, 1855, № 11, отд. II, с. 73—82).

[10] Перевод Боткина (с его же предисловием) работы Т. Карлейля «О героях и героическом в истории», помещенный в октябрьском

номере «Современника» 1855 г. Ср. п. 230 и письма к Боткину от сентября того же года.

[11] Е. Я. Колбасин.

[12] 23 ноября 1855 г. И. С. Тургенев получил из Москвы телеграфическую депешу М. П. Погодина с сообщением, что обед в честь М. С. Щепкина дается московскими литераторами 26 ноября (см.: Никитина. Летопись Тургенева, с. 310). В тот же день по настоянию И. С. Тургенева Некрасов составил от имени петербургских литераторов адрес, датированный 23 ноября 1855 г., который вскоре был напечатан в «Современнике» под заглавием «Письмо петербургских литераторов к М. С. Щепкину по случаю его пятидесятилетнего юбилея» (1855, № 12; см.: наст. изд., т. XIII, кн. 2, с. 292). Подписи М. П. Погодина под текстом адреса нет.

[13] В ответном письме от 27 ноября 1855 г. Боткин писал Некрасову: «Вчера был праздник Щепкину великолепный. Я думал было написать для тебя легкий очерк его, но без речей он был бы бесцелен. Посылал за ними к Н. Щепкину, даже виделся с ним — и условился с ним в следующем: так как все материалы для описания этого праздника сданы уже В. Коршу для напечатания в газетах московских, то Н. Щепкин вечером, а я утром пошлю их к тебе, следовательно, ты получишь их в среду, т. е. 30 ноября. По моему мнению, ничего не значит выпустить декабрьскую книжку днем позже — но только с описанием праздника. Для петербургских читателей это будет интересно» (ГМ, 1916, № 9, с. 176). Информация о московских торжествах в честь М. С. Щепкина в «Современнике» не печаталась.

[14] Имеются в виду следующие строки из письма Боткина от 18 ноября 1855 г. о предложении издателя нового журнала «Русский вестник»: «Катков желал непременно поместить меня в число сотрудников своего журнала; отказать в этом я не мог. ⟨...⟩ Впрочем, я сказал, что мои труды принадлежат тебе» (ГМ, 1916, № 9, с. 181).

237. В. Н. БЕКЕТОВУ

(С. 236)

Подлинник: ГИМ, ф. 445, № 230, л. 1—2.
Впервые: ПСС, т. XI, с. 420.

[1] В. П. Боткин приехал в Петербург 13 декабря 1855 г. (см.: Дружинин. Дневник, с. 362).

[2] Имеется в виду работа Т. Карлейля «Героическое значение поэта. Дант» в переводе Боткина (опубликовано в № 1 «Современника» за 1856 г.).

[3] Во вторник 20 декабря 1855 г. В. П.Боткин дал обед друзьям у Некрасова (Дружинин. Дневник, с. 365).

238. Я. П. ПОЛОНСКОМУ

(С. 236)

Подлинник: ИРЛИ, № 11803, л. 1.
Впервые: Собр. соч. 1930, т. V, с. 234.
Год устанавливается по упоминанию 1856 г.

[1] В «Современнике» за 1856 г. напечатаны два стихотворения Полонского: «Царство науки не знает предела...» (№ 1) и «Сон» (№ 4).

239. К. Т. СОЛДАТЕНКОВУ

(С. 236)

Подлинник неизвестен. Печатается по подлиннику письма Солдатенкова к Некрасову от 8 апреля 1856 г. (ИРЛИ, № 21. 129), где комментируемый отрывок помещен в виде точной цитаты из не дошедшего до нас письма Некрасова.

Впервые: ГМ, 1916, № 9, с. 183—184.

В письме Солдатенкова этот отрывок следует за выпиской из письма Некрасова от конца сентября—начала октября 1855 г. и фразой: «Наконец, в письме от 24 декабря 1855 г. Вы пишете...»

[1] «Особая тетрадь», упоминавшаяся и в письме к Солдатенкову от конца сентября—начала октября 1855 г., в настоящее время неизвестна. Косвенно это свидетельство Некрасова подтверждается сохранившейся в его бумагах записью: «Надо еще вписать сюда стихотворения: 1) „Псовая охота" (из «Совр⟨еменника⟩», 1847 г., № 2). 2) „Огородник" («Отечеств⟨енные⟩ зап⟨иски⟩», 1846 г., № 5)» (наст. изд., т. XIII, кн. 2, с. 67). Эти стихотворения не входили в *Солдатенковскую тетрадь*, но включены в сборник 1856 г.

В ответном письме от 18 января 1856 г. Солдатенков говорил: «По собранным мною сведениям я решаюсь попробовать отдать Вашу тетрадь в цензуру, — и надеюсь, что ее пропустят, то покорнейше Вас прошу прислать остальную тетрадь, которая у Вас готова, чтоб отдать их все вместе» (ЛН, т. 51—52, с. 508). Однако в начале 1856 г. намерения Некрасова по поводу издания своих стихотворений изменились. Приехавший 13 декабря 1855 г. в Петербург В. П. Боткин, который пробыл здесь до конца января 1856 г., предложил поэту расторгнуть договор с Солдатенковым, обещая взять на себя расходы по изданию книги. В письме Солдатенкова, включающем комментируемый отрывок, за цитатой из письма Некрасова следует: «После двухмесячного молчания, за моею просьбой выслать дополнительную тетрадку для представления в цензуру, — я слышу вдруг от возвратившегося Вас⟨илия⟩ Петр⟨овича⟩, что Вы, к немалому моему изумлению, хотите отложить печатание до зимы, для того чтобы многое выправить и переделать; и вслед за тем, через несколько дней получаю от Вас письмо, еще изумительнейшее, с просьбою уволить Вас решительно от обязательства, которое Вы дали мне касательно Ваших стихотворений, по тому уважению, что Ваши стихи „ни под каким видом не желаете теперь видеть в печати" и что „даже мысль об этом Вам противна"...» (ГМ, 1916, № 9, с. 183—184).

Упомянутое выше письмо — очевидно, от февраля 1856 г. — неизвестно. См. также п. 246.

СОДЕРЖАНИЕ

1855

Подготовка текста и комментарии

О. Б. АЛЕКСЕЕВА, А. М. БЕРЕЗКИН,
В. П. ВИЛЬЧИНСКИЙ, Г. В. КРАСНОВ, Б. В. МЕЛЬГУНОВ,
О. В. МИЛЛЕР, Н. Н. МОСТОВСКАЯ

Редактор тома

Б. В. МЕЛЬГУНОВ

Николай Алексеевич Некрасов

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ
В ПЯТНАДЦАТИ ТОМАХ

Том 14

Книга 1

Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН

Редактор издательства *Г. А. Альбова*
Художник *Л. А. Яценко*
Технический редактор *Е. И. Егорова*
Корректоры *Л. М. Бова* и *О. И. Буркова*
Компьютерная верстка *И. Ю. Илюхиной*

Лицензия № 020297 от 23 июня 1997 г. Сдано в набор 10.08.98.
Подписано к печати 24.12.98. Формат 84×108 1/32.
Бумага офсетная. Гарнитура школьная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 14.7. Уч.-изд. л. 20.6. Тираж 1000 экз.
Тип. зак. № 3745. С 251

Санкт-Петербургская издательская фирма РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 1

Санкт-Петербургская типография «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 лин., 12